

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
„Всемирный Вѣстникъ“.

Гр. Л. Н. Толстой.

СОЕДИНЕНІЕ,
переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій.

Часть I.

*начало
31 стр*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.
1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА къ первому изданію	СТР. 1
ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА къ настоящему изданію	2
ВСТУПЛЕНІЕ къ Исслѣдованію Евангелія	3

ВВЕДЕНІЕ:

Значеніе заглавія	12
Цѣль книги	14
Разумѣніе жизни (Слово, Логосъ)	15
Въ чемъ состояло разумѣніе Иисуса Христа	30
Возвѣщеніе о благѣ І. Х.—сына Бога. (Общее изложеніе Введенія)	31

ГЛАВА ПЕРВАЯ:

<i>Воплощеніе разумнѣя</i>	33—74
Рожденіе и дѣтство І. Х.	33
Проповѣдь Ісавна (37).	
Общій смыслъ проповѣди Іоанна	43
Искушеніе въ пустынѣ	44
Первое искушеніе (45). Второе искушеніе (46). Третье искуше- ніе (47). Толкованіе искушенія (48).	63
Прибытіе на бракъ въ Кану	63
Проповѣдь Иисуса. Начало проповѣди	64
Первые ученики Христовы	68
Проповѣдь І. Х. въ Назаретѣ	71
Общій смыслъ главы первой	

ГЛАВА ВТОРАЯ:

<i>Новое рожденіе въ духъ дипломъ. Отрицаніе іудейскаго Бога</i>	74—113
Общее примѣчаніе	74

Отрицание Субботы	78
Исцеление женщины (81). Призвание мытаря Матфея (84). О внѣшней и внутренней чистотѣ. Отрицание обрядностей (86). Изгнание изъ храма и отрицание внѣшняго бого- почитанія	88
трицание храма (89).	
Бесѣда съ самарянкой	95
Общій смыслъ бесѣды съ самарянкой	99
Объ очищеніи духомъ и истиннымъ богоугожденіи	99
Свидѣтельство Іоанна объ Іисусѣ (100). Іисусъ въ домѣ фари- сея (102). О грѣшницѣ, вылившей масло на ноги Іисуса (103). Притча о мытарѣ и фарисеѣ (104). Сравненіе старой и новой жизни: о женихѣ, о заплатахъ, о мѣхахъ и винѣ (105).	
Молва о Христѣ	106
Общій смыслъ главы второй	108

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:

Царство Бога	113—151
Разъясненіе Іисусомъ значенія Іоанна	113
О законѣ и пророкахъ до Іоанна (116). Неразумность книжни- ковъ и фарисеевъ (117). Обличеніе городовъ (118).	
О пришествіи царствія Божія	119
Бесѣда съ Никодимомъ	120
Что сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ	130
Притча о сѣятелѣ, закваскѣ и другія, объясняю- щія царство Божіе	133
Первая притча о сѣятелѣ (133). Другая притча о сѣятелѣ (136). Притча о закваскѣ (137). Притча о плевелахъ (137). Понятіе о сынѣ человеческомъ (140). Что есть злое (140). Притча о не- водѣ (140). О значеніи притчъ вообще (141). Внутренній смыслъ притчи о сѣятелѣ и сѣменахъ (143). Общее толкованіе этой притчи (145). Притча о сокровищѣ (145). Притча о зернѣ гор- чичномъ (146).	
Общій смыслъ главы третьей	146

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

Законъ, выраженный въ Назорной Проповѣди	151—219
Нагорная проповѣдь:	
Нашіе и богатые	151
Блаженство бродягъ по доброй волѣ (153). Дальнѣйшія блажен- ства, вытекающія изъ нищенства и обличеніе богатыхъ (157).	

Соль земли; свѣтъ міра	158
Вѣчный законъ	162
Законъ и «пророки»,—законъ писанный и законъ нравствен- ный (163). О необходимости исполненія нравственныхъ пра- вилъ (167).	
Первое правило: Не сердись	168
Второе правило: Не блуди	172
Третье правило: Не клянись	175
Четвертое правило: Не противься злу зломъ	178
Отрицаніе суда и возмездія (186).	
Пятое правило: Не воюй	189
Прощеніе враговъ. Сущность «закона и пророковъ» (195).	
О милостинѣ, постѣ и молитвѣ	196
«Отче нашъ» (199). Отрицаніе внѣшней молитвы (200).	
Богатство ложное и истинное	204
«Ищите прежде Царства Божія» (206).	
Общетолюкованіе и выводъ изъ пяти правилъ	208
Тѣсный путь. Притча о постройкѣ дома	211
Избраніе двѣнадцати апостоловъ	212
Общій смыслъ главы четвертой	213

Отъ редакціи.

Въ 1902 г. В. Г. Чертковъ предпринялъ изданіе полного собранія неизданныхъ въ Россіи сочиненій Л. Н. Толстого. Собраніе это должно состоять изъ 25 томовъ. За періодъ 1902—1906 гг. вышло всего семь томовъ: I, II, VI, VII, VIII, IX и X. Томы III, IV и V должны были содержать въ себѣ „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій“. На-дняхъ вышелъ въ свѣтъ т. III, содержащій первую часть названнаго труда; когда выйдутъ остальные томы — намъ неизвѣстно, повидимому, не въ текущемъ году, такъ какъ только что вышедшій анонсировался какъ готовящійся къ печати еще въ 1904 г. Поэтому мы „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій“, желая дать нашимъ читателямъ въ текущемъ году, перепечатаваемъ изъ двухъ источниковъ: первую часть — съ изданія Черткова, а II и III части съ изданія Эльпидина.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Помимо стеченія цѣлаго ряда независѣвшихъ отъ насъ обстоятельствъ, одной изъ главныхъ причинъ продолжительной задержки въ выпускѣ настоящаго тома была необходимость привести это сочиненіе въ окончательно обработанный видъ раньше появленія его въ Полномъ Собраніи. Хотя нѣсколько изданій этого труда уже появились за границей на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, тѣмъ не менѣе ни одно изъ нихъ нельзя считать вполне окончательной по формѣ версіей. Дѣло въ томъ, что Л. Н. Толстой никогда не довелъ своего Изслѣдованія Евангенія до того законченнаго по формѣ и изложенію состоянія, при которомъ возможно было бы дословно его напечатать въ серіи томовъ, долженствующей служить на будущее время исходной, окончательно обработанной версіей для всѣхъ дальнѣйшихъ переизданій. Работа Толстого надъ Евангеліями, оконченная по существу, оставалась еще по формѣ изложенія въ болѣе или менѣе черновомъ видѣ, и невозможно, судя по выпускаемому теперь тому, составить себѣ понятія о томъ, сколько самой кропотливой, внимательной и продолжительной работы потребовала техническая обработка этой книги. Пришлось прежде всего возстановить наиболѣе вѣрную версію изложенія по нѣсколькимъ рукописямъ, изъ которыхъ ни одна сама по себѣ не представляла окончательной версіи, а всѣ — были испещрены ошибками переписчиковъ, пропусками и неточностями. Затѣмъ пришлось провѣрить, сличить и привести къ единству текстъ, написанный на трехъ языкахъ; провѣрить и возстановить по надлежащимъ мѣстамъ тексты Евангелія, ссылки на примѣчанія и комментарии, которые изобиловали невольными ошибками переписчиковъ, вследствие трудности нѣкоторыхъ мѣстъ изложенія и запутанности ссылокъ на примѣчанія; систематизировать и подвести подъ одинъ шаблонъ расположеніе книги по главамъ и подраздѣленіямъ и т. д. Вся эта провѣрочная и редакціонная работа была неизбежна при изданіи сочиненія такого сложнаго характера, не доведеннаго еще до своей окончательной обработки *).

*) Къ сожалѣнію, нѣкоторыя, правда, чисто внѣшнія и мелкія несоотвѣстности въ системѣ редактированія не могли быть своевременно предупреждены и будутъ окончательно устранены лишь при слѣдующемъ изданіи.

Упомянули мы здѣсь объ этихъ затрудненіяхъ единственно для того, чтобы лица, интересующіяся возможно скорѣйшимъ выходомъ нашего Полнаго Собранія Сочиненій Л. Н. Толстого, знали бы причины замедленія его. Къ упомянутымъ соображеніямъ слѣдуетъ, конечно, еще прибавить ограниченность редакціоннаго персонала и вообще матеріальныхъ средствъ, вынуждающую насъ такъ медленно подвигаться при печатаніи столь сложныхъ, въ издательскомъ отношеніи, томовъ, какъ настоящій.

Само собою разумѣется, что всякія измѣненія въ изложеніи этого сочиненія, помимо чисто формальныхъ, произведены нами съ согласія самого автора. Такъ, между прочимъ, съ его согласія, славянскій текстъ Евангелія замѣненъ — русскимъ, синодальнымъ.

Въ виду вышеизложеннаго, предлагаемую нами теперь версію слѣдуетъ считать послѣднею и окончательно установленною.

В. и А. Чертковы.

Christchurch, Май, 1906 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Друзья мои предложили мнѣ напечатать это соединеніе и переводъ Евангелія, составленные мною 10 лѣтъ тому назадъ, и я согласился на это, несмотря на то, что работа эта далеко не окончена и въ ней много недостатковъ. Исправить и окончить ее я чувствую себя уже не въ силахъ, такъ какъ то сосредоточенное, постоянно восторженное душевное напряженіе, которое я испытывалъ въ продолженіе всей этой долгой работы, уже не можетъ возобновиться.

Но думаю, что и такую, какая она есть, работа эта можетъ принести пользу людямъ, если имъ сообщится хоть малая доля того просвѣтлѣнія, которое я испытывалъ во время ея, и той твердой увѣренности въ истинности открывшагося мнѣ пути, по которому я иду, чѣмъ дальше, тѣмъ съ большей радостью.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна. 29 августа 1891 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗДАНІЮ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

Книга эта была писана мною въ періодъ незабвеннаго для меня восторга сознанія того, что христіанское ученіе, выраженное въ Евангеліяхъ, не есть то странное, мучившее меня своими противорѣчіями ученіе, которое преподается Церковью, а есть ясное, глубокое и простое ученіе жизни, отвѣчающее высшимъ потребностямъ души человѣка.

Подъ вліяніемъ этого восторга и увлеченія, я, къ сожалѣнію, не ограничился тѣмъ, чтобы выставить понятныя мѣста Евангелія, излагавшаго это ученіе (пропустивъ то, что не вяжется съ основнымъ и главнымъ смысломъ и не подтверждаетъ и не отрицаетъ его), но пытался придать и темнымъ мѣстамъ значеніе, подтверждающее общій смыслъ. Эти попытки вовлекли меня въ искусственныя и, вѣроятно, неправильныя филологическія разясненія, которыя не только не усиливаютъ убѣдительность общаго смысла, но должны ослаблять ее. Увидавъ ошибку (кромѣ того, что я былъ поглощенъ весь другими работами въ томъ же направленіи), я не рѣшился опять передѣлывать свою работу, отдѣляя излишнее отъ необходимаго, — такъ какъ зналъ, что работа комментарій на эту удивительную книгу четырехъ Евангелій никогда не можетъ быть закончена, и потому оставилъ книгу такъ, какъ она есть; и теперь въ томъ же видѣ предоставляю ее къ печатанію.

Тѣ, которымъ дорога истина, люди не предубѣжденные, искренно ищущіе истины, съумѣютъ сами отдѣлить излишнее отъ существеннаго, не нарушивъ сущности содержанія. Для людей же предубѣжденных и впередъ рѣшившихъ, что истина только въ церковномъ толкованіи, никакая точность и ясность изложенія не можетъ быть убѣдительною.

Левъ Толстой.

Кореизъ. 26 марта 1902 г.

ВСТУПЛЕНІЕ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ ЕВАНГЕЛІЯ.

Приведенный разумомъ безъ вѣры къ отчаянію и отричанію жизни, я, оглянувшись на живущее человѣчество, убѣдился, что это отчаяніе не есть общій удѣлъ людей, но что люди жили и живутъ вѣрою.

Я видѣлъ вокругъ себя людей, имѣющихъ эту вѣру и изъ нея выводящихъ такой смыслъ жизни, который давалъ имъ силы спокойно и радостно жить и такъ же умирать. Я не могъ разумомъ выяснитъ себѣ этого смысла. Я постарался устроить свою жизнь такъ, какъ жизнь вѣрующихъ, постарался слиться съ ними, исполнять все то же, что они исполняютъ въ жизни и во внѣшнемъ богочитаніи, думая, что этимъ путемъ мнѣ откроется смыслъ жизни. Чѣмъ болѣе я сближался съ народомъ и жилъ такъ же, какъ онъ, и исполнялъ всѣ тѣ внѣшніе обряды богочитанія, тѣмъ болѣе я чувствовалъ двѣ противоположно-дѣйствовавшія на меня силы. Съ одной стороны мнѣ болѣе и болѣе открывался удовлетворявшій меня смыслъ жизни, не разрушаемый смертію; съ другой стороны я видѣлъ, что въ томъ внѣшнемъ исповѣданіи вѣры и богочитаніи было много лжи. Я понималъ, что народъ можетъ не видѣть этой лжи по безграмотности, недосугу и неохотѣ думать, и что мнѣ нельзя не видѣть этой лжи и, разъ увидавъ, нельзя закрыть на нее глаза, какъ это мнѣ совѣтовали вѣрующіе образованные люди. Чѣмъ дальше я продолжалъ жить, исполняя обязанности вѣрующаго, тѣмъ болѣе эта ложь рѣзала мнѣ глаза и требовала изслѣдованія того, гдѣ въ этомъ ученіи кончается ложь и начинается правда. Въ томъ, что въ христіанскомъ ученіи была сама истина жизни, я уже не сомнѣвался. Внутренній разладъ мой дошелъ, наконецъ, до того, что я не могъ уже умышленно закрывать глаза, какъ я дѣлалъ это прежде, и долженъ былъ неизбежно разсмотрѣть то вѣроученіе, которое я хотѣлъ усвоить.

Сначала я спрашивалъ разясненій у священниковъ, монаховъ, архіереевъ, митрополитовъ, ученыхъ богослововъ. Разяснены были всѣ неясныя мѣста, часто недобросовѣстныя, еще чаще противорѣчивыя; всѣ ссылались на св. отцовъ, на катехизисы, на богословіе. И я взялъ богословскія книги и сталъ изучать ихъ. И вотъ изученіе это привело меня къ убѣжденію, что та вѣра, которую исповѣдуетъ наша іерархія и которой она учитъ народъ, есть не только ложь, но и безнравственный обманъ. Въ православномъ вѣроученіи

я нашелъ изложеніе самыхъ непонятныхъ, кощунственныхъ и безнравственныхъ положеній, не только не допускаемыхъ разумомъ, но совершенно непостижимыхъ и противныхъ нравственности, и—никакого ученія о жизни и о смыслѣ ея. Но я не могъ не видѣть, что изложеніе богословія было ясно направлено не на изясненіе смысла жизни и ученія о жизни, а только на утвержденіе самыхъ непостижимыхъ, ненужныхъ мнѣ положеній и на отрицаніе всѣхъ тѣхъ ученій, которыя не признають этихъ положеній. Это изложеніе, направленное на отрицаніе другихъ вѣроученій. Другія оспариваемыя вѣроученія оказались такими же, какъ и то православное, которое ихъ оспаривало. Одни еще нелѣпы, другія менѣе нелѣпы, но всѣ вѣроученія одинаково утверждали положенія, непостижимыя и ненужныя для жизни, и во имя ихъ отрицали другъ друга и нарушали единеніе людей—*главную основу христіанскаго ученія*.

Я былъ приведенъ къ убѣжденію, что Церкви никакой нѣтъ. Всѣ различно вѣрующіе христіане называютъ себя истинными христіанами и отрицають одни другихъ. Всѣ эти отдѣльныя собранія христіанъ называютъ исключительно себя Церковью и увѣряють, что ихъ Церковь истинная, что отъ нея отпали другія и пали, а она устояла. Всѣ вѣрующіе разныхъ толковъ никакъ не видятъ того, что не оттого, что ихъ вѣра осталась такою или иною, она есть истинная, а оттого, что они называютъ ее истинною, что они въ ней родились или ее избрали, и что другіе точь въ точь то же самое говорятъ про свою вѣру. Такъ что очевидно, что Церкви одной никогда не было и нѣтъ, что Церквей не одна, не двѣ, а тысячи двѣ, и что всѣ другъ друга отрицають и только утверждаютъ, что каждая истинная и единая. Каждая говоритъ одно и то же: «наша Церковь истинная, святая, соборная, апостольская, вселенская. Писаніе наше святое, преданіе святое. Иисусъ Христосъ есть глава нашей Церкви, и Духъ Святой руководить ею, и она одна преемственно выходитъ отъ Христа Бога».

Если взять какую бы то ни было вѣточку изъ раскидистаго куста, то совершенно справедливо будетъ сказать, что отъ вѣточки къ вѣточкѣ и сучка къ суку, и отъ сука къ корню всякая вѣточка преемственна отъ ствола, но не всякая одна исключительно преемственна. Всѣ одинаковы. Сказать, что всякая вѣточка есть одна настоящая вѣточка, будетъ нелѣпо; а это-то самое и говорятъ всѣ Церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, тысячи преданій, и каждое отрицаетъ, проклиная одно другое и свое считаетъ истиннымъ: католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, шекеры, мормоны, греко-православные, старовѣры, поповцы, безпоповцы, молокане, менониты, баптисты, скопцы, духоборцы, и пр. и пр., всѣ одинаково утверждаютъ про свою вѣру, что она единая истинная и что въ ней одной Духъ Святой, что глава въ ней Христосъ и что всѣ другія заблуждаются. Вѣрь тысяча, и каждая спокойно считаетъ себя одну святою. И всѣ знаютъ это, и каждый, исповѣдующій свою вѣру за истинную, единую, знаетъ, что другая вѣра точь въ точь такъ же—палка о

двухъ концахъ—считаетъ свою истинною, а всѣ другія—ересями. И 1800 лѣтъ скоро, какъ идетъ это самообманываніе, и все еще продолжается.

Въ дѣлахъ мірскихъ люди умѣють разглядѣть самыя хитрыя ловушки и не попадаютъ въ нихъ, а въ этомъ обманѣ 1800 лѣтъ миліоны живутъ, закрывъ на него глаза. И въ нашемъ европейскомъ мірѣ, и въ Америкѣ, гдѣ все по-новому, всѣ—какъ будто сговорились—повторяють тотъ же самый глупый обманъ: исповѣдуетъ каждый свои истины вѣры, считая ихъ едиными истинными и не замѣчая того, что другіе точь въ точь то же самое дѣлають.

Мало того,—давно уже, очень давно, свободномыслящіе люди и тонко, и умно осмѣяли эту людскую глупость и ясно показали, до какой степени это глупо: Они доказывали ясно, что вся эта христіанская вѣра со всѣми ея развѣтвленіями давно отжила, что пришла пора новой вѣры, и даже нѣкоторые придумывали новыя вѣры; но никто не слушаетъ ихъ и не идетъ за ними, а всѣ по старому вѣрятъ каждый въ свою особенную, христіанскую вѣру: католики—въ свою, лютеране—въ свою, наши раскольники-поповцы—въ свою, безпоповцы—въ свою, мормоны—въ свою, молокане—въ свою, и православные, тѣ самые, къ которымъ я хотѣлъ пристать,—въ свою.

Что же это такое значитъ? Почему люди не отстають отъ этого ученія? Отвѣтъ одинъ, въ которомъ согласны всѣ свободномыслящіе люди, отвергающіе религію, и всѣ люди другихъ религій—тотъ, что ученіе Христа хорошо и потому такъ дорого людямъ, что они не могутъ жить безъ него. Но почему же люди, вѣрующіе въ ученіе Христа, всѣ раздѣлились на разные толки и все больше и больше дѣлятся, отрицають, осуждаютъ другъ друга и не могутъ сойтись въ одномъ вѣрованіи? Опять отвѣтъ простъ и очевиденъ.

Причина раздѣленія христіанъ есть именно ученіе о Церкви, ученіе, утверждающее, что Христосъ установилъ единую, истинную Церковь, которая по существу своему свята и непогрѣшима и можетъ и должна учить другихъ. Не будь этого понятіе «Церкви», не могло бы быть раздѣленія между христіанами.

Каждая христіанская Церковь, т. е. вѣроученіе, несомнѣнно, происходитъ изъ ученія самого Христа, но не одно оно происходитъ,—отъ него происходятъ и всѣ другія ученія. Они всѣ выросли изъ одного сѣмени, и то, что соединяетъ ихъ, что обще всѣмъ имъ, это то, изъ чего они вышли, т. е. сѣмя. И потому, чтобы понять истинно Христово ученіе, не нужно изучать его, какъ это дѣлаетъ единое вѣроученіе, отъ вѣтвей къ стволу; не нужно также и такъ же бесполезно, какъ это дѣлаетъ наука, исторія религій, изучать это ученіе, исходя отъ его основанія, исходя отъ ствола къ вѣтвямъ. Ни то, ни другое не даетъ смысла ученія. Смыслъ дается только познаніемъ того сѣмени, того плода, изъ котораго всѣ они вышли и для котораго они всѣ живутъ. Всѣ вышли изъ жизни и дѣлъ Христа, и всѣ живутъ только для того, чтобы производить дѣла Христа, т. е. дѣла добра. И только въ

этихъ дѣлахъ они всѣ сойдутся. Меня самого къ вѣрѣ привело отысканіе смысла жизни, т. е. исканіе пути жизни, какъ жить. И увидавъ дѣла жизни людей, исповѣдывавшихъ ученіе Христа, я прилѣпился къ нимъ. Такихъ людей, исповѣдующихъ дѣлами ученіе Христа, я одинаково и безразлично встрѣчаю и между православными, и между раскольниками всякихъ сектъ, и между католиками и лютеранами; такъ что, очевидно, общій смыслъ жизни, даваемый ученіемъ Христа, почерпается не изъ вѣроученій, но изъ чего-то другого, общаго всѣмъ вѣроученіямъ. Я наблюдалъ добрыхъ людей не одного вѣроученія, а разныхъ, и во всѣхъ видѣлъ одинъ и тотъ же смыслъ, основанный на ученіи Христа. Во всѣхъ тѣхъ разныхъ сектахъ христіанъ я видѣлъ полное согласіе въ воззрѣніи на то, что есть добро, что есть зло, и на то, какъ надо жить. И всѣ эти люди это воззрѣніе свое объясняли ученіемъ Христа. Вѣроученія раздѣлились, а основа ихъ одна; стало быть, въ томъ, что лежитъ въ основѣ всѣхъ вѣръ, есть одна истина. Вотъ эту-то истину я и хочу узнать теперь. Истина вѣры должна находиться не въ отдѣльных толкованіяхъ откровенія Христа, тѣхъ самыхъ толкованіяхъ, которыя раздѣлили христіанъ на тысячи сектъ, а должна находиться въ самомъ первомъ откровеніи самого Христа. Это самое первое откровеніе—слова самого Христа—находятся въ Евангеліяхъ. И потому я обратился къ изученію Евангелій.

Знаю, что по ученію Церкви смыслъ ученія находится не въ одномъ Евангеліи, но во всемъ Писаніи и Преданіи, хранимыхъ Церковью. Полагаю, что, послѣ всего сказаннаго прежде *), софизмъ этотъ, состоящій въ томъ, что Писаніе, служащее основаніемъ моему толкованію, не подлежитъ изслѣдованію, потому что толкованіе истинное и святое единственно принадлежитъ Церкви,—что софизмъ этотъ нельзя уже повторять, тѣмъ болѣе, что толкованіе-то каждое разрушено противнымъ толкованіемъ другой Церкви; всѣ свята Церкви отрицаютъ одна другую. Запрещеніе этого чтенія и пониманія Писанія есть только признакъ тѣхъ грѣховъ толкованій, которые чувствуетъ за собою толкующая Церковь.

Богъ открылъ истину людямъ. Я—человѣкъ и потому не только имѣю право, но долженъ воспользоваться ею и стать къ ней лицомъ къ лицу безъ посредниковъ. Если Богъ говоритъ въ этихъ книгахъ, то онъ знаетъ слабость моего ума и будетъ говорить мнѣ такъ, чтобы не ввести меня въ обманъ. Доводъ Церкви о томъ, что нельзя допустить толкованія Писанія для каждаго, чтобы толкующіе не заблудились и не распались на большое количество толковъ, для меня не можетъ имѣть значенія. Онъ могъ бы имѣть значеніе тогда, когда толкъ Церкви былъ бы понятенъ, и когда была бы одна Церковь и одинъ толкъ. Но теперь, когда толкованіе Церкви о сынѣ Божіемъ и Богѣ, о Богѣ въ трехъ лицахъ, о дѣвѣ, родившей безъ поврежденія дѣвства, о тѣлѣ и крови Бога, съѣдаемомъ въ видѣ хлѣба, и т. п. не можетъ вмѣститься въ здо-

*) Смотри также „Критику Догматическаго Богословія“, томъ II этого же Собранія сочиненій Л. Н. Толстого. Ред.

ровую голову; и когда толкъ не одинъ, а ихъ тысячи, то доводъ этотъ, сколько бы его ни повторяли, не имѣетъ никакого смысла. Теперь, напротивъ, толкованіе нужно, и нужно такое, въ которомъ бы всѣ согласились. А согласиться могутъ всѣ только тогда, когда толкованіе будетъ разумно. Всѣ мы сходимся, несмотря на различіе, только въ томъ, что разумно. Если откровеніе это—истина, то оно для убѣжденія не должно и не можетъ бояться свѣта разума: оно должно призывать его. Если все это откровеніе окажется глупостью, то тѣмъ лучше, и Богъ съ нимъ. Все можетъ Богъ, это—правда, но одного Онъ не можетъ, это—говорить глупости. А написать такое откровеніе, котораго нельзя бы было понимать, было бы глупо.

Откровеніемъ я называю то, что открывается передъ разумомъ, дошедшимъ до послѣднихъ своихъ предѣловъ,—созерцаніе божественной, т. е. выше разума стоящей, истины. Откровеніемъ я называю то, что даетъ отвѣтъ на тотъ неразрѣшимый разумомъ вопросъ, который привелъ меня къ отчаянію и самоубійству,—какой смыслъ имѣетъ моя жизнь? Отвѣтъ этотъ долженъ быть понятенъ и не противорѣчить законамъ разума, какъ противорѣчить, напр., утвержденіе о томъ, что безконечное число—четъ или нечетъ. Отвѣтъ долженъ не противорѣчить разуму, потому что противорѣчивому отвѣту я не повѣрю, и потому онъ долженъ быть не только понятенъ и не произволенъ, а неизбеженъ для разума, какъ неизбежно признаніе безконечности для того, кто умѣетъ считать. Отвѣтъ долженъ отвѣчать на мой вопросъ—какой смыслъ имѣетъ моя жизнь? Если онъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, то онъ мнѣ не нуженъ. Отвѣтъ долженъ быть такой, чтобы, хотя сущность его (какъ и сущность Бога) и была бы непостижима въ себѣ,—но чтобы всѣ выводы послѣдствій, получаемые отъ него, соответствовали моимъ разумнымъ требованіямъ, и чтобы смыслъ, приданный моей жизни, разрѣшалъ бы всѣ вопросы моей жизни. Отвѣтъ долженъ быть не только разуменъ, ясенъ, но и вѣренъ, т. е. такой, чтобы я повѣрилъ въ него всею душою, неизбежно вѣрилъ бы въ него, какъ я неизбежно вѣрю въ существованіе безконечности.

Откровеніе не можетъ быть основано на вѣрѣ, какъ ее понимаетъ Церковь—какъ довѣріе впередъ тому, что мнѣ будетъ сказано. Вѣра есть исполнѣе удовлетворяющее разумъ послѣдствіе неизбежности, истинности откровенія. Вѣра, по понятіямъ Церкви, есть налагаемое на душу человѣка обязательство съ угрозами и заманками. По моимъ понятіямъ, вѣра есть то, что вѣрна та основа, на которой зиждется всякое дѣйствіе разума. Вѣра есть знаніе откровенія, безъ чего не возможно жить и мыслить. Откровеніе есть значеніе того, до чего не можетъ дойти разумомъ человѣкъ, но что выносится всѣмъ человѣчествомъ изъ скрывающагося въ безконечности начала всего. Таково, по мнѣ, должно быть свойство откровенія, производящаго вѣру; и такого я ищу въ преданіи о Христѣ и потому обращаюсь къ нему съ самыми строгими разумными требованіями.

Ветхий Заветъ я не читаю, потому что вопросъ не состоитъ въ томъ, какая была вѣра евреевъ, а—въ чемъ состоитъ вѣра Христа, въ которой находятъ люди такой смыслъ, который даетъ имъ возможность жить? Книги еврейскія могутъ быть занятны для насъ, какъ объясненіе тѣхъ формъ, въ которыхъ выразилось христіанство, но послѣдовательности вѣры отъ Адама до нашего времени мы не можемъ признавать, такъ какъ до Христа вѣра евреевъ была мѣстная. Чуждая намъ вѣра евреевъ занимательна для насъ, какъ вѣра, на примѣръ, браминовъ. Вѣра же Христова есть та вѣра, которою мы живемъ. Изучать вѣру іудеевъ для того, чтобы понять христіанскую, все равно, что изучать состояніе свѣчи до зажженія ея, чтобы понять значеніе свѣта, происшедшаго отъ горящей свѣчи. Одно, что можно сказать, это то, что свойство, характеръ свѣта можетъ зависѣть отъ самой свѣчи, какъ и форма выраженій Нового Завета можетъ зависѣть отъ связи съ іудействомъ, но свѣтъ не можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ загорѣлся на той, а не на этой свѣчѣ.

И потому ошибка, сдѣланная Церковью въ признаніи Ветхаго Завета такимъ же боговдохновеннымъ Писаніемъ, какъ и Новый Заветъ, самымъ очевиднымъ образомъ отражается на томъ, что, признавъ это на словахъ, Церковь на дѣлѣ не признаетъ этого и впала въ такія противорѣчія, изъ которыхъ бы она никогда не вышла, если бы считала для себя сколько-нибудь обязательнымъ здравый смыслъ.

И потому я оставляю писаніе Ветхаго Завета, писаніе откровенное, по церковному выраженію, въ 27 книгахъ. Въ сущности же преданіе это не выражено ни въ 27 книгахъ, ни въ 5, ни въ 138 книгахъ, какъ и не можетъ выразиться откровеніе Божіе въ числѣ страницъ и буквъ. Сказать, что откровеніе Божіе выражено въ 185 листахъ письма на бумагѣ, все равно, что сказать, что душа такого-то человѣка вѣситъ 15 пудовъ, или свѣтъ отъ лампы мѣрою—7 четвериковъ. Откровеніе выразилось въ душахъ людей, а люди передали его другъ другу и записали кое-что. Изъ всего записаннаго извѣстно, что было болѣе ста Евангелій и Посланій, не принятыхъ Церковью. Церковь выбрала 27 книгъ и назвала ихъ каноническими. Но очевидно, что однѣ книги получше выражали преданіе, другія похуже, и эта постепенность не прерывается. Церкви надо было положить гдѣ-нибудь черту, чтобы отдѣлить то, что она признаетъ боговдохновеннымъ. Но очевидно, что нигдѣ черта эта не могла отдѣлить рѣзко полной истины отъ полной лжи. Преданіе—какъ тѣнь отъ блага къ черному или отъ истины ко лжи; и гдѣ бы ни провели эту черту, неизбежно отдѣлены бы были тѣни, гдѣ есть черное. Это самое и сдѣлала Церковь, отдѣливъ преданіе и назвавъ однѣ книги каноническими, а другія апокрифическими. И замѣчательно, какъ хорошо она сдѣлала это. Она выбрала такъ хорошо, что новѣйшія изслѣдованія показали, что прибавить нечего. Изъ этихъ изслѣдованій ясно стало, что все извѣстное и лучшее захвачено Церковью въ каноническихъ книгахъ. Мало того,—какъ бы для того, чтобы поправить свою неизбежную при проведеніи этой черты

ошибку,—Церковь приняла нѣкоторыя преданія изъ книгъ апокрифическихъ.

Все, что можно было сдѣлать, сдѣлано отлично. Но при этомъ отдѣленіи Церковь погрѣшила тѣмъ, что, желая сильнѣе отринуть непризнанное ею и придать болѣе вѣса тому, что она признала, она положила огуломъ на все признанное печать непогрѣшимости. Все—отъ духа святаго, и всякое слово истинно. Этимъ она погубила и повредила все то, что она приняла. Принявъ въ этой полостѣ преданій и бѣлое, и свѣтлое, и сѣрое, т. е. болѣе или менѣе чистое ученіе, наложивъ на все печать непогрѣшимости, она лишила сама себя права соединять, исключать, объяснять принятое, что составляло ея обязанность и чего она не дѣлала и не дѣлаетъ. Все свято: и чудеса, и дѣянія апостольскія, и совѣты Павла о винѣ, и бредъ Апокалипсиса и т. п. Такъ, что послѣ 1800 лѣтъ существованія этихъ книгъ, онѣ лежатъ передъ нами въ томъ же грубомъ, нескладномъ, исполненномъ безсмыслицъ, противорѣчій видѣ, въ какомъ онѣ были. Допустивъ, что каждое слово Писанія—святая истина, Церковь старалась сводить, уяснять, развязывать противорѣчія и понимать ихъ; и сдѣлала все, что можетъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ, т. е. дала наибольшій смыслъ тому, что безсмысленно. Но первая ошибка была роковая. Признавъ все святою истиною, надо было оправдать все, закрывать глаза, скрывать, подтасовывать, впадать въ противорѣчія и, увы, часто говорить неправду. Принявъ все на словахъ, Церковь должна была на дѣлѣ отказаться отъ нѣкоторыхъ книгъ. Таковы—вполнѣ Апокалипсисъ и отчасти Дѣянія Апостоловъ, часто не только не имѣющія ничего поучительнаго, но прямо соблазнительное.

Очевидно, что чудеса писались Лукою для утвержденія въ вѣрѣ, и вѣроятно были люди, утверждавшіеся въ вѣрѣ этимъ чтеніемъ. Но теперь нельзя найти болѣе кошунственной книги, болѣе подрывающей вѣру. Можетъ быть, нужна свѣча тамъ, гдѣ мракъ. Но если есть свѣтъ, то его нечего освѣщать свѣчкой: онъ и такъ будетъ виденъ. Христовы чудеса—это свѣчи, которыя приносятъ къ свѣту, чтобы освѣтить его. Есть свѣтъ, то онъ и такъ виденъ, а нѣтъ свѣта, то свѣтитъ только поднесенная свѣчка.

Итакъ, читать 27 книгъ подрядъ, признавая каждое слово истиннымъ, какъ читаетъ Церковь, нельзя и не нужно, ибо придешь точно къ тому же самому, къ чему пришла Церковь, т. е. къ отрицанію самой себя. Для того, чтобы понять содержаніе Писанія, принадлежащаго къ вѣрѣ христіанской, надо прежде всего рѣшить вопросъ: какія изъ 27 книгъ, выдаваемыхъ за св. Писаніе, болѣе или менѣе существенны, важны, и начать именно съ болѣе важныхъ. Такія книги несомнѣнно суть четыре Евангелія. Все предшествующее имъ можетъ быть по большей мѣрѣ только историческимъ матеріаломъ для пониманія Евангелія; все послѣдующее—только объясненіе этихъ же книгъ. И потому не нужно, какъ это дѣлаютъ Церкви, непременно соглашаться всѣ книги (мы убѣдились, что это болѣе всего привело Церковь къ проповѣдыванію непонятныхъ вещей), а нужно отыскивать въ этихъ четырехъ книгахъ, излагаю-

щихъ, по учению же Церкви, самое существенное откровение, — отыскивать самыя главныя основы учения, не сообразуясь ни съ какимъ учениемъ другихъ книгъ; и это не потому, что я не хочу этого, а потому, что я боюсь заблуждений другихъ книгъ, которыя имѣютъ такой яркій и очевидный примѣръ.

Отыскивать я буду въ этихъ книгахъ.

1. То, что мнѣ понятно, потому что непонятному никто не можетъ вѣрить и знаніе непонятнаго равно незнанію.

2. То, что отвѣчаетъ на мой вопросъ о томъ, что такое я, что такое Богъ; и

3. Какая главная, единая основа всего откровения?

И потому я буду читать непонятныя, неясныя, полупонятныя мѣста не такъ, какъ мнѣ хочется, а такъ, чтобы они были наиболѣе согласны съ мѣстами вполне ясными и сводились бы къ одной основѣ.

Читая такимъ образомъ не разъ, не два, а много разъ, какъ самое Писаніе, такъ и писанное о немъ, я пришелъ къ тому выводу, что все преданіе христіанское находится въ четырехъ Евангеліяхъ, что книги Ветхаго Завета могутъ служить только объясненіемъ той формы, которую избрало учение Христа, могутъ лишь затемнить, но никакъ не объяснить смыслъ учения Христа; что посланія Іоанна, Іакова суть вызванныя особенностью случая частныя разъясненія учения, что въ нихъ можно иногда найти съ новой стороны выраженное учение Христа, но ничего нельзя найти новаго. Къ несчастью же весьма часто можно найти, особенно въ посланіяхъ Павла, такое выраженіе учения, которое можетъ вовлечь читающихъ въ недоразумѣнія, затемняющія самое учение. Дѣянія же Апостольскія, какъ и многія посланія Павла, часто не только ничего не имѣютъ общаго съ Евангеліемъ и посланіями Іоанна, Петра и Іакова, но и противорѣчатъ имъ. Апостолы писали прямо уже ничего не открывающаго. Главное же то, что, какъ ни разновременны они написаны, Евангелія составляютъ изложеніе всего учения; все же остальное есть толкованіе ихъ.

Читалъ я по-гречески, на томъ языкѣ, на которомъ оно есть у насъ, и переводилъ такъ, какъ указывалъ смыслъ и лексиконы, изрѣдка отступая отъ переводовъ, существующихъ на новыхъ языкахъ, составленныхъ уже тогда, когда Церковь своеобразно поняла и опредѣлила значеніе Преданія. Кромѣ перевода, я неизбѣжно былъ приведенъ къ необходимости свести четыре Евангелія въ одно, такъ какъ всѣ они излагаютъ, хотя и разнорѣчиво, одни и тѣ же событія и одно и то же учение.

Новое положеніе экзегетики о томъ, что Евангеліе Іоанна, какъ исключительно богословское, должно быть разсматриваемо отдѣльно, для меня не имѣло значенія, такъ какъ цѣль моя не есть ни историческая, ни философская, ни богословская критика, а отыскиваніе смысла учения. Смыслъ учения выраженъ во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ; и потому, если они всѣ четыре суть изложеніе одного и того же откровенія истины, то одно должно подтверждать и уяснять другое. И потому я разсматривалъ ихъ, соединяя въ одно всѣ Евангелія, не исключая и Евангелія Іоанна.

Попытокъ соединенія Евангелій въ одно было много; но тѣ всѣ, которыя я знаю, — Arnolde de Vence, Фаррара, Рейса, Гречулевича, — всѣ онѣ берутъ историческія основы соединенія и всѣ онѣ безуспѣшны. Ни одно не лучше другого въ смыслѣ историческомъ, и всѣ одинаково удовлетворительны въ смыслѣ учения. Я оставляю совершенно въ сторонѣ историческое значеніе и соединяю только по смыслу учения. Соединеніе Евангелій на этомъ основаніи имѣетъ ту выгоду, что ученіе истинное представляетъ какъ бы кругъ, котораго всѣ части одинаково опредѣляютъ значеніе другъ друга и для изученія котораго безразлично начинаніе изученія съ одного или другого мѣста. Изучая такимъ образомъ Евангелія, въ которыхъ съ учениемъ такъ тѣсно связаны историческія событія жизни Христа, для меня историческая послѣдовательность оказалась совершенно безразличною, и для послѣдовательности историческихъ событій мнѣ было все равно избрать за основу тотъ или другой сводъ Евангелій. Я избралъ два самые новые свода составителей, воспользовавшихся трудами всѣхъ предшественниковъ: Гречулевича и Рейса. Но такъ какъ Рейсъ отдѣлилъ отъ синоптиковъ Іоанна, то для меня былъ удобнѣе сводъ Гречулевича, и я его взялъ за основу своей работы, сличалъ его съ Рейсомъ и отступалъ отъ обоихъ, когда смыслъ того требовалъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Значение Заглавия.

ΕΥΑΓΓΕΛΙΟΝ, κατά Ματθαίου, κατά Μάρκου, κατά Λουκά, κατά Ιωάννου.
 'Αρχή του εὐαγγελίου 'Ιησοῦ Χριστοῦ (υἱοῦ Θεοῦ).

Евангеліе отъ Матѣея, отъ Возвѣщеніе о благѣ¹⁾ по²⁾
 Марка, отъ Луки, отъ Іоанна. Матѣею, Марку, Лукѣ, Іоанну.
 Мр. І. І. Начало Евангелія Иису- Начало возвѣщенія о благѣ И-
 са Христа, Сына Божія. суса Христа³⁾ сына Божія⁴⁾.

Примѣчанія.

1) Слово *Εὐαγγέλιον* (Евангеліе) обыкновенно не переводятъ. Подъ этимъ словомъ разумѣютъ книги Новаго Завѣта объ Иисусѣ Христѣ, и другого смысла этому слову не приписывается. Между тѣмъ слово это имѣетъ опредѣленное, связанное съ содержаніемъ книгъ значеніе. Буквальный переводъ слова *εὐαγγέλιον* по русски — *благовѣсть*. Переводъ этотъ неправиленъ: 1) потому что «благовѣсть» на русскомъ языкѣ имѣетъ другое значеніе; 2) потому что оно не передаетъ значенія обоимъ составнымъ словъ *εὐ* и *αγγελιον*. *Εὐ* — значитъ: хорошо, добро, благо, вѣрно; *αγγελιον* значитъ не столько *сообщенная вѣсть, извѣстіе*, сколько *самое дѣйствіе сообщенія извѣстія*. И потому точнѣе всего слово это переводится выраженіемъ *возвѣщеніе*. А потому сложное слово *εὐαγγέλιον* должно быть переведено: *благовозвѣщеніе* или *возвѣщеніе блага*, — или понятнѣе по-русски: *возвѣщеніе о благи*.

2) Слова *κατά Ματθαίου* и т. д. означаютъ то, что возвѣщеніе о благѣ сдѣлано по разсказамъ или записямъ, или по указаніямъ и вообще по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ объ этомъ возвѣщеніи Матѣею, Маркомъ, Лукою, Іоанномъ. И такъ какъ неизвѣстно, какимъ образомъ передавали свои свѣдѣнія евангелисты, и не сказано, чтобы евангелисты сами писали, — то предлогъ *κατά* долженъ быть переведенъ предлогомъ *по*, выражающимъ то, что свѣдѣнія о возвѣщеніи, какимъ бы образомъ они ни были переданы, сообщены Матѣею, Маркомъ, Лукою, Іоанномъ.

3) Слово *Χριστός* означаетъ «помазанникъ». Значеніе этого слова соединено съ преданіями евреевъ. Для смысла же содержанія возвѣщенія о благѣ слово это не представляетъ значенія и можетъ быть безразлично передаваемо: «помазанникъ» или «Христосъ».

Я предпочитаю слово *Христосъ*, такъ какъ «помазанникъ» получило въ русскомъ языкѣ другое значеніе.

4) Выраженіе «сынъ Божій» принимается Церковью, какъ наименованіе исключительно Иисуса Христа. Но по Евангелію оно не имѣетъ этого исключительнаго значенія: оно одинаково относится и ко всѣмъ людямъ. Это значеніе ясно выражается во многихъ мѣстахъ Евангелія.

Говоря народу вообще, Иисусъ Христосъ говоритъ (Мѣ. V, 16): Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли *Отца вашего Небеснаго*.

Въ другомъ мѣстѣ (Мѣ. V, 45): Да будете *сынами Отца вашего Небеснаго*.

Лк. VI, 36: Итакъ будьте милосерды, какъ и *Отецъ вашъ милосердъ*.

Мѣ. VI, 1: Иначе не будетъ вамъ награды отъ *Отца вашего Небеснаго*.

— 4: И *Отецъ твой*, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

— V, 48: Итакъ будьте совершенны, какъ совершенъ *Отецъ вашъ Небесный*.

— VI, 6: Помолись *Отцу твоему*, который втайнѣ; и *Отецъ твой*, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

— 8: Ибо знаетъ *Отецъ вашъ*, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него.

— 14: Ибо если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ *Отецъ вашъ Небесный*.

И многія другія мѣста Евангелій, въ которыхъ сынами Бога называются всѣ люди. Но мало того, въ Евангеліи Луки находится мѣсто, въ которомъ говорится не только о томъ, что подъ словами «сынъ Бога» должно разумѣть всякаго человѣка, но и то, что Иисусъ называется сыномъ Бога не въ какомъ-нибудь исключительномъ смыслѣ, а только въ томъ, что онъ, Иисусъ, какъ и всѣ люди, произошелъ отъ Бога, и потому сынъ Божій. Излагая родословную Иисуса, Лука, восходя отъ матери къ дѣду, прадеду и далѣе, говоритъ (III, 23 — 38): «Иисусъ . . . былъ сынъ . . . Еносовъ, Синовъ, Адамовъ, Божій».

Итакъ слова: *Иисуса Христа, сына Божія* — обозначаютъ то лицо, кѣмъ сдѣлано это возвѣщеніе. Лицо это названо такъ, какъ оно названо людьми — *Иисусомъ*; кромѣ того названо *Христомъ*, т. е. избранникомъ Божіимъ; кромѣ того названо *сыномъ Божіимъ*.

Заглавіе это опредѣляетъ содержаніе книги. Сказано, что въ книгѣ возвѣщается людямъ благо. Значеніе этого заглавія необходимо помнить для того, чтобы умѣть отбирать въ книгѣ мѣста болѣе существенныя отъ менѣе важныхъ. Такъ какъ содержаніе книги есть возвѣщеніе блага людямъ, то все, что опредѣляетъ это благо людей, и есть *самое существенное*; все же не имѣющее цѣлью возвѣститъ благо, — менѣе существенно.

Итакъ заглавіе полное будетъ:

Возвѣщеніе истиннаго блага, сдѣланное Иисусомъ Христомъ, сыномъ Божіимъ.

Цѣль книги.

Таῦτα δὲ γέγραπται ἵνα πιστεύητε ὅτι Ἰησοῦς ἐστὶν ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ, καὶ ἵνα πιστεύοντες ζωὴν ἔχητε ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ.

Επειδήπερ πολλοὶ ἐπεχείρησαν ἀνατάξασθαι διήγησιν περὶ τῶν πεπληροφορημένων ἐν ἡμῖν πραγμάτων, καθὼς παρέδοσαν ἡμῖν οἱ ἀπ' ἀρχῆς αὐτόπται καὶ ὑπηρεταὶ γενόμενοι τοῦ λόγου, ἔδοξε καὶ μοι παρηκολουηκότι ἀνωθεν πᾶσιν ἀκριβῶς καθεστῆς σοι γράψαι, κράτιστε Θεοφιλε, ἵνα ἐπιγνῶς περὶ ὧν κατεχύθη λόγων τὴν ἀσφάλειαν.

Ин. XX, 31. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и вѣруя, имѣли жизнь во имя Его.

Лк. I, 1. Какъ уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ,

2. какъ передали намъ то бывшее съ самаго начала очевидцами и служителями Слова, —

3. то разсудилось и мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Теофилъ,

4. чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ.

Написано это для того, чтобы вѣрили, что Иисусъ Христосъ ¹⁾ есть сынъ Божій и, повѣривши, получили бы жизнь чрезъ то, что онъ былъ ²⁾.

Такъ какъ уже многіе начали связно разсказывать о случившихся у насъ дѣлахъ,

Какъ передали намъ самовидцы и исполнители ученія ³⁾,

Рѣшился и я, узнавъ обо всемъ вѣрно, съ самаго начала написать тебѣ по порядку, господинъ Теофилъ,

Чтобы ты о тѣхъ поученіяхъ, которымъ тебя учили, узналъ самую настоящую правду. ⁴⁾

Примѣчанія.

1) Въ нѣкоторыхъ спискахъ слова эти размѣщены не такъ: ὅτι Ἰησοῦς ἐστὶν ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ, а такъ: ὅτι Ἰησοῦς Χριστὸς υἱὸς ἐστὶν τοῦ Θεοῦ.

Я принимаю второе размѣщеніе, считая его яснѣе.

2) Слова ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ, буквально переведенныя «во имя Его», представляютъ одно изъ тѣхъ выраженій, которымъ мы, дословно переводя ихъ, приписываемъ произвольное и чаще всего неясное значеніе. Еврейское слово, соотвѣтствующее слову *onoma*, означаетъ не имя, а самое лицо, самую особу, самое то, что онъ есть; и потому слова: «имѣли жизнь во имя Его» — должны пониматься такъ, что жизнь дается самою сущностью того, что есть сынъ Божій. Я перевожу: *чрезъ то, что онъ былъ*.

3) Слова αὐτόπται καὶ ὑπηρεταὶ γενόμενοι τοῦ λόγου переведены неправильно: «очевидцами и служителями Слова» по-русски и «Dienet des Worts» по-нѣмецки. Въ этомъ выраженіи *λόγος* не можетъ значить «слово»: нельзя быть очевидцемъ слова. Переводъ Вульгаты: *viderunt et ministri fuerunt sermonis* — правильнѣе. Здѣсь слово *λόγος* (логосъ) не можетъ означать ничего иного, какъ *проповѣдь ученія или мудрости*; и такъ и должно перевести.

4) Это вступленіе Луки есть частное обращеніе писателя къ Теофилу, излагающее поводъ къ написанію Евангелія.

Стихи эти, говорящіе о томъ, что прежде уже писали про это, и о томъ, что вызвало Луку написать свое изложеніе, не касаются ученія, и потому они могутъ быть опущены въ изложеніи или напечатаны мелкимъ шрифтомъ, какъ добавленіе.

Въ предисловіи этомъ (Іоан. XX, 31) сказано, что вѣрою въ то, что Иисусъ Христосъ былъ сынъ Бога, люди будутъ имѣть «жизнь».

Точно также, какъ и въ словахъ *возвѣщеніе о блазъ* подразумѣвается какое-то особенное, болѣе твердое, истинное благо, чѣмъ то, что люди считаютъ за благо, — и въ словѣ *жизнь*, которую люди будутъ имѣть, очевидно, подразумѣвается какая-то не та жизнь, которую люди считаютъ жизнью. Эта другая жизнь получается вѣрою въ то, что есть сынъ Бога. Хотя и не определено, что надо разумѣть подъ выраженіемъ «сынъ Бога», — указывается на то, что съ этой сыновностью Богу связывается и самое возвѣщеніе о блазъ.

Итакъ смыслъ этого стиха Іоанна слѣдующій: написано возвѣщеніе о блазъ для того, чтобы всѣ люди, увѣрившись въ томъ, что Иисусъ Христосъ былъ сынъ Бога, получили бы жизнь чрезъ вѣру въ то, что и есть сынъ Бога.

Разумѣніе жизни.

Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος. Οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεόν.

Ин. I, 1. Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ.

Началомъ ¹⁾ всего ²⁾ стало ³⁾ разумѣніе ⁴⁾ жизни. И разумѣніе жизни стало за Бога. ⁵⁾ И разумѣніе-то жизни стало Богъ. ⁶⁾

2. Оно было въ началѣ у Бога.

Оно стало началомъ всего за Бога. ⁷⁾

Примѣчанія.

Прежде чѣмъ объяснить переводъ перваго и дальнѣйшаго стиховъ Введенія, необходимо дать себѣ ясный отчетъ о значеніи существующихъ переводовъ.

Церковный переводъ перваго стиха не только не имѣетъ никакого смысла, но при томъ значеніи, которое онъ даетъ глаголу *ἦν*, и не можетъ имѣть его. Переводъ такой: «Въ началѣ было Слово». Это не есть переводъ мысли, а переводъ словъ. Мысли не выходитъ, а каждому отдѣльному слову дается мистическое и произвольное толкованіе. Чтобы найти смыслъ этихъ выраженій, необходимо отрѣшиться отъ церковнаго толкованія и разобрать каждое слово. Смыслъ перваго стиха только тогда поймемъ, когда его поймемъ въ связи со всѣмъ Введеніемъ и заглавіемъ. Введеніе (Ин. I, 1 — 18) гово-

ритель о томъ, какой получается смыслъ по возвыщенію. И вотъ первыя слова выражаютъ этотъ смыслъ.

1) Предлогъ *ἐν* означаетъ пребываніе въ чемъ-либо. Съ глаголомъ движенія онъ означаетъ перемѣщеніе и пребываніе въ чемъ-либо.

2) *Ἀρχή* означаетъ начало не только временное, а и основное, — начало всѣхъ началъ; и потому я перевожу — *начало всею*.

3) *Ἦν* (отъ глагола *εἶμι* — быть) означаетъ кромѣ существованія и перемѣну и часто можетъ и должно переводиться словами: *дѣлаться, становиться*.

4) *λόγος* имѣетъ одиннадцать главныхъ значеній: 1, слово; 2, рѣчь; 3, бесѣда; 4, слухъ; 5, краснорѣчіе; 6, разумъ, какъ отличіе чело-вѣка отъ животнаго; 7, разсужденіе, мнѣніе, ученіе (это то самое, которое переведено «*sermo*» въ Вульгатѣ); 8, причина, основаніе думать; 9, счетъ; 10, уваженіе и 11, отношеніе (*λόγος ἐγένετο πρὸς* — быть въ соотношеніи съ кѣмъ-нибудь).

Задайте ученику, знающему греческій языкъ, но не знающему церковнаго ученія, перевести первый стихъ Іоанна, и всякій ученикъ для толковаго перевода этого мѣста, по смыслу дальнѣйшаго, откинетъ семь невозможныхъ въ первомъ предложеніи значеній слова *λόγος*, именно значенія: слово, рѣчь, бесѣда, слухъ, краснорѣчіе, счетъ и уваженіе. Онъ будетъ выбирать между значеніями: разума, причины, разсужденія и соотношенія. Всѣ эти четыре значенія, даваемые слову *λόγος* при переводахъ, подходятъ къ смыслу предложения; но каждое изъ нихъ отдѣльно — недостаточно. *Разумъ* есть слово, опредѣляющее только способность чело-вѣка мыслить. *Разсужденіе* есть только дѣйствіе этой способности. *Соотношеніе* есть то, что даетъ матеріалъ способности мыслить. *Причина* есть одна изъ формъ дѣятельности мысли. *Лόγος* же здѣсь имѣетъ, очевидно, самое широкое и основное значеніе. Значеніе это лучше всего опредѣляется въ такомъ же введеніи о томъ же предметѣ того же писателя. Тамъ (1 Послан. Ін. I, 1) сказано: *λόγος τῆς ζωῆς*, т. е. *смыслъ жизни*. Для передачи этого слова по-русски я нахожу наиболѣе подходящими значенія слова *λόγος*.

Разумныя есть не только разумъ, во и дѣйствіе разума, ведущее къ чему-то; не только причина, но и *разсужденіе*, выясняющее *причину*, и не только отношеніе, но и *разумная дѣятельность по отношенію причины*; а съ прибавленіемъ слова *τῆς ζωῆς*, которое прибавляетъ Іоаннъ въ 1 Посланіи, — значеніе становится вполнѣ точнымъ и яснымъ — *разумныя жизни*. Я не отрицаю никакого другого перевода; можно поставить и слова «разумъ» или «премудрость» и даже оставить «слово», приписавъ ему болѣе широкое, несвойственное ему значеніе; можно даже оставить, не переводя слово «логосъ»; смыслъ всего мѣста будетъ тотъ же самый.

Итакъ, перевожу дословно первое предложеніе 1-го стиха такъ: *Въ началъ всею стало разумныя жизни*. И переводъ этотъ представляется совершенно яснымъ, если имѣть въ виду заглавіе, т. е. воз-

выщеніе Іисуса Христа о благѣ. *Въ началъ всею, или началомъ всею стало разумныя жизни по возвыщенію Іисуса Христа*.

5) Второе предложеніе 1-го стиха *καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν* въ церковномъ переводѣ еще болѣе безнадежно-непонятно. Для устраненія этой непонятности, прежде всего надо обратить вниманіе на слово «Богъ». Слово «Богъ» служитъ какъ бы опредѣленіемъ того, что есть «логосъ». И потому необходимо знать, что авторъ понимаетъ подъ словомъ «Богъ».

Въ заключеніи этого Введенія, въ 18-мъ стихѣ и въ 1 Посл. Іоан. IV, 12 сказано, что *Бога не видѣлъ никто никогда*. И потому для того, чтобы эти первые стихи не были поняты превратно, для того, чтобы читатель не связалъ съ словомъ «Богъ» такого понятія, котораго не соединяетъ съ этимъ словомъ писатель, нужно поминуть, какъ писатель понимаетъ это слово. Только при такомъ указаніи на то, что слово «Богъ» не надо и нельзя понимать, какъ что-то понятное, опредѣленное, — смыслъ первыхъ стиховъ можетъ быть понятенъ.

Πρὸς съ винительнымъ падежомъ имѣетъ 11 значеній: 1, къ, ко; 2, по направленію; 3, въ большей части значеній того же предлога съ дательнымъ падежомъ: значеній этихъ три: а) подлѣ, б) въ, на и в) кромѣ, сверхъ того; 4, для, въ виду чего-либо; 5, относительно чего-либо; 6, противъ, супротивъ чего; 7, наравнѣ, за кого, за что-нибудь; 8, по отношенію чего-нибудь; 9, по случаю чего-нибудь; 10, во время чего; 11, почти, около чего-нибудь. Самое простое и прямое значеніе есть *къ, ко*.

Слова *ἦν πρὸς τὸν Θεόν* въ буквальный переводѣ, какъ они и переведены по-славянски, значатъ: *было къ Богу*. Но это не имѣетъ никакого смысла. Переводъ «у Бога» — «*erat apud Deum*», «*bei Gott*» — тоже не имѣетъ смысла, но имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что предлогъ *πρὸς* съ винительнымъ никогда не значитъ *apud* — «у». Я нарочно выписалъ всѣ значенія *πρὸς* съ винительнымъ, чтобы ясно было всякому, что слово «у» никогда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ значить *πρὸς* съ винительнымъ. *Apud* значитъ: *у, передъ подлѣ*, и больше ничего не значитъ. Единственный филологическій поводъ къ тому, чтобы перевести *πρὸς* съ винительнымъ черезъ *apud*, есть тотъ, что *πρὸς* съ винительнымъ иногда, очень рѣдко, значитъ то же, что онъ значитъ съ дательнымъ, именно: «подлѣ». И *apud* иногда значитъ «подлѣ». Не говоря уже о томъ, что изъ тысячи случаевъ употребленія *πρὸς* съ винительнымъ будетъ одинъ, гдѣ онъ будетъ имѣть значеніе «подлѣ», — если даже допустить, что *πρὸς* значитъ въ этомъ случаѣ *apud*, то все-таки выйдетъ, что «слово было подлѣ Бога», а не «у Бога». Для церковнаго перевода это былъ единственный выходъ изъ затрудненія. Церковный переводъ «у Бога» получилъ мистическое толкованіе, и Церковь удовольствовалась имъ, забывъ совершенно то, что это не есть переводъ, а произвольное толкованіе. Но такъ какъ я ищу смысла въ книгѣ, которую я читаю, и не позволяю себѣ давать произвольнаго значенія словамъ, — то я долженъ былъ или откинуть эти слова, какъ непонятныя, или найти ихъ значеніе, соотвѣтственное законамъ языка и здраваго смысла.

Для того, чтобы придать второму предложению какой-нибудь смысл, можно, понимая λόγος въ значеніи «слова» или «мудрости», — дать предлогу πρὸς то (5-ое) значеніе, которое онъ имѣетъ въ греческомъ языкѣ, именно: относительно, по отношенію къ чему-нибудь; такъ что слово πρὸς можетъ быть переведено въ этомъ мѣстѣ однимъ родительнымъ безъ предлога, а именно такъ: *И разумніе было или стало разумніе Бога*. И тогда переводъ выйдетъ такой: *По началу было разумніе. И разумніе было разумніе Бога*. Но тогда значеніе предлога πρὸς будетъ передано натянуто.

Можно также придать слову λόγος значеніе разумнія, дѣятельности разума, всегда обращенной къ чему-нибудь; и тогда предлогъ πρὸς можно перевести въ его прямомъ и первомъ значеніи — къ, подразумевая то, что разумніе обращено къ чему-нибудь. И тогда переводъ будетъ такой: *разумніе было или стало (обращено) къ Богу*. Но тогда или будетъ прибавлено лишнее понятіе «обращено» или переводъ будетъ не совсѣмъ ясенъ.

И можно дать еще слову πρὸς значеніе равенства, замѣны одного другимъ. Значеніе это выражается вполнѣ народнымъ словомъ «супротивъ». (Быки супротивъ коней не сработаютъ; онъ его супротивъ отца почитаетъ, и т. п.). И тогда третій переводъ будетъ такой: *Началомъ всею стало разумніе. И разумніе стало супротивъ Бога*, т. е. что *разумніе замѣнило Бога*.

Два первые перевода имѣютъ почти одно и то же значеніе, но оба они не вполнѣ точны. Въ первомъ значеніи слово πρὸς (два раза повторенное и потому, очевидно, нужное для выраженія мысли) совсѣмъ опущено; во второмъ — для того, чтобы дать значеніе этому предлогу, къ нему прибавляется новое слово «обращено». Третій переводъ выражаетъ ту же мысль и имѣетъ то преимущество, что онъ передаетъ πρὸς предлогомъ же и ничего не прибавляетъ другого.

Чтобы рѣшить между этими тремя переводами, нужно разобрать всѣ четыре связанныхъ между собою предложенія (ст. 1-й и 2-й), въ которыхъ употребленъ предлогъ πρὸς. Четыре предложенія слѣдующія: 1, въ началѣ былъ логосъ или началомъ сталъ логосъ; 2, логосъ былъ къ Богу или логосъ сталъ πρὸς τὸν Θεόν; 3, логосъ былъ или сталъ Богъ; и 4, въ началѣ или началомъ логосъ былъ или сталъ πρὸς τὸν Θεόν.

Во всѣхъ трехъ переводахъ одинаково ясна одна часть мысли и неясна другая. Именно ясны: первое предложеніе, что *по началу было или началомъ было или стало разумніе*; и третье, что *разумніе было или стало Богъ*.

Въ значеніи перваго предложенія, что по началу было разумніе, или началомъ стало разумніе, и третьяго, что разумніе было или стало Богъ, согласны всѣ три перевода и согласенъ церковный переводъ. *По началу было разумніе или началомъ стало разумніе и оно стало или было Богъ*. Это — главная мысль. И одно вытекаетъ изъ другого.

Второе предложеніе объясняетъ эту мысль, объясняетъ то, какимъ образомъ разумніе стало или было Богъ, и четвертое предложеніе повторяетъ только первое и второе предложенія. Сказано,

что оно стало Богъ тѣмъ, что оно было, и стало πρὸς τὸν Θεόν. Три значенія πρὸς подходятъ къ этому: 1, разумніе было или стало разумніемъ Бога; 2, оно было или стало обращено къ Богу; и 3, оно было или стало супротивъ, вмѣсто Бога.

Два первые перевода сходятся въ одномъ, именно, въ томъ, что разумніе есть то, что выразило Бога. Разумніе было разумніемъ Бога, значитъ: *разумніе выразило Бога*. Разумніе было обращено къ Богу и стало Богъ, значитъ то же: *слилось съ Богомъ, выразило Бога*.

Третій переводъ выражаетъ то же самое именно: *разумніе стало супротивъ*, т. е. *вмѣсто Бога, выразило Бога*. И этотъ переводъ включаетъ въ себя смыслъ обоихъ первыхъ. Стоитъ только поставить вмѣсто неловкаго въ этомъ мѣстѣ слова «супротивъ» слово *за*, означающее замѣну, и получается самый широкій и полный, и дословно точный переводъ, удерживающій и надежъ подлинника: *и разумніе стало за Бога*.

6) Въ третьемъ предложеніи 1-го стиха καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος я представляю слова и перевожу: *разумніе-то стало Богъ*. Я ставлю слово «разумніе» впереди слова «Богъ», потому что по духу русскаго языка подлежащее должно стоять впереди сказуемаго, а λόγος есть подлежащее, потому что оно стоитъ съ членомъ; а сказуемое Θεός безъ члена.

Частица *то*, которую я ставлю послѣ слова «разумніе» есть членъ русскаго языка, всегда употребительный въ народной русской рѣчи, именно тогда, когда нужно отличить подлежащее отъ сказуемаго: «мужикъ-то» или «мужикъ отъ пень», т. е. мужикъ похожъ на пень. «Пень-отъ мужикъ», т. е. пень оказался мужикомъ. «Ходить-то трудно», и т. п.

Глаголь εἶναι кромѣ значенія *быть, жить, существовать*, имѣетъ значеніе *происходить, дѣлаться, становиться*. Если сказано, что въ началѣ было разумніе или слово, и сказано, что слово было къ Богу, или у Бога, или за Бога, то уже никакъ нельзя сказать, что оно «было Богъ». Если оно было Богъ, то оно не могло быть ни въ какомъ отношеніи къ Богу. И потому въ этомъ мѣстѣ неизбежно перевѣсти глаголь εἶναι — *стало*, а не «было».

7) Переведенные такимъ образомъ стихи 1-й и 2-й получаютъ опредѣленное значеніе. Понятіе о Богѣ предполагается извѣстнымъ, и говорится о томъ источникѣ, изъ котораго явилось это понятіе. Говорится: по возвышенію Иисуса Христа началомъ всего стало разумніе жизни. И разумніе жизни, по ученію Иисуса замѣнило понятіе Бога или слилось съ нимъ.

Если бы нужно было подтвержденіе такого пониманія этихъ двухъ стиховъ, то 18-й стихъ, заключающій все разсужденіе и прямо выражающій ту мысль, что Бога никто не позналъ, а *явилъ сына въ лоюсть*, и все разсужденіе, говорящее то же самое, и слѣдующіе стихи, говорящіе о томъ, что *логосомъ* все рождено и безъ него ничто не рождено, и все дальнѣйшее ученіе, развивающее ту же мысль, — все подтверждаетъ то же самое.

Смыслъ этихъ стиховъ такой: *По возвышенію о блатъ Иисусомъ*

Христомъ въ основу и начало всею стало разумнѣе жизни. Разумнѣе жизни стало вмѣсто Бога. Разумнѣе жизни стало основой и началомъ Оно-то по возвышенію Иисуса Христа стало основой и началомъ всею вмѣсто Бога.

Πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν. ὃ γέγονεν ἐν (или: ἐν ᾧ γέγονεν, ἐν) αὐτῷ ζῶν ἦν, καὶ ἡ ζωὴ ἦν τὸ φῶς τῶν ἀνθρώπων· καὶ τὸ φῶς ἐν τῇ σκοτίᾳ φαίνει, καὶ ἡ σκοτία αὐτὸ οὐ κατέλαβεν.

Ин. I, 3. Все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ни что не начало быть, что начало быть.

4. Въ немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ.

5. И свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма не объяла его.

Все чрезъ ¹⁾ разумнѣе родилось ²⁾, и помимо ³⁾ разумнѣя ⁴⁾, не родилось ничто изъ того, что ⁵⁾ живо и живетъ ⁶⁾.

Въ ⁷⁾ немъ стала жизнь, то же, что свѣтъ ⁸⁾ людей сталъ жизнью ⁹⁾.

Такъ же какъ свѣтъ въ темнотѣ свѣтитъ, и темнота его не поглощаетъ ¹⁰⁾.

Примѣчанія.

1) Слова δι' αὐτοῦ значить: посредствомъ его, черезъ него; и не могутъ быть передаваемы однимъ творительнымъ падежемъ «вся тѣмъ». Если бы достаточно было для выраженія мысли одного творительнаго падежа, то такъ оно и было бы передано; δι' αὐτοῦ значить не «имъ самимъ», но *черезъ, посредствомъ его*. Я перевожу *черезъ него*, замѣняя мѣстоименіе тѣмъ словомъ, которое оно замѣняетъ.

2) Слово ἐγένετο значить—*рождалось*, въ его первомъ, прямомъ и простомъ значеніи. По всѣмъ словарямъ слово это имѣетъ только пять главныхъ значеній: 1, родиться; 2, сдѣлаться; 3, быть, существовать (три значенія, примѣнимыя къ этой рѣчи); 4, часто бывать, случаться часто; 5, быть занятымъ чѣмъ-нибудь (оба значенія не приложимы). Кромѣ этихъ значеній нѣтъ другихъ. Значеніе «facta sunt» по Вульгатѣ, «gemacht» у Лютера—не можетъ быть приложимо къ этому глаголу, а въ Вульгатѣ и у Лютера слова эти переведены: «omnia per ipsum facta sunt» и «Dinge sind durch Dasselbe gemacht». По славянски переведено «бысть»; но по объясненіямъ, которыя приписываются этому Слову, именно, что имъ все сотворено, слово «бысть» понимается въ томъ самомъ смыслѣ, какъ оно переведено въ Вульгатѣ и у Лютера, т. е. «сотворено».

Я перевожу слово ἐγένετο въ самомъ первомъ и простомъ значеніи, включающемъ въ себя значенія *сдѣлаться* и *быть*. И потому не мнѣ нужно оправдывать свое отступленіе отъ обычнаго перевода, но прежнимъ переводчикамъ—отступленіе ихъ переводовъ отъ подлинника. Оправданія такого произвольнаго перевода слова ἐγένετο чрезъ «facta sunt» и «gemacht» не можетъ быть; но объясненія, почему такъ неправильно переведены эти слова, заключаются въ церковномъ толкованіи всего этого мѣста.

«Логосъ» есть, по церковному толкованію, второе лицо св. Троицы, и ему приписывается твореніе міра. При переводѣ по-латыни былъ употребленъ вмѣсто γένεσις глаголъ «fieri», который не отвѣчаетъ слову γένεσις, но отвѣчаетъ одному изъ его значеній—*сдѣлаться*. При переводѣ Лютера употребленъ глаголъ «machen», который отвѣчаетъ одному изъ значеній «fieri» въ дѣйствительномъ залогѣ, и слово уже совсѣмъ удалилось отъ своего значенія.

Вотъ толкованіе Церкви (Толковое Евангеліе Архимандрита Михаила, 1874 г., стр. 14):

Ин. I, 3. Все произошло чрезъ Него: все получило бытіе, все сотворено чрезъ Него (Быт. I; Евр. I, 2; Кол. I, 16). Все: апостолъ Павелъ, раскрывая ту же мысль о сотвореніи всего Словомъ, изреченіе *все* поясняетъ такъ: «все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое, престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли—все Имъ и для Него создано» (Кол. I, 16). Значить въ области всего сотвореннаго, ни на небесахъ, ни на землѣ, ни въ духовномъ, ни въ вещественномъ мірѣ нѣтъ существа, нѣтъ вещи, которая бы не чрезъ Него получила свое бытіе. Слѣдовательно, Слово есть творецъ міра, слѣдовательно есть Богъ. Оборотъ рѣчи—чрезъ Него или Имъ не значить, что Слово независимый Творецъ міра, не первоначальная дѣйствующая причина творенія міра, что будто бы Богъ сотворилъ міръ Словомъ, какъ художникъ орудіемъ; такой оборотъ рѣчи въ Писаніи употребляется и тогда, когда рѣчь идетъ о причинѣ первоначальной и самобытно-самостоятельно дѣйствующей (ср. I Кор. I, 9; XII, 8, 11; ср. Злат. и Теофил.). Здѣсь же «это такъ выражено для того только, чтобы кто-нибудь не сталъ почитать Сына не рожденнымъ» (Злат.). Такимъ оборотомъ рѣчи указывается заѣсь на то отношеніе Слова къ Отцу, по которому Богъ Отецъ невидимый, обитающій въ свѣтѣ неприступномъ, является и всегда дѣйствуетъ въ Сынѣ, который есть посему образъ Бога невидимаго (Евр. I, 3): Сынъ же никогда не дѣйствуетъ, какъ бы отрѣшившись или отдѣлившись отъ Отца, такъ что творческая дѣятельность Сына есть вмѣстѣ дѣятельность и Отца, и воля Отца есть вмѣстѣ и воля Сына (Ин. V, 19, 20). Безъ нею не начало быть ничто, что произошло: повтореніе, разъясненіе и усиленіе предыдущаго выраженія о творческой дѣятельности Слова. Въ мірѣ сотворенномъ все сотворено Имъ, не исключая ничего, но—только въ мірѣ сотворенномъ (что произошло). «Дабы кто не подумалъ, что если все произошло чрезъ Него; то и Духъ Святой, Евангелистъ нашелъ нужнымъ прибавить,—что произошло, т. е. то, что сотворено, но Духъ не есть существо сотворенное» (Злат. ср. Теофил.). «Меня не устрашитъ и то, что—по сказанному—все получило бытіе чрезъ Сына, какъ будто подъ словомъ *все* заключается и Духъ Святой. Ибо не просто сказано *все*, но—*все*, что произошло. Не Сыномъ Отецъ, не Сынъ и все то, что не имѣло начало бытія» (Григ. Бог. 3, 113).

3) Самое прямое и обычное значеніе слова χωρὶς есть: *помимо, и его я и оставляю*.

4) Вмѣсто мѣстоименія я ставлю опять для ясности рѣчи то слово, которое оно замѣняетъ.

5) Къ слову я, по требованію русскаго языка, прибавляю изъ *того*. Всякому, знающему греческій и русскій языки, извѣстно, что мѣстоименія относительныя не передаются съ греческаго на русскій дословно и всегда требуютъ прибавленія слова *того*.

6) Γέγονεν есть perfectum и потому неправильно переведено *бысть*; perfectum по-гречески означаетъ *было* и *есть* и потому должно быть переведено: *рождено* и *живо*.

7) Ἐν кромѣ значенія *въ* означаетъ *во власти кою-нибудь*: ἐν τοῖς, ἐν ἐκδόχοις и т. п. То же почти значеніе *въ* имѣетъ и по-русски: «въ немъ вся сила», «дѣло въ деньгахъ» и т. п., и въ этомъ самомъ

значении употреблено здѣсь. Въ немъ жизнь значитъ: въ немъ власть надъ жизнью, въ немъ сила жизни, въ немъ возможность жизни.

8. По конструкціи фразы καὶ ἡ ζωὴ ἣν τὸ φῶς и подобныхъ ей, и по выпускѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ члена передъ ζωή, — φῶς (свѣтъ) есть подлежащее.

Ин. XII, 36: «Доколѣ свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта».

9. Φῶς — свѣтъ — по всѣмъ контекстамъ означаетъ истинное разумѣніе жизни.

10. Καταλαμβάνω — схватить, связать, встрѣтить, понять, забирать, принимать, удерживать, помогать. Я перевожу въ смыслѣ помогать, исцѣлять, тушить.

Прежде сказано, что началомъ всего стало разумѣніе жизни; теперь говорится, что только разумѣніе даетъ жизнь, и что безъ разумѣнія не можетъ быть жизни. Жизнь заключается только въ разумѣніи ея. Четвертый стихъ подтверждаетъ это и говоритъ: жизнь находится во власти разумѣнія. Только разумѣніе даетъ возможность жизни. Истинная жизнь есть только та, которая освѣщена свѣтомъ разумѣнія. Свѣтъ людей есть истинная жизнь, свѣтъ даетъ свѣтъ, и нѣтъ въ немъ темноты. Такъ и разумѣніе даетъ жизнь, въ которой нѣтъ смерти.

Все, что стало истинно живо, стало такимъ только чрезъ разумѣніе. Жизнь истинная, по возвѣщенію Іисуса Христа, стала только въ разумѣніи. Или иначе сказать: свѣтъ—разумѣніе людей—стала для людей истинною жизнью. Точно такъ же, какъ свѣтъ есть истинно сущее, а темнота есть только отсутствіе свѣта. И темнота не можетъ уничтожить свѣтъ.

Ἐγένετο ἄνθρωπος ἀπεσταλμένος παρὰ Θεοῦ, ὄνομα αὐτοῦ Ἰωάννης· αὗτος ἦλθεν εἰς μαρτυρίαν, ἵνα μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ φωτός, ἵνα πάντες πιστεύσωσιν δι' αὐτοῦ. οὐκ ἦν ἐκεῖνος τὸ φῶς, ἀλλ' ἵνα μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ φωτός. Ἦν τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον. ἐν τῷ κόσμῳ ἦν, καὶ ὁ κόσμος δι' αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ ὁ κόσμος αὐτὸν οὐκ ἔγνω. Εἰς τὰ ἴδια ἦλθεν, καὶ οἱ ἴδιοι αὐτὸν οὐ παρέλαβον. ὅσοι ἤρασαν αὐτόν, ἐδωκεν αὐτοῖς ἐξουσίαν τέκνα Θεοῦ γενέσθαι, τοῖς πιστεύουσιν εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ, οἱ οὐκ ἐξ αἱμάτων οὐδὲ ἐκ θελήματος σαρκὸς οὐδὲ ἐκ θελήματος ἀνδρὸς ἀλλ' ἐκ Θεοῦ ἐγεννήσαν.

Ин. I, 6. Былъ человекъ, посланный отъ Бога, имя ему Іоаннъ;

7. онъ пришелъ для свидѣтельства, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ, дабы всѣ увѣровали чрезъ него;

8. онъ не былъ свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ.

Былъ человекъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ;

Онъ пришелъ для показанія 1), чтобы показать свѣтъ разумѣнія, чтобы всѣ вѣрили въ свѣтъ разумѣнія.

Онъ самъ не былъ свѣтъ, но пришелъ только, чтобы показать свѣтъ разумѣнія 2).

9. Былъ Свѣтъ истинный, Который просвѣщаетъ всякаго человека, приходящаго въ міръ.

10. Въ мірѣ былъ, и міръ чрезъ Него началъ быть, и міръ Его не позналъ;

11. пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли;

12. а тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ въ имя Его, далъ власть быть чадами Божиими,

13. которые не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились.

Оно стало 3) истиннымъ 4) свѣтомъ, такимъ, который освѣщаетъ всякаго человека, приходящаго въ міръ.

Оно явилось въ мірѣ, и міръ чрезъ 5) него родился 6), и міръ его не зналъ.

Оно явилось въ отдѣльных людяхъ 7), и отдѣльные люди его не принимали въ себя 8).

Но всѣ тѣ, которые поняли 9) его, всѣмъ тѣмъ оно дало возможность 10) стать 11) сынами Бога, вѣрою въ значение его 12).

Такъ какъ они 13) родились 14) не отъ кровей и отъ похоти плоти и похоти мужа, а отъ Бога.

Примѣчанія.

1) Ἡ μαρτυρία — свидѣтельство, доказательство, показаніе.

2) Стихи эти рѣзко прерываютъ ходъ мысли и даже самую рѣчь о значеніи свѣта, вводя подробности объ Іоаннѣ Крестителѣ. Стихи эти, по содержанію своему, не подтверждаютъ и не противорѣчатъ основной мысли, и потому не входятъ въ изложеніе, а составляютъ добавленіе.

3) Ἦν — означаетъ, какъ и въ прежнихъ спискахъ, не только было, но и стало.

4) Ἀληθινός — значитъ не истинный, а настоящій.

5) Δι' — опять должно быть переведено чрезъ и имѣть то же значеніе, какъ и въ предшествующемъ.

6) Ἐγένετο означаетъ родиться.

7) Τὰ ἴδια значитъ отдѣльное, особенное, и, очевидно, сказано въ противоположность міру вообще. Свѣтъ былъ и во всемъ мірѣ, и въ отдѣльных людяхъ, и потому къ слову ἴδιος, а, οὐ — отдѣльный, означающему то, что въ научномъ языкѣ выражаютъ словомъ особь, я прибавляю люди.

8) Παρελάβεν значитъ принять въ себя.

9) Λαμβάνειν — получить и самое обычное — понять.

10) Ἡ ἐξουσία значитъ позволеніе, свобода, право, возможность что-нибудь сдѣлать. Слово это съ другой стороны выражаетъ то самое, что выражено предлогомъ ἐν при ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν. Въ немъ была власть дать жизнь, и потому, родившись въ этомъ, они получили возможность.

11) Γενέσθαι, хотя и значитъ родиться, можетъ быть переведено въ этомъ мѣстѣ чрезъ быть или сдѣлаться.

12) Ὀνόμα αὐτοῦ. Слово это встрѣчается второй разъ, и оба раза оно употреблено послѣ слова вѣрить: вѣрить въ ὄνομα αὐτοῦ. По-русски ὄνομα значитъ имя, по-еврейски самое лицо. Чтобы выразить оба

понятія—и имя и лицо, надо сказать: *въ сущность его, въ значеніе его, въ смыслъ его*. Я такъ и перевожу.

13) *Ὁ*, относящееся къ *τοῦ*, не согласованное съ нимъ, должно быть переведено *такъ какъ они*.

14) *Γεννᾶσθαι* значитъ *зачать*, въ первомъ значеніи, и *родить*.

Сказано, что жизнь міра подобна свѣту въ темнотѣ. Свѣтъ свѣтитъ въ темнотѣ, и темнота его не удерживаетъ. Живое живетъ въ мірѣ, но міръ не удерживаетъ жизнь въ себѣ. Теперь, продолжая рѣчь о разумѣніи, говорится о томъ, что оно было тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ всякаго живого человѣка, тотъ настоящій свѣтъ жизни, который извѣстенъ всякому человѣку; такъ что разумѣніе разлито во всемъ мірѣ,—въ томъ мірѣ, который живъ имъ; но весь міръ не знаетъ этого, не знаетъ того, что въ разумѣніи только сила, основа, власть жизни. Разумѣніе было въ отдѣльныхъ людяхъ, и отдѣльные люди не приняли его въ себя, не усвоили его себѣ, не поняли, что жизнь только въ немъ. Разумѣніе было въ своемъ собственномъ произведеніи—сынѣ, но сынъ не признавалъ своего Отца. Ни все человѣчество, ни большинство людей порознь не понимали того, что они живутъ только разумѣніемъ, и жизнь ихъ была, какъ свѣтъ, являющійся въ темнотѣ, вспыхивающій и угасающій.

Была жизнь, проявлявшаяся среди смерти и опять поглощавшаяся смертью. Но тѣмъ, кто понялъ разумѣніе, всѣмъ тѣмъ оно дало возможность, вѣрою въ свое происхожденіе отъ него, сдѣлаться сынами его.

12-й стихъ, кажущійся столь нескладнымъ и запутаннымъ при первомъ чтеніи, такъ точенъ и ясенъ, если его переводить строго, что для разъясненія его ничего нельзя прибавить, какъ только повторить его съ замѣною причастія *παρόντος* отглагольнымъ существительнымъ, строго выражающимъ то же самое. Послѣ того какъ сказано, что жизнь для людей была какъ свѣтъ въ темнотѣ, что она проявлялась и поглощалась смертью, говорится: но несмотря на то, что это такъ было, разумѣніе давало возможность людямъ сдѣлаться сынами разумѣнія и этимъ избавиться отъ смерти. Въ 12-мъ стихѣ сказано, что разумѣніе дало людямъ возможность сдѣлаться сынами Бога. Для того, чтобы понять, что значитъ это выраженіе—сдѣлаться сыномъ Бога,—о чемъ подробно и ясно изложено въ бесѣдѣ съ Никодимомъ (Ин. III, 3—21), нужно вспомнить то, что сказано сначала. Разумѣніе есть Богъ. Слѣдовательно, сдѣлаться сыномъ Бога значитъ сдѣлаться сыномъ разумѣнія. Что значитъ сыномъ? Въ 3-мъ стихѣ сказано, что все, что родилось, родилось отъ разумѣнія. То, что родилось, то есть сынъ, слѣдовательно, всѣ мы сыны разумѣнія, и потому, что же значитъ: сдѣлаться сыномъ разумѣнія? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ 4-й стихъ. Онъ говоритъ, что жизнь находится во власти разумѣнія, и потому сыновность разумѣнію двоякая: одна естественная—всѣ сыны разумѣнія; а другая, зависящая отъ воли людей, отъ признанія за-

висимости своей жизни отъ разумѣнія. Точно такъ же, какъ плотская сыновность тоже всегда двоякая: всякій непременно—хочетъ ли или не хочетъ—сынъ своего отца и всякій можетъ признавать и не признавать отца. И потому сдѣлаться сыномъ разумѣнія значитъ повѣсть то, что жизнь во власти разумѣнія. Это самое сказано въ 9—11 стихахъ. Сказано, что люди не признавали того, чтобы жизнь была вся въ разумѣніи. И въ 12-мъ стихѣ сказано, что, однако, повѣривъ въ значеніе разумѣнія, они могли сдѣлаться вполнѣ сынами его, потому что всѣ люди произошли не отъ похоти мужчины и отъ кровей женщины, а отъ разумѣнія. Стоитъ признать это, чтобы и по происхожденію и по признанію быть вполнѣ сынами разумѣнія.

Смыслъ стиховъ слѣдующій:

Разумѣніе было во всѣхъ людяхъ. Оно было въ томъ, что оно произвело;—всѣ люди живы только потому, что они рождены разумѣніемъ. Но люди не признали своего отца разумѣнія—и не жили имъ, а полагали источникъ своей жизни внѣ его. Но всякому человеку, познавшему этотъ источникъ жизни, разумѣніе давало возможность вѣрою въ это сдѣлаться сыномъ Бога—разумѣнія, такъ какъ всѣ люди рождены и живы не отъ кровей женщины и отъ похоти мужчины, а отъ Бога—разумѣніемъ. Въ Иисусѣ Христѣ проявилось полное разумѣніе.

Καὶ ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν, καὶ ἐθαύμασα τὴν δόξαν αὐτοῦ, δόξαν ὡς μονογενοῦς παρὰ πατρός, πλήρης χάριτος καὶ ἀληθείας· (Ἰωάννης μαρτυρεῖ περὶ αὐτοῦ καὶ κέκραγεν λέγων — οὗτος ἦν ὁ εἰπὼν — Ὁ ἀπίστω μου ἐρχόμενος ἐμπροσθέν μου γέγονεν, ὅτι πρῶτός μου ἦν) ὅτι ἐκ τοῦ πληρώματος αὐτοῦ ἡμεῖς πάντες ἐλάβομεν, καὶ χάριν ἀντὶ χάριτος· ὅτι ὁ νόμος διὰ Μωσέως ἐδόθη, ἡ χάρις καὶ ἡ ἀλήθεια διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐγένετο.

Ин. I, 14. И слово стало плотью и обитало съ нами, полное благодати и истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца.

15. Иоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ и восклицая говоритъ: Сей былъ тотъ, о Которомъ я сказалъ, что Идущій за мною сталъ впереди меня, потому что былъ прежде меня.

16. И отъ полноты Его всѣ мы приняли и благодать на благодать;

17. ибо законъ данъ чрезъ Моисея, благодать же и истина произошли чрезъ Иисуса Христа.

И разумѣніе сдѣлалось плотью и поселилось¹⁾ среди насъ, и мы увидали ученіе²⁾ — ученіе его, какъ³⁾ однороднаго⁴⁾ отъ⁵⁾ Отца, законченное⁶⁾ ученіе Богоугожденія⁷⁾ дѣломъ⁸⁾.

Иоаннъ показываетъ о немъ и кричать и говорить: это тотъ, про котораго я говорилъ. Тотъ, кто позади меня пришелъ, — тотъ прежде меня родился, потому что онъ первый былъ⁹⁾.

Потому что отъ выполненія¹⁰⁾ его всѣ мы постигли¹¹⁾ Богоугожденіе вмѣсто¹²⁾ богоугожденія.

Потому что¹³⁾ Моисеемъ данъ законъ. Богоугожденіе же дѣломъ произошло черезъ Иисуса Христа.

Примѣчанія.

1) Σκηνώω, ὦ — поставить палатку, сдѣлать жилище, начать жить, поселиться.

2) Δόξα отъ δοξάω значитъ Ansicht, воззрѣнiе, мнѣнiе, ученiе. Δόξα въ этомъ случаѣ не можетъ быть переведено ни молва, ни слава. Самое вѣрное было бы положенiе, то, что полагаетъ кто-либо; но такъ какъ слово это не употребительно, то я замѣняю его ученiемъ.

3) Ὡς должно быть переведено не какъ бы, а въ томъ, что. Здѣсь же, по обороту рѣчи, не можетъ быть передано иначе, какъ «какъ», но съ смысломъ въ томъ, что.

4) Μονογενής — кромѣ значенiя рожденный, одинъ, единственный, значитъ однородный, eines Geschlechts, одною рода, свойства, одинокий по сущности съ кѣмъ-нибудь; ὁμός въ этомъ соединенiи значитъ не единый, но одинъ, какъ и во многихъ подобныхъ словахъ, какъ то μονοχρόνος — одновременный, μονολόγος — говорящiй одинъ, и многiя другiя. Въ Евангелiи Иоанна только четыре раза употреблено это слово: 1) въ настоящемъ случаѣ; 2) «Бога не видѣлъ никто никогда; однородный сынъ, сый въ небесахъ, онъ явилъ» (I, 18); 3) «Такъ возлюбилъ Богъ мiръ, что отдалъ однороднаго сына своего единственнаго, чтобы всякій, вѣрующiй въ Него, не погибъ, но имѣлъ бы жизнь вѣчную» (III, 16); и 4) «Вѣрующiй въ Него не будетъ судимъ, а невѣрующiй уже осужденъ, потому что не увѣровалъ во однороднаго сына Божiя» (III, 18). Всѣ четыре раза слово это употреблено въ одномъ и томъ же смыслѣ однородности.

5) Παρά. Во многихъ мѣстахъ у Иоанна предлоги употребляются въ смыслѣ сказуемаго. Такъ употреблено παρά въ первомъ стихѣ; такъ употребляется и здѣсь παρά, оно означаетъ исходившiй отъ. То же какъ παρά Θεοῦ значитъ сошедшiй отъ Бога.

6) Вмѣсто πλήρης стоитъ во многихъ спискахъ πληρῆς, т. е. винительный падежъ, и относится къ δόξῃ, а не къ λόγῳ, и означаетъ совершенное, полное, законченное. Родительный падежъ χάριτος и ἀληθείας можетъ зависѣть и отъ πληρῆς и отъ δόξῃ. Въ обоихъ случаяхъ смыслъ одинъ и тотъ же: совершенно ли полно было то разумѣнiе, которое дало намъ ученiе, или совершенно полно выполнено было ученiе разумѣнiя. Я предпочитаю относить къ δόξῃ, а не къ λόγῳ, потому что δόξα въ томъ самомъ древнемъ вариантѣ, который я принимаю, стоитъ послѣ и какъ бы умышленно повторено.

7) Χάρις — значитъ: 1) прелесть, прiятность, любезность, красота; 2) благосклонность; 3) благодарность; 4) все то, что вызываетъ благодарность, — благотворенiе; 5) дары, жертва и само жертвоприношенiе, богоугожденiе, culte. Въ этомъ мѣстѣ я перевожу χάρις черезъ богоугожденiе, потому что въ 16-мъ стихѣ говорится, что Христосъ далъ намъ χάρις ἀντὶ χάριτος, т. е. одну χάρις вмѣсто другой. Одна же χάρις есть законъ Моисея, т. е. законъ богоугожденiя, слѣдовательно, χάρις Христа есть богоугожденiе по ученiю Христа.

8) Ἀλήθεια значитъ правда, истина, действительность, реальность. Для выраженiя двухъ первыхъ значенiй слово истина передаетъ его вполне, но для выраженiя реальности, действительности, чтобы

передать это понятiе, нужно бы употребить перифразу и сказать на дѣлѣ, и я употребляю это выраженiе. Принимая же каноническое размѣщенiе словъ, именно: «И Слово стало плотью и обитало съ нами, полное благодати и истины, и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца», — переводъ будетъ тотъ же: И разумѣнiе вселилось среди насъ, разумѣнiе совершеннаго богоугожденiя истиною (или на дѣлѣ) и мы поняли ученiе его, какъ однороднаго ученiя, исходящаго отъ Отца.

9) Стихъ 15-й объ Иоаннѣ Крестителѣ поражаетъ своею неумѣстностью, и по нарушенiю смысла, и прямо филологически. Рѣчь въ 14-мъ стихѣ идетъ о совершенной славѣ, или ученiи благодати, или служенiи Богу; въ 16-мъ же стихѣ то же слово πληρῆς — въ формѣ существительнаго πληρώμα — связываетъ дальнѣйшее изложение о благодати, и вдругъ въ серединѣ этихъ стиховъ является стихъ о свидѣтельствѣ Иоанна Крестителя, ничѣмъ не связанный ни съ предыдущимъ, ни съ слѣдующимъ. Стихъ этотъ не входитъ въ изложенiе и долженъ быть печатанъ мелкимъ шрифтомъ въ видѣ прибавленiя.

10) Πλήρωμα значитъ полнота, преисполненность, совершенство, выполненiе. Я перевожу выполненiе, потому что все это мѣсто Иоанна, говорящее о значенiи ученiя Иисуса Христа по отношенiю къ закону Моисееву, очевидно находится въ тѣсной связи и какъ бы только разъясняетъ 17-й стихъ 5-й главы Маттея, гдѣ употреблено то самое слово πληρώμα въ смыслѣ выполненiя: ὅτι ἦλθεν καταβῶσι τὸ νόμον, ἀλλὰ πληρῶσαι.

11) Λαμβάνω значитъ принять и понять, т. е. взять въ себя — ἐν σοὶ λαμβάνειν. Понять совершенно передаетъ λαμβάνειν, но такъ какъ понять въ новомъ нашемъ русскомъ языкѣ получило исключительное отвлеченное значенiе, то я передаю глаголомъ, имѣющимъ болѣе широкое значенiе и вполне соответствующимъ большинству значенiй λαμβάνω — постигаю.

12) Ἀντὶ имѣетъ вполне значенiе латинскаго pro и русскаго вмѣсто и такъ и должно быть передано. Передача предлога ἀντὶ черезъ воz по-славянски и über по-нѣмецки — Gnade über Gnade — значитъ по-русски «благодать на благодать», sur и après по-французски — grâce sur grâce или après grâce, — какъ переводитъ Рейсъ, — ничѣмъ не оправдывается. (Одинъ англiйскiй переводъ, по особенноти предлога for — for grace, — имѣетъ отчасти въ одномъ смыслѣ значенiе вмѣсто).

13) Ὅτι стоитъ во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ и значитъ потому что.

Въ переводѣ 16 и 17 стиховъ я отступаю отъ обычнаго перевода. Отступленiя, дѣлаемые мною, подтверждаются требованiями языка, ясностью получаемого смысла, связностью всей рѣчи и строгою соответственностью съ предшествующимъ. Какъ въ переводѣ словъ λόγος — слово, γίνομαι — творю, такъ и теперь въ переводѣ словъ δόξα — слава, μονογενής — единственный, предлога ἀντὶ — сверхъ, воz, ὥς — quasi, als, χάρις — благодать и глагола λαμβάνειν — въ этомъ мѣстѣ словомъ получить — пусть требуютъ объясненiй не отъ меня.

но отъ прежнихъ переводчиковъ. Только желаніе подвести слова подъ впередъ утвержденное мнѣніе могло заставить переводчиковъ давать такой несвойственный языку и все-таки темный переводъ этого мѣста.

Δόξα означаетъ *воззрѣніе, доиматъ, ученіе, вѣрованіе*; только въ рѣдкихъ случаяхъ оно имѣетъ значеніе *славы*; и то въ смыслѣ русскому народномъ—*слава*.

Церковный переводъ передалъ *δόξα* въ этомъ мѣстѣ словами *gloria, Herrlichkeit, слава*. Но смыслъ этихъ словъ неприменимъ къ разумѣнію, и потому Церковь придала и слову *слава* то настоящее значеніе ученія, вѣрованія, которое оно имѣетъ, и потому говорить: «мы видѣли его *славу* какъ едиnorodнаго сына», понимая подъ словомъ *слава* не вполнѣ *gloria*, а что-то другое; часто Церковь слово *слава* употребляетъ прямо въ смыслѣ вѣрованія, ученія, какъ, напр., въ выраженіи *ὁρθή δόξα*—*православіе* или *правовѣріе*. Я ставлю *ученіе* вмѣсто *славы*, какъ слово болѣе точное, но готовъ и оставить слово *слава*, если придать ему значеніе *вѣрованія*. Значеніе *μονογενής*—*одnorodнаго*—подтверждается версіей этого мѣста у Оригена: тамъ стоитъ *ἀληθὺς μονογενὴς ὡς πατὴρ πατρός*, т. е. истинно одnorodнаго, какъ отъ Отца. *Πατὴρ πατρός* есть только объясненіе того, что значить *μονογενής*—*совсѣмъ такой же, какъ отъ Отца*.

Χάρις переведено словомъ *gratia, grase, Gnade, благодать*. Первые два—*gratia* и *grase*—значатъ *прелесть*; но слова эти, хотя и переведены такъ, понимаются не въ этомъ значеніи, а въ томъ, которое получили эти слова послѣ. Точно такъ же и слово *Gnade*, означающее *милость*, не понимается въ значеніи милости, а въ значеніи другомъ, данномъ слову послѣ. То же съ словомъ *благодать*, означающимъ *благій даръ*:—оно понимается не въ смыслѣ благой даръ, а въ томъ смыслѣ, который данъ этому слову послѣ.

Но, если понимать слово *χάρις* въ значеніи церковной благодати, то 17-й стихъ, гдѣ сказано: «и *благодать* вмѣсто или за *благодать*», нарушаетъ этотъ смыслъ. «И *благодать* вмѣсто благодати» значитъ, что прежняя благодать замѣнена новою; но это значеніе было противно церковному смыслу, и потому переводчики должны были измѣнить значеніе предлога *ἀντί*, на которомъ зиждется весь смыслъ, и совершенно произвольно передали его *воз, на, sur, über*, по-англійски *for*. При этой передѣлкѣ получился тотъ смыслъ, который былъ нуженъ,—именно тотъ, что отъ Христа мы получили приращеніе благодати. Но при этомъ произвольномъ переводѣ объясненіе всего мѣста и въ особенности 16 стиха стало еще труднѣе. Сказано: «отъ полноты его мы получили благодать на благодать», и слова эти объясняютъ тѣмъ, что мы получили отъ Иисуса Христа добавленіе къ благодати, полученной чрезъ Моисея. Но вслѣдъ за тѣмъ говорится, что законъ Моисеевъ данъ, благодать же и истина Иисусомъ Христомъ, т. е. благодать и истина противопологаются закону Моисея.

Трудность перевода этого мѣста состоитъ въ томъ, что въ 14-мъ стихѣ говорится, что разумѣніе стало плотью, и мы увидали его ученіе или славу, какъ одnorodнаго отъ Отца, преисполнен-

наго (какъ понимаетъ Церковь) *χάρις* и истины. Какъ ни понимать *χάρις*, до сихъ поръ ясно, что *λόγος* былъ полонъ *χάρις* и истины. Но въ 16-мъ стихѣ, начинающемся съ *ἀντί*, говорится: «потому что отъ полноты Иисуса Христа мы получили *χάρις* вмѣсто—или за—*χάρις*» и ничего не сказано объ истинѣ, тогда какъ въ началѣ говорится, что онъ, Христосъ, былъ полонъ *χάρις* и истины, и въ 17-мъ стихѣ опять говорится, что *χάρις* и истина отъ Иисуса Христа. Если бы не было 16-го стиха, все бы еще кое-какъ можно бы связать: *λόγος* былъ полонъ *χάρις* и истины (хотя и очень неловко сказано: вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ *научилъ насъ, далъ намъ* *χάρις* и истину—сказано, что онъ *былъ полонъ*); но если онъ полонъ *χάρις* и истины, то ясно то, что сказано въ 16-мъ стихѣ, что законъ Моисеевъ данъ, т. е. не *χάρις* и истина, а *χάρις* и истина даны Иисусомъ Христомъ. Но 15-й стихъ, стоящій въ серединѣ и какъ будто разъясняющій связь 14-го съ 17-мъ, совершенно нарушаетъ ее. Если даже переводить (что невозможно) *ἀντί* черезъ *на* и *χάρις* черезъ *благодать* на *благодать* и подъ первой благодатью разумѣть законъ Моисея,—непонятно, почему сказано въ 17-мъ стихѣ, что благодать и истина даны черезъ Иисуса Христа; было бы сказано, что *добавленіе* благодати, а не благодать и истина. Чтобы придать смыслъ этому мѣсту, надо переводить *χάρις* черезъ *богоугожденіе* и *ἀλήθεια* черезъ слово *дѣломъ, на дѣлѣ*; и тогда выходитъ тотъ смыслъ, что совершенное ученіе богоугожденія на дѣлѣ далъ намъ Иисусъ Христосъ, потому что отъ совершенства его мы получили радостное, свободное, жизненное богоугожденіе, вмѣсто богоугожденія вѣшняго. Законъ данъ Моисеемъ, но богоугожденіе, исполняемое на дѣлѣ, дано намъ—Иисусомъ Христомъ.

Въ предшествующихъ стихахъ говорится о томъ, какъ проявлялось разумѣніе въ мірѣ и въ людяхъ. Сказано, что люди могли, признавъ разумѣніе основой своей жизни, сдѣлаться сынами Бога, удержатъ въ себѣ разумѣніе. Теперь говорится о томъ, какъ это самое совершилось въ мірѣ. Говорится, что разумѣніе сдѣлалось плотью, явилось въ плоти, жило съ нами. Слова эти, связанныя съ 17-мъ стихомъ, въ которомъ сказано, что новое ученіе дано намъ Иисусомъ Христомъ, нельзя понимать иначе, какъ относя ихъ къ Иисусу Христу.

Ученіе въ томъ самомъ, что, какъ сказано выше, даетъ истинную жизнь,—въ признаніи себя сыномъ Бога, одnorodнымъ Ему. Слова эти по смыслу всего предшествующаго означаютъ то, что основа ученія Иисуса Христа была та, что жизнь произошла отъ разумѣнія и одnorodна ему. Далѣе говорится, что ученіе это есть полное, законченное ученіе о богоугожденіи дѣломъ. Ученіе это совершенно и закончено именно потому, что къ ученію богоугожденія по закону оно присоединяетъ ученіе о богоугожденіи на дѣлѣ.

Все дальнѣйшее ученіе, какъ у Іоанна, объ отношеніяхъ Отца къ сыну, такъ и у Матвея и другихъ Евангелистовъ, о томъ, что

Христосъ пришелъ не измѣнить законъ, но выполнить, и многое другое, ясно подтверждаетъ вѣрность этого смысла.

Въ 14-мъ стихѣ сказано, что учение Иисуса Христа, какъ однороднаго сына отъ Отца, есть законченное учение богоутожденія на дѣлѣ.

Смыслъ стиховъ слѣдующій: Въ Иисусѣ Христѣ разумнѣе слилось съ жизнью и жило между нами, и мы поняли его учение о томъ, что жизнь произошла отъ разумнѣя и однородна ему — какъ сынъ произошелъ отъ отца и однороденъ ему; мы получили законченное учение богоутожденія дѣломъ, потому что по исполненію Иисусомъ Христомъ всѣ мы постигли новое богоутожденіе вмѣсто прежняго, такъ какъ Моисеемъ былъ данъ законъ, — богоутожденіе же дѣломъ произошло черезъ Иисуса Христа.

Въ чемъ состояло разумнѣе Иисуса Христа.

Θεὸν οὐδεὶς ἑώρακεν πώποτε· ὁ μονογενὴς υἱὸς ὁ ὢν εἰς τὸν κόλπον τοῦ πατρὸς ἐκεῖνος ἐξηγήσατο.

Ин. 1, 18. Бога не видѣлъ никто никогда; Единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ.

Бога никто не постигалъ¹⁾ и не постигнетъ никогда, однородный сынъ, будучи²⁾ въ³⁾ сердцѣ⁴⁾ Отца, онъ указалъ путь⁵⁾.

Примѣчанія.

1) Ὁρίω — видѣть, постигать непосредственно, познавать. Здѣсь стоитъ perfectum и потому означаетъ не постигалъ и не постигнетъ.

2) Ὁ — правильнѣе всего передается дѣепричастіемъ, указывающимъ на то, что, будучи въ Отцѣ, только Онъ указываетъ путь.

3) Εἰς; означаетъ движеніе во что-нибудь. Εἰς, а не ἐν, стоитъ именно потому, что ὁ ὢν εἰς; означаетъ и находящійся всегда въ Отцѣ и какъ бы стремящійся быть въ сердцѣ, въ сердцевинѣ Отца.

4) Κόλπον — грудь, пазуха. Быть въ груди, въ пазухѣ, въ сердцѣ означаетъ, что одно заключено въ другомъ, обнимается другимъ, находится въ немъ. Быть въ сердцѣ, въ сердцевинѣ передаетъ значеніе κολῶν.

5) Ἐξηγήσατο имѣетъ значеніе рассказывать, руководить, указывать путь.

Слова: «Бога никто не видалъ никогда», — кромѣ ихъ общаго значенія, имѣютъ еще то частное значеніе, что отрицаютъ еврейское представленіе о Богѣ, видѣнномъ на Синаѣ и въ купинѣ.

Если бы могло еще быть малѣйшее сомнѣніе въ прямомъ и точномъ значеніи словъ 1-го стиха о томъ, что разумнѣе стало Богъ, то этотъ 18-й стихъ, не допуская никакого перетолкованія словъ, говоритъ, что мы не можемъ говорить о Богѣ, котораго не разумѣемъ, что нѣтъ и не можетъ быть другого Бога, какъ тотъ, который открывается сыномъ Бога — разумнѣемъ жизни, если она

заключаетъ себя въ разумнѣи. Бога никто никогда не видѣлъ и не позналъ, только однородный сынъ, будучи въ сердцѣ Отца, указалъ путь.

Сынъ — значитъ жизнь, живой человѣкъ, какъ сказано въ стихѣ 3-мъ: «Все, что рождено, — рождено разумнѣемъ». И въ стихѣ 4-мъ, гдѣ сказано, что «въ немъ жизнь», и въ стихахъ 12-мъ и 13-мъ, что «сыны Бога тѣ, которые признали, что они рождены разумнѣемъ». Однородный сынъ значитъ такой же, какъ Отецъ. Будучи въ сердцѣ Отца — значитъ, что жизнь, живой человѣкъ, будучи въ сердцѣ, т. е. не выходя изъ разумнѣя, сливаясь съ нимъ, указываетъ только путь къ нему, но не являетъ его.

Смыслъ стиха слѣдующій: Бога никто не видѣлъ и не видитъ никогда, только жизнь въ разумнѣи показала путь къ Нему.

Возвѣщеніе о благѣ Иисуса Христа — сына Бога.

Введеніе.

Возвѣщеніе это написано для того, чтобы люди увѣровали въ то, что Иисусъ Христосъ — сынъ Бога, и этою вѣрою въ то самое, что онъ былъ, получили бы жизнь (Ин. XX, 31).

Бога никто никогда не позналъ и не познаетъ. Все, что мы знаемъ о Богѣ, мы знаемъ потому, что имѣемъ разумнѣе. И потому истинное начало всего есть разумнѣе. (То, что мы называемъ Богомъ, есть разумнѣе. Разумнѣе есть начало всего — оно есть истинный Богъ) (Ин. 1, 1, 2).

Безъ разумнѣя ничего не можетъ быть: все произошло отъ разумнѣя. Въ разумнѣи сила жизни. Какъ только потому, что есть свѣтъ, существуетъ для насъ все разнообразіе вещей, точно такъ же, только потому, что есть разумнѣе, существуетъ для насъ все разнообразіе жизни — сама жизнь. Разумнѣе есть начало всего (Ин. 1, 3, 4).

Въ мірѣ жизнь не обнимаетъ всего. Въ мірѣ жизнь проявляется, какъ свѣтъ среди мрака. Свѣтъ свѣтитъ, покуда онъ свѣтитъ, и темнота не удерживаетъ свѣта и остается темнотою. Такъ и въ мірѣ жизнь проявляется среди смерти, и смерть не удерживаетъ жизни, но остается смертію (Ин. 1, 5).

Источникъ жизни — разумнѣе — было во всемъ мірѣ и въ каждомъ живомъ человѣкѣ. Но живые люди — живые только потому, что въ нихъ было разумнѣе, — не понимали того, что они произошли отъ разумнѣя (Ин. 1, 9 — 10). Не понимали того, что разумнѣе давало имъ возможность слиться съ нимъ, такъ какъ они живы не отъ плоти, а отъ разумнѣя. Понявъ это и повѣривъ въ свою сыновность разумнѣю, люди могли имѣть истинную жизнь (Ин. 1, 12, 13).

Но люди не поняли этого, и жизнь въ мірѣ была, какъ свѣтъ въ темнотѣ. Бога, начала всѣхъ началъ, никто никогда не позналъ

и не познаетъ, только жизнь въ разумѣніи указала путь къ Нему (Ин. I, 18).

И вотъ Иисусъ Христосъ, живя среди насъ, явилъ разумѣніе во плоти, въ томъ, что жизнь произошла отъ разумѣнія и однородна ему, такъ же, какъ сынъ произошелъ отъ Отца и однороденъ Ему. И, глядя на его жизнь, мы поняли полное ученіе богоугождения дѣломъ, потому что, вслѣдствіе совершенства его, мы поняли новое богоугождение вмѣсто прежняго. Моисеемъ былъ данъ законъ, но богоугождение дѣломъ произошло черезъ жизнь Иисуса Христа.

Бога никто не видалъ и не видитъ никогда, только сынъ Бога въ человѣкѣ указалъ путь къ Нему.

сѣтр 33

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Воплощеніе разумѣнія.

Рожденіе и дѣтство Иисуса Христа.

Лк. I гл. отъ 5 до 25 стиха включительно.

Въ стихахъ этихъ разсказываются чудесныя событія, относящіяся къ рожденію Іоанна Крестителя. Событія эти не имѣютъ не только ничего общаго съ ученіемъ Иисуса Христа и возвѣщеніемъ о благѣ, но даже не касаются самого Иисуса Христа, и потому, какъ бы эти событія ни были понимаемы, они ничего не могутъ измѣнить въ смыслѣ ученія Иисуса Христа.

Лк. I гл. 26—79 включительно.

Стихи эти излагаютъ чудесныя событія, предшествовавшія рожденію Иисуса Христа, и связываются съ такими же чудесными и чуждыми ученію событіями, сопровождавшими рожденіе Иисуса Христа.

Мѡ. I гл. 1—17 включительно и Лк. III гл. 23—38 включительно.

Въ стихахъ этихъ излагаются два родословія Иисуса Христа. Если бы даже родословія эти и были согласны между собою, они не касаются ученія и, какъ бы ни были понимаемы, ничего не могутъ ни прибавить, ни убавить, ни измѣнить ученія, и потому всѣ выписанные стихи должны быть отнесены къ прибавленію.

сѣтр 43

Τοῦ δὲ Ἰησοῦ Χριστοῦ ἡ γένεσις οὕτως ἦν. Μνηστευθεῖσης τῆς μητρὸς αὐτοῦ Μαρίας τῇ Ἰωσήφ, πρὶν ἢ συνελθεῖν αὐτοὺς εὗρεθῇ ἐν γαστρὶ ἔχουσα ἐκ πνεύματος ἁγίου. Ἰωσήφ δὲ ὁ ἀνὴρ αὐτῆς, δίκαιος ὢν καὶ μὴ θέλων αὐτὴν βουλήσθαι, ἐβουλήθη λάθρα ἀπολῦσαι αὐτήν. Ταῦτα δὲ αὐτοῦ ἐνθυμηθέντος ἰδοὺ ἄγγελος Κυρίου κατ' ὄναρ ἐφάνη αὐτῷ λέγων Ἰωσήφ υἱὸς Δαυεὶδ, μὴ φοβῆθῃς παραλαβεῖν Μαρίαν τὴν γυναῖκα σου, τὸ γὰρ ἐν αὐτῇ γεννηθὲν ἐκ πνεύματος ἁγίου· τέξεται δὲ υἱόν καὶ καλέσεις τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦν, αὐτὸς γὰρ σώσει τὸν λαόν αὐτοῦ ἀπὸ τῶν ἁμαρτιῶν αὐτῶν.

Ἐγερθεὶς δὲ ὁ Ἰωσήφ ἀπὸ τοῦ ὕπνου ἐποίησεν ὡς προσέταξεν αὐτῷ ὁ ἄγγελος Κυρίου καὶ παρέλαβεν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ· καὶ οὐκ ἐγίνωσκεν αὐτήν ἕως (οὗ) ἔτεκεν υἱόν· καὶ ἐκάλεσεν τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦν.

Мѡ. I, 18. Рождество Иисуса Христа было такъ: по обрученіи Матери Его Маріи съ Іосифомъ, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имѣетъ во чревѣ отъ Духа Святаго.

Рожденіе Иисуса Христа такъ было: когда выдана была его мать Іосифу, прежде чѣмъ имъ сойтись, оказалась она беременна.

19. Иосифъ же, мужъ Ея, будучи праведенъ и не желая огласить Ея, хотѣлъ тайно отпустить Ея.

20. Но когда онъ помыслилъ это, — се, Ангелъ Господень явился ему во снѣ и сказалъ: Иосифъ, сынъ Давидовъ! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся въ Ней есть отъ Духа Святаго;

21. родить же Сына, и наречь Емю имя: Иисусъ; ибо Онъ спасетъ людей своихъ отъ грѣховъ ихъ.

24. Вставъ отъ сна, Иосифъ поступилъ, какъ повелѣлъ ему Ангелъ Господень, и принялъ жену свою,

25. и не зналъ Ея, какъ наконецъ Она родила Сына Своего первенца, и онъ нарекъ Емю имя: Иисусъ.

Иосифъ, мужъ ея, былъ праведенъ: не хотѣлъ ее учить и задумалъ безъ огласки отпустить ее.

Но когда онъ подумалъ это, ему приснилось, что посланный отъ Бога явился ему и сказалъ: не бойся принять Марию, жену твою, потому что то, что родится отъ нея, родится отъ духа святаго¹⁾.

И она родитъ сына, и назовешь его Иисусъ, что значитъ Спаситель, потому что онъ спасетъ людей отъ грѣховъ ихъ.

Проснувшись, Иосифъ сдѣлалъ, какъ велѣлъ ему Ангелъ Божій, и принялъ ее себѣ въ жены.

И не имѣлъ съ ней дѣла, пока она не родила своего перваго сына и назвала его Иисусъ.

Примѣчанія.

1) Слова: «отъ Духа Святаго» въ этомъ мѣстѣ означаютъ рожденіе свыше, то самое рожденіе, которое по бесѣдѣ съ Никодимомъ свойственно всѣмъ людямъ.

Стихи 22, 23 утверждаютъ, что рожденіе Иисуса исполнило пророчество. Это пророчество въ высшей степени натянуто и не только не подтверждаетъ, но подрываетъ тезисъ писателя.

Смыслъ стиховъ слѣдующій:

Была дѣвица Марія. Дѣвица эта забеременѣла неизвестно отъ кого. Обрученный съ нею мужъ пожалѣлъ ее и, скрывая ея срамъ, принялъ ее. Отъ нея-то и неизвестнаго отца родился мальчикъ. Мальчика назвали Иисусъ. (И этотъ-то Иисусъ былъ разумѣніе во плоти. Онъ-то и явилъ міру Бога, котораго никто не зналъ и не знаетъ). И этотъ-то Иисусъ былъ тотъ Иисусъ, сынъ Божій, который далъ міру то ученіе, о которомъ говоритъ Іоаннъ, и которое изложено въ Евангеліяхъ.

Лк. II гл. I—12 ст. включительно.
Мф. II гл. I—12 ст. »
Лк. II гл. 22—38 ст. »
Мф. II гл. 13—23 ст. »
Лк. II гл. 39 ст.

Въ стихахъ этихъ описывается рожденіе Иисуса Христа и странствованіе его съ матерью, сопровождаемое чудесными событіями и предсказаніями.

Стихи эти не содержатъ въ себѣ ничего, относящагося къ ученію Иисуса и даже до событій, которыя могли имѣть вліяніе на него. Объясненіе этихъ главъ есть то, что это легенды, образовавшіяся, какъ они и теперь образуются, вокругъ дѣтства лица, получившаго послѣ своей смерти большое значеніе. Мотивъ этихъ главъ есть приданіе какъ можно большей важности лицу посредствомъ чудесъ и пророчествъ. Низменный тонъ этихъ описаній, въ особенности у Луки, напоминающій многія апокрифическія сказанія, поражаетъ своею несоотвѣтственностью съ другими мѣстами тѣхъ же книгъ.

Нельзя себѣ представить человѣка, который бы, понявъ вполне ученіе, выраженное во вступленіи Іоанна, признавалъ бы легенды о рожденіи. Одно исключаетъ другое. Для того, кто понималъ значеніе сына Божія, какъ сына разумѣнія, какъ оно объяснено во вступленіи, для того рассказы о событіяхъ, предшествовавшихъ рожденію Іоанна и Иисуса Христа, и рассказъ о самомъ рожденіи и послѣдующихъ обстоятельствахъ не могутъ быть понятны, а, главное, не нужны. Тотъ же, кто приписываетъ значеніе и важность чудесному рожденію Иисуса отъ дѣвы и духа святаго, какъ мужа, очевидно, не понималъ еще значенія сына разумѣнія.

Значеніе всего мѣста то, что оправдывается рожденіе Иисуса Христа. Сказано, что Иисусъ Христосъ былъ разумѣніе, онъ одинъ явилъ Бога. И этотъ самый Иисусъ Христосъ родился въ самыхъ считающихся постыдными условіяхъ—отъ дѣвы.

Всѣ эти главы суть оправданія съ человѣческой точки зрѣнія этого рожденія. Рожденіе и незнаніе Иисусомъ своего плотскаго отца есть единственная черта этихъ главъ, имѣющая значеніе для послѣдующаго ученія Иисуса Христа.

Τὸ δὲ παῖδιον ᾗσανεν καὶ ἐκράταυτο πληρούμενον σοφίᾳ, καὶ χάρις Θεοῦ ἦν ἐπ' αὐτό.
Καὶ ἐπορεύοντο οἱ γονεῖς αὐτοῦ κατ' ἔτος εἰς Ἱερουσαλὴμ τῇ ἑορτῇ τοῦ πάσχα.
Καὶ ὅτε ἐγένετο ἑτῶν δώδεκα, ἀναβαινόντων αὐτῶν κατὰ τὸ ἔθος τῆς ἑορτῆς καὶ τελευτῶ-
σάντων τὰς ἡμέρας, ἐν τῷ ὑποστρέφειν αὐτοὺς ὑπέμεινεν Ἰησοῦς ὁ παῖς ἐν Ἱερουσαλὴμ,
καὶ οὐκ ἔγνωσαν οἱ γονεῖς αὐτοῦ, νομίσαντες δὲ αὐτὸν εἶναι ἐν τῇ συνοδίᾳ ἡλλήνων ἡμέρας
ὁδὸν καὶ ἀνεζήτουν αὐτὸν ἐν τοῖς συγγενέσιν καὶ τοῖς γνωστοῖς, καὶ μὴ εὗρόντες ὑπέ-
στρεψαν εἰς Ἱερουσαλὴμ ἀναζητοῦντες αὐτόν. καὶ ἐγένετο μετὰ ἡμέρας τρεῖς εὗρον αὐτόν
ἐν τῷ ἱερῷ καθήμενον ἐν μέσῳ τῶν διδασκάλων καὶ ἀκούοντα αὐτῶν καὶ ἐπερωτῶντα
αὐτούς· ἐξίσταντο δὲ πάντες οἱ ἀκούοντες αὐτοῦ ἐπὶ τῇ συνέσει καὶ ταῖς ἀποκρίσεσιν
αὐτοῦ, καὶ ἰδόντες αὐτόν ἐξεπλάγησαν, καὶ εἶπεν πρὸς αὐτόν ἡ μήτηρ αὐτοῦ Τεκνον, τί
αὐτοῦ, καὶ ἰδόντες αὐτόν ἐξεπλάγησαν, καὶ εἶπεν πρὸς αὐτόν ἡ μήτηρ αὐτοῦ Τεκνον, τί
ἐπαίτας ἡμῖν οὕτως; ἰδοὺ ὁ πατήρ σου καὶ ἐγὼ οὐκ ὀδυρόμενον ζητοῦμέν σε, καὶ εἶπεν πρὸς
αὐτούς· Τί ἐζητεῖτέ με; οὐκ ᾔδειτε ὅτι ἐν τοῖς τοῦ πατρὸς μου δεῖ εἶναι με; καὶ
αὐτοὶ οὐ συνήκαν τῷ ῥήματι ὁ ἐλάλησεν αὐτοῖς, καὶ κατέβη μετ' αὐτῶν καὶ ἦλθεν εἰς Ναζαρέτ.
αὐτοὶ οὐ συνήκαν τῷ ῥήματι ὁ ἐλάλησεν αὐτοῖς, καὶ κατέβη μετ' αὐτῶν καὶ ἦλθεν εἰς Ναζαρέτ.
καὶ ἦν ὑποτασσόμενος αὐτοῖς, καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ διατήρει πάντα τὰ ῥήματα ἐν τῇ καρδίᾳ
αὐτῆς. Καὶ Ἰησοῦς προέκοπτεν ἐν σοφίᾳ καὶ ἡλικίᾳ καὶ χάριτι παρὰ Θεοῦ καὶ ἀνθρώπων.
3*

Лк. II, 40. Младенецъ же возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ.

41. Каждый годъ родители Его ходили въ Иерусалимъ на праздникъ Пасхи.

42. И когда Онъ былъ двѣнадцати лѣтъ, пришли они также по обычаю въ Иерусалимъ на праздникъ;

43. когда же, по окончаніи дней праздника, возвращались, остался Отрокъ Иисусъ въ Иерусалимѣ; и не замѣтили того Іосифъ и Матерь Его;

44. но думали, что Онъ идетъ съ другими; прошедши же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми;

45. и не найдши Его, возвратились въ Иерусалимъ, ища Его.

46. Черезъ три дня нашли Его въ храмѣ, сидящаго посреди учителей, слушающаго ихъ и спрашивающаго ихъ;

47. всѣ слушавшіе Его удивились разуму и отвѣтамъ Его.

48. И увидѣвши Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадѣ! что Ты сдѣлалъ съ нами? вотъ, отецъ Твой и Я съ великою скорбію искали Тебя.

49. Онъ сказалъ имъ: зачѣмъ было вамъ искать Меня? или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?

50. Но Они не поняли сказанныхъ Имъ словъ.

51. И Онъ пошелъ съ ними и пришелъ въ Назаретъ; и былъ въ повиновеніи у нихъ. И Матерь Его сохраняла всѣ слова сии въ сердцѣ Своемъ.

52. Иисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человековъ.

Мальчикъ возрасталъ и мужалъ духомъ, и прибавлялось въ немъ разума. И милость Божія была на немъ.

И ходили родители его каждый годъ въ Иерусалимъ къ празднику Пасхи.

И когда Иисусу было 12 лѣтъ, родители его пришли въ Иерусалимъ по обыкновенію на праздникъ.

И кончился праздникъ, и имъ уже итти домой, остался мальчикъ Иисусъ въ Иерусалимѣ. И не примѣтили Іосифъ и мать Иисуса.

Думали, что онъ съ товарищами; и прошли день пути и искали его у родныхъ и знакомыхъ.

И не нашли, и вернулись въ Иерусалимъ за нимъ.

И только нашли его въ храмѣ: сидитъ между учителями, спрашиваетъ и слушаетъ ихъ.

И дивились всѣ, кто слушалъ, разуму его и рѣчамъ.

Увидали его родители и удивились; и мать сказала ему: сынокъ! что ты это съ нами сдѣлалъ? Вотъ и отецъ и я—мы горюемъ и ищемъ тебя.

И онъ сказалъ имъ: зачѣмъ вы ищете меня? Развѣ не знаете, что мнѣ надо быть въ отцовскомъ домѣ?

И они не поняли того, что онъ сказалъ имъ.

И подошелъ къ нимъ и пошелъ съ ними въ Назаретъ. И слушался ихъ, и мать его принимала въ сердце свое всѣ слова его.

И Иисусъ подвизался въ возрастѣ, въ разумѣ и въ милости у Бога и у людей ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Всѣ стихи эти переводятся безъ измѣненія смысла и потому не требуютъ разъясненія.

Καὶ αὐτὸς ἦν Ἰησοῦς ἀρχόμενος ὡσεὶ ἐτῶν τριάκοντα, ὃν υἱός, ὡς ἐνομίζετο, Ἰωσήφ.

Лк. III, 23. Иисусъ, начиная Свое служение, былъ лѣтъ тридцати, и былъ, какъ думали, сынъ Іосифовъ.

И Иисусу стало около тридцати лѣтъ, и думали, что онъ сынъ Іосифа ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Стихъ 23-й изъ III й главы помѣшенъ здѣсь для послѣдовательности изложенія. Стихи же объ Іоаннѣ Крестителѣ войдутъ въ свое мѣсто.

Смыслъ стиховъ слѣдующій:

О дѣтствѣ вообще Иисуса Христа передается только то, что и безъ отца онъ росъ, мужалъ и становился разуменъ не по годамъ; такъ что видно было, что Богъ любилъ его. Въ частности изъ всего дѣтства его передается одинъ только случай о томъ, какъ онъ пропалъ, когда Марія и Іосифъ были у праздника въ Иерусалимѣ, и какъ его нашли въ храмѣ съ учителями. Онъ слушалъ и спрашивалъ, и всѣ дивились его разуму.

Мать стала упрекать его за то, что онъ ушелъ отъ нихъ, за то, что они искали его. А онъ сказалъ ей: чего же вы искали? Развѣ не знаете, гдѣ искать всякаго человѣка: въ домѣ отца. У меня вѣдь нѣтъ отца—человѣка, стало быть, Отецъ—Богъ. Храмъ—домъ Бога. Если бы вы искали меня въ домѣ Отца моего, въ храмѣ, вы бы нашли меня.

Разсказъ этотъ, кромѣ указанія на необыкновенный въ дѣтствѣ разумъ Иисуса, особенно ясно выставляетъ тотъ естественный ходъ мысли, по которому умный-заброшенный ребенокъ, видѣвшій вокругъ себя дѣтей, у которыхъ у каждаго есть плотскій отецъ, и не знавшій себѣ отца плотскаго, призналъ отцомъ своимъ—начало всего—Бога. Понятіе о томъ, что Богъ есть Отецъ всѣхъ людей, было выражено въ еврейскихъ книгахъ. Малахія II, 10: Развѣ не одинъ у насъ всѣхъ Отецъ? Развѣ не одинъ Богъ сотворилъ насъ всѣхъ?

Ἐγένετο Ἰωάννης ὁ βαπτιστὴς ἐν τῇ ἐρήμῳ χηρύσσων βάπτισμα μετανοίας εἰς ἅρπασιν ἀμαρτιῶν.

Мр. I, 4. Явился Іоаннъ, крестя въ пустынѣ и проповѣдуя крещеніе покаянія для прощенія грѣховъ.

Явился Іоаннъ Купало ¹⁾ въ степи и проповѣдывалъ купанье въ знакъ ²⁾ перемѣны жизни ³⁾, въ знакъ освобожденія отъ заблужденій ⁴⁾.

Примѣчанія.

1) Βαπτίζω — купаю, омываю. Я предпочитаю народное выражение «купать» слову «крестить», потому что «крещение» получило церковное значеніе таинства и не выражаетъ самаго дѣйствія, выражаемаго глаголомъ βαπτίζω.

2) Εἰς я перевожу: *въ знакъ*, какъ оно весьма часто переводится, такъ какъ значеніе *въ* здѣсь не примѣнимо.

3) Μεάνοια — слово въ слово — *передуманіе, измѣненіе мысли*. «Покаяніе» вѣрно бы передавало значеніе слова, если бы слово «покаяніе» не получило свойственнаго ему церковнаго значенія. Я ставлю слово *обновленіе*, имѣющее въ народномъ языкѣ значеніе покаянія, но не столько въ смыслѣ раскаянія, сколько въ смыслѣ внутренняго измѣненія.

4) Ἀραρία — значить грѣхъ, но не въ смыслѣ грѣха религіознаго, но грѣха въ смыслѣ ошибки, огрѣха; и потому я перевожу это слово черезъ *заблужденіе*.

Αὐτός δὲ ὁ Ἰωάννης εἶχεν τὸ ἔνδυμα αὐτοῦ ἀπὸ τριῶν χαλῶν καὶ ζώνην δερματίνην περὶ τὴν ὀσφύν αὐτοῦ, ἣ δὲ τροφή ἦν αὐτοῦ ἀκρίδες καὶ μέλι ἄγριον.

Мѡ. III, 4. Самъ же Іоаннъ имѣлъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ; а пищею его были акриды и дикій медъ.

Одежда Іоанна была изъ верблюжьяго волоса и подпоясанъ онъ былъ ремнемъ. Питался онъ саранчей и зелиемъ ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Ученые предполагаютъ, что подъ словомъ «дикій медъ» надо разумѣть резину деревьевъ. Для того, чтобы быть понятнымъ и выразить ту же строгость поста, я употребляю слово *зелье*.

Ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου Ἰησοῦ Χριστοῦ (οἰοῦ Θεοῦ).
Καθὼς γέγραπται ἐν τῷ Ἰσαΐα τῷ προφῆτῃ Ἰδοὺ ἀποστέλλω τὸν ἄγγελόν μου πρὸ προσώπου σου, ὅς κατασκευάσῃ τὴν ὁδόν σου.

Мр. I, 1. Начало Евангелія Іисуса Христа, Сына Божія.

2. Какъ написано у пророковъ: вотъ, Я посылаю Ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ, который приготовить путь Твой предъ Тобою (Малах. 3, 1).

Начало возвѣщенія о благѣ Іисуса Христа сына Бога было такъ ¹⁾.

Какъ написано у пророковъ: Вотъ я посылаю вѣстника моего, чтобы онъ приготовилъ мнѣ путь. (Малахія 3, 1).

Примѣчаніе.

1) Для связи словъ: *Начало возвѣщенія* и словъ: *какъ написано у пророковъ* — необходимо вставить слова *было такъ*, т. е. что начало

возвѣщенія было такъ, что по словамъ пророчествъ такихъ-то явился Іоаннъ Креститель.

Φωνὴ βοῶντος ἐν τῇ ἐρήμῳ Ἑτοιμάσατε τὴν ὁδὸν Κυρίου, εὐθείας ποιεῖτε τὰς τρίβους αὐτοῦ.

Πᾶσα φάραξ πληροῦσεται καὶ πᾶν ὄρος καὶ βουνὸς ταπεινωθήσεται, καὶ ἔσται τὰ σκολιὰ εἰς εὐθείας καὶ αἱ τραχεῖαι εἰς ὁλοὺς λείας, καὶ ὄψεται πᾶσα σὰρξ τὸ σωτήριον τοῦ Θεοῦ.

Мр. I, 3. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези Его (Исаія 40, 3).

Лк. III, 5. Всякій долъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сдѣлаются гладкими;

6. и узритъ всякая плоть спасеніе Божіе. (Исаія 40, 3—5).

Голосъ взываетъ къ вамъ. Въ пустынѣ, приготовьте путь Господу, легкимъ сдѣлайте путь его ¹⁾.

Чтобы всякая впадина заровнялась и чтобы всякій пригорокъ и бугоръ снизились, чтобы всѣ кривизны выпрямились, и бугры сдѣлались гладкой дорогой.

И весь міръ увидитъ спасеніе отъ Бога.

Примѣчаніе.

1) Перестановку знаковъ и потому измѣненіе смысла изреченія беру изъ книги Рейса Les Prophètes, tome second (1878).

Вотъ какъ переведено тамъ съ еврейскаго:

Une voix crie:
Par le désert frayez le chemin de l'Eternel!
Aplanissez, à travers la lande, une route pour notre Dieu!
Que toute profondeur soit exhaussée,
Que toute montagne, toute colline s'abaisse,
Que ce qui est inégal se change en plaine,
Et les crêtes escarpées en vallons,
Pour que la gloire de l'Eternel apparaisse
Et que tous les mortels ensemble l'aperçoivent!
C'est la bouche de l'Eternel qui l'a dit.

Мѡ. III, 1; Лк. III, 1. Въ стихахъ этихъ изложены историческія событія, не относящіяся ни до Іисуса Христа, ни къ содержанію ученія.

Μετανοεῖτε, ἤγγικε γὰρ ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν.

Мѡ. III, 2. И говоритъ: покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное,

Іоаннъ говорилъ: одумайтесь, потому что наступило ¹⁾ царство небесное ²⁾.

Примѣчанія.

1) ἤγγικε есть перфектъ и означаетъ то, что совершилось и теперь совершается. Глаголь значить *приближаюсь*. Въ формѣ перфекта онъ означаетъ то, что царство Бога уже приблизилось такъ, то больше приближаться не можетъ. И дѣйствительно, по есмь

пророчествамъ царство Бога было въ будущемъ и приближалось. Теперь же оно совсѣмъ приблизилось. И потому *тѣперь* должно быть переведено въ этомъ мѣстѣ *теперь* *пришло*, *наступило*.

2) *Царство небесное*. Слова эти получили свое церковное значеніе. Они означаютъ царство, составленное изъ всѣхъ вѣрующихъ. Царемъ въ немъ Иисусъ Христосъ. Очевидно, не объ этомъ царствѣ небесномъ могъ до Иисуса говорить Іоаннъ Креститель. Въ устахъ Іоанна Крестителя и Иисуса Христа слова эти должны имѣть значеніе понятное для всѣхъ тогдашнихъ слушателей. Царство небесное для всѣхъ слушающихъ Евреевъ означало *пришествіе Бога въ міръ и воцареніе ея надъ людьми*, то, чѣмъ переполнены всѣ пророчества Захаріи, Іосіи, Мелакія, Іоиля, Іереміи. Особенность смысла рѣчей Іоанна Крестителя отъ другихъ пророковъ состоитъ здѣсь въ томъ, что тогда, какъ другіе пророки неопредѣленно говорили о будущемъ воцареніи Бога, Іоаннъ Креститель говоритъ, что царство это наступило и воцареніе совершилось. Всѣ почти пророки при этомъ воцареніи Бога предсказывали внѣшнія чудесныя, страшныя событія, одинъ только Іеремія предсказывалъ воцареніе Бога въ людяхъ не внѣшними явленіями, а *внутреннимъ соединеніемъ Бога съ людьми*, и потому утвержденіе Іоанна Крестителя о томъ, что царство небесное наступило, не смотря на то, что не было никакого страшнаго явленія, надо понимать такъ, что *наступило то внутреннее царство Бога, о которомъ предсказывалъ Іеремія*.

Τότε ἐξεπορεύετο πρὸς αὐτὸν Ἱερουσαλὴμ, καὶ πᾶσα ἡ Ἰουδαία, καὶ πᾶσα ἡ περιχώρος τοῦ Ἰορδάνου.

Καὶ βαπτίζοντα ἐν τῷ Ἰορδάνῃ ποταμῷ ὑπ' αὐτοῦ, ἐξομολογούμενοι τὰς ἀμαρτίας αὐτῶν.

Ἐλεγε γὰρ αὐτῷ τῷ ἐκπορευομένῳ ὄχλος βαπτισθῆναι ὑπ' αὐτοῦ Γεννήματα ἐχιδνῶν.

Мѡ. III, 5. (Мр. I, 5). Тогда Іерусалимъ и вся Іудея и вся окрестность Іорданская выходили къ нему.

Мѡ. III, 6. (Мр. I, 5). И крестились отъ него въ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои.

Лк. III, 7. Іоаннъ приходившему креститься отъ него народу говорилъ: порожденія ехиднины!

И къ Іоанну приходилъ народъ изъ Іерусалима и изъ деревень по Іордану и изъ всей земли Іудейской.

И онъ купалъ въ Іорданѣ всѣхъ тѣхъ, которые сознавались въ своихъ заблужденіяхъ.

И онъ говорилъ народу: ¹⁾ змѣиная порода ²⁾!

Примѣчанія.

1) У Мѡ. III, 7, сказано, что слѣдующія за тѣмъ слова Іоанна обращены только къ фарисеямъ и саддукеямъ. У Луки же сказано, что они обращены ко всѣмъ. Такъ какъ въ словахъ нѣтъ ничего исключительно относящагося къ фарисеямъ и саддукеямъ, то версія Луки предпочтительнѣе.

2) Есть повѣрье, что змѣи предчувствуютъ пожаръ и уползаютъ изъ того мѣста, гдѣ ему быть.

Τὸς ἀπεδείξεν ὅτιν φυλεῖν ἀπὸ τῆς μελλούσης ὀργῆς;

Лк. III, 7. Кто внушилъ вамъ Кто научилъ васъ бѣжать отъ бѣжать отъ будущаго гнѣва. наступающей воли Божіей ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Ὀργή нравъ, «выраженіе воли». Я перевожу «воли божіей».

Ποιήσατε οὖν καρπὸς ἀξίους τῆς μετανοίας.

Лк. III, 8. (Мѡ. III, 8). Сотворите же достойные плоды по- Принесите плоды согласные ¹⁾ съ перемѣной. кающія.

Примѣчаніе.

1) Ἀξίος съ родительнымъ: «достойный чего, такой же какъ» по-русски не переводимо вполнѣ точно и передается ближе всего словомъ: *согласный съ*.

Слова, служащія продолженіемъ 8-го стиха Лк. III о томъ, что Іудеи считаютъ отцемъ своимъ Авраама, относятся только къ Іудеямъ и не заключаютъ въ себѣ никакого поученія и, кромѣ того, прерываютъ рѣчь о плодахъ и деревѣ, и потому пропускаются.

Ἦδη δὲ καὶ ἡ ἀξίνη πρὸς τὴν ῥίζαν τῶν δένδρων καίται· πάντων δὲ δένδρων μὴ ποιῶν καρπὸν καλὸν ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται.

Καὶ ἐπρώτων αὐτὸν οἱ ὄχλοι, λέγοντες. Τί οὖν ποιήσωμεν;

Ἀποκριθεὶς δὲ λέγει αὐτοῖς. Ὁ ἔχων δύο χιτῶνας, μεταδῶτω τῷ μὴ ἔχοντι· καὶ ὁ ἔχων βρώματα, ὁμοίως ποιείτω.

Ἦλθον δὲ καὶ τελῶναι βαπτισθῆναι· καὶ εἶπον πρὸς αὐτὸν. Διδάσκαλε, τί ποιήσωμεν;

Лк. III, 9. Уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.

10. И спрашивалъ его народъ: что же намъ дѣлать?

11. Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему; и у кого есть пища, дѣлай то же.

12. Пришли мытари креститься и сказали ему: Учитель! что намъ дѣлать?

Топоръ уже лежитъ у корня дерева, и если дерево не приноситъ плода добраго, дерево срубаютъ на дрова и жгутъ.

И спрашивалъ его народъ: что намъ дѣлать?

Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у кого двѣ одежды, тотъ дай тому, у кого нѣтъ, и у кого есть хлѣбъ,—дѣлай то же.

Пришли откупщики ¹⁾ на его купанье и сказали ему: Учитель, какъ намъ быть?

Примѣчаніе.

Τελῶναι сборщикъ податей. Подати были на откупѣ, и потому сборщики были откупщики.

Ὁ δὲ εἶπεν πρὸς αὐτοὺς: Μὴδὲν πλέον παρὰ τὸ διατεταγμένον ὑμῖν πράσσει.
Ἐπρώτον δὲ αὐτὸν καὶ στρατεύόμενοι, λέγοντες: Τί ποιήσωμεν καὶ ἡμεῖς; καὶ εἶπε
πρὸς αὐτοὺς: Μὴδὲν διασεύητε, μὴδὲ συκοφαντήσητε, καὶ ἀρκείσθε τοῖς ὀφωνίοις ὑμῶν.

Лк. III, 13. Онъ отвѣчалъ имъ: ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ.

14. Спрашивали его также и воины: а намъ что дѣлать? И сказалъ имъ: никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ.

Иоаннъ сказалъ имъ: Ничего противъ вамъ положеннаго не вымогайте.

И спросили воины: какъ намъ быть? И онъ сказалъ: Никого не тревожьте и ни на кого не лгите. Будьте довольны своимъ положениемъ.

Стихъ 15-й говоритъ по Лукѣ, что слѣдующія слова о томъ, что тотъ, кто сильнѣе его, идетъ въ мѣръ, сказаны Иоанномъ въ отвѣтъ на предположеніе о томъ, что онъ Христосъ. Но слова эти прямо продолжаютъ только рѣчь о приготовленіи пути для того, кто идетъ, и вовсе не отвѣчаетъ на мнимый вопросъ: Христосъ ли онъ или нѣтъ. Онъ не говоритъ того, что онъ Христосъ или не Христосъ, ни того, что тотъ, кто идетъ послѣ него, — Христосъ или нѣтъ; даже у Иоанна этого не сказано; и потому этотъ стихъ пропускается.

Πολλὰ μὲν οὖν καὶ ἕτερα παρακαλῶν εὐηγγελίζετο τὸν λαόν.
Ἐγὼ μὲν βαπτίζω ὑμᾶς ἐν ὕδατι, εἰς μετάνοιαν· ὁ δὲ ὀπίσω μου ἐρχόμενος ἰσχυρότερος μου ἐστίν, οὗ οὐκ εἰμὶ ἱκανὸς ταῦτα ὑποδέχασθαι· αὐτὸς ὑμᾶς βαπτίσει ἐν Πνεύματι Ἁγίῳ καὶ πυρὶ.
Ἐγὼ ἐβαπτισα ὑμᾶς ὕδατι· αὐτὸς δὲ βαπτίσει ὑμᾶς Πνεύματι Ἁγίῳ.

Лк. III, 18. Многое и другое благовѣствовалъ онъ народу, поучая его.

Мѡ. III, 11. Я крещу васъ въ водѣ въ покаяніе, но Идущій за мною сильнѣе меня; я не достоинъ понести обуви Его; Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ.

Мр. I, 8. Я крестилъ васъ водою, а онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ.

И много еще другого, призывая народъ, возвѣщалъ онъ объ истинномъ благѣ.

И взывалъ къ народу и говорилъ: Я купаю васъ въ водѣ въ знакъ обновленія, но идетъ тотъ, кто сильнѣе меня и кого я не стою.

Я омываю васъ водою, онъ же очиститъ¹⁾ васъ духомъ (и огнемъ²⁾).

Примѣчанія.

1) Βαπτίζω, кромѣ значенія: купаніе, имѣетъ значеніе и *очищеніе*, и по смыслу мѣста здѣсь должно быть переведено словомъ *очистить*.

2) «Духомъ святымъ и огнемъ». Слово *святымъ* прибавлено, какъ и значитъ во многихъ спискахъ, и какъ оно прибавляется почти

вездѣ къ слову *духъ*. Слово *огнемъ* не стоитъ у Марка, но прибавлено у Луки и Маттея. Мысль та, что, какъ хозяинъ очищаетъ гумно огнемъ, такъ очиститъ васъ тотъ, кто сильнѣе духомъ.

Ὁ δὲ τὸ πρῶτον ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ, καὶ διακαθαρίει τὴν ἄλωνα αὐτοῦ, καὶ συναΐξει τὸν σῖτον αὐτοῦ εἰς τὴν ἀποθήκην, τὸ δὲ ἄχυρον κατακάψει πυρὶ ἀσβέστον.

Τότε παραγίνεται ὁ Ἰησοῦς ἀπὸ τῆς Γαλιλαίας ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην πρὸς τὸν Ἰωάννην, τοῦ βαπτισθῆναι ὑπ' αὐτοῦ.

Καὶ βαπτισθεὶς ὁ Ἰησοῦς, ἀνέβη εὐθὺς ἀπὸ τοῦ ὕδατος.

Мѡ. III, 12. (Лк. III, 17). Лопата Его въ рукѣ Его, и онъ очиститъ гумно Свое, и соберетъ пшеницу Свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ.

Мѡ. III, 13. (Мр. III, 9. Лк. III, 21). Тогда приходитъ Иисусъ изъ Галлилеи на Иорданъ къ Иоанну, креститься отъ него.

16. И, крестившись, Иисусъ тотчасъ вышелъ изъ воды.

У него лопата въ рукѣ, и онъ очиститъ гумно свое. Пшеницу соберетъ, а мякину сожжетъ.

Тогда пришелъ Иисусъ изъ Галлилеи на Иорданъ къ Иоанну на купанье.

И Иисусъ очистился у Иоанна.

Стихи 14-й и 15-й Мѡ. III не вполне понятны и въ томъ смыслѣ, въ которомъ они понимаются, ничего не прибавляютъ къ ученію.

Продолженіе 16-го стиха Мѡ. III и Мр. I, 10, Лк. III, 22, говорятъ о чудѣ, о событіи неестественномъ и непонятномъ. Стихи эти ничего не прибавляютъ къ ученію, но напротивъ затемняютъ его. О томъ, какъ чудеса нарушаютъ смыслъ ученія, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Общій смыслъ проповѣди Іоанна.

Въ чемъ состояло ученіе Іоанна? Обыкновенно говорятъ, что мы ничего или очень мало знаемъ о томъ, что проповѣдывалъ Іоаннъ. И дѣйствительно, если признать то, что Іоаннъ объяснялъ только наступленіе того царства небеснаго, которому училъ Иисусъ, или проповѣдывалъ, какъ прежніе пророки, пришествіе Бога, то въ проповѣди Іоанна не остается никакого содержанія. Но если мы только перестанемъ относиться къ написаннымъ словамъ, какъ къ волшебной сказкѣ, отыскивая вездѣ чудеса и пророчества, то проповѣдь Іоанна получитъ большое содержаніе.

Обыкновенно Іоанна представляютъ церковные какъ предтечу Христа, а вольнодумцы, какъ одного изъ тѣхъ поэтовъ либераловъ, называемыхъ пророками, которые не переводились между Іудеями и говорили общія нравственныя мѣста. Но, если мы только дадимъ себѣ трудъ понимать слова, которыя предъ нами, просто и безъ

предвзятыхъ мыслей, то содержаніе проповѣди Іоанна Крестителя, и очень важное содержаніе, тотчасъ окажется.

Сказано, что царство небесное *ἤγγικε* совсѣмъ приблизилось. Ни одинъ изъ пророковъ не говоритъ этого. Всѣ говорили, что Богъ придетъ, будетъ царемъ, сдѣлаетъ то-то, но все это будетъ когда-то. Іоаннъ сказалъ: царство небесное совсѣмъ приблизилось. Ничего особеннаго, замѣтнаго не случилось, но оно пришло. То, что особенность проповѣди Іоанна состояла въ возвѣщеніи о томъ, что царство небесное совсѣмъ приблизилось или наступило, или по крайней мѣрѣ, что Іисусъ Христосъ такъ понималъ эти слова, доказывается тѣмъ, что послѣ Іисусъ Христосъ говорилъ: Законъ и пророки до Іоанна. Съ Іоанна же царство Бога возвѣщается какъ благо, и всякій усиліемъ входитъ въ него. (Лк. XVI, 16).

Стало быть, вотъ первое значеніе проповѣди Іоанна. Ни одинъ пророкъ еще никогда не говорилъ этого. Всѣ пророки прежніе, кромѣ Іереміи (XXXI, 31), предсказывали несбыкновенныя внѣшнія событія пришествія Бога: казни, холода, заразы, истребленія, войны, и плотскія блага. Іоаннъ ничего подобнаго не предсказываетъ. Онъ только говоритъ о томъ, что никому не отбыть воли Божьей, что то, что не нужно, то истребится, и останется только то, что нужно. Онъ только говоритъ: *Обновитесь!* Это главная особенность его проповѣди, и самое значительное въ ней то, что онъ говоритъ: Я очищаю васъ водою, но то, что должно васъ очистить, то, что очистить васъ вполнѣ,—то духъ, т. е. что-то невидимое, неплотское. Іоаннъ сказалъ: До сихъ поръ вамъ говорили, что царство небесное придетъ когда-то, я говорю вамъ, что оно уже наступило. Для того, чтобы вступить въ него, нужно обновиться, отречься отъ заблужденій. Я могу только внѣшне очищать, очистить же васъ только духъ.

Вотъ то ученіе, которое слышалъ Іисусъ Христосъ. Царство небесное наступило, но чтобы вступить въ него, нужно очиститься духомъ.

И вотъ, исполненный духа, Іисусъ Христосъ идетъ въ пустыню, чтобы испытать духъ свой.

Искушеніе въ пустынѣ.

Ἦρθε δὲ Πνεύματος ἁγίου πλήρης ὑπεστρεφὲν ἀπὸ τοῦ Ἰορδάνου καὶ ἦγετο ἐν τῷ Πνεύματι εἰς τὴν ἔρημον.

Ἦμερας τεσσαράκοντα, πειραζόμενος ὑπὸ τοῦ διαβόλου.

Лк. IV, 1. (Мѡ. IV, 2; Мр. I, 12). Іисусъ, исполненный Духа Святаго, возвратился отъ Іордана и поведенъ былъ Духомъ въ пустыню;

Лк. IV, 2, тамъ сорокъ дней Онъ былъ искушаемъ отъ діавола.

Тогда Іисусъ, исполнившись духа, пошелъ отъ Іордана въ пустыню¹⁾.

И тамъ его испытывалъ искушитель²⁾.

Примѣчанія.

1) У Луки сказано *καὶ ἦγετο ἐν τῷ Πνεύματι εἰς τὴν ἔρημον*, но въ древнѣйшихъ спискахъ вездѣ сказано *ἐν τῇ ἔρημῳ*, то есть сказано просто и ясно, что Іисусъ въ томъ же духѣ, въ которомъ онъ пошелъ отъ Іордана, провелъ 40 дней въ пустынѣ. Правда, у Матфея сказано *ἀνήχθη εἰς . . . ὑπὸ τοῦ πνεύματος* и у Марка *καὶ τὸ πνεῦμα ἐξώλεε αὐτὸν εἰς τὴν ἔρημον*, то есть, что онъ былъ перенесенъ духомъ, и духъ выбросилъ его въ пустыню. Лука же, очевидно соединяя обѣ версіи, говоритъ, что онъ исполнился духа, и въ этомъ духѣ провелъ 40 дней въ пустынѣ.

2) *Διάβολος*, я перевожу *искуситель* для того, чтобы придать слову его значеніе, а не значеніе того діавола, которое составилось теперь.

Καὶ ἦν ἐκεῖ ἐν τῇ ἔρημῳ ἡμέρας τεσσαράκοντα, πειραζόμενος ὑπὸ τοῦ Σατανᾶ καὶ ἦν μετὰ τῶν θηρίων.

Καὶ οὐκ ἔφαγεν οὐδὲν ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις· καὶ συντελεσθεῖσιν αὐτῶν, ὕστερον ἐπεινάσε.

Καὶ νηστεύσας ἡμέρας τεσσαράκοντα καὶ νύκτας τεσσαράκοντα, ὕστερον ἐπεινάσε.

Καὶ προσελθὼν αὐτῷ ὁ πειράζων, εἶπεν· Εἰ σὺ εἶ τοῦ Θεοῦ, εἰπὲ ἵνα οἱ λίθοι οὗτοι ᾗσιν ἄρτοι· γένηνται.

Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς, εἶπεν· Γέγραπται· Οὐκ ἐπ' ἄρτον μόνον ζήσεται ἄνθρωπος, ἀλλ' ἐπὶ παντὶ ῥήματι ἐκπορεύμενός διὰ στόματος Θεοῦ.

Мр. I, 13. И былъ Онъ тамъ въ пустынѣ сорокъ дней, искушаемый сатаною, и былъ со звѣрями; и Ангелы служили Ему.

Лк. IV, 2. И ничего не ѣлъ въ эти дни; а по прошествіи ихъ, напоследокъ взалкалъ.

Мѡ. IV, 2. И постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, напоследокъ взалкалъ.

Мѡ. IV, 3. И приступилъ къ Нему искушитель и сказалъ: если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сии сдѣлались хлѣбами.

Мѡ. IV, 4. Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: написано: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ (Второзак. VIII, 3).

И былъ Іисусъ въ этой пустынѣ 40 дней и не ѣлъ ничего и отощалъ.

И приступилъ къ нему искушитель и сказалъ: если ты сынъ Бога, то скажи, чтобы камни эти стали хлѣбами.

А Іисусъ отвѣчалъ: Написано, человекъ живъ не хлѣбомъ, но всѣмъ тѣмъ, что исходитъ изъ устъ Бога (духомъ)¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Я пропускаю слово *ῥήματι*, такъ какъ оно не находится въ еврейскомъ текстѣ (Второзаконіе VIII, 2—5), изъ котораго приве-

дены эти слова. Мѣсто это опредѣляетъ значеніе словъ, и вотъ его переводъ:

Второзак. VIII, 2—5: Вспоминайте о пути, которымъ Вѣчный провелъ васъ чрезъ пустыню въ эти сорокъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы смирить васъ, испытать и узнать, соблюдаете ли вы заповѣди. Онъ смирилъ васъ, мучилъ васъ голодомъ, и кормилъ васъ манною, про которую не знали ни вы, ни отцы ваши, чтобы научить васъ тому, что *человѣкъ живъ не хлѣбомъ однимъ, но вѣствуетъ тѣмъ, что исходитъ изъ рта Бога*. Ваши платья не износились въ эти сорокъ лѣтъ, и ноги ваши не вспухли. Знайте же, что вѣчный вашъ Богъ соблюдаетъ васъ, какъ отецъ сына.

Καὶ ἤγαγεν αὐτὸν εἰς Ἱερουσαλὴμ, καὶ ἕστησεν αὐτὸν ἐπὶ τὸ πτερύγιον τοῦ ἱεροῦ ὃ καὶ εἶπεν αὐτῷ· Εἰ ὁ υἱὸς εἶ τοῦ θεοῦ, βάλε σεαυτὸν ἐντεῦθεν κάτω.

Γεγραπται γάρ· Ὅτι τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ ἐντελεῖται περὶ σοῦ, τοῦ διαφυλάξαι σε·

Καὶ ὅτι ἐπὶ χειρῶν ἀρούρεϊ σε, μήποτε προσκώψῃς πρὸς λίθον τὸν πόδα σου.

Καὶ ἀποκριθεὶς, εἶπεν αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς· Ὅτι εἴρηται· Ὁὐκ ἐκπαράσσεις Κύριον τὸν θεόν σου.

Лк. IV, 9. (Мѡ. IV, 5.) И повелъ Его въ Иерусалимъ, и поставилъ Его на крылѣ храма, и сказалъ Ему: если Ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ.

Лк. IV, 10. (Мѡ. IV, 6.) Ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ сохранить Тебя;

Лк. IV, 11. (Мѡ. IV, 6.) И на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Псаломъ 90, 11—12).

Лк. IV, 12. (Мѡ. IV, 7.) Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано: не искушай Господа Бога твоего (Второзак. 6, 16).

Искуситель привелъ Иисуса Христа въ Иерусалимъ и поставилъ его на крылѣ церковномъ и сказалъ ему: Если ты сынъ Бога, бросься отсюда внизъ.

Написано вѣдь, что онъ посланцамъ своимъ накажетъ о тебѣ, чтобы берегли тебя.

И на руки подхватятъ тебя, чтобы ты о камень не споткнулся ногой.

И отвѣчалъ ему Иисусъ и сказалъ: Потому что ¹⁾ сказано: Не испытывай ²⁾ Бога твоего.

Примѣчанія.

1) У Луки стоитъ въ этомъ мѣстѣ *ὅτι*: потому что, Иисусъ говоритъ: Потому что написано: не испытывай Бога, т. е. говоритъ: Я не брошусь внизъ, потому что написано: Не испытывай.

2) *ἐκπαράσσεις* значитъ собственно *выпытывать*; но по отношенію къ тому мѣсту Второзаконія, изъ котораго оно приведено, оно означаетъ *сомнѣваться*.

Второзак. VI, 16. Говорится: Народъ сталъ роптать на Моисея за то, что не было воды. Моисей обратился къ Богу. Богъ сказалъ, чтобы онъ пришелъ къ горѣ, ударилъ жезломъ, и поидетъ вода. И назвалъ это мѣсто Массахъ-Мериха, потому что Евреи роптали и потому что они отчаялись въ Вѣчномъ и говорили: Съ нами-ли Іегова или не съ нами.

Καὶ ἀναγαγὼν αὐτὸν ὁ διάβολος εἰς ὄρος ὕψηλόν, ἔδειξεν αὐτῷ πάσας τὰς βασιλείας τῆς οἰκουμένης ἐν στιγμῇ χρόνου.

Καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ διάβολος· Σοὶ δώσω τὴν ἐξουσίαν ταύτην ἅπασαν καὶ τὴν δόξαν αὐτῶν· ὅτι ἐμοὶ παραδεδόται, καὶ ὃ ἐὰν θέλω, δίδωμι αὐτήν.

Лк. IV, 5. (Мѡ. IV, 8.) И возведъ Его на высокую гору, диаволь показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновеніе времени.

Лк. IV, 6. (Мѡ. IV, 9.) И сказалъ Ему диаволь: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, ибо она передана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее.

И опять взявъ его искушитель на высокую гору и представилъ ему всѣ царства земли ¹⁾ въ мгновеніе ока.

И сказалъ ему: Дамъ тебѣ всю эту власть и славу ихъ, потому что мнѣ они переданы, и кому хочу—даю ихъ.

Примѣчаніе.

1) *ὀικουμένης*, буквально: *обитаемый*, подразумѣвается земли, и должно быть переведено: *людей, живущихъ на землѣ*.

Ὅδ' οὖν ἐὰν προσκυνήσῃς ἐνώπιόν μου, ἔσται σοὶ πάντα.

Καὶ ἀποκριθεὶς αὐτῷ εἶπεν ὁ Ἰησοῦς· Ὑπαγε ὀπίσω μου, Σατανᾶ· γεγραπται γάρ· Προσκυνήσεις Κύριον τὸν θεόν σου, καὶ αὐτῷ μόνῳ λατρεύσεις.

Лк. IV, 7. (Мѡ. IV, 9.) Итакъ, если Ты поклонись мнѣ, то все будетъ Твое.

Если почтишь меня, все будетъ твое.

Лк. IV, 8. (Мѡ. IV, 10.) Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: отойди отъ Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи (Второзак. 6, 13).

Тогда отвѣчалъ Иисусъ и сказалъ: Отойди, (лукавый) врагъ ¹⁾; написано: Господа твоего почитай, и ему одному работай ²⁾.

Примѣчанія.

1) Сатана—слово, неимѣющее опредѣленнаго значенія. По еврейски значитъ: врагъ. Я такъ и перевожу.

2) *λατρεύω* *работаю за плату*. Значеніе этого слова, очень рѣдко употребляющагося и въ этомъ смыслѣ только разъ употребленнаго, очень важно. Оно значитъ не служить, даже не работать въ смыслѣ русскаго слова—*дѣлать дѣло*,—оно значитъ работать за награду, т. е. неохотно, съ трудомъ работать, не для самой работы, но для другой цѣли.

Καὶ συντελέσας πάντα πειρασμόν ὁ διάβολος ἀπέστη ἀπ' αὐτοῦ ἕως καιροῦ.

Καὶ ἰδού, ἄγγελοι προσήλθον, καὶ διηκόουν αὐτόν.

Лк. IV, 13. И окончивъ все искушеніе, диаволь отошелъ отъ Него до времени.

Мѡ. IV, 11. Тогда оставляетъ Его диаволь,—и се, Ангелы приступили и служили Ему.

Тогда искушитель отсталъ отъ него на время, и сила Божія ¹⁾, пришла къ нему и служила ему

Примѣчаніе.

1) *Ἀγγέλων*, такъ какъ подлѣ словомъ этимъ разумѣется вѣстникъ, посланецъ Божій, я перевожу словами: *сила Божія*.

Καὶ ὑπεστράφη ὁ Ἰησοῦς ἐν τῇ θυμῶν τοῦ Πνεύματος εἰς τὴν Γαλιλαίαν.

Лк. IV, 14. И возвратился Иисусъ въ силѣ духа въ Галилею; И возвернулся Иисусъ въ силѣ духа въ Галилею. и разнеслась молва о Немъ по всей окрестной странѣ.

Мѣсто это искушенія особенно замѣчательно тѣмъ, что составляетъ камень преткновенія для толкованія Церкви, такъ какъ самая мысль о Богѣ, искушаемомъ диаволомъ, сотвореннымъ Богомъ, составляетъ внутреннее противорѣчіе, изъ котораго нельзя выйти. Вотъ какъ Церковь объясняетъ это мѣсто *):

Тогда: Непосредственно послѣ того, какъ Духъ Святой при крещеніи сошелъ на Иисуса, а не въ позднѣйшее время, какъ полагають нѣкоторые.

Духомъ: Подлѣ Духомъ разумѣется здѣсь не собственно духъ Иисуса, и не духъ искушитель, а Духъ Святой, сошедшій на Иисуса.

По крещеніи Иисусъ предастъ себя Духу Святому и ведется Имъ, куда поведетъ, и возводится въ пустыню на борьбу съ диаволомъ.

Въ пустыню: Преданіе указываетъ какъ мѣсто искушенія Господа, лежащую на западѣ отъ Иерихона, такъ называемую сорокадневную пустыню, дикое и страшное мѣсто, въ которомъ укрывались звѣри и разбойники (иначе называется она пустынею Иерихонскою).

Для искушенія: Искушать значитъ вообще испытывать, дознавать. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ искушать значитъ соблазнять людей, склонять ихъ къ чему-либо недоброму, выставляя добрую сторону этого недобраго, причемъ обнаруживается сила нравственнаго добра въ людяхъ или безсиліе его. Здѣсь искушать значитъ испытывать, дѣйствительно ли Иисусъ есть Христосъ, испытывать посредствомъ соблазна къ дѣйствіямъ грѣховнымъ.

Отъ диавола: Диаволъ собственно переметчикъ, противникъ, врагъ. Въ писаніи диаволъ въ собственномъ смыслѣ называется падшій ангелъ, не устоявшій въ добрѣ, врагъ всего добраго, существо злое, враждебное добру, враждебное въ частности спасенію человѣка. Въ какомъ видѣ онъ приступилъ къ Спасителю, — Евангелисты не говорятъ. Можетъ быть не въ грубомъ чувственномъ видѣ (съ чѣмъ не совсѣмъ согласны дальнѣйшія его дѣйствія); но несомнѣнно съ другой стороны и то, что это не олицетвореніе искусительныхъ мыслей самого Господа, какъ полагали нѣкоторые. Это былъ дѣйствительно явившійся, такъ или иначе, Спасителю духъ злобы.

Постившись: Совершенно воздерживаясь отъ пищи (ничего не ѣлъ въ сии дни) 40 дней или 40 ночей: примѣры такого долговременнаго поста извѣстны изъ Вѣтхаго Завета. Такъ постился пророкъ Ілія 40 дней, столько же постился Моисей; и Христосъ постился не для того, что Ему нуженъ постъ, но для нашего наученія постился 40 дней, но не простирался далѣе, чтобы чрезъ мѣрный величій чуда не сдѣлать сомнительною самую истину воплощенія. Если бы Онъ далѣе продолжалъ постъ, то многимъ и это могло бы послужить поводомъ сомнѣваться въ истинѣ воплощенія.

Напомявъ всакала: По истеченіи 40 дней почувствовалъ потребность въ пищѣ, «показуя человѣческое».

*) Толк. Ев. Арх. Мих. Ев. Мѣ. стр. 63.

И приступилъ къ Нему: Когда Господь всакала, тогда, по этому поводу, открыто приступилъ къ Нему искушитель.

Искушитель, т. е. диаволъ: (Если ты Сынъ Божій, то есть Мессія, котораго самъ Богъ при крещеніи торжественно наименовалъ Сыномъ своимъ возлюбленнымъ). Слышавъ уже гласъ, нисшедшій съ неба, и свидѣтельствующій: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, слышавъ столь же славное о немъ свидѣтельство Іоанново, искушитель вдругъ видитъ Его алчущимъ; это приводитъ его въ недоумѣніе: припоминая сказанное объ Иисусѣ, онъ не можетъ подумать, чтобы это былъ простой человѣкъ; съ другой стороны влія Его алчущимъ, не можетъ повѣрить, чтобы это былъ Сынъ Божій. Находясь въ такомъ недоумѣніи, онъ приступаетъ къ Нему съ словами обоюдными.

Камни сии, которые находились, вѣроятно, въ пустынѣ на мѣстѣ поста и искушенія. Сущность и сила искушенія состоитъ въ томъ, что Христу предлагается совершить чудо безъ нужды для удовлетворенія своихъ чувственныхъ надобностей, то есть злоупотребить чудомъ, при чемъ обнаружилась бы гордость и противленіе намѣреніямъ Божиимъ. Онъ только что торжественно объявленъ Сыномъ Божиимъ и вотъ представляется случай показать сіе Ему самому на самомъ дѣлѣ. «Онъ всакала. Если Онъ Мессія, то зятѣмъ алкать, когда одного слова достаточно для того, чтобы превратить камни въ хлѣбъ, насытиться ими? Что за грѣхъ было превратить камни въ хлѣбъ? Знаи, что послушаться диавола въ чемъ бы то ни было — грѣхъ». (Феофила.)

Написано и пр. Христосъ отражаетъ это искушеніе, какъ и два послѣдующія, словомъ Божиимъ. Онъ указываетъ на изреченіе изъ книги Второзаконія VIII, 3. Моисей говорить въ этомъ мѣстѣ, что Богъ, смиряя народъ Израильскій, томилъ его голодомъ и питалъ манною, которая неизвѣстна была ни ему, ни отцамъ его, чтобы показать ему, что не однимъ хлѣбомъ живетъ, то есть поддерживаетъ свое существованіе, человѣкъ, что есть другіе предметы, которые могутъ поддерживать жизнь человѣка, на примѣръ манна и все то, на что укажетъ слово Божіе, исходящее изъ устъ Его. И Спаситель, указывая на сіе изреченіе, указываетъ тѣмъ искушителя, что не нужно творить чуда превращенія камней въ хлѣбъ, что можно удовлетворить голодъ кромѣ хлѣба другими предметами по указанію или слову, или дѣйствію Божію. Это ближайшій непосредственный смыслъ изреченія. Но, безъ сомнѣнія, въ семъ изреченіи содержится указаніе на духовную пищу, которую питается вѣрующій человѣкъ, при которой онъ какъ бы забываетъ на время о пищѣ тѣлесной, какъ бы не чувствуетъ нужды въ ней; эта духовная пища есть слово Божіе, божественное ученіе, божественныя заповѣди и повелѣнія, исполненіе которыхъ составляетъ духовную пищу, болѣе нужную для души, чѣмъ пища тѣлесная. Всякое слово Божіе къ алчущему подобно пищѣ поддерживаетъ жизнь его. Можетъ Богъ и словомъ питать алчущаго. И такъ смыслъ отвѣта Христова таковъ: Нужда въ хлѣбѣ для Меня теперь не такова, чтобы заставить Меня совершить чудо. Жизнь зависитъ отъ воли Божьей. Богъ могъ поддержать ее не хлѣбомъ только, но всѣмъ, на что Онъ укажетъ, какъ на пищу. И притомъ слово Божіе, Его заповѣди и повелѣнія, совершать которыхъ долженъ человѣкъ: такая духовная пища, при которой забывается голодъ тѣлесный, и человѣкъ, питаясь этимъ словомъ, какъ пищею, не чувствуетъ какъ бы нужды въ пищѣ тѣлесной.

Беретъ и поставляетъ: Это не значитъ, что диаволъ несъ Иисуса по воздуху, или что принудилъ Его къ тому противъ Его воли, или что сдѣлать для этого нѣчто чудесное. Ничто не доказываетъ, чтобы диаволъ имѣлъ такую власть и силу, и значеніе слова беретъ не принуждаетъ принять какое-либо изъ упомянутыхъ предположеній; слово это означаетъ вести кого-либо или сопутствовать и сатана повелѣ Иисуса или сопровождалъ Иисуса, конечно не вопреки Его воли, не съ насиліемъ, не съ принужденіемъ Ему.

Диаволъ, соблазняя Господа — бросился сверху зданія, ссылается на текстъ изъ псалтири (ХС, II, 12), говоря, что если Онъ Сынъ Божій, то Ему не предстоитъ опасности. Ибо, если всякому, уповающему на Бога, обѣщается помощь отъ Него, то тѣмъ болѣе Сыну Божію даруется эта помощь, и Ангелы сохраняютъ Его невредимымъ. Сущность и сила этого искушенія состоитъ въ томъ, чтобы возбудить въ Иисусѣ желаніе вынудить, такъ сказать, чудо со стороны Бога, при чемъ обнаружился бы тщесловіе, самонадѣяніе и духовная гордость.

Если ты Сынъ Божій, говоришь дѣволу, то Богъ для тебя все сдѣлаетъ, сотвори чудо по одному Твоему желанію.

Сказалъ Ему и пр. На это искушеніе Господь отвѣчаетъ словами опять изъ Второзаконія, VI, 16: Не искушай Господа Бога твоего. Это говоритъ Моисей народу Еврейскому, запрещая ему искушать Іегову, какъ онъ искушалъ его, при Масѣ, говоря: Точно ли Господь среди насъ или нѣтъ, когда народъ требовалъ у Него чуда по случаю недостатка воды. Такимъ образомъ смыслъ отвѣта Христа таковъ: Не должно требовать отъ Бога чуда по своему произволу. Правда, Богъ помогаетъ боящимся Его, общается имъ чудеса, но только для освобожденія ихъ отъ опасности, а не по всякому ихъ желанію. Такимъ образомъ искушитель, извратившій смыслъ мѣста изъ писанія, былъ отраженъ другимъ мѣстомъ, правильно истолковывающимъ и смыслъ указаннаго искушителемъ изреченія.

Весьма высокую гору: Неизвѣстно какую. Вѣроятно, это вершина какой-либо горы, съ которой можно видѣть большую часть Палестины. Аббатъ Меритъ говоритъ о вершинѣ одной таковой горы: этотъ пунктъ господствуетъ надъ горами Аравіи, страной Галаадской, страной Амморейской, долинами Моавитскими и Іерихонскими, теченіемъ Іордана и всѣмъ пространствомъ Мертваго моря. Это та гора, которая и дониндѣ называется горою искушенія.

Точно также Моисей предъ своею смертію взойшелъ на гору Нево (Нававъ), на вершину Оразіи, и показалъ ему Господь всю землю отъ Галаада до самаго Дона и всю землю Ефремову и Манассину, и всю землю Іудину, даже до самаго западнаго моря и полуденную страну, и равнину долины Іерихона, города Пальмъ до Сихара. Отсюда видно, что были горы, съ которыхъ видна была большая часть земли Ханаанской или Палестины и ея окрестностей.

Вся царства міра: Налобно предположить, что искушитель показалъ ихъ Христу какимъ-либо магическимъ, непостижимымъ дѣйствіемъ, чему подкрѣпленіе можно находить въ словахъ Евангелиста Луки о семі: Въ мгновеніе времени (IV, 5), «въ призракъ» (Феофилъ.)

Все это дамъ Тебѣ: Искушитель присвоиваетъ себѣ власть надъ всѣми сими царствами, будто бы принадлежащими ему и право передать ее, кому онъ захочетъ, власть и право, принадлежащія одному Богу. Правда, язычники находились подъ властью сатаны до времени, и жители Палестины, поврежденные въ правахъ, состояли подъ его властію; но тѣмъ не менѣе въ этихъ словахъ діаволъ выражается гордое и лживое предвосхищеніе власти, принадлежащей одному Богу, такъ Творцу и Промыслителю вселенной, во власти котораго все царства земныя.

Падши поклонись мнѣ: Присвоивъ себѣ власть и права надъ міромъ, принадлежащія Богу, искушитель требуетъ себѣ и поклоненія, какъ Богу, то есть поклоненія религіознаго, которымъ выражалась бы совершенная покорность, и сила искушенія состоитъ въ томъ, что Христу предлагается вмѣсто чрезвычайнаго дѣла искупленія человѣчества путемъ крестной смерти и основанія чрезъ то всемірнаго духовнаго и вѣчнаго царства, вышняя царская власть надъ міромъ, то есть это искушеніе есть отклоненіе Христа отъ всего великаго дѣла Его служенія роду человѣческому въ качествѣ Мессіи—Искупителя.

Тогда говоритъ и пр. Это болѣе дерзкое искушеніе, чѣмъ два первыя, Господь опять отражаетъ словами писанія, но предварительно всемогущимъ словомъ Своимъ повелѣваетъ искушителю прекратить свои искушенія: Отойди (прочъ) отъ Меня, сатана! Написано во Второзаконіи 6, 13: Моисей увѣщаетъ въ этомъ мѣстѣ народъ еврейскій не слѣдовать, когда онъ взойдетъ въ обладаніе Палестиною, богамъ тѣхъ народовъ, которые будутъ жить вокругъ него, то есть языческимъ богамъ: Ибо одному только Іеговѣ — истинному Богу — подобаетъ божеское поклоненіе и никому другому.

Рейсъ, почтенный писатель Тюбингенской школы, объясняетъ искушеніе такъ: (стр. 179—185).

Le récit de cette célèbre péripécie, qui a exercé la sagacité des commentateurs plus qu'aucune autre, est connu sous le nom d'histoire de la tentation. Cette formule, cependant, n'exprime pas exactement la nature du fait relaté. Car tandis que le texte du second évangile ne parle que très vaguement d'une tentation qui dura quarante jours, celui du premier se borne à raconter explicitement trois

diverses tentations qui eurent lieu après ces quarante jours; enfin Luc combine ces deux versions et les adopte toutes les deux. Cette différence n'affecte pas le fond du récit. On peut en dire autant de quelques autres que nous voulons signaler en passant, sans y attacher de l'importance. Ainsi Matthieu seul dit que la tentation était le but de la retraite de Jésus au désert, l'Esprit voulant qu'il fût tenté. Les bêtes sauvages, mentionnées par Marc seul, servent simplement à exprimer d'une manière plus pittoresque l'idée de la solitude, rien ne nous obligeant de songer à des bêtes féroces. Des deux premiers textes nous recevons l'impression d'une retraite de Jésus en un lieu solitaire où il serait resté pendant quarante jours, pour s'y livrer (comme le veut l'explication populaire et usuelle) à des méditations sur son futur ministère. Le texte de Luc, corrigé d'après les anciens manuscrits, nous suggère au contraire l'idée d'un séjour sans repos, d'une course agitée et prolongée, et troublée en même temps par les assauts répétés du tentateur. Puis il y a cette différence assez notable que les trois scènes particulières ne se suivent pas dans le même ordre chez les deux évangélistes qui les racontent. Tous les commentateurs sont d'accord à donner à cet égard la préférence à Matthieu, et leurs raisons sont si évidemment fondées en logique et en psychologie que nous pouvons nous dispenser de les exposer au long. Nous ferons seulement observer qu'elles n'ont de valeur absolue qu'autant qu'on admet la réalité historique des faits eux-mêmes. Enfin les trois récits se terminent d'une manière différente. Matthieu donne à entendre que le tentateur, trois fois repoussé avec dédain, quitta la partie pour tout de bon; Luc, au contraire, insinue qu'il revint à la charge plus tard. Cet auteur songeait sans doute, soit aux luttes que Jésus eut à soutenir pendant toute la durée de son ministère, soit à sa passion et à sa mort. Matthieu ajoute que le diable vaincu fut aussitôt remplacé auprès de Jésus par des anges serviteurs, envoyés, comme on peut le penser, soit pour pourvoir à ses besoins, soit pour rendre hommage à sa sainteté victorieuse. Marc aussi parle d'anges, mais il paraît vouloir dire qu'ils se trouvaient présents pendant tout le séjour au désert, lui tenant compagnie et le servant, ce qui excluait encore l'idée du jeûne et de la faim dont parlent les autres textes.

Toutes ces différences, nous le répétons, ne portent que sur des détails accessoires. Nous avons maintenant à nous occuper du fond même de cette narration unique dans son genre, non seulement dans les évangiles, mais dans la Bible tout entière. Avant tout rendons-nous bien compte du sens que nous devons attacher au mot *tenter*. Le langage biblique (Ancien et Nouveau Testament) emploie ce terme dans trois applications différentes: 1° on dit d'un homme qu'il tente Dieu, quand il prétend provoquer, par des sollicitations impatientes, une manifestation quelconque de sa puissance, par ex., un miracle; comme une pareille sollicitation a toujours sa source dans un manque de confiance ou de résignation, l'Écriture déclare qu'elle est un péché; 2° on dit de Dieu qu'il tente les hommes, quand il met leur foi à l'épreuve par des tribulations et des contrariétés de tout genre. Comme ici le but et les moyens sont également salutaires, les apôtres déjà ont compris que le terme était mal choisi (Jacques 1, 13) et le langage moderne l'abandonne de plus en plus, pour y substituer celui d'*éprouver*; 3° enfin un homme tente l'autre quand il cherche à l'entraîner au mal. Nul doute que les faits racontés dans notre péripécie ne rentrent dans cette troisième catégorie et non dans la première. Le tentateur ne s'adresse pas à la puissance de Jésus pour lui extorquer des miracles à son propre profit; il y a plutôt un conflit moral entre la sainte volonté de Christ et les tendances perverses du diable.

Ceci étant généralement reconnu, nous établirons avant toute autre chose que les trois narrateurs entendent bien raconter un fait objectif et matériel; des rencontres et des conversations entre deux personnages distincts, dont l'un était Satan lui-même, apparaissant d'une manière visible, à l'effet d'entraîner Jésus à des actes que celui-ci repoussa avec énergie. Et d'abord, lorsque, après avoir miraculeusement traversé une période de quarante jours sans prendre aucune nourriture, les besoins physiques se firent de nouveau sentir chez lui, le diable lui proposa de les satisfaire par l'opération d'un miracle. Jésus s'y refuse en alléguant un passage scripturaire (Deut. VIII, 3) qui lui permet d'espérer ou de trouver des moyens de sustentation là même où les ressources ordinaires lui faisaient défaut. Dieu, dit-il, peut me nourrir de telle manière, qu'il lui plaira; il n'a qu'à parler, qu'à commander, sans que j'aie besoin d'intervenir moi-même de manière à changer la nature des choses. (Il est également faux de traduire: l'homme peut

vivre de toutes les choses [mangeables] créées par Dieu; ou: je puis me nourrir de la parole de Dieu, spirituellement, et n'ai point besoin de nourriture matérielle. Le texte de Luc, rétabli d'après les plus anciens manuscrits, n'a pas cette phrase; celle qu'y ont insérée les copies vulgaires (toute parole de Dieu) ne donne point de sens plausible.

La seconde tentation consistait à inviter Jésus à s'exposer de gaieté de cœur à un danger imminent, en se précipitant du haut d'un édifice, dans la conviction ou dans l'espérance que Dieu le préserverait miraculeusement de tout accident. Nous ne savons pas quelle localité les évangélistes ont entendu désigner par le terme que nous avons traduit au hasard par le fait du temple; il est douteux qu'il soit question du Sanctuaire lui-même, sur le toit duquel on ne montait pas. Peut-être s'agit-il d'un autre édifice compris dans l'enceinte sacrée, et placé du côté de l'est où le mont Moria dominait la profonde vallée de Quedron et présentait une paroi coupée à pic. Le tentateur prétend déterminer Jésus en lui rappelant les paroles du Psaume (XCI, 12) interprétées au pied de la lettre. Jésus lui répond par un autre passage (Deut. VI, 16) qui condamne tout essai de tenter Dieu, dans le sens que nous avons indiqué plus haut.

Enfin le diable l'emmène sur une montagne du haut de laquelle il pouvait voir tout les royaumes de la terre, et contempler leur grandeur, leur puissance et leurs richesses. Tout cela lui est promis à condition qu'il serve les intérêts de celui qui s'en dit le maître. Jésus le repousse en invoquant simplement le principe fondamental de la religion révélée (Deut. VI, 13), lequel suffisait à lui seul pour écarter toute velléité ambitieuse. On pourrait presque dire à ce sujet que la tentation la plus séduisante des trois, est vaincue à la fois avec le moindre effort et avec le plus d'énergie.

La forme concrète de ces trois tentations a quelque chose de singulier, surtout la seconde, dont on a de la peine à entrevoir le motif. Mais pour le fond, elles ne sont point sans analogie dans l'histoire évangélique. Nous rappelons la scène de Gethsémani où Jésus disait: Si je le voulais, mon Père, m'enverrait douze légions d'anges; ou celle de Golgotha où le peuple criait: S'il est le fils de Dieu, qu'il descende de la croix; puis cette parole adressée aux Pharisiens: Cette génération demande un signe; mais elle n'aura que celui donné par Jonas aux Ninévides; enfin les occasions où la foule voulait le proclamer roi et sa déclaration solennelle: Mon royaume n'est pas de ce monde.

Tout de même le présent récit, tel qu'il est donné et compris par les évangélistes, présente des difficultés insurmontables qu'il est de notre devoir de signaler. Nous ne nous arrêterons pas à celles qui ne tiennent qu'au cadre de l'histoire, par ex., à la question de savoir sous quelle forme le diable apparut? comment Jésus fut transporté du désert au temple, du temple sur la montagne, et de là de nouveau au désert? où doit être la montagne assez haute pour permettre à l'homme d'embrasser d'un seul coup d'œil tous les royaumes de la terre? et autres questions semblables qui peuvent embrasser l'exégèse littérale, mais qui sont des bagatelles à côté de celles qui présentent à la méditation du théologien. Celui-ci est autorisé à demander d'abord si Jésus a reconnu le diable. Quelle que soit la réponse qu'on voudra donner (le texte dit positivement oui), la notion de sa divinité se trouvera singulièrement amoindrie; car, ou bien lui, Dieu, n'aurait pas connu celui qu'il était venu combattre et vaincre sur la terre, ou bien, tout en le connaissant, il se serait mis ou trouvé en son pouvoir. Or, il nous semble impossible que le diable ait eu prise sur le Fils de Dieu, dans le sens physique, et beaucoup moins possible encore que celui-ci ait consenti à suivre le diable, à entrer en quelque sorte, en le suivant, dans ses vues, à lui donner prise sur lui-même, dans le sens moral. En général, l'idée d'une tentation de Dieu dans ce sens, est une idée contraire aux notions les plus élémentaires d'une religion digne de ce nom; et cependant les textes eux-mêmes disent que la tentation était le but du séjour de Jésus au désert. Il s'ensuit de tout ce qui précède que la narration contenue dans notre péricope, telle qu'elle est sous nos yeux, est incompatible avec la formule ou conception consacrée officiellement, concernant la divinité du Christ. Ajoutons encore que cette conséquence résulte surtout de ce que le diable propose à Christ de l'adorer. D'après la théologie de l'Eglise, Christ, c'est-à-dire la seconde personne de la Trinité, est le créateur du diable comme de tout ce qui existe. Le diable le sait mieux que personne. Sa prétention n'est donc pas seulement un blasphème, elle est la plus inconcevable

sottise. Or, les évangélistes n'ont pas voulu raconter une absurdité: ils nous représentent Jésus, tenté comme un homme, mais triomphant sans hésitation, sans effort, d'une manière parfaite et décisive.

Mais encore à cet autre point de vue, qui, nous le répétons, est celui des évangélistes, il y a de graves difficultés qui arrêtent le lecteur. Car lors même que nous voudrions écarter toutes celles qui résultent de la présomption de la nature divine de Christ, notre sentiment religieux se refuse encore à admettre que la tentation, c'est-à-dire la provocation au mal, ait pu exercer sur lui une influence quelconque, ne fut-elle que passagère ou provisoire, ne se présentât-elle à son esprit que comme une question à résoudre, comme une hypothèse. En effet, si le mal a pu, nous ne disons pas obscurcir pour un instant la lucidité de son esprit, ou travailler fugitivement sa conscience morale, mais seulement glisser pour ainsi dire comme une ombre devant ses yeux de manière à attirer momentanément son attention, la notion de sa sainteté absolue, qui est un élément indispensable de la foi chrétienne, est nécessairement remise en question, ou plutôt elle est positivement compromise. Cela est si vrai que déjà quelques-uns des anciens pères de l'Eglise ont été d'avis que les scènes du temple et de la montagne n'ont pu être des faits réels, puisque autrement il faudrait admettre que Jésus a cédé jusqu'à un certain point à la tentation, sauf à s'arrêter au moment décisif. Des auteurs modernes ont été plus loin, et niant la réalité objective et extérieure de toute cette histoire, n'ont voulu y voir qu'un fait intérieure et subjectif, une évolution de la pensée de Jésus, une contemplation contradictoire de ses buts et moyens, un drame purement psychique. Mais il serait facile de prouver que cet expédient, dont le moindre tort est d'être contraire au texte, n'écarter pas la difficulté que nous venons de signaler; tout au contraire, si nous mettons à la place du diable personnel, les propres pensées de Jésus, nous n'importe qu'elles aient surgi dans un songe, ou dans une vision, ou dans une lutte intérieure, nous ne faisons qu'affirmer la présence, dans sa nature morale, d'un élément de faiblesse qui est d'autant moins propre à nous rassurer, que l'objet de la tentation a été plus insolite. On pourrait même dire qu'à cet égard la ridicule explication des interprètes nationalistes, qui ont entrevu dans le diable un émissaire du Sanhédrin, ménageait beaucoup mieux l'intégrité du caractère de Jésus.

Un grand nombre de théologiens allemands de notre siècle, désespérant de faire accorder le récit des évangiles avec une saine appréciation de la personne et de la dignité de Jésus, et convaincus qu'aucune des transformations de l'histoire successivement essayées par les commentateurs n'efface complètement ce qui nous y arrête et nous choque, ont proposé l'explication très spécieuse que voici: nous y arrête et nous choque, ont proposé l'explication très spécieuse que voici: Ce que les évangélistes nous racontent comme un fait historique aurait été dans l'origine une parabole racontée par Jésus à ses disciples à l'effet de leur faire saisir la différence entre une conception fautive et mauvaise de l'œuvre messianique et des pouvoirs donnés à celui qui devait l'accomplir, et la conception vraie, que et des pouvoirs donnés à celui qui devait l'accomplir, et la conception vraie, qui était la sienne propre. Le diable, le désert, le temple et la montagne appar- tiendraient au cadre du récit figuré; l'inévitable contradiction entre les quarante jours passés au désert, et les deux jours qui (d'après Jean) séparaient la noce de Cana du séjour sur les bords du Jourdain, disparaîtrait en même temps. On a objecté avec raison que ce serait le seul exemple d'une parabole dans laquelle Jésus se serait introduit lui-même nominativement, et de plus qu'elle aurait dû être bien mal comprise par les auditeurs pour finir par nous arriver dans la forme actuelle. Cela est très vrai, cependant de toute façon, à moins de dire que nous n'avons là qu'un pur mythe, il faudra admettre que la narration a été formulée primitivement par Jésus lui-même, qu'elle n'a pu être communiquée aux disciples que dans un but pédagogique, et qu'ainsi, parabole ou non, c'est le sens intime du récit, son élément moral et religieux, que nous avons à rechercher. Le jugement à porter sur les accessoires historiques est pour la chrétienté chose secondaire. Elle a un moindre intérêt à résoudre les questions que nous avons posées en commençant, qu'à savoir comment Jésus comprenait sa mission, ou plutôt quels moyens il entendait ne pas employer à l'appui de son ministère. Ses besoins personnels, dont la faim n'est ici que l'individualisation symbolique, ne devaient point être pour lui une préoccupation, un souci, un motif directeur de ses actes. Tout aussi peu la vaine gloire à obtenir auprès des hommes devait l'engager à faire parade de ce qui le distinguait du commun des mortels; il de-

вайт се défendre jusqu'au plaisir de constater pour lui-même, et sans utilité pour le monde, la puissance protectrice du rapport qui le rattachait à Dieu, et connaître la différence entre le dévouement salutaire qui sacrifie la vie parce qu'il en sait la valeur, et la folle témérité qui la risque parce qu'elle n'en a aucune. Enfin il ne pouvait se tromper sur la nature du royaume qu'il se proposait de fonder, ni ignorer que la direction mondaine, dans laquelle les espérances fantastiques et superstitieuses de son peuple auraient voulu l'entraîner, loin de servir son vrai but, lui ferait manquer sa vocation, et renier son Dieu par une idolâtrie aussi méprisable que blasphématoire.

Рейс, такъ-же, какъ и церковь полагаетъ, что писатель представлялъ себѣ дѣйствительное лицо сатаны. Но почему онъ это предполагаетъ, онъ не объясняетъ. А въ этомъ предположеніи и лежитъ вся ошибка. Изъ смысла всей главы не только не видно того, чтобы писатель разумѣлъ подъ сатаною дѣйствительное лицо, но видно совсѣмъ обратное.

Если бы писатель представлялъ себѣ лицо, онъ бы хотъ что-нибудь сказалъ о немъ, о его видѣ, о его дѣйствіяхъ, а тутъ напротивъ ни одного слова нѣтъ о самомъ лицѣ. Лицо искушителя упоминается только ровно настолько, насколько нужно выразить мысли и чувства Христа. Не сказано, какъ онъ подошелъ къ нему, ни какъ переносилъ его, ни какъ исчезъ, ничего не сказано. Говорится только объ Иисусѣ Христѣ, и о томъ врагѣ, который есть въ каждомъ человѣкѣ, о томъ началѣ борьбы, безъ которой немислимъ живой человѣкъ. Очевидно, писатель съ простыми приемами хотеть выразить мысли Иисуса Христа. Чтобы выразить мысли, надо заставить говорить его, но онъ одинъ. И писатель заставляетъ говорить Христа съ самимъ собою, и онъ называетъ одинъ голосъ — голосомъ Иисуса Христа, а другой — то дьяволомъ, т. е. обманщикомъ, то искушителемъ.

Въ церковномъ толкованіи прямо сказано, что не надо и нельзя (хотя какъ всегда, не сказано, почему это не надо и нельзя) считать дьявола представлениемъ, а надо считать дѣйствительнымъ лицомъ, и такое утверждение привычно намъ; но почему Рейсъ предполагаетъ то же, — требуетъ объясненія.

Для всякаго человѣка, свободнаго отъ церковнаго толкованія, будетъ ясно, что слова, приписываемыя искушителю, выражаютъ, только голосъ плоти, противный тому духу, въ которомъ находился Иисусъ Христосъ послѣ проповѣди Іоанна. Такое пониманіе значенія словъ: искушитель, обманщикъ, сатана, означающихъ одно и то же, подтверждается: 1) тѣмъ, что лицо искушителя введено только ровно настолько, насколько оно нужно для выраженія внутренней борьбы; ни одной черты относительно самого искушителя не прибавлено; 2) тѣмъ, что слова искушителя выражаютъ только голосъ плоти и больше ничего, и 3) тѣмъ, что всѣ три искушенія суть самыя обычные выраженія внутренней борьбы, повторяющейся въ душѣ каждаго человѣка.

Въ чемъ же состоитъ эта внутренняя борьба?

Иисусу 30 лѣтъ. Онъ считаетъ себя сыномъ Бога. Вотъ все, что мы знаемъ о немъ въ то время, какъ онъ слушаетъ проповѣдь Іоанна. Іоаннъ проповѣдуетъ, что пришло царство небесное на

землю, что для вступленія въ него, кромѣ очищенія водой, нужно очищеніе духомъ. Никакого внѣшняго поразительнаго состоянія Іоаннъ не общаетъ. Признака внѣшняго наступленія царства небеснаго не будетъ. Единственный признакъ его пришествія есть какое-то внутреннее не плотское явленіе — очищеніе духомъ.

Исполненный мыслью объ этомъ духѣ Иисусъ Христосъ уходитъ въ пустыню. Мысль его о своемъ отношеніи къ Богу выражена въ предшествующемъ. Онъ считаетъ Отцомъ своимъ Бога, онъ сынъ Бога, и для того, чтобы Отецъ его былъ въ мірѣ и въ немъ самомъ, ему надо найти этотъ духъ, который долженъ очистить міръ, и этимъ духомъ очистить себя. И чтобы извѣдать этотъ духъ, онъ подпадаетъ искушенію, удаляется отъ людей и уходитъ въ пустыню. Въ пустынѣ онъ страдаетъ голодомъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ своей сыновности Богу и своей духовности, онъ хотеть ѣсть и страдаетъ голодомъ.

И голосъ плоти говоритъ ему: *Если ты сынъ Бога, прикажи, чтобы изъ камней стали хлѣбы*. Если понимать слова эти, какъ понимаетъ ихъ церковь, именно: что дьяволъ, искушая сына Бога, хотеть отъ него доказательства его божественности, — то нельзя понять, почему Иисусъ Христосъ, если онъ могъ это сдѣлать, не претворилъ камней въ хлѣбы. Это былъ бы самый лучшій и простой и короткий, достигающій цѣли, отвѣтъ.

Если слова: «Если ты сынъ Божій, вели, чтобы камни стали хлѣбами» — есть вызовъ къ чуду, то необходимо, чтобы Иисусъ Христосъ, отвѣчая, сказалъ: «Не хочу дѣлать чуда», или что-нибудь соответствующее вопросу; но Иисусъ Христосъ ничего не говоритъ о томъ, хотеть-ли онъ или не хотеть дѣлать то, что ему предлагаетъ дьяволъ, но отвѣчаетъ совсѣмъ другое, и даже не упоминаетъ ничего объ этомъ, а говоритъ: *Не хлѣбомъ однимъ живѣтъ человѣкъ, а всѣмъ, исходящимъ отъ Бога*. Слова эти не только не отвѣчаютъ на упоминаніе дьявола о хлѣбѣ, но говорятъ совсѣмъ другое. Изъ того, что Иисусъ не только не дѣлаетъ изъ камней хлѣба, чего очевидно нельзя сдѣлать, и даже не отвѣчаетъ на эту невозможность, а отвѣчаетъ на общій смыслъ, видно, что слова эти не могли имѣть прямого значенія: *Скажи, чтобы изъ камней сдѣлался хлѣбъ*, — а имѣютъ то значеніе, которое они имѣютъ, когда прямо обращены къ человѣку, а не къ Богу. Если они обращены просто къ человѣку, то значеніе ихъ ясно и просто.

Слова эти значатъ: Хлѣба тебѣ хотеться, и потому позаботься, чтобы хлѣбъ у тебя былъ, потому что самъ видишь, что словами хлѣба не сдѣлаешь.

И Иисусъ отвѣчаетъ не на то, почему онъ не дѣлаетъ хлѣбъ изъ камней, а на тотъ смыслъ, который лежитъ въ словахъ: *Покоряешься ли ты требованіямъ плоти?* отъ отвѣчаетъ: *Человѣкъ живѣтъ не хлѣбомъ, а духомъ*.

Смыслъ отдѣльнаго этого изреченія очень общъ. Для того, чтобы понять его опредѣленно, надо вспомнить все начало главы, и то, къ чему сказаны эти слова.

Приводя слова изъ книги св. Писанія, Иисусъ Христосъ оче-

видно разумѣть тотъ самый смыслъ, который находится въ этой главѣ.

Во Второзаконіи гл. VIII, 5-й книгѣ Моисея сказано:

1. Всѣ заповѣди, которыя Я заповѣдую вамъ сегодня, старайтесь исполнять, дабы вы были живы и размножились, и пошли и завладѣли землею, которую съ клятвою обѣщалъ Господь отцамъ вашимъ.

2. И помни весь путь, которымъ велъ тебя Господь Богъ твой по пустынь. вотъ уже сорокъ лѣтъ, чтобы смиритъ тебя и узнать, что въ сердцѣ твоёмъ, будешь-ли хранить заповѣди Его или нѣтъ.

3. Онъ смирялъ тебя, томилъ тебя голодомъ, и питалъ тебя манною, которой не звалъ ты, и не знали отцы твои, дабы показать тебѣ, что не однимъ хлѣбомъ живетъ человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Господа, живетъ человекъ.

4. Одежда твоя не ветшала на тебѣ, и нога твоя не пухла вотъ уже сорокъ лѣтъ.

5. И знай въ сердцѣ твоёмъ, что Господь Богъ твой учитъ тебя, какъ человекъ учитъ сына своего.

6. Итакъ храни заповѣди Господа Бога твоего, ходя путями Его и боясь Его.

7. Ибо Господь, Богъ твой, ведетъ тебя въ землю добрую, землю, гдѣ потоки воды, источники и озера выхлѣваютъ изъ долинъ и горъ.

И вотъ на слова діавола о голодѣ Иисусъ, вспоминая Израиля, жившаго 40 лѣтъ въ пустынь и не погибшаго, этими словами отвѣчаетъ искустителю: *Не хлѣбомъ живетъ человекъ, но волею Божіей живетъ человекъ*. Т. е. какъ Израиль надѣялся на Бога, и Богъ привелъ его, такъ и я надѣюсь на Бога, отвѣчаетъ Иисусъ.

На эти слова Иисуса, діаволъ беретъ его и несетъ на храмъ, повторяя опять: *Если ты сынъ Бога, бросься отсюда*.

Слова эти стоили много труда церковнымъ толкователямъ. Толкованія же не нужно никакого: діаволомъ называется голосъ плоти, говорящій въ томъ же Иисусѣ. И потому слова эти прямо значатъ: И представленіе перенесло его на храмъ; или: И ему представилось, что онъ стоитъ на высотѣ, и голосъ плоти сказать ему, повторяя опять: Если ты сынъ Божій, бросься отсюда.

По церковному толкованію эти слова ничѣмъ не связаны съ первыми и опять не имѣютъ другого значенія кромѣ того, что діаволъ вызываетъ Иисуса Христа сдѣлать ненужное чудо. Слова діавола изъ 91 псалма о томъ, что ангелы поддержать его, тоже по церковному толкованію ничѣмъ не связываются съ предшествующимъ, и весь этотъ разговоръ представляется безцѣльнымъ. Безсвязность и бессмысленность церковнаго толкованія второго искушенія происходитъ отъ ошибки пониманія смысла первыхъ словъ. Первые слова: *сдѣлай хлѣбъ изъ камней*, — понятія не какъ выраженіе невозможности (имѣть хлѣбъ, когда не запасъ его), а какъ вызовъ на чудо, заставили и на послѣдующія слова: *бросься внизъ* — смотрѣть тоже, какъ на вызовъ къ чуду. Слова же эти очевидно связаны съ первымъ внутреннимъ смысломъ. Связь эта очевидна ужъ и потому, что какъ первая, такъ и вторая слова начинаются однимъ и тѣмъ же выраженіемъ: *если ты сынъ Божій*.

Кромѣ того, во второмъ отвѣтѣ слово *вѣ* — *потому что*, стоящее у Луки, ясно показываетъ, что Иисусъ Христосъ не отвѣчаетъ на

слова діавола: «бросься внизъ», — но отвѣчаетъ на свой отказъ броситься внизъ. Иисусъ Христосъ, какъ въ первомъ такъ и въ третьемъ искушеніи не говоритъ: *написано* и т. д., а говоритъ: *потому что написано*, то есть говоритъ: Я не брошусь, *потому что написано*.

Съ первыхъ словъ голосъ плоти хочетъ показать Иисусу ложность его убѣжденій въ томъ, что онъ есть духовное существо и сынъ Божій. Ты говоришь: Ты сынъ Божій, ушелъ въ пустыню и думаешь освободиться отъ похоти. А похоть плоти мучаетъ тебя. Здѣсь не удовлетворишь похоти, камней хлѣбами не сдѣлаешь, такъ лучше пооди туда, гдѣ есть изъ чего дѣлать хлѣбъ, и дѣлай его или запасай его и носи ея собою и ѣшь, какъ всѣ люди.

Вотъ что сказалъ голосъ плоти въ первомъ искушеніи. На это Иисусъ Христосъ, вспоминая Израиля въ пустынь, сказалъ: Израиль сорокъ лѣтъ жилъ въ пустынь безъ хлѣба и питался, и живъ остался, потому что Богъ хотѣлъ этого. Стало быть не хлѣбомъ живъ человекъ, а волей Божьею.

Тогда голосъ плоти, представляя ему, что онъ стоитъ на высотѣ, говоритъ: Если такъ, и тебѣ, какъ сыну Божію, заботиться о хлѣбѣ не нужно, такъ докажи это — бросься внизъ. Вѣдь ты самъ говоришь, что все происходитъ не отъ заботы человека, а отъ воли Божіей. Это истинная правда, и въ псалмѣ Давидовомъ сказано (Псал. 91): На руки подхватятъ тебя и не допустятъ до тебя зла. Такъ что же ты страдаешь, бросься головой, до тебя не допустится зло, ангелы сохранятъ тебя.

Какъ только дано настоящее объясненіе первымъ словамъ, именно то, что это не вызовъ сдѣлать чудо, а указаніе на невозможность, такъ и эти слова получаютъ тотъ же характеръ и ясный смыслъ. Въ словахъ діавола: «бросься внизъ» находится возраженіе на то, что Иисусъ надѣется на Бога; но въ слѣдующихъ словахъ изъ псалма выражается и то, что если вѣрить въ волю Божію и жить одной ею, то человекъ и не можетъ испытывать страданій, и жите одной ею, то человекъ и не можетъ испытывать страданій, ни жажды, ни голода, стоитъ только броситься головой внизъ, отдаться волѣ Божіей, и ангелы соблюдутъ. То, что эта вторая мысль — о томъ, что теперь избавиться отъ голода Иисусъ Христосъ можетъ, если онъ точно вѣрить въ волю Божію, тѣмъ, что бросится съ храма, — заключается въ словахъ діавола и подтверждается отвѣтомъ Иисуса Христа о неискушеніи Бога, какъ было при Масѣ. Голосъ плоти словами «бросься внизъ» доказываетъ Иисусу не только несправедливость его довода о томъ, что жизнь не отъ хлѣба людскаго, а отъ Бога, но доказываетъ и тѣмъ, что онъ не бросится, вѣрилъ, что жизнь не отъ хлѣба людскаго, не отъ заботы людской, а отъ Бога, то онъ бы теперь въ своемъ голодѣ не берегъ бы себя; а онъ терпитъ голодъ и все-таки не отдается вполне волѣ

Божіей. На это Иисусъ отвѣчаетъ отказомъ броситься внизъ. Онъ говоритъ: Я не брошусь, потому что написано: *Не искушай своего Бога.*

Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ опять словами изъ книгъ Моисея, напоминая событіе при Масса-Меривѣ.

Вотъ что было при Массѣ (Исходъ XVII, 2—7):

2. И укорялъ народъ Моисея, и говорилъ: Дайте намъ воды пить. И сказалъ имъ Моисей: Что вы укоряете меня? Что искушаете Господа?

3. И жаждалъ тамъ народъ воды, и ропталъ народъ на Моисея, говоря: Зачѣмъ ты вывелъ насъ изъ Египта, уморить жаждою насъ, и дѣтей нашихъ, и стада наши?

4. Моисей возопилъ къ Господу и сказалъ: Что мнѣ дѣлать съ народомъ симъ? Еще немного и побьютъ меня камнями.

5. И сказалъ Господь Моисею: Пройди предъ народомъ и возьми съ собою нѣкоторыхъ изъ старѣйшинъ Израильскихъ, и жезлъ твой, которымъ ты ударилъ по водѣ, возьми въ руку твою и пойди.

6. Вотъ, Я стану предъ тобою тамъ на скалѣ въ Хоривѣ; и ты ударишь въ скалу, и пойдетъ изъ нея вода, и будетъ пить народъ. И сдѣлалъ такъ Моисей въ глазахъ старѣйшинъ Израильскихъ.

7. И нарекъ мѣсту тому имя: Масса и Мерива (искушеніе и укореніе) по причинѣ укоренія сыновъ Израилевыхъ, и потому, что они искушали Господа, говоря: Есть-ли Господь среди насъ или нѣтъ?

Этимъ воспоминаніемъ Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ на оба разсужденія діавола. На то, что голосъ плоти говоритъ, что онъ не вѣритъ въ Бога, если бережетъ себя, онъ отвѣчаетъ: *Нельзя испытывать своего Бога.* На то, что голосъ плоти говоритъ, что если бы онъ вѣрилъ въ Бога, онъ бы бросился съ храма, чтобы отдаться ангеламъ и избавиться отъ голода, — онъ отвѣчаетъ тѣмъ, что онъ никого не укоряетъ за свой голодъ, какъ укоряли израильтяне Моисея при Массѣ. Онъ не отчаивается въ Богѣ, и потому ему не нужно испытывать Бога, и легко переносить свое положеніе.

Третье искушеніе есть строгій выводъ изъ двухъ первыхъ. Оба первыхъ начинаются словами: *Если ты сынъ Божій...* послѣднее же не имѣетъ этого вступленія. Голосъ плоти прямо говоритъ Иисусу Христу, показывая ему всѣ царства міра, то есть то, какъ живутъ люди, и говоритъ ему: *Если поклонимся мнѣ, все это дамъ тебѣ.* Отсутствіе вступленія «Если ты сынъ Божій» и совсѣмъ особенный складъ рѣчи, уже не какъ съ человѣкомъ, съ которымъ спорять, а съ человѣкомъ, который покоренъ, — указываетъ на связь этого мѣста съ предшествующими, если предшествующія понятны въ ихъ настоящемъ смыслѣ.

Сначала голосъ плоти разсуждаетъ и говоритъ: Если бы ты былъ сынъ Бога и духъ, то ты бы не голодалъ, а если бы и голодалъ, то могъ бы по своей волѣ изъ камней дѣлать хлѣбъ и удовлетворять своей волѣ. А если голодаешь и не можешь изъ камня сдѣлать хлѣбъ, значитъ, ты не сынъ Бога и не духъ. Но ты говоришь, что ты сынъ Бога въ томъ смыслѣ, что ты надѣешься на Бога. И это неправда, потому что, еслибы ты надѣялся точно на Бога, какъ сынъ на отца, то ты бы и не мучился теперь голодомъ, а прямо бы пустился на власть Божію и не берегъ бы свою жизнь, а ты небось съ крыши не бросишься.

Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ на это тѣмъ, что онъ не долженъ ничего требовать отъ Бога.

О томъ, что понималъ Иисусъ подъ этими словами, сказано ниже; но діаволъ не понимаетъ этого довода.

Доводы діавола слѣдующіе: Хочешь ѣсть, такъ и заботься о хлѣбѣ. Если бы правда было то, что ты предаешься волѣ Божіей, то ты бы и не берегъ себя, а ты бережешься, — стало быть ты не правъ. И потому голосъ плоти, торжествуя, говоритъ: Не хочешь думать о пищѣ, такъ и не береги свою жизнь; а бережешь свою жизнь, съ крыши не хочешь броситься, такъ отчего хлѣба себѣ не припасешь?

Голосъ плоти какъ бы заставилъ Иисуса признать могущество ея и неизбѣжность жизни плотской, и потому онъ и говоритъ: Всѣ эти твои надежды на Бога и увѣренность въ немъ — все это слова, а на дѣлѣ ты не ушелъ и не уйдешь отъ плоти. Такой же ты сынъ плоти былъ и есть, какъ и всѣ люди. А сынъ плоти, такъ почти ее и работай ей. Я — духъ плоти. И онъ показываетъ Иисусу царства міра: Видишь, что я даю тѣмъ, кто служитъ мнѣ. Почти меня, работай мнѣ, и тебѣ то же будетъ.

На это Иисусъ отвѣчаетъ опять изъ книги Моисея (Второзакон. VI, 13): «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи».

Сказано это во Второзаконіи не просто, а сказано израильтянамъ, что когда они получаютъ всѣ блага плоти, то тутъ-то и надо бояться забыть Бога и Ему одному работать.

Голосъ замолкаетъ, и сила Божія помогаетъ Иисусу Христу перенести искушеніе.

Все, что нужно было сказать, — все сказано.

Церковныя толкованія любятъ представлять это мѣсто, какъ побѣду Иисуса надъ діаволомъ. Побѣды ни по какому толкованію не выходитъ никакой: діавола можно считать столько же побѣдителемъ, сколько и Иисуса Христа. Побѣды нѣтъ ни съ той ни съ другой стороны; есть только выраженіе двухъ противоположныхъ другъ другу основъ жизни. И ясно выражена и та, которую отрицаетъ Иисусъ Христосъ, и та, которую онъ избралъ. Оба хода разсужденія поразительны тѣмъ, что философскія системы, системы морали, религіозныя секты, различныя направленія жизни въ тотъ или другой историческій періодъ имѣютъ въ основѣ только различныя стороны обоихъ этихъ разсужденій. Въ каждомъ серьезномъ разговорѣ о значеніи жизни, о религіи, въ каждомъ случаѣ внутренней борьбы отдѣльнаго человѣка повторяются все тѣ же и тѣ же разсужденія этого разговора діавола съ Иисусомъ или голоса плоти съ голосомъ духа.

То, что мы называемъ «матеріализмъ», есть только строгое слѣдованіе всему разсужденію діавола; то что мы называемъ «аскетизмъ», есть только слѣдованіе первому отвѣту Христа о томъ, что не хлѣбомъ живъ человекъ.

Секты самоубійствъ, философія Шопенгауэра и Гартмана есть только развитіе второго разсужденія діавола.

Въ самомъ простомъ видѣ разсужденіе таково:

Дьяволъ: Сынъ Бога, а голоденъ. Словами хлѣба не сдѣлаешь. Толкуй не толкуй о Богѣ, а брюхо хлѣба просить. Хочешь быть живъ, — такъ и работай, запасай хлѣба.

Исусъ: Человѣкъ живъ не хлѣбомъ, а Богомъ. Человѣку даетъ жизнь не плотское, а другое — духъ.

Дьяволъ: А если не плотское даетъ жизнь, то человѣкъ свободенъ отъ плоти и ея требованій. А человѣкъ свободенъ, такъ бросься съ крыши, ангелы подхватятъ тебя. Убивай свою плоть или сразу убей ее.

Исусъ: Жизнь въ тѣлѣ отъ Бога, и потому нельзя роптать на нее и сомнѣваться въ ней.

Дьяволъ: Говоришь: зачѣмъ хлѣбъ, а самъ голодаешь. Говоришь: жизнь отъ Бога, въ духѣ, а самъ бережешь свою плоть, значитъ одни разговоры. Не тобою свѣтъ начался и не тобою и кончится. Гляди на людей: жили и живутъ и хлѣбъ припасаютъ, и хлѣбъ берегутъ. И припасаютъ не на день, не на годъ, а на года, и не одинъ хлѣбъ, а все, что человѣку нужно. И себя берегутъ, чтобы и самимъ не падать, и чтобы бѣда не убила, и чтобы человѣкъ не обидѣлъ, — тѣмъ и живы. Ъсть хочешь, такъ и трудись. Жалѣешь свое тѣло, такъ и береги себя. Почитай плоть и работай ей, и живъ будешь, и она оплатитъ тебѣ.

Исусъ: Живъ человѣкъ не плотью, а Богомъ. Въ жизни отъ Бога нельзя сомнѣваться, и въ жизни этой почитать должно одного Бога и Ему одному работать.

Все разсужденіе дьявола, то есть плоти — несомнѣнно и неотразимо, если стать на его точку зрѣнія. Разсужденіе Христа точно такъ же неотразимо, если стать на его точку зрѣнія. Разница только въ томъ, что разсужденіе *Исуса Христа* включаетъ въ себя разсужденіе плоти. *Исусъ Христосъ* понимаетъ разсужденіе плоти, беретъ его за основаніе всего разсужденія. Разсужденіе же плоти не включаетъ въ себя разсужденіе *Исуса Христа* и не понимаетъ его точки зрѣнія.

Непониманіе дьяволомъ Христа начинается со второго вопроса и отвѣта. Дьяволъ говоритъ: Если ты говоришь, что ты можешь быть живъ безъ хлѣба, необходимаго для жизни, то ты можешь отречься отъ всей своей плотской жизни, прямо отрицать ее, и для уничтоженія жизни броситься съ высоты.

Исусъ отвѣчаетъ: Отказываясь отъ хлѣба, я не отказываюсь отъ Бога, но бросаюсь съ храма, я отказываюсь отъ Бога. А жизнь — отъ Бога, и жизнь есть проявленіе во мнѣ, въ моей плоти — Бога. Следовательно, отказываясь отъ жизни, сомнѣваясь въ ней, я сомнѣваюсь въ Богѣ. И потому, можно отказываться отъ всего во имя Бога, но не отъ жизни, потому что жизнь — проявленіе божества.

Но дьяволъ не хочетъ понимать этого и полагаетъ свое разсужденіе вѣрнымъ и говоритъ: Отчего же отъ хлѣба, нужнаго для жизни, можно отказаться, а отъ самой жизни нельзя? Онъ говоритъ: это непоследовательно. Если отъ жизни нельзя отказаться, то нельзя отказаться и отъ всего, что нужно для нея. И дѣлаетъ выводъ: А если не бросаешься съ крыши и считаешь, что надо беречь себя, то надо беречь себя и во всемъ, и запасать хлѣбъ.

Исусъ говоритъ, что приравнять хлѣбъ къ жизни нельзя, что тутъ — разница. И разсужденіе *Исуса* ведетъ его къ своему противоположному выводу.

Плоть говоритъ: Я вложила въ тебя потребность соблюдать меня. Если ты думаешь, что ты можешь пренебрегать какими-нибудь изъ моихъ похотей и голодать, когда тебѣ ѣсть хочется, то не думай, что ты можешь уйти отъ меня. Если ты воздерживаешься отъ нихъ, то это только потому, что ты жертвуешь одними потребностями для другихъ моихъ же потребностей, жертвуешь на время, а все-таки живешь для удовлетворенія моихъ требованій плоти. Ты жертвуешь одними потребностями для другихъ, но самой плоти ты ни для чего не пожертвуешь. И потому ты не уйдешь отъ меня, и всегда, какъ и всѣ другіе люди, будешь служить мнѣ одной.

И эту-то самую несомнѣнную истину *Исусъ Христосъ* беретъ въ основаніе своего разсужденія и съ перваго же слова, признавая всю истинность этого разсужденія, переноситъ вопросъ на другую точку зрѣнія. Онъ спрашиваетъ себя: Что такое во мнѣ эта потребность соблюдать плоть, — эта похоть и эта внутренняя борьба съ этой похотью? И отвѣчаетъ: Это сознаніе жизни во мнѣ. Что же такое это сознаніе жизни? Плоть не есть жизнь. Что же такое жизнь? Жизнь — это что-то такое неизвѣстное, но что-то не похожее на плоть, совсѣмъ другое чѣмъ плоть. Что же это такое? Это что-то изъ другого источника. И потому, признавая первое положеніе о томъ, что есть плоть и есть потребность соблюдать ее, онъ говоритъ себѣ, что однако все, что онъ знаетъ о плоти и ея потребностяхъ, онъ знаетъ только потому, что въ немъ есть жизнь, и говоритъ себѣ, что жизнь не отъ плоти, а отъ чего-то другого, и это-то другое, противоположное плоти, называется «Богъ» — и говоритъ: Человѣкъ живъ не потому, что ѣсть хлѣбъ, а потому, что въ немъ есть жизнь. А жизнь эта происходитъ отъ чего-то другого — отъ Бога.

На второе положеніе плоти, на то, что отъ плоти все-таки не уйдешь, что все-таки живешь только потому, что хотя чувствомъ самосохраненія соблюдаешь ее, *Исусъ Христосъ* говоритъ, продолжая разсужденіе съ своей точки зрѣнія, что онъ бережетъ жизнь свою не для плоти, а отъ того, что она отъ Бога, и что жизнь есть проявленіе Бога. И потому въ послѣднемъ выводѣ о томъ, что надо работать плоти, уже совсѣмъ расходится съ искушителемъ и говоритъ: И потому надо работать одному этому духовному началу жизни — Богу. *Исусъ* говоритъ: И потому надо работать *латребѣи* не плоти, а одному Богу. Слово *латребѣи*, означающее работу наемника, работу принудительную, за плату, поставлено здѣсь не даромъ. И надо понимать то значеніе, которое имѣетъ это слово.

Исусъ говоритъ: Правда, я всегда буду во власти плоти, она всегда будетъ заявлять свои требованія, но, кромѣ голоса плоти, я знаю еще голосъ Бога, независимый отъ нея. И потому, какъ въ этихъ искушеніяхъ въ пустынѣ, такъ и во всей жизни голосъ плоти и голосъ Бога будутъ входить въ противорѣчіе, и мнѣ надо будетъ насильно, какъ и работнику, ожидающему плату, работать

тому или другому. Два голоса будутъ звать меня и требовать работы одному или другому. И усилю я буду дѣлать въ такихъ творѣчійхъ — Богу, и отъ него только буду ждать (награды) платы, то есть въ случаѣ борьбы избирать всегда усилю для Бога.

И духъ одерживаетъ побѣду надъ плотью, и Иисусъ находитъ тотъ духъ, который долженъ очистить его для того, чтобы наступило царство небесное. И въ сознании этого духа Иисусъ Христосъ возвращается изъ пустыни.

Если дать словамъ *Богъ* и *жизнь* то значеніе, которое эти слова имѣютъ во Введеніи, то слова Иисуса Христа становятся еще яснѣе.

На первую рѣчь діавола о хлѣбѣ Христосъ говоритъ: Не хлѣбомъ, а разумѣніемъ живъ человѣкъ.

На рѣчь діавола о томъ, чтобы Иисусъ бросился съ кровли, онъ отвѣчаетъ: Я не могу сомнѣваться въ разумѣніи, разумѣніе всегда со мною. Оно даетъ мнѣ жизнь, а жизнь есть свѣтъ разумѣнія, какъ же я могу сомнѣваться въ разумѣніи и испытывать его? И потому я никому иному не могу работать, какъ тому, что есть источникъ моей жизни, что есть сама моя жизнь. Одно разумѣніе почитаю и одному ему служу.

Кромѣ внутренняго значенія этого мѣста, по отношенію развитія въ самомъ Христѣ его ученія, это мѣсто имѣетъ значеніе выясненія Бога въ сознании Иисуса Христа — какъ разумѣнія.

Въ началѣ искушенія Иисусъ Христосъ говоритъ о Богѣ Еврейскомъ, Творцѣ всего, о Богѣ лицѣ, отдѣльномъ отъ человѣка, о Богѣ преимущественно плотскомъ.

Ты можешь сдѣлать хлѣбъ? говоритъ искушитель. И, отвѣчая, Христосъ хотя и не ясно, но уже говоритъ, что Богъ, — не исключительно плотскій Богъ: *Человѣкъ живъ не хлѣбомъ однимъ, но Богомъ.*

Слова: бросься внизъ, или: если можно лишать себя хлѣба, то можно лишать себя и жизни, — выражаютъ сомнѣніе въ томъ, что жизнь сама отъ Бога; жизнь не отъ Бога, а въ моей власти. И Христосъ, отвѣчая, говоритъ: Все въ моей власти, только не жизнь, потому что сама жизнь отъ Бога. Жизнь есть проявленіе Бога, жизнь — въ Богѣ.

Тутъ совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ во Введеніи, выводится та же мысль, что жизнь есть свѣтъ людей, а свѣтъ есть разумѣніе, а разумѣніе есть то, что люди называютъ «Богъ», то есть *Начало всего.*

Третье искушеніе переноситъ все разсужденіе изъ области внутренней во внѣшнюю; оно говоритъ: Не можетъ быть справедливо твое сужденіе, когда весь міръ живетъ иначе.

Отвѣчая и на это, Христосъ повторяетъ свое понятіе о Богѣ внутреннемъ, не плотскомъ. Онъ говоритъ: Среди тѣхъ благъ, которыя не я себѣ далъ, я долженъ почитать одного своего Бога и и работать долженъ Ему одному.

Кромѣ этого, необходимо помнить при развитіи дальнѣйшаго ученія, что эти понятія Бога и тѣ отношенія человѣка къ Богу, которыя выражаются въ этомъ мѣстѣ, выработаны Иисусомъ Христомъ этимъ самымъ путемъ мысли. Надо помнить, что на вопросъ

о томъ, — чѣмъ живъ человѣкъ, хлѣбомъ или Богомъ, — въ первый разъ Иисусъ выяснилъ себѣ самъ свое ученіе о значеніи Бога и человѣка, и что по этому во многихъ и многихъ мѣстахъ своего ученія, когда Иисусъ хочетъ выразить это отношеніе человѣка къ Богу, онъ беретъ тотъ самый ходъ мысли и то самое сравненіе хлѣба, которыми для него самого уяснилось это значеніе.

О согласіи всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о хлѣбѣ, пищѣ и питьѣ — съ этимъ мѣстомъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Прибытіе на брань въ Кану.

Ин. II, 1 — 11 включительно. Событіе въ Канѣ Галилейской, описанное такъ подробно, есть одно изъ самыхъ поучительныхъ мѣстъ въ евангеліяхъ, поучительныхъ по отношенію къ тому, какъ вредно принимать всю букву, такъ называемаго, каноническаго евангелія за что-то священное. Событіе въ Канѣ Галилейской не представляетъ ничего ни замѣчательнаго, ни поучительнаго, ни въ какомъ бы то ни было отношеніи значительнаго. Если чудо, то оно бессмысленно, если фокусъ, то онъ оскорбителенъ, если же это бытовая картина, то она не нужна.

Въ стихахъ: Мѡ. XIV, 3 — 5; Мр. VI, 17 — 20; Лк. III, 19, 20 — описываются причины заключенія Іоаннова.

Въ стихахъ: Мѡ. IV, 12; Ин. IV, 1 — 3; Лк. IV, 15; Ин. IV, 44 — 54; Лк. V, 1 — 10; Мѡ. IV, 19, 20; Мр. I, 17, 18 — описываются событія, не преподающія ученія, и потому оставляются мною безъ перевода.

Проповѣдь Иисуса.

Ἀπὸ τότε ἤρξατο ὁ Ἰησοῦς κηρύσσειν. . .
τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας τοῦ Θεοῦ.
καὶ λέγων· Ὅτι πληρώται ὁ καιρὸς, καὶ ἤγγικεν ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ· μετανοεῖτε καὶ πιστεύετε ἐν τῷ εὐαγγελίῳ.

Мѡ. IV, 17. Съ того времени Иисусъ началъ проповѣдывать и говоритъ: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.

Мр. I, 14. Послѣ же того, какъ преданъ былъ Іоаннъ, пришелъ Иисусъ въ Галилею, проповѣдуя Евангеліе Царства Божія.

15. и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствіе Божіе: покайтесь, и вѣруйте въ Евангеліе.

Съ тѣхъ поръ началъ Иисусъ разглашать царство Бога. Онъ говорилъ: Пришло время, наступило царство Бога, обновитесь и вѣрите возвѣщенію истиннаго блага.

Ин. II, 19 — 36 включительно.

Сказано только, что, увидавъ Иисуса Христа, Иоаннъ сказалъ: «Онъ идетъ за мною, но былъ прежде меня». А не говоритъ, Христосъ-ли онъ. И потому, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ послѣдующихъ, относящихся до указаній на то, что Иисусъ былъ Христосъ, надо отдѣлять указаніе на то, что онъ Мессія, отъ ученія, съ которымъ они часто слиты. Былъ-ли или не былъ Иисусъ, ученіе котораго охватило большую половину міра, тѣмъ Христомъ, съ точки зрѣнія Іудеевъ, котораго они ожидали, — есть вопросъ совершенно чуждый ученію.

Для Евреевъ, переходившихъ въ христіанство, онъ могъ имѣть значеніе, и потому понятно, почему въ Евангеліяхъ часто затемняется смыслъ мѣстъ; затемняется онъ только для того, чтобы доказать, что Иисусъ былъ Христосъ, то есть помазанникъ; что какъ Давидъ и Саулъ были помазаны, такъ и Христосъ былъ помазанъ Иоанномъ.

Для людей же не еврейскаго закона и ничѣмъ не убѣжденныхъ въ томъ, что Иисусъ былъ истинный посланникъ Божій, утвержденія Иоанна объ Иисусѣ, если бы они и были сказаны, — совершенно не нужны.

Стихи Ин. I, 19 — 34; Мѡ. III, 16, 17; Мр. I, 10, 11 и Лк. III, 21, 22 имѣютъ содержаніемъ удостовѣреніе и доказательства того, что Иисусъ Христосъ есть сынъ Божій.

Былъ-ли Иисусъ Христосъ сынъ Божій по понятіямъ Іудеевъ, для насъ, не Іудеевъ, совершенно безразлично. Если бы не было другихъ доказательствъ его сыновности Богу, кромѣ голоса, который 1800 лѣтъ тому назадъ неизвѣстно кто слышалъ, то это преданіе о голосѣ съ неба не убѣдило бы никого въ его избранности и сыновности Богу.

Для того же, кто понималъ истинность Иисуса и сыновность его Богу такъ, какъ они объяснены въ 1-й главѣ, преданія о голубѣ и голосѣ съ неба по меньшей мѣрѣ излишни.

Первые ученики Христовы.

Τῇ ἐπαύριον πάλιν εἰσέρχεται ὁ Ἰωάννης, καὶ ἐκ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ δύο, καὶ ἐμβλέψας τῷ Ἰησοῦ περιπατοῦντι λέγει· Ἰδε ὁ ἀρνὸς τοῦ Θεοῦ.

Ин. I, 35. На другой день опять стоялъ Иоаннъ, и двое изъ учениковъ его;

36. и, увидѣвъ идущаго Иисуса, сказалъ: вотъ, Агнецъ Божій.

И Иоаннъ опять свидѣлся съ Иисусомъ¹⁾ и сказалъ про него: это ягненокъ Божій.

Примѣчаніе.

1) Εμβλέψας τῷ Ἰησοῦ περιπατοῦντι увидавъ шедшаго Иисуса. Подъ этими словами должно разумѣть то, что когда Иисусъ шель въ Галилею,

Иоаннъ опять видѣлся съ нимъ. Слово *πάλιν* указываетъ на это. У Иоанна Евангелиста рассказываются самымъ краткимъ образомъ самыя событія, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ то, что бы было только то, что сказано. Какъ если бы человѣкъ, повторяя извѣстный рассказъ о событіи, упомянулъ бы выдающіяся и памятные черты. Очевидно, Иисусъ видѣлся съ Иоанномъ, говорилъ съ нимъ и послѣ бесѣды Иоаннъ сказалъ: Онъ ягненокъ, назначенный Богу; и эти послѣднія слова выразили рѣзко то, что говорилъ Иоаннъ.

Καὶ ἤκουσαν οἱ δύο μαθηταὶ αὐτοῦ λαλοῦντος, καὶ ἠκολούθησαν τῷ Ἰησοῦ.

Στραφεὶς δὲ ὁ Ἰησοῦς, καὶ θεωρᾶμενος αὐτοὺς ἀκολουθοῦντας, λέγει αὐτοῖς.

Τί ζητεῖτε; Οἱ δὲ εἶπον αὐτῷ· Ῥαββί (ὃ λέγεται ἐρμηνεύμενον, Διδάσκαλε), ποῦ μένεις;

Ин. I, 37. Услышавши отъ него сіи слова, оба ученика пошли за Иисусомъ.

38. Иисусъ же, обратившись и увидѣвъ ихъ идущихъ, говоритъ имъ: что вамъ надобно? Они сказали Ему: Равви (что значитъ: учитель)! гдѣ живешь?

Два ученика Иоанна, когда услышали эти слова, пошли за Иисусомъ.

Иисусъ оглянулся, увидалъ, что они идутъ за нимъ, и сказалъ имъ: Чего вы ищите? Они сказали: Равви (это значитъ учитель), гдѣ ты живешь?

Примѣчаніе.

1) Ποῦ μένεις — *идѣ живешь*. Слова учениковъ и отвѣтъ Иисуса Христа — *увидите, идѣ живецъ*, и то, что ученики увидали, гдѣ онъ живетъ, очевидно значатъ болѣе, чѣмъ то, что сказано.

Иоаннъ Евангелистъ упоминаетъ только о выдающихся словахъ того разговора, но смыслъ всего мѣста, очевидно, тотъ, что ученики хотятъ быть съ нимъ, слышать его ученіе, можетъ быть, и видѣть его жизнь, и онъ приглашаетъ ихъ съ собою, и они видятъ его жизнь и слышатъ его ученіе и убѣждаются въ истинности его.

Λέγει αὐτοῖς· Ἐρχεσθε καὶ ἴδετε· Ἦλθον καὶ εἶδον ποῦ μένει καὶ παρ' αὐτῷ ἐμείναν τὴν ἡμέραν ἐκείνην· ὥρα δὲ ἦν ὡς δεκάτη.

Ἦν Ἀνδρέας ὁ ἀδελφὸς Σίμωνος Πέτρου, εἷς ἐκ τῶν δύο τῶν ἀκουσάντων παρὰ Ἰωάννου, καὶ ἀκολουθεῖν αὐτῷ.

Εὗρίσκει οὗτος πρῶτος τὸν ἀδελφὸν τὸν ἴδιον Σίμονα, καὶ λέγει αὐτῷ· Εὗρηκαμεν τὸν Μεσσίαν (ὃ ἐστὶ μεθερμηνεύμενον, ὁ Χριστός).

Καὶ ἤγαγεν αὐτὸν πρὸς τὸν Ἰησοῦν. Ἐμβλέψας δὲ αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς, εἶπε· Σὺ εἶ Σίμων ὁ υἱὸς Ἰωάν· σὺ κληθήσῃ Κηρῶς, ὃ ἐρμηνεύεται, Πέτρος.

Καὶ προῖας ἐκείθεν ὀλίγον, εἶδεν Ἰάκωβον τὸν τοῦ Ζεβεδαίου, καὶ Ἰωάννην, τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ, καὶ αὐτοὺς ἐν τῷ πλοίῳ καταρτίζοντας τὰ δίκτυα.

Καὶ εὐθέως ἐκάλεσεν αὐτούς· καὶ ἀφέντες τὸν πατέρα αὐτῶν Ζεβεδαῖον ἐν τῷ πλοίῳ μετὰ τῶν μισθωτῶν, ἀπῆλθον ὀπίσω αὐτοῦ.

Τῇ ἐπαύριον ἐβλήσεν ὁ Ἰησοῦς ἐξελθεῖν εἰς τὴν Γαλιλαίαν· καὶ εὗρίσκει Φίλιππον καὶ λέγει αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς· Ἀκολούθει μοι.

Ἦν δὲ ὁ Φίλιππος ἀπὸ Βηθσαιᾶ, ἐκ τῆς πόλεως Ἀνδρέου καὶ Πέτρου.
Εὗρίσκει Φίλιππος τὸν Ναθαναήλ, καὶ λέγει αὐτῷ· Ὁν ἔγραψε Μωσῆς ἐν τῷ νόμῳ,
καὶ οἱ προφῆται εὐλόγησαν, Ἰησοῦν τὸν υἱὸν τοῦ Ἰωσήφ τὸν ἀπὸ Ναζαρέτ.
Καὶ εἶπεν αὐτῷ Ναθαναήλ· Ἐκ Ναζαρέτ ὄνταί τι ἀγαθὸν εἶναι; Λέγει αὐτῷ Φίλιππος· Ἐρχου καὶ ἴδε.
Εἶδεν ὁ Ἰησοῦς τὸν Ναθαναήλ ἐρχόμενον πρὸς αὐτόν, καὶ λέγει περὶ αὐτοῦ· Ἦδε ἀληθῶς Ἰσραηλῆϊτης ἐν ᾧ ὁλόος οὐκ ἔστι.

Ин. I, 39. Говоритъ имъ: пойдите, и увидите. Они пошли и увидѣли, гдѣ Онъ живетъ, и пробыли у Него день тотъ. Было около десятаго часа.

40) Одинъ изъ двухъ, слышавшихъ отъ Іоанна объ Иисусѣ и послѣдовавшихъ за Нимъ, былъ Андрей, братъ Симона Петра.

41. Онъ первый находитъ брата своего Симона и говоритъ ему: мы нашли Мессію, что значитъ: Христосъ;

42. и привелъ его къ Иисусу. Иисусъ же, взглянувъ на него, сказалъ: ты Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешься Кифа, что значитъ: камень (Петръ).

Мр. I, 19 (Мѡ. IV, 21). И прошедь оттуда немного, Онъ увидѣлъ Іакова Зеведеева и Іоанна брата его, также въ лодкѣ, починивающихъ сѣти;

Мр. I, 20 (Мѡ. IV, 22; Лк. V, 11). И тотчасъ призвалъ ихъ. И они, оставивши отца своего Зеведея въ лодкѣ съ работниками, послѣдовали за Нимъ.

Ин. I, 43. На другой день Иисусъ восхотѣлъ итти въ Галилею, и находитъ Филиппа и говоритъ ему: иди за Мною.

44. Филиппъ же былъ изъ Висаиды, изъ одного города съ Андреемъ и Петромъ.

45. Филиппъ находитъ Нафанаила и говоритъ ему: мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Иисуса, сына Іосифова, изъ Назарета.

Онъ сказалъ имъ: идите и увидите. Они пошли и увидѣли, гдѣ онъ живетъ, и у него пробыли день.

Одинъ изъ этихъ двухъ былъ Андрей, братъ Семена Петра.

Онъ разыскалъ своего брата Семена и говоритъ: мы нашли Мессію, значитъ избранника Божія.

И привели его къ Иисусу. Иисусъ поглядѣлъ на него и говоритъ: Ты Семень, Іонинъ сынъ. Тебя надо назвать Петръ—значитъ камень.

И пройдя немного оттуда, увидѣлъ Якова Зеведеева и Ивана, его брата, они въ лодкѣ справляли сѣти.

И тотчасъ позвалъ ихъ. И они оставили отца Зеведея съ работниками въ лодкѣ.

Потомъ уже передъ входомъ въ Галилею Иисусъ встрѣтилъ (еще) Филиппа и говоритъ: иди со мною.

Филиппъ былъ изъ Висаиды—односелецъ Петру и Андрею.

Филиппъ разыскалъ Нафанаила и говоритъ ему: Про кого Моисей писалъ въ законѣ, мы того нашли, это Иисусъ, сынъ Іосифа, изъ Назарета.

46. Но Нафанаиль сказалъ ему: изъ Назарета можетъ ли быть что доброе? Филиппъ говоритъ ему: поиди и посмотри.

47. Иисусъ, увидѣвъ идущаго къ Нему Нафанаила, говоритъ о немъ: вотъ, подлинно Израильтнинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства.

А Нафанаиль говоритъ ему: Развѣ можетъ что добраго быть изъ Назарета? Филиппъ говоритъ ему: Поди самъ—увидишь.

Когда Нафанаиль пришелъ и Иисусъ свидѣлся ¹⁾ съ нимъ, онъ сказалъ о немъ: вотъ истинно человекъ, въ комъ хитрости нѣтъ.

Примѣчаніе.

1) Увидѣлся съ нимъ—здѣсь значитъ: свидѣлся съ нимъ, послѣдовалъ за нимъ.

Ἀπεκρίθη Ναθαναήλ καὶ λέγει αὐτῷ· Ραββί, σὺ εἶ ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ, σὺ εἶ ὁ βασιλεὺς τοῦ Ἰσραήλ.

Ин. I, 49. Нафанаиль отвѣчалъ Ему: Равви! Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ. И сказалъ ему Нафанаиль: Ты сынъ Бога, ты царь Израиля ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Утвержденіе Нафанаила о томъ, что Иисусъ есть сынъ Бога, т. е. то самое, что о себѣ думалъ Иисусъ Христосъ въ пустынѣ, и царь Израиля, т. е. что вмѣстѣ съ Христомъ пришло царство Бога, то, что проповѣдывалъ Іоаннъ, указываетъ на то, что Іоаннъ многое говорилъ и толковалъ своимъ первымъ ученикамъ. Понявъ это толкованіе, Нафанаиль сказалъ: Да, ты сынъ Бога и ты царь Израиля.

Стихъ 48-й, 1-й главы Іоанна есть такой же намекъ о чемъ-то, извѣстномъ только писателю, но совершенно потерянномъ для насъ. Что было подъ смоковницею, когда Нафанаила видѣлъ Иисусъ,—неизвѣстно, и потому этотъ стихъ пропускается.

Стихъ 50-й есть продолженіе разговора о потерянномъ для насъ событіи подл. смоковницей, и потому пропускается.

Καὶ λέγει αὐτῷ· Ἀμήν ἀμήν λέγω ὑμῖν, ἀπ' ἄρτι ὀψεσθε τὸν οὐρανὸν ἀνεγρότα, καὶ τοὺς ἀγγέλους τοῦ Θεοῦ καταβαίνοντας ἐπὶ τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου.

Ин. I, 51. И говоритъ ему: истинно, истинно говорю вамъ: отнынѣ будете видѣть небо открытымъ и Ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому.

И онъ сказалъ: Узнаешь то, что важнѣе этого. Истинную правду говорю вамъ: теперь узнаете, что небо открыто и силы Божіи будутъ сходять къ сыну Человѣческому ¹⁾ и восходить отъ него на небо.

Примѣчаніе.

1) Υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου — *Сынъ человеческій* и по смыслу и по употребленію значить и не можетъ значить ничего другого, какъ «человѣкъ» въ смыслѣ общихъ всѣмъ людямъ свойствъ человеческихъ. Въ этихъ словахъ Иисусъ Христосъ высказываетъ то, что онъ постигъ въ пустынѣ.

По прежнему ученію Богъ былъ отдѣльное существо отъ человѣка. Небо — обиталище Бога, и самъ Богъ былъ закрытымъ для человѣка. По ученію Иисуса Христа небо открыто для человѣка. Общеніе Бога съ человѣкомъ установлено. Жизнь человѣка отъ Бога, и Богъ всегда съ человѣкомъ, и потому сила Божія сходитъ къ сыну человеческому; человѣкъ познаетъ ее въ себѣ и восходитъ на небо. *Человѣкъ изъ себя познаетъ Бога.* Въ этомъ и заключается наступленіе царства Божія, которое проповѣдывалъ Іоаннъ и подтверждаетъ Иисусъ.

Проповѣдь Иисуса Христа въ Назаретѣ.

Καὶ ἦλθεν εἰς τὴν Ναζαρέτ, οὗ ἦν τετραμμένος· καὶ εἰσῆλθε κατὰ τὸ εἶωθος αὐτοῦ, ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῶν σαββάτων, εἰς τὴν συναγωγὴν, καὶ ἀνέστη ἀναγνῶναι.

Καὶ ἐπέδωκε αὐτῷ βιβλίον Ἰσαΐου τοῦ προφήτου· καὶ ἀναπτύξας τὸ βιβλίον, εὗρε τὸν τόπον οὗ ἦν γεγραμμένον·

Πνεῦμα Κυρίου ἐπ' ἐμὲ, ὅς ἐνεκεν εὐχριστῶς ἢ εὐαγγελίζεσθαι πτωχοῖς, ἀποσταλμένος με ἵνα κηρύξω τοὺς συντετριμμένους τῇ καρδίᾳ, κηρύξω ἀκουσάτοισι ἀφ᾽ ἑσέ, καὶ τοῖς ἀνάβλεψιν, ἀποστείλαι τετραμμένους ἐν ἀφ᾽ ἑσέ.

Κηρύξαι ἐν αὐτῷ Κυρίου δεχτόν.

Лк. IV, 16. И пришелъ въ Назаретъ, гдѣ былъ воспитанъ, и вошелъ, по обыкновенію Своему, въ день субботній въ синагогу, и сталъ читать.

17. Ему подали книгу пророка Исаи; и Онъ, раскрывъ книгу, нашель мѣсто, гдѣ было написано:

18. Духъ Господень на мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпнымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу,

19. проповѣдывать лѣто Господне благоприятное (Исаія 61, 1—2).

И пришелъ Иисусъ въ Назаретъ, гдѣ былъ воспитанъ. И вошелъ по обыкновенію праздничнаго дня въ собраніе и сталъ читать.

И дали ему книгу пророка Исаи. И развернулъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ написано:

Духъ Вѣчнаго на мнѣ; онъ посвятилъ меня на то, чтобы возвѣстить благо несчастнымъ, разбитымъ сердцемъ, связаннымъ провозгласить свободу, слѣпымъ свѣтъ и измученнымъ спасеніе и отдыхъ.

Возвѣстить всѣмъ годину милости Божіей¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Мѣсто это изъ Исаи обрывается на томъ стихѣ, въ которомъ говорится о мщеніи Бога. У Исаи такъ: «Возвѣстить годину милости Божіей. День мщенія нашего Бога». Я выписываю это для того, чтобы было понятно то, что слова, приводимыя изъ книги Моисея и пророковъ, надо понимать только въ томъ смыслѣ, который даетъ имъ Иисусъ Христосъ. Очевидно, онъ выбралъ тѣ знакомыя слова, которыя выражали его мысль, откидывая тѣ, которыя противорѣчили ей.

Καὶ πτόξας τὸ βιβλίον, ἀποδοὺς τῷ ὑπηρέτῃ ἐκάθισεν· καὶ πάντων ἐν τῇ συναγωγῇ οἱ ὀφθαλμοὶ ἦσαν ἀτενίζοντες αὐτῷ.

Ἦρξατο δὲ λέγειν πρὸς αὐτοὺς· Ὅτι σήμερον τεπλήρωται ἡ γραφή αὐτῇ ἐν τοῖς ὠσιν ὑμῶν.

Καὶ πάντες ἐμαρτύρουν αὐτῷ, καὶ θαυμάζον ἐπὶ τοῖς λόγοις τῆς χάριτος τοῦς ἐκπορευόμενοις ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ, καὶ ἔλεγον· Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ υἱὸς Ἰωσήφ;

Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τέκτων;

Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱός; οὐχὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ λέγεται Μαριάμ, καὶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ Ἰάκωβος καὶ Ἰωσήφ καὶ Σίμων καὶ Ἰούδας;

Καὶ εἶπε πρὸς αὐτοὺς· Πάντως ἐρεῖτε μοι τὴν παραβολὴν ταύτην· Πατέρ, θεράπευτον σεαυτοῦ.

Οὐκ ἐστὶ προφήτης ἄτιμος, εἰ μὴ ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ καὶ ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτοῦ.

Лк. IV, 20. И закрывъ книгу, и отдавъ служителю, сѣлъ, и глаза всѣхъ въ синагогѣ были устремлены на Него.

21. И онъ началъ говорить имъ: нынѣ исполнилось писаніе сіе, слышанное вами.

Лк. IV, 22. (Мѡ. XIII, 54; Мр. VI, 2). И всѣ засвидѣтельствовали Ему это, и дивились словамъ благодати, исходящимъ изъ устъ Его, и говорили: не Іосифовъ ли это сынъ?

Мр. VI, 3. Не плотникъ ли Онъ?

Мѡ. XIII, 55. Не плотниковъ ли Онъ сынъ? Не Его ли мать называется Марія, и братья его Іаковъ, и Іосій, и Симонъ, и Іуда?

Лк. IV, 23. Онъ сказалъ имъ: конечно, вы скажете мнѣ прісловіе: врачъ! исцѣли Самого Себя.

И закрывъ книгу и отдавъ слугѣ, онъ сѣлъ. И глаза всѣхъ смотрѣли на него.

И онъ началъ говорить имъ: Теперь совершилось писаніе это въ глазахъ вашихъ.

И всѣ дивились благодати рѣчей его и говорили: Не этотъ ли сынъ Іосифа, не плотникъ ли онъ?

И не этотъ ли плотниковъ сынъ; не мать ли его зовутъ Маріамъ, и братьевъ его Яковъ, Іосій и Семень и Іуда?

И сказалъ имъ: Разумѣется вы говорите: Врачъ исцѣлится самъ.

Мѡ. XIII, 57. Не бываетъ про- Потому что никакого пророка
рокъ безъ чести, развѣ только не понимаютъ на его родинѣ¹⁾.
въ отечествѣ своемъ.

Примѣчаніе.

1) Смыслъ стиховъ о пророкѣ въ отечествѣ своемъ и врачѣ
для меня не ясны. Во всякомъ случаѣ смыслъ этого мѣста, какъ
онъ понимается, не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ, и потому
относится къ прибавленію.

Καὶ καταλποὺν τὴν Ναζαρέτ, ἐλθὼν κατέκησεν εἰς Καπερναούμ τὴν παραθαλάσσιαν, ἐν
ὧρίοις Ζαβουλὼν καὶ Νεφθαλεὶμ.

Καὶ εὐθέως τοῖς σάββατον εἰσελθὼν εἰς συναγωγὴν, ἐδίδασκε.

Καὶ ἐξεπλήσσοντο ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ ὅτι γὰρ διδάσκων αὐτοὺς ὡς ἐξουσίαν ἔχων, καὶ
οὐχ ὡς οἱ γραμματεῖς.

Мѡ. IV, 13. И оставивъ Наза-
ретъ, пришелъ и поселился въ
Капернаумъ приморскомъ, въ пре-
дѣлахъ Завулоновыхъ и Неофа-
лимовыхъ.

Мр. I, 21. (Лк. IV, 31). И вскорѣ
въ субботу вошелъ Онъ въ си-
нагогу, и училъ.

Мр. I, 22. (Лк. IV, 32). И ди-
вились Его ученію, ибо Онъ
училъ ихъ какъ власть имѣю-
щій, а не какъ книжники.

И Иисусъ изъ Назарета по-
шелъ жить въ Капернаумъ.

И тотчасъ же въ субботу
вошелъ въ собраніе и сталъ
учить.

И восхищались ученію его,
потому что онъ училъ ихъ сво-
бодно¹⁾, а не какъ книжники.

Примѣчаніе:

1) ὡς ἐξουσίαν ἔχων значитъ: имѣя свободу. Εξουσία значитъ первымъ
значеніемъ своимъ свобода. Здѣсь же уже неизбежно значитъ сво-
бода, а не власть, потому что противопоставляется ученію книжни-
ковъ. Книжники имѣли власть, и потому не могло быть сказано:
имѣя власть, а не какъ книжники (имѣющіе власть). Противопо-
ложеніе тутъ въ томъ, что книжники именно потому, что имѣли
власть, учили несвободно, а Иисусъ Христосъ училъ свободно; т. е.
что ученіе книжниковъ (какъ оно и было) считало людей рабами
Бога, не свободными, а по ученію Иисуса Христа люди были сво-
бодны. При такомъ объясненіи понятно и то, чему могъ восхи-
щаться народъ. Если бы Иисусъ Христосъ училъ какъ власть имѣю-
щій, т. е. съ дерзостью и нахальствомъ, то народу бы нечѣмъ было
восхищаться. Это фарисеи и книжники умѣли гораздо лучше. Но
очевидно что-то другое было въ его ученіи. И это другое было то,
что онъ училъ ὡς ἐξουσίαν ἔχων, т. е. свободно, какъ свободный отъ
всѣхъ узъ.

Рожденіе, дѣтство и начало проповѣди Иисуса Христа.

(Общій смыслъ главы первой).

Разумѣніе воплотилось въ Иисусѣ Христѣ. Иисусъ Христосъ воз-
вѣстилъ людямъ истинное благо.

Рожденіе же Иисуса Христа вотъ какъ было. Мать его Марія
была обручена Иосифу. Но прежде чѣмъ они стали жить какъ
мужъ съ женою, оказалась Марія беременна.

Иосифъ же былъ человѣкъ добрый и не хотѣлъ ее осрамить,
принялъ какъ жену свою. И не имѣлъ съ нею дѣла, пока не ро-
дила сына своего первого и назвала его Иисусъ.

И мальчикъ росъ и мужалъ и былъ разуменъ не по годамъ.
И въ дѣтствѣ его вотъ что было съ нимъ:

Было Иисусу уже двѣнадцать лѣтъ, и пошли развѣ Марія съ
Иосифомъ къ празднику въ Иерусалимъ и взяли съ собой мальчика.
Отошелъ праздникъ, и пошли они домой и забыли про мальчика.
Потомъ вспомнили и подумали, что онъ ушелъ съ ребятами, и
спрашивали про него дорогой. Мальчика нигдѣ не было, и верну-
лись они за нимъ въ Иерусалимъ.

И уже на третій день нашли они мальчика въ церкви, сидѣть
съ учителями, спрашиваетъ ихъ и слушаетъ. И всѣ удивляются ра-
зуму его.

Мать увидѣла его и говоритъ: Что ты съ нами сдѣлалъ, вотъ
мы съ отцомъ твоимъ горюемъ, ищемъ тебя. А онъ сказалъ имъ:
Гдѣ же вы искали меня? Развѣ не знаете, что сына надо искать
въ домѣ отца? И они не поняли его.

Не поняли того, что онъ, зная, что плотского отца у него не
было, однимъ отцомъ своимъ считалъ Бога. И послѣ этого Иисусъ
жилъ у матери и слушался ея во всемъ, и подвизался и въ возрастѣ,
и въ разумѣ, и былъ въ милости у Бога и у людей.

И такъ жилъ онъ до 30-ти лѣтъ. И всѣ думали, что Иисусъ
сынъ Иосифа.

Началъ же Иисусъ возвѣщать о благѣ вотъ какъ: Пророки пред-
сказывали, что Богъ долженъ прійти въ міръ. Пророкъ Малахій
говорилъ: Посланецъ мой пойдетъ впередъ, чтобы проложить мнѣ путь.

Пророкъ Исаія говорилъ: Голосъ взываетъ къ вамъ: Проложите
въ глуши путь Богу, уровняйте путь Ему, сдѣлайте такъ, чтобы
все было равно, чтобы не было ни впадинъ, ни возвышеній, ни
высокаго, ни низкаго. Тогда Богъ будетъ среди васъ, и всѣ най-
дутъ спасеніе свое.

По этимъ словамъ пророковъ, во время Иисуса Христа объя-
вился новый пророкъ Іоаннъ. Іоаннъ жилъ въ степи Іудейской на
Іорданѣ. Одежда Іоанна была изъ верблюжьяго волоса, подпоясана
ремнемъ. А питался онъ корою древесной и зельемъ. Онъ призы-
валъ людей къ новой жизни и они сознавались ему въ своихъ
ошибкахъ, и онъ купалъ ихъ въ Іорданѣ въ знакъ исправленія ихъ
ошибокъ. Онъ говорилъ всѣмъ: Или почували вы, что и вамъ не

отбыть воли Божией? Такъ обновитесь же. И если хотите обновиться, такъ пускай по дѣламъ вашимъ видно будетъ, что вы перемѣнились. Иоаннъ говорилъ: До сихъ поръ пророки говорили, что Богъ придетъ. Я говорю вамъ: обновитесь, Богъ пришелъ уже. Онъ говорилъ: очищаю васъ водою, но послѣ меня, тотъ, кто сильнѣе меня, очиститъ васъ духомъ. Когда онъ придетъ, онъ очиститъ васъ, какъ хозяинъ очищаетъ гумно свое: пшеницу соберетъ, а мякину сожжетъ. Если дерево не приноситъ плода хорошаго, то его срубаютъ и жгутъ на дрова. И топоръ уже лежитъ у корня дерева.

И спрашивалъ его народъ: Что намъ дѣлать? Онъ отвѣчалъ: У кого двѣ одежды, тотъ отдай одну тому, у кого нѣтъ. И у кого есть пища, — отдай тому, у кого нѣтъ. Приходили къ нему откупщики и спрашивали: Намъ что дѣлать? Онъ сказалъ: Ничего противъ положеннаго не вымогайте. И спрашивали воины: Какъ намъ быть? Онъ сказалъ: Никого не обижайте. Не плутуйте. Будьте довольны тѣмъ, что вамъ отпускается. И много еще другого возвѣщалъ онъ народу о томъ, что есть благо настоящее.

Иисусу было тогда 30 лѣтъ. Онъ пришелъ на Иорданъ къ Иоанну и слушалъ проповѣдь его о томъ, что Богъ идетъ, что надо обновиться духомъ, и тогда Богъ придетъ. Иисусъ не зналъ своего отца плотскаго и считалъ отцомъ своимъ Бога. Онъ повѣрилъ проповѣди Иоанна и сказалъ себѣ: Если правда, что мой отецъ Богъ, и я сынъ Бога, и правда то, что говоритъ Иоаннъ, то мнѣ надо только очиститься духомъ, чтобы Богъ пришелъ ко мнѣ.

И Иисусъ ушелъ въ пустыню, чтобы испытать правду того, что онъ сынъ Бога, и что Богъ придетъ къ нему. Онъ ушелъ въ пустыню и безъ пищи и питья жилъ тамъ долго и наконецъ отошелъ. И нашло на него сомнѣнiе, и онъ сказалъ себѣ: Говоришь, что ты духъ, сынъ Бога, и что Богъ придетъ къ тебѣ, а мучаешься тѣмъ, что у тебя нѣтъ хлѣба, и Богъ не приходитъ къ тебѣ; стало быть ты не духъ, не сынъ Бога. Но онъ сказалъ себѣ: Плоть моя желаетъ хлѣба, но хлѣбъ нуженъ мнѣ для жизни; человекъ живъ не хлѣбомъ, а духомъ, — тѣмъ, что отъ Бога.

Но голодъ все-таки мучилъ его. Нашло на него другое сомнѣнiе, онъ сказалъ себѣ: Говоришь, что ты сынъ Бога, и что Богъ придетъ къ тебѣ, а страдаешь и не можешь прекратить своихъ страданiй. И ему представилось, что онъ стоитъ на крышѣ храма и ему пришла мысль: Если я духъ, сынъ Бога, то если и брошусь съ храма, не убьюсь, а невидимая сила сохранитъ меня, поддержитъ и избавитъ отъ всякаго зла. Отчего же мнѣ не броситься, чтобы перестать страдать голодомъ? Но онъ сказалъ себѣ: Зачѣмъ мнѣ испытывать Бога въ томъ, что Онъ со мной или нѣтъ. Если я испытываю Его, я не вѣрю въ Него, и Его нѣтъ съ мною. Богъ духъ даетъ мнѣ жизнь, и потому въ жизни духъ всегда во мнѣ. И я не могу испытывать его. Я могу не ѣсть, но убить себя я не могу, потому что чувствую въ себѣ духъ.

Но голодъ все мучилъ его. И ему еще пришла мысль: Если я не долженъ испытывать Бога въ томъ, чтобы не броситься съ храма, то я не долженъ также испытывать Бога въ томъ, чтобы голодать,

когда мнѣ хочется ѣсть. Я не долженъ лишать себя всѣхъ похотей плоти. Они вложены въ меня и во всѣхъ людей. И ему представились всѣ царства земныя и всѣ люди, какъ они живутъ и трудятся для плоти, ожидая отъ нея награды. И онъ подумалъ: Они работаютъ плоти, и она даетъ имъ все то, что они имѣютъ. Если я буду работать ей, и мнѣ то же будетъ. Но онъ сказалъ себѣ: Богъ мой есть не плоть, а духъ; Имъ живу, Его знаю въ себѣ всегда, Его одного почитаю, и Ему одному тружусь, отъ Него ожидаю награды.

Тогда искушенiе оставило его, и духъ обновилъ его, и онъ позналъ то, что Богъ пришелъ къ нему и всегда въ немъ; и познавъ это, онъ въ силѣ духа вернулся въ Галилею.

И съ той поры, познавъ силу духа, онъ сталъ возвѣщать присутствiе Бога. Онъ говорилъ: Пришло время, обновитесь, вѣрьте возвѣщенiю блага.

Изъ пустыни Иисусъ пришелъ опять къ Иоанну и былъ съ нимъ.

Когда Иисусъ уходилъ отъ Иоанна, Иоаннъ сказалъ про него: Это настоящiй сынъ Божiй (избранникъ). По этимъ словамъ Иоанна, два ученика Иоанна оставили своего прежняго учителя и пошли за Иисусомъ.

Иисусъ увидалъ, что они идутъ за нимъ, остановился и говорить: Что вамъ надо? Они сказали ему: Учитель, мы хотимъ быть съ тобою и узнать твое ученiе. Онъ сказалъ: Пойдемте со мной, и все скажу вамъ. Они пошли съ нимъ и пробыли съ нимъ, слушая его, цѣлый день до 10-го часа.

Одного изъ этихъ учениковъ звали Андрей. И у Андрея былъ братъ Семенъ. Послушавъ Иисуса, Андрей пошелъ къ своему брату Семену и говорить ему: Мы нашли избранника Божiя. Андрей взялъ съ собою Семена и привелъ его тоже къ Иисусу. Этого брата Андреева Иисусъ прозвалъ Петръ, значитъ камень. И эти оба брата стали учениками Иисуса.

И Иисусъ пошелъ дальше съ двумя учениками своими. Пройдя немного, Иисусъ увидалъ рыбаковъ въ лодкѣ. Это были Зеведей отецъ съ работниками и двумя сыновьями Яковомъ и Иваномъ. Они сидѣли и справляли сѣти. Иисусъ сталъ говорить съ Яковомъ и Иваномъ, и Яковъ и Иванъ оставили отца съ работниками въ лодкѣ и пошли съ Иисусомъ и стали его учениками.

Потомъ уже передъ входомъ въ Галилею Иисусъ встрѣтилъ еще Филиппа и позвалъ его съ собой. Филиппъ былъ изъ Вифсаиды, односелецъ Петру и Андрею. Когда Филиппъ узналъ Иисуса, онъ пошелъ и разыскалъ брата своего Нафанаила и говорить ему: Мы нашли избранника Божiя, того, про котораго писалъ Моисей, это — Иисусъ, сынъ Иосифа изъ Назарета. Нафанаиль удивился тому, что избранникъ Божiй изъ сосѣдней деревни, и говорить: Ну, братъ, мудрено что-то, чтобы изъ Назарета былъ избранникъ Божiй. Филиппъ говорить: Пойдемъ со мной къ нему, самъ увидишь и услышишь. Нафанаиль согласился и пошелъ съ братомъ и свидѣлся съ Иисусомъ; и когда услышалъ его, то сказалъ Иисусу: Да, теперь я вижу, что это правда, что ты сынъ Бога и царь Израиля.

Иисусъ сказалъ ему: Узнаешь то, что важнѣе этого. Узнаешь, что теперь наступило царство небесное; и потому истинно говорю вамъ, что ко всѣмъ людямъ будетъ сходить сила Божія, и отъ нихъ будетъ исходить сила Божія. Отнынѣ Богъ уже не будетъ особенный отъ людей, а люди сольются съ Богомъ.

И изъ пустыни пришелъ Иисусъ на родину въ Назаретъ. И въ праздникъ вошелъ, какъ всегда, въ собраніе, и сталъ читать. Ему дали книгу пророка Исаи. Онъ развернулъ ее и сталъ читать. Въ книгѣ написано было: Духъ Владыки во мнѣ, онъ избралъ меня на то, чтобы возвѣстить благо несчастнымъ и разбитымъ сердцемъ, на то, чтобы возвѣстить связаннымъ свободу, слѣпымъ свѣтъ, а измученнымъ спасеніе и отдыхъ; на то, чтобы возвѣстить всѣмъ время спасенія, милости Бога. Онъ закрылъ книгу, отдалъ слугѣ и сѣлъ, и всѣ ждали, что онъ скажетъ. И онъ сказалъ: Теперь это писаніе исполнилось въ вашихъ глазахъ. Богъ въ мірѣ. Царство Бога наступило, и всѣ несчастные, разбитые сердцемъ, связанные, слѣпые, измученные—всѣ получаютъ спасеніе.

И многіе удивлялись на доброту рѣчи его. А другіе говорили: Да вѣдь онъ плотникъ и плотниковъ сынъ. И мать его зовутъ Маріей, а братья его Яковъ, Семень, Іуда и Іоса, и мы всѣхъ ихъ знаемъ, они всѣ бѣдные, такіе же, какъ мы.

И онъ сказалъ имъ: Вы вѣрно думаете, что оттого, что я говорю: явѣ больше несчастныхъ, измученныхъ, а у меня отецъ, мать, братья небогатые, что я говорю неправду, и что мнѣ надо бы ихъ сдѣлать всѣхъ счастливыхъ. Если вы такъ думаете, то вы не понимаете того, что я говорю. И такъ никогда не понимаютъ пророка на его родинѣ.

И Иисусъ пошелъ въ Капернаумъ и въ субботу вошелъ въ собраніе и сталъ учить. И весь народъ удивлялся на его ученіе, потому что его ученіе было совсѣмъ другое, чѣмъ ученіе законниковъ. Законники учили закону, которому надо повиноваться, а Иисусъ училъ, что всѣ люди свободны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общее примѣчаніе.

Содержаніе этой 2-й главы есть отрицательное опредѣленіе Бога. Іоаннъ сказалъ: Когда очиститесь духомъ, то Богъ будетъ въ мірѣ. Иисусъ пошелъ въ пустыню, позналъ силу духа и, познавъ эту силу духа, вернулся въ міръ и объявилъ, что Богъ въ мірѣ и наступило Его царство.

Смыслъ царства Божія въ мірѣ Иисусъ выразилъ словами пророка Исаи. Царство Божіе есть счастье для несчастныхъ, спасеніе для страдающихъ, свѣтъ для слѣпыхъ, свобода для несвободныхъ. Ученикамъ своимъ Иисусъ сказалъ, что царство небесное въ томъ, что отнынѣ Богъ уже не будетъ тѣмъ Богомъ неприступнымъ, какимъ Онъ былъ прежде, а что отнынѣ Богъ будетъ въ мірѣ и въ об-

щеніи съ людьми. Если Богъ въ мірѣ и въ общеніи съ людьми, то — какой это Богъ? Тотъ ли это Богъ Творецъ, сидящій на небесахъ, являвшійся патриархамъ и давшій свой законъ Моисею. Богъ мстительный, жестокий и страшный, котораго знали и почитали люди, или это другой Богъ?

И въ этой 2-й главѣ Иисусъ опредѣляетъ то, что не есть Богъ.

Для того, чтобы это было вполне понятно, необходимо возстановить настоящее значеніе рѣчей Иисуса Христа, значеніе, которое всѣ Церкви старательно затемняли.

Значеніе рѣчей и дѣйствій Иисуса Христа, приведенныхъ въ этой главѣ, то, что Иисусъ Христосъ отрицаетъ все, рѣшительно все вѣроученіе еврейское. Въ сущности это до такой степени ясно и несомнѣнно, что какъ-то совѣстно доказывать это. Надо было, чтобы наши Церкви постигла та странная историческая судьба, заставившая ихъ противъ здраваго смысла соединять въ одно несоединимыя, прямо противоположныя ученія: Христіанское и Еврейское, чтобы онѣ могли утверждать такую нелѣпость, и скрывать очевидное. Стоитъ не только прочесть, но пробѣжать Пятикнижіе, въ которомъ до малѣйшихъ подробностей опредѣлены всѣ дѣйствія человѣка въ десяткахъ тысячъ самыхъ разнообразныхъ случаевъ, чтобы ясно видѣть, что при такомъ подробномъ, мелочномъ опредѣленіи всѣхъ поступковъ человѣка не можетъ быть мѣста какому-нибудь продолженію, дополненію ученія закона, какъ увѣряютъ Церкви. Еще могъ бы быть какой-нибудь просторъ для новаго закона, если бы сказано было, что всѣ законы эти людскіе. Но нѣтъ, ясно и опредѣленно сказано, что все это, — о томъ, какъ и когда не срѣзать прыщики крайней плоти, о томъ, какъ и когда побить всѣхъ женъ и дѣтей, какихъ людей какъ вознаградить за нечаянно убитого вола, — ясно сказано, что все это слова самого Бога. Какъ же дополнить этотъ законъ? Дополнять такой законъ можно только новыми подробностями о прыщикахъ крайней плоти, о томъ, кого еще убить надо и т. д. Но принявъ этотъ законъ боговдохновеннымъ, нельзя уже не только проповѣдывать ученіе Христа, но даже самое низменное ученіе. Все опредѣлено, нечего проповѣдывать. Для перваго слова какой-нибудь проповѣди въ виду Пятикнижія, надо разрушить Пятикнижіе, законъ Пятикнижія. А въ томъ, что Пятикнижіе отъ Бога и Евангеліе отъ Бога, въ этомъ то самомъ должна себя и другихъ увѣрять Церковь. Что же ей больше дѣлать, какъ не закрывать глаза на очевидность и напрягать всѣ силы изворотливости ума, чтобы соединить несоединимое. Сдѣлалось это вслѣдствіе ложнаго ученія Павла, которое предшествовало знанію ученія Христа, и по которому непонятое ученіе Христа было представлено, какъ продолженіе ученія Евреевъ. Но когда уже разъ это совершилось и задача была поставлена не въ томъ, чтобы понять смыслъ ученія Христа, а въ томъ, чтобы соединить несоединимое, что же было дѣлать, какъ не вилать и не говорить тѣ туманныя, несвязныя, выспреннія рѣчи, какъ Павлово посланіе къ Евреямъ, и весь тотъ сумбуръ въ этомъ же родѣ, который 1800 лѣтъ проповѣдуютъ, такъ называемые, отцы Церкви и богословы.

Дѣйствительно, стоитъ только представить себѣ, что люди за-
дались тѣмъ, чтобы, признавая оба сочиненія до послѣдней строчки
истинными, соединить въ одно I-й томъ свода законовъ и сочиненія
хоть Прудона. Я выбралъ I-й томъ и Прудона, но I-й томъ и Пру-
донъ скорѣе могутъ быть соединены, чѣмъ Пятикнижіе и Еван-
геліе. Въ самомъ дѣлѣ, что ни возьмемъ:

Въ Евангеліи: не только убить кого-нибудь, но запрещается
сердце имѣть на кого-нибудь; въ Пятикнижіи: убить, убить и убить
женъ, дѣтей и скотовъ.

Въ Евангеліи: богатство — зло; въ Пятикнижіи — высшее благо
и награда.

Въ Евангеліи: чистота тѣлесная — имѣй одну жену; въ Пяти-
книжіи — бери женъ, сколько хочешь.

Въ евангеліи: всѣ люди братья; въ Пятикнижіи — всѣ враги,
одни Іудеи братья.

Въ Евангеліи: никакого внѣшняго богопочитанія; въ Пятикнижіи
большая половина книгъ опредѣляетъ подробности внѣшняго слу-
женія Богу.

И это-то ученіе Евангельское, какъ увѣряютъ, есть дополненіе
и продолженіе Пятикнижія.

О той лжи и неизбѣжно-ложномъ пониманіи ученія Христа,
которыя вытекаютъ изъ этого нелѣпаго утвержденія, по отношенію
къ другимъ мѣстамъ Евангелія, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ,
теперь же рѣчь идетъ о внѣшнемъ богопочитаніи, противъ кото-
раго возставалъ Иисусъ.

По толкованіямъ Церкви выходитъ, что всѣ тѣ мѣста, которыя
помѣщены въ этой 2-й главѣ: отрицаніе омовеній и необшенія съ
неочищенными, отрицаніе всего, считающагося нечистымъ, отрицаніе
постовъ, отрицаніе важнѣйшаго завѣта Евреевъ съ Богомъ — суб-
рукотворнаго храма, отрицаніе даже самаго священнаго для Ев-
реевъ мѣста, Іерусалима, и, наконецъ, отрицаніе самого Бога, какъ
чего-то внѣшняго, а признаніе Бога — духомъ, которому надо слу-
жить въ духѣ, — все это по толкованіямъ Церкви какія-то для
насъ совершенно ненужныя нападки на выдуманныя какими-то фа-
рисеями излишнія тонкости.

Не говоря уже о томъ, что если это все имѣетъ только зна-
ченіе пикировки съ какими-то фарисеями, то это излишне; не го-
воря о томъ, что для всякаго человѣка, знающаго грамотѣ и мо-
гущаго читать Пятикнижіе и могущаго думать своимъ умомъ, —
утвержденіе о томъ, что Иисусъ боролся не съ закономъ Моисея,
а съ фарисеями, представится, очевидно, ложнымъ.

Иисусъ боролся со всѣми законами Пятикнижія, само собою
разумѣется, исключая нѣкоторыхъ истинъ, которыя должны же
были быть въ этой кучѣ безобразія и вздора. Такъ онъ при-
нималъ заповѣди любить отца и мать, любить ближняго. Но то,
что въ Пятикнижіи нашлись двѣ, три фразы, которыя могъ при-
знать Иисусъ, не доказываетъ, что онъ дополнял и продолжалъ
его, такъ же, какъ не доказываетъ то, что человѣкъ, оспаривая

другого, беретъ его же нѣкоторыя слова для утвержденія своихъ
доводовъ.

Иисусъ не съ фарисеями спорилъ, а со всѣмъ закономъ, и въ
своихъ отрицаніяхъ внѣшняго богопочитанія онъ перебралъ все,
что только составляло догматъ вѣры внѣшняго богопочитанія ка-
ждаго взрослого еврея.

Вотъ, какъ опредѣлено было по Второзаконію богопочитаніе
евреевъ:

Объ очищеніи. Левитъ XVII, 7. Чтобы они впрелъ не приносили жертвъ
своихъ идоламъ, за которыми блудно ходятъ они. Сіе да будетъ для нихъ по-
становленіемъ вѣчнымъ въ роды ихъ.

8. Еще скажи имъ: если кто изъ дома Израилева и ихъ пришельцевъ, ко-
торыя живутъ между вами, приносить всежожженіе или жертву.

9. И не приведетъ ее, для посвященія Вѣчному, ко входу въ скинию, тотъ
человѣкъ будетъ изгнанъ изъ среды народа.

Числ. XIX, 13. Всякій, прикоснувшійся къ мертвому тѣлу какого-либо чело-
вѣка умершаго и не очистившій себя, осквернитъ жилище Господа; истребится
человѣкъ тотъ изъ среды Израиля, ибо онъ не окропленъ очистительною во-
дою, онъ нечистъ, еще нечистота его на немъ.

14. Вотъ законъ: Если человѣкъ умретъ въ шатрѣ, то всякій, кто придетъ
въ шатеръ, и все, что въ шатрѣ — нечисто будетъ семь дней.

15. Всякій открытый сосудъ, который не обвязанъ и не покрытъ, нечистъ.

16. Всякій, кто прикоснется на полѣ къ убитому мечемъ или къ умершему,
или къ кости человѣческой, или ко гробу, нечистъ будетъ семь дней.

17. Для нечистаго пусть возьмутъ пепла той сожженной жертвы за грѣхъ,
и нальютъ на него жевой воды въ сосудъ;

18. И пусть кто-нибудь чистый возьметъ иссопъ, и омочитъ его въ волѣ и
окропитъ шатеръ и всѣ сосуды, и людей, которые находятся въ немъ, и при-
коснувшіеся къ кости (человѣческой) или къ убитому, или къ умершему, или
ко гробу.

19. И пусть окропитъ чистый нечистаго въ третій и седьмой день, и очи-
ститъ его въ седьмой день, И вымоетъ онъ одежды свои, и омоетъ (тѣло свое)
водою, и къ вечеру будетъ чистъ.

20. Если же кто будетъ нечистъ и не очиститъ себя, то истребится чело-
вѣкъ тотъ изъ среды народа; ибо онъ осквернитъ святилище Господа; очисти-
тельною водою онъ не окропленъ, онъ нечистъ.

21. И да будетъ это для нихъ уставомъ вѣчнымъ. И кропившій очисти-
тельною водою пусть вымоетъ одежды свои; и прикоснувшійся къ очиститель-
ной водѣ нечистъ будетъ до вечера.

22. И все, къ чему прикоснется нечистый, будетъ нечисто; и прикоснув-
шійся человѣкъ нечистъ будетъ до вечера.

О постахъ. Левитъ XVI, 29. И да будетъ сіе для васъ вѣчнымъ постано-
вленіемъ: въ седьмой мѣсяцъ, въ десятый (день) мѣсяца смиряйте души ваши и
никакого дѣла не дѣлайте, ни туземцы, ни пришлецъ, поселившійся между
вами;

Левитъ XXIII, 27. Также въ девятый (день) седьмого мѣсяца сего, день
очищенія, да будетъ у васъ священное собраніе; смиряйте души ваши и прино-
сите жертву Господу.

О субботѣ. Исходъ XXXI, 13. Скажи сынамъ Израилевымъ такъ: Субботы
мои соблюдайте; ибо это знаменіе между Мною и вами въ роды ваши, дабы вы
знали, что Я Господь, освящающій васъ.

О жертвахъ не стоитъ выписывать потому, что добрая часть Пяти-
книжія наполнена опредѣленными установленіями отъ самаго Бога
о томъ, какія и какъ Ему нужно приносить жертвы.

То же можно сказать и объ Іерусалимѣ. Іерусалимъ — городъ
Бога. Богъ тамъ живетъ. О томъ, что Богъ не духъ, а внѣшнее
существо съ руками, глазами и ногами, видно изъ всѣхъ мѣстъ.

гдѣ только упоминается о Богѣ. И потому, отрицая и очищеніе, и посты, и субботы, и жертвы, и храмъ, и плотскаго Бога, Иисусъ не продолжалъ вѣру Моисея, но всю подъ корень отрицалъ ее.

Отрицаніе Субботы.

Εὐχέτο δὲ ἐν σάββατο δειτεροπρότερον διαπορεύεσθαι αὐτὸν διὰ τὸν ἀγρὸν καὶ ἐτί-
λον οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ τότε σταύρους, καὶ ἤθιον, φέροντες ταῖς χερσίν.
Τινὲς δὲ τῶν Φαρισαίων εἶπον αὐτοῖς· Τί ποιεῖτε ὅτι οὕτως ἐξέσται ποιεῖν ἐν τοῖς σάββατο;

Лк. VI, 1 (Мѡ. XII, 1; Мр. II, 23). Въ субботу, первую по вто-
ромъ днѣ Пасхи, случилось Ему
проходить засѣянными полями, и
ученики Его срывали колосья и
ѣли, растирая руками.

Лк. VI, 2 (Мѡ. XII, 2; Мр. II, 24). Нѣкоторые же изъ фарисеевъ
сказали имъ: зачѣмъ вы дѣлаете
то, чего не должно дѣлать въ
субботы?

Случилось въ субботу итти ему
черезъ хлѣба. И рвали ученики
его колосья, растирали руками
и ѣли.

И нѣкоторые изъ православ-
ныхъ ¹⁾ увидали и говорятъ имъ:
Что это дѣлаете то, чего не
должно дѣлать въ субботу?

Примѣчаніе.

1. Слово «фарисей» я перевожу *православный* на томъ основа-
ніи, что по всѣмъ изслѣдованіямъ оно значитъ то же самое, что
значитъ у насъ православный. Слово это происходитъ отъ еврей-
скаго «парашъ» и употребляется или въ смыслѣ «толкователь» —
или въ смыслѣ «парушъ», т. е. тотъ, который отдѣляетъ себя отъ
толпы невѣрныхъ и считаетъ себя правымъ, т. е. православнымъ.
Особенность фарисеевъ (по всѣмъ изслѣдованіямъ, согласнымъ между
собою) состояла въ томъ, что: 1) Они признавали кромѣ священ-
наго писанія еще изустное преданіе *традиціи*, священное преданіе,
требуемое извѣстныхъ внѣшнихъ обрядовъ, которые они считали
особенно важными. 2) Они толковали священное писаніе буквально
и считали исполненіе обрядовъ болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ испол-
неніе нравственнаго закона. 3) Они признавали зависимость чело-
вѣка отъ Бога, которая, однако, не вполнѣ исключала свободу воли.
Что же это, какъ не наши православные? Разумѣется, фарисеи не
были самыя наши православные, но это были тѣ, которые занимали
совершенно мѣсто нашихъ православныхъ.

Мѡ. XII, 3—5; Мр. II, 25, 26; Лк. VI, 3, 4. Стихи эти заклю-
чаютъ въ себѣ доводы о томъ, какъ Давидъ съѣлъ хлѣба предло-
женія, и о томъ, какъ священники скверняли субботы.

Доводы эти убѣдительно были только для евреевъ; для насъ же
они тѣмъ болѣе излишни, что послѣдній доводъ о томъ, что Богъ

радуется любви, а не жертвамъ, исключаетъ необходимость пред-
шествующихъ доводовъ. Изъ стиховъ этихъ остается важнымъ
отвѣтъ Христа, который относится къ нимъ.

Λέγω δὲ ὑμῖν, ὅτι τοῦ ἱεροῦ μέζων ἐστὶν ὁδὸς.

Мѡ. XII, 6. Но говорю вамъ, что Говорю вамъ: Здѣсь то, что
здѣсь Тотъ, кто больше храма. ¹⁾ важнѣе внѣшней святыни).

Примѣчаніе.

1) Слова *ὅτι τοῦ ἱεροῦ μέζων ἐστὶν ὁδὸς* я перевожу: *Здѣсь то, что
важнѣе внѣшней святыни*, потому что *ἱερόν* означаетъ: жилище Бога
на землѣ, — *святыню*. О храмѣ здѣсь не было и рѣчи, и потому слова
эти относятся вообще къ внѣшней святынѣ.

Εἰ δὲ ἐμνημόνευτε τί ἐστὶν· Ἐκεῖνον θέλω καὶ οὐ θυσίαν, οὐκ ἄν κατεδικάζατε τότε τι-
μίον.

Καὶ ἐλάλησεν αὐτοῖς· Τὸ σάββατον διὰ τὸν ἄνθρωπον ἐτέτακτο, οὐχ ὁ ἄνθρωπος διὰ τὸ
σάββατον.

¹⁾ *Ὅτις* *κύριος* *ἐστὶν ὁ οὖτος* *τοῦ ἀνθρώπου* *καὶ τοῦ σαββάτου*.

Мѡ. XII, 7. Если бы вы знали, что
что значить: милости хочу, а не
жертвы, то не осудили бы неви-
новныхъ (Осія 6, 6).

Мр. II, 27. И сказалъ имъ: суб-
бота для человѣка, а не человѣкъ
для субботы.

Мр. II, 28. (Мѡ. XII, 8; Лк. VI, 5) Посему Сынъ Человѣческій
есть господинъ и субботы.

И сказалъ: Если бы вы знали,
что значить: любви къ людямъ
хочу, а не жертвы, тогда бы не
осуждали невинныхъ.

И сказалъ имъ: суббота сдѣ-
лана для человѣка, а не человѣкъ
для субботы.

И потому человѣкъ ¹⁾ госпо-
динъ субботы.

Примѣчаніе.

1) *Сынъ человѣческій* здѣсь никакъ не можетъ пониматься въ
смыслѣ божества, такъ какъ сказано, что суббота сдѣлана для че-
ловѣка, а не человѣкъ для субботы, и потому выводъ никакъ не
можетъ относиться къ новому лицу — Сыну Человѣческому — Богу.
«Сынъ Человѣческій» имѣетъ здѣсь значеніе, какое онъ имѣетъ
вездѣ, значеніе *человѣка вообще*.

Вся эта рѣчь, имѣвшая огромную важность тогда, когда она
была произнесена, — имѣетъ огромную важность и для насъ, если
мы хотимъ понять ученіе Иисуса. Вслѣдствіе же ложнаго предста-
вленія толкователей о томъ, что Иисусъ только продолжалъ законъ
Моисеевъ, отъ нея ничего не остается, кромѣ ненужной пикировки
съ какими-то фарисеями.

Для непредубѣжденнаго читателя мѣсто это имѣетъ огромное
значеніе, а именно то, что Иисусъ при первомъ столкновеніи съ за-
кономъ внѣшняго богопочитанія всѣми силами прямо подъ корень
отрицаетъ его. Суббота есть главный завѣтъ Бога съ своимъ наро-

домъ. Несоблюдение субботы казнится смертью. Суббота исполнялась и исполняется до сихъ поръ, и половина талмуда трактуетъ о ней. Соблюдение субботы для евреевъ есть то, что для церковниковъ причастіе. Такъ же какъ не еврей тотъ, кто не соблюдаетъ субботы, — не православный и не католикъ тотъ, кто не причащается. Осквернить субботу и осквернить причастіе — одинаково ужасно.

И вотъ Иисусъ говоритъ, что эта суббота — пустяки, людская выдумка, что важнѣе всякой внѣшней святости человѣкъ; что для того, чтобы это понять, надо понять, что значатъ слова: «Милости хочу, а не жертвы»; и что субботу, т. е. считающееся самымъ важнымъ внѣшнее богопочитаніе, — не нужно исполнять. И вотъ это-то значеніе скрадено толкователями. Они говорятъ:

Моисей повелѣлъ шесть дней въ недѣлю дѣлать, запретилъ въ седьмой день (въ субботу) заниматься обычными, житейскими дѣлами, кромѣ самыхъ необходимыхъ. (Исх. XX, 9, 10, XXXV, 2, 3; Числ. XV, 32 — 36). Преданія старцевъ еще болѣе усилили строгость субботняго покоя, такъ что даже дѣла добрыхъ, дѣла благочестія иногда запрещалось дѣлать въ субботу. Впрочемъ, фарисей, неблагопріятно относившійся къ Спасителю, кажется, преувеличивали именно въ отношеніи къ Нему и къ Его ученикамъ строгость требованій субботняго покоя: въ отношеніи къ себѣ и другимъ они, навѣрно, были снисходительнѣе. Срываніе учениками Иисусовыми колосьевъ даже для удовлетворенія голода, слѣдовательно по необходимости, они сочли нарушеніемъ субботняго покоя, оскверненіемъ субботы и не упустили случая обратить вниманіе Господа на это и упрекнуть его въ томъ, что онъ дозволяетъ ученикамъ своимъ такое, по ихъ мнѣнію, явное и соблазнительное для другихъ нарушеніе законовъ о субботѣ *).

Такъ скрадено все значеніе мѣста. И нельзя не скрасть: на ворѣ шапка горитъ.

Слова противъ субботы относятся только къ внѣшнему богопочитанію, которое установила Церковь. Но остаются слова: *Здѣсь то, что болѣе храма*. Церковь искажаетъ текстъ и говоритъ *Тотъ*, но и *Тотъ* все-таки значитъ «человѣкъ» по смыслу всего послѣдующаго. Но толкователи увѣряютъ, что это Иисусъ про себя, какъ про Бога, говорить.

Здѣсь Тотъ, Кто болѣе храма. Этими словами Господь прикровенно указываетъ на величіе своего лица, какъ Господа своего храма. Храмъ со всѣмъ его устройствомъ, обрядами, церемоніями, жертвами былъ только образомъ истины, а Христосъ есть самая истина, и слѣдовательно, болѣе храма, насколько истина болѣе образа. И такъ, если священникамъ храма, служителямъ образа, въ субботу дозволяется дѣлать дѣла свои и они неповинны въ томъ, что нарушаютъ чрезъ то покой субботняго дня, предписанный закономъ, то не тѣмъ ли болѣе неповинны въ нарушеніи субботы служители самой истины, имѣющей власть отмѣнить и самые законы о субботѣ, когда они, эти служители истины, по необходимости въ день субботы для утоленія голода, срываютъ колосья и дѣлать во славу Божию **).

Смыслъ толкованія тотъ, что Иисусъ самъ храмъ, и отъ этого ученики могутъ ѣсть въ субботу. И такимъ извращеннымъ толкованіемъ замѣняется глубокий смыслъ словъ Христа.

*) Толковое Евангеліе архимандрита Михаила, Ев. Мѡ. стр. 206 и 207.
**) Тамъ же стр. 209.

Если бы вы знали и проч. Оправдавъ такимъ образомъ поступокъ своихъ учениковъ указаніями на примѣры, Спаситель открываетъ теперь фарисеямъ, что источникъ, изъ котораго проистекло несправедливое осужденіе ими учениковъ Его, есть непониманіе или ложное пониманіе характера ложныхъ предписаній въ ихъ отношеніи къ высшимъ нравственнымъ требованіямъ. Нѣтъ у нихъ, фарисеевъ, милосердной и сострадательной любви къ ближнимъ, каковой Богъ требуетъ, на примѣръ, чрезъ пророка Осію (VI, 6): все ихъ вниманіе направлено на одни только жертвы, обряды, перемоніи и обычаи преданія, которые закрывали для нихъ источникъ чистой любви. Если бы они понимали, что сострадательная любовь къ голодному выше преданій и обычаевъ обрядословныхъ, даже выше жертвъ, то не осудили бы неповинныхъ, ради утоленія голода срывавшихъ колосья.

Господинъ и субботы. Тотъ, кто болѣе храма, выше и всего закона, сосредоточеннаго на храмѣ и въ храмѣ, выше и постановленій законовъ о субботѣ, господинъ самой субботы. Онъ, имѣющій отмѣнить ветхозавѣтную субботу, можетъ уже и теперь ученикамъ своимъ повелѣть отрѣшиться отъ ветхозавѣтной сѣни: «ибо настало для нихъ время научиться всему посредствомъ возвышеннѣйшихъ предметовъ, и уже не должно закономъ связывать руки того, кто, освободившись отъ злобы, стремится ко всему доброму» (Злат.) *).

Оказывается, что то, что сынъ человѣческій господинъ субботы, и что суббота сдѣлана для человѣка, а не человѣкъ для субботы, какъ сказано у Марка, оказывается, это изреченіе совсѣмъ уничтожено, и что суббота отмѣнена опять не человѣкомъ, а Богомъ.

Ἦν δὲ διδάσκων ἐν μιᾷ τῶν συναγωγῶν ἐν τοῖς σάββασι.

Καὶ ἰδοὺ, γυνὴ ἣν πνεῦμα ἔχουσα ἀσθενείας ἔτη δέκα καὶ ὀκτὼ, καὶ ἣν συγκόπτουσα, καὶ μὴ δυναμένη ἀνακύψαι εἰς τὸ παντὲς.

Ἰδὼν δὲ αὐτὴν ὁ Ἰησοῦς προσεφώνησε, καὶ εἶπεν αὐτῇ. Γυναί, ἀπολεῖσθαι τῆς ἀσθενείας σου.

Καὶ ἐπέθηκεν αὐτῇ τὰς χεῖρας; καὶ παραχρῆμα ἀνορθώθη, καὶ ἐδόξαζεν τὸν Θεόν.

Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ἀρχισυναγωγός, ἀγανακτῶν ὅτι τῷ σάββατῳ θεραπεύσεν ὁ Ἰησοῦς, ἔλεγε τῷ ὄχλῳ. Ἐγὼ ἡμέρας εἰσὶν ἐν αἷς δεῖ ἐργάζεσθαι ἐν ταῦταις οὐκ ἐρχόμενοι θεραπεύεσθαι, καὶ μὴ τῇ ἡμέρᾳ τοῦ σάββατου.

Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Ἰησοῦς εἶπε πρὸς τοὺς νομικοὺς καὶ Φαρισαίους, λέγων. Εἰ ἔξεστι τῷ σάββατῳ θεραπεύειν; οἱ δὲ ἠσυχάσαν.

Ἀπεκρίθη οὖν αὐτῷ ὁ Κύριος, καὶ εἶπεν. Ὑποκριτὰ, ἑλισσὶς ὅμων τῷ σάββατῳ οὐ δύει τὸν βοῦν αὐτοῦ ἢ τὸν ὄνον ἀπὸ τῆς φάτνης, καὶ ἀπαγαγὼν ποτίει;

Ταύτην δὲ, θυγατέρα Ἀβραάμ οὖσαν, ἣν ἔδησεν ὁ Σατανᾶς ἰδοὺ δέκα καὶ ὀκτὼ ἔτη, οὐκ ἔδει λύθῃναι ἀπὸ τοῦ δεσμοῦ τούτου τῇ ἡμέρᾳ τοῦ σάββατου;

Καὶ οὐκ ἔχουσιν ἀνταποκριθῆναι αὐτῷ πρὸς ταῦτα.

Καὶ ἀποκριθεὶς πρὸς αὐτοὺς εἶπε. Τίνος ὅμων ὄνος ἢ βοῦς εἰς φρέαρ ἐμπεσῇται, καὶ οὐκ εὐθέως ἀνασπάσει αὐτὸν ἐν τῇ ἡμέρᾳ τοῦ σάββατου;

Πόσω οὖν διαφέρει ἄνθρωπος προβάτου; ὥστε ἔξεστι τοῖς σάββασι καλῶς ποιεῖν.

Лк. XIII, 10. Въ одной изъ синагогъ училъ Онъ въ субботу.

11. Тамъ была женщина, восемнадцатъ лѣтъ имѣвшая духъ немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться.

Случилось Иисусу учить въ одномъ собраніи, и была суббота.

И вотъ женщина была тамъ, и въ ней былъ духъ слабости восемнадцатъ лѣтъ.

*) Толковое Евангеліе архимандрита Михаила; Ев. Мѡ. стр. 209, 210.
Исследованіе Евангелія.

12. Иисусъ, увидѣвъ ее, подо-
звалъ, и сказалъ ей: женщина!
ты освобождаешься отъ недуга
твоего.

13. И возложилъ на нее руки;
и она тотчасъ выпрямилась и стала
славить Бога.

14. При этомъ начальникъ си-
нагоги, негодуя, что Иисусъ исцѣ-
лилъ въ субботу, сказалъ народу:
есть шесть дней, въ которые
должно дѣлать: въ тѣ и прихо-
дите исцѣляться, а не въ день
субботній.

Лк. XIV, 3. Посемуслучаю Иисусъ
спросилъ законниковъ и фари-
сеевъ: позволительно-ли врачевать
въ субботу?

4. Они молчали.

Лк. XIII, 15. Господь сказалъ
ему въ отвѣтъ: лицемѣръ! не отвя-
зываетъ ли каждый изъ васъ
вола своего или осла отъ яслей
въ субботу, и не ведетъ ли поить?

16. Сію же дочь Авраамову,
которую связалъ сатана, встѣ,
уже восемнадцать лѣтъ, не над-
лежало ли освободить отъ узъ
сихъ въ день субботній?

Лк. XIV, 6. И не могли отвѣ-
чать Ему на это.

Лк. XIV, 5. При семъ сказалъ
имъ: если у кого изъ васъ оселъ
или волъ упадетъ въ колодезь,
не тотчасъ ли вытащить его и
въ субботу?

Мѡ. XII, 12. Сколько же лучше
человѣкъ овцы! И такъ можно
въ субботы дѣлать добро.

Если бы могло быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, на осно-
ваніи чего Иисусъ Христосъ отвергаетъ соблюденіе субботы, то это
мѣсто должно бы, казалось, разсѣять его. Не на основаніи своего
мнимаго личнаго божества Иисусъ отвергаетъ субботу, т. е. внѣш-
нѣе богопочитаніе, а на основаніи здраваго смысла, все того же
разумѣнія, которое стало въ основѣ всего.

Онъ говоритъ: овцу вытащить изъ колодца можно, а человѣку
нельзя помочь,—это бессмысленно. Важнѣе всего человѣкъ и дѣла

Иисусъ, увидалъ ее и подозвалъ,
и сказалъ: жена, ты освобо-
ждаешься отъ своей слабости.

И наложилъ на нее руки и
тотчасъ выпрямилась, славя Бога.

Разсердился старшина собранія
за то, что Иисусъ пользуется въ
субботу, и сказалъ народу: Есть
шесть дней въ недѣлю, чтобы ра-
ботать, въ эти шесть и пользуйте,
а не въ субботу.

И обратился Иисусъ къ ученымъ
православнымъ и спросилъ: Развѣ
нельзя помогать людямъ въ суб-
боту?

И они не знали, что сказать.

И сказалъ имъ Иисусъ: При-
творщики! развѣ каждый изъ
васъ въ субботу не отвязываетъ
осла или быка отъ яслей, и развѣ
не ведетъ поить?

Какъ же этой несчастной не
помочь?

И не могли ему отвѣчать на
это.

И сказалъ еще: Если у кого
овца завалится въ колодезь, вѣдь
сейчасъ вытащить, хоть и въ
субботу?

А вѣдь человѣкъ много лучше
овцы. Онъ сказалъ: оттого-то
добро надо дѣлать и въ субботу.

Примѣчаніе.

добра. Всякое внѣшнее богопочитаніе только можетъ препятство-
вать исполненію дѣла жизни, и потому оно не только не нужно,
но вредно. И онъ беретъ самое считавшееся важнымъ изъ всѣхъ
дѣлъ богопочитанія, приводитъ примѣръ, когда оно становится въ
разрѣзъ съ дѣломъ добра, и отвергаетъ его.

Что же, кажется, не понять? Нѣтъ, у Церкви свой толкъ.

Господь представляетъ наглядное опроверженіе несправедливости измышлен-
наго преданія старцевъ, будто не должно дѣлать даже дѣла милосердія въ
субботу. Если у кого-либо единственная (слѣдовательно, болѣе дорогая для
него, чѣмъ для имѣющаго стало) овца упадетъ въ яму, и чрезъ это онъ под-
вергается опасности лишиться ея, не постарается ли онъ ее вытащить оттуда?

Конечно, вытащить, изъ состраданія къ животному и жалѣя свою соб-
ственность. Человѣкъ болѣе важенъ, чѣмъ овца. Если же вы сострадательно
дѣйствуете въ субботу въ отношеніи къ безсловесному животному, то тѣмъ
болѣе должно дѣйствовать такъ сострадательно и милостиво въ отношеніи къ
человѣку—образу и подобію Божію, человѣку, для спасенія котораго и дарова-
нія ему вѣчной жизни и пришелъ Спаситель.

Можно въ субботу дѣлать добро. Не могли же не сознавать этого фарисеи,
но такова сила предвзятыхъ мнѣній, обычаевъ и преданій, что сознаваемое ясно
правымъ въ отвлеченіи, въ практикѣ иногда подвергается порицанію. Господь
обличаетъ такую непослѣдовательность *).

«Господь обличаетъ такую непослѣдовательность» — прекрасно.
Но вѣдь это не относится именно до субботы, это относится до
внѣшняго богопочитанія, сильнѣйшій образецъ котораго предста-
вляла тогда суббота. Не могъ же тогда Иисусъ впередъ сказать
прямо о нашихъ церквахъ, обѣдняхъ, образахъ, таинствахъ. Ихъ
тогда не было, но о нихъ-то онъ и говорить.

Развѣ не та же суббота есть воскресенье, есть трата на свѣчи,
на плату попомъ, тѣ богатства церквей, тѣ заботы о внѣшнемъ
богопочитаніи, которыя всегда становятся въ разрѣзъ съ исполне-
ніемъ дѣла любви, которыя не могутъ не становиться въ разрѣзъ
съ дѣлами любви къ человѣку по той простой причинѣ, что дѣла
богопочитанія всегда обращены не на людей, а на что-нибудь мер-
твое, а дѣло любви можетъ быть обращено только на человѣка.

Никакъ нельзя говорить, какъ мнѣ говорятъ всегда: «обѣдня,
причастіе, молитва не помѣшаютъ дѣлать добро людямъ». Какъ же
не помѣшаютъ, когда они направляютъ дѣятельность на что-то
другое, чѣмъ на людей.

Надо не забывать, что ученіе Иисуса состоитъ въ томъ, чтобы
всякій шагъ жизни направлять на дѣла добра людямъ. Какъ же
можетъ быть для исполненія этого ученія полезна дѣятельность,
направленная прочь отъ людей? Все равно, какъ увѣрять, что ку-
пить трубку очень полезно для того, чтобы вспахать поле. Можетъ
быть, это мало мѣшаетъ, мало тратитъ времени, даже даетъ отдыхъ
и удовольствіе, но это дѣло само по себѣ не содѣйствуетъ паха-
нію поля, а противоположно ему.

*) Тамъ же стр. 211.

Καὶ παραγών ὁ Ἰησοῦς ἐκεῖθεν, εἶδεν ἄνθρωπον καθήμενον ἐπὶ τῷ τελωνίῳ, Ματθαῖον λεγόμενον, καὶ λέγει αὐτῷ· Ἀκολούθει μοι. Καὶ ἀναστὰς ἠκολούθησεν αὐτῷ.

Καὶ ἐγένετο, αὐτοῦ ἀνακειμένου ἐν τῇ οἰκίᾳ, καὶ ἰδοὺ, πολλοὶ τελῶναι καὶ ἁμαρτωλοὶ ἐλθόντες συνάνεσκον τῷ Ἰησοῦ καὶ τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ.

Με. IX, 9 (Μρ. II, 14; Лк. V, 27, 28). Проходя оттуда, Иисусъ увидѣлъ человѣка, сидящаго у сбора пошлинъ, по имени Матфея, и говоритъ ему: слѣдуй за Мною. И онъ всталъ, и послѣдовалъ за Нимъ.

Με. IX, 10 (Μρ. II, 15; Лк. V, 29). И когда Иисусъ возлегъ въ домѣ, многіе мытари и грѣшники пришли, и возлегли съ нимъ и учениками Его.

Примѣчаніе.

1) ἁμαρτωλοὶ — *ошибающіеся*. Я перевожу ошибающіеся, а не грѣшники, потому что грѣшникъ получило уже другое значеніе. Здѣсь ἁμαρτωλοὶ имѣтъ значеніе противоположное фарисеямъ, т. е. православнымъ, людямъ, считающимъ себя правыми. И потому, я ставлю слово, отвѣчающее и слову ἁμαρτωλοὶ и противоположное слову «православный» — *заблудшіи*.

Καὶ ἰδόντες οἱ Φαρισαῖοι, εἶπον τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ· Διατί μετὰ τῶν τελωνῶν καὶ ἁμαρτωλῶν ἐσθίει ὁ διδάσκαλος ὑμῶν;

Καὶ ἀκούσας ὁ Ἰησοῦς, λέγει αὐτοῖς· Οὐ χρεῖαν ἔχουσιν οἱ ἰσχυρόντες ἰατροῦ, ἀλλ' οἱ κακῶς ἔχοντες. Οὐκ ἤλθον καλεῖσθαι δικαίους, ἀλλ' ἁμαρτωλοὺς εἰς μετάνοιαν. Πορευθέντες δε μάθετε τί ἐστίν· Ἐλεον θέλω, καὶ οὐ θυσίαν.

Με. IX, 11 (Μρ. II, 16). Увидѣвъ то, фарисеи сказали ученикамъ Его: для чего Учитель вашъ ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками?

Μρ. II, 27. (Με. IX, 12; Лк. V, 31). Услышавъ сіе, Иисусъ говорить имъ: не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные. Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію.

Με. IX, 13. Пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы.

Разъ на пути увидаль Иисусъ, сидить человѣкъ, собираетъ подати. Звали человѣка Матвеемъ. Иисусъ говоритъ ему: Иди за мною. И онъ, вставъ, пошелъ за нимъ.

И сдѣлавъ Матвей угощеніе Иисусу. И случилось такъ, что, когда сидѣлъ Иисусъ у него въ домѣ, пришли еще откупщики податей и заблудшіе ¹⁾ къ нему и сидѣли съ Иисусомъ и съ учениками его.

И увидали ученые православные и говорятъ ученикамъ его: какъ это съ откупщиками, съ заблудшими ѣстъ учитель вашъ?

Иисусъ услышалъ и говоритъ: Здоровые не нуждаются въ лекарѣ, а больные ¹⁾. Я не хожу уговаривать православныхъ, а заблудшихъ къ исправленію ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Отвергнувъ главное выраженіе богопочитанія Евреевъ — субботу, и показавъ, что оно несомнѣстимо съ дѣлами добра, что оно еще и вредно тѣмъ, что люди, исполняющіе внѣшніе обряды, этимъ исполненіемъ считаютъ себя правыми, а считая себя правыми, уже не ищутъ избавленія отъ заблужденій. И онъ опять повторяетъ, что опредѣленные жертвы не нужны, а нужна любовь къ людямъ.

Καὶ συνάγονται πρὸς αὐτὸν οἱ Φαρισαῖοι, καὶ τινες τῶν Γραμματέων, ἐλθόντες ἀπὸ Ἱερουσαλὴμ.

Καὶ ἰδόντες τινὰς τῶν μαθητῶν αὐτοῦ κοινὰς χερεῖ, τοῦτ' ἐστίν, ἀνίπτουσιν ἐσθίοντας ἄρτους, ἐμείψαντο.

Οἱ γὰρ Φαρισαῖοι καὶ πάντες οἱ Ἰουδαῖοι, ἐὰν μὴ πυγμῇ νίψωνται τὰς χεῖρας, οὐκ ἐσθίουσι, κρατοῦντες τὴν παράδοσιν τῶν πρεσβυτέρων.

Καὶ ἀπὸ ἀγορᾶς, ἐὰν μὴ βαπτίσωνται, οὐκ ἐσθίουσι· καὶ ἄλλα πολλὰ ἐστὶν ἃ παρέλαβον κρατεῖν, βαπτισμοὺς ποτηρίων καὶ ξεστῶν, καὶ χαλκίων, καὶ κλινῶν.

Ἐπεστα ἐπερωτῶσιν αὐτὸν οἱ Φαρισαῖοι καὶ οἱ Γραμματεῖς· Διατί οἱ μαθηταὶ σου οὐ περιπατοῦσι κατὰ τὴν παράδοσιν τῶν πρεσβυτέρων, ἀλλὰ ἀνίπτουσιν χερεῖς ἐσθίοντας τὸν ἄρτον;

Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς, εἶπεν αὐτοῖς· Ὅτι καλῶς προσεφήτευσεν Ἠσαίας περὶ ὑμῶν τῶν ὑποκριτῶν ὡς γέγραπται· Οὗτος ὁ λαὸς τοῖς χεῖλεσιν με τιμᾷ, ἡ δὲ καρδίᾳ αὐτῶν πόρρω ἀπέχε-
ται ἀπ' ἐμοῦ.

Μάτην δὲ σέβονται με, διδάσκοντες διδασκαλίας, ἐντάλματα ἀνθρώπων.

Ἀφέντες γὰρ τὴν ἐντολὴν τοῦ Θεοῦ, κρατεῖτε τὴν παράδοσιν τῶν ἀνθρώπων, βαπτισμοὺς ξεστῶν καὶ ποτηρίων, καὶ ἄλλα παρόμοια τοιαῦτα πολλὰ ποιεῖτε.

Καὶ ἔλεγεν αὐτοῖς· Καλῶς ἀθετεῖτε τὴν ἐντολὴν τοῦ Θεοῦ, ἵνα τὴν παράδοσιν ὑμῶν τηρήσῃτε.

Μωσῆς γὰρ εἶπε· Τίμα τὸν πατέρα σου καὶ τὴν μητέρα σου· καὶ, Ὁ καταλογὼν πατέρα ἢ μητέρα, θανάτῳ τελευτάτω.

ὑμεῖς δὲ λέγετε· Ἐὰν εἴπῃ ἄνθρωπος τῷ πατρὶ ἢ τῇ μητρὶ· Κορβάν (ὃ ἐστὶ, Δῶρον), ὃ ἐάν ἐξ ἐμοῦ ὠφεληθῇ;

Καὶ οὐκέτι ἀφίετε αὐτὸν οὐδὲν ποιῆσαι τῷ πατρὶ αὐτοῦ ἢ τῇ μητρὶ αὐτοῦ.

Ἀκυροῦντες τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ τῇ παραδόσει ὑμῶν ἢ παραδώκατε· καὶ παρόμοια τοιαῦτα πολλὰ ποιεῖτε.

Καὶ προσκαλεσάμενος πάντα τὸν ὄχλον, ἔλεγεν αὐτοῖς· Ἀκούετε μου πάντες καὶ συνίετε. Οὐδὲν ἐστὶν ἔξωθεν τοῦ ἀνθρώπου εἰσπορευόμενον εἰς αὐτόν, ὃ δύναται αὐτὸν κοινῶσαι, ἀλλὰ τὰ ἐκπορευόμενα ἀπ' αὐτοῦ, ἐκείνᾳ ἐστὶ τὰ καίνοντα τὸν ἄνθρωπον.

Εἴ τις ἔχει ὅτα ἀκούειν, ἀκουέτω.

Καὶ ὅτε εἰσῆλθεν εἰς οἶκον ἀπὸ τοῦ ὄχλου, ἐπηρώτων αὐτὸν οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ περὶ τῆς παραβολῆς.

Καὶ λέγει αὐτοῖς· Οὕτω καὶ ὑμεῖς ἀσύνετοί ἐστε; οὐ νοεῖτε, ὅτι πᾶν τὸ ἔξωθεν εἰσπορευόμενον εἰς τὸν ἄνθρωπον, οὐ δύναται αὐτὸν κοινῶσαι;

Ὅτι οὐκ εἰσπορεύεται αὐτοῦ εἰς τὴν καρδίαν, ἀλλ' εἰς τὴν κοιλίαν· καὶ εἰς τὸν ἄφρονά ἐκπορεύεται, καθαρίζον πάντα τὰ βρώματα.

Ἐλεγε δὲ· Ὅτι τὸ ἐκ τοῦ ἀνθρώπου ἐκπορευόμενον, ἐκείνο κοινῶν τὸν ἄνθρωπον.

Ἔσθω γὰρ, ἐκ τῆς καρδίας τῶν ἀνθρώπων, οἱ διαλογισμοὶ οἱ κακοὶ ἐκπορεύονται, μοιχεῖαι, πορνεῖαι, φόνοι,

κλοπαί, πλεονεξίαι, πονηρίαι, δόλος, ἀσελγεία, ὀφθαλμὸς πονηρὸς, βλασφημία, ὑπερηφάνια, ἀφροσύνη.

Πάντα ταῦτα τὰ πονηρὰ ἑσώθεν ἐκπορεύεται, καὶ κοινὸν τὸν ἄνθρωπον.

Mr. VII, 1 (Мө. XV, 1). Собрались къ Нему фарисеи и нѣкоторые изъ книжниковъ, пришедшіе изъ Іерусалима.

Mr. VII, 2. И увидѣвъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Его, ѣвшихъ хлѣбъ нечистыми, то есть, неумытыми руками, укоряли.

3. Ибо фарисеи и всѣ Іудеи, держась преданія старцевъ, не ѣдятъ, не умывъ тщательно рукъ;

4. и пришедши съ торга, не ѣдятъ, не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовеніе чашъ, кружекъ, котловъ и скамей.

Mr. VII, 5 (Мө. XV, 2). Потомъ спрашиваютъ Его фарисеи и книжники: зачѣмъ ученики Твои не поступаютъ по преданію старцевъ, но неумытыми руками ѣдятъ хлѣбъ?

Mr. VII, 6 (Мө. XV, 3, 7). Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: хорошо пророчествовалъ о васъ лицемѣрахъ Исаія, какъ написано: люди сии чтутъ Меня устами, сердце же ихъ далеко отстоятъ отъ Меня;

Mr. VII, 7 (Мө. XVII, 9). но тщетно чтутъ Меня, уча учениямъ, заповѣдямъ человѣческимъ (Исаія, 29, 13).

Mr. VII, 8. Ибо вы, оставивъ заповѣдь Божию, держитесь преданія человѣческаго, омовенія кружекъ и чашъ, и дѣлаете многое другое, сему подобное.

9. И сказалъ имъ: хорошо ли, что вы отмѣняете заповѣдь Божию, чтобы соблюсти свое преданіе?

И собрались къ нему православные и изъ нихъ ученые, они пришли изъ Іерусалима.

И когда увидѣли, что ученики его и самъ онъ сообщаютъ нечистыми, то есть, неумытыми руками, ѣдятъ хлѣбъ, то стали они ругаться.

Потому что, если не вымоютъ рукъ, руками не ѣдятъ, держась преданія старины.

И также съ торгу не ѣдятъ, если не вымоютъ. И много еще держатся постановленій: какъ мыть посуду, горшки, сковороды.

Потому и спрашивали его православные ученые: Зачѣмъ ученики твои не ведутъ себя по преданію предковъ, а неумытыми руками ѣдятъ хлѣбъ?

И на отвѣтъ онъ сказалъ имъ: Хорошо сказалъ про васъ лицемѣръ Исаія, какъ написано: Эти люди языкомъ чтутъ меня, а сердце ихъ далеко отъ меня.

Дурно чтутъ меня, уча учениямъ и постановленіямъ человѣческимъ.

Бросаете повелѣніе Божіе, а держитесь повелѣній человѣческихъ, мытья чашекъ и склянокъ, и многое такое дѣлаете.

И сказалъ имъ Іисусъ: Ловко вы отмѣнили заповѣдь Божию, чтобы свое повелѣніе соблюсти.

Mr. VII, 10 (Мө. XV, 4). Ибо Моисей сказалъ: почитай отца своего и мать свою; и злословящій отца или мать смертію да умретъ (Исходъ 20, 12; 21, 16).

Mr. VII, 11. А вы говорите: кто скажетъ отцу или матери: корванъ, то есть, даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался,

12. тому вы уже попускаете ничего не дѣлать для отца своего, или матери своей,

13. устраняя слово Божіе преданіемъ вашимъ, которое вы установили; и дѣлаете многое, сему подобное.

Mr. VII, 14 (Мө. XV, 10). И призвавъ весь народъ, говорилъ имъ: слушайте Меня всѣ, и разумѣйте:

Mr. VII, 15 (Мө. XV, 11). ничто, входящее въ чловѣка извнѣ, не можетъ осквернить его; но что исходитъ изъ него, то оскверняетъ чловѣка.

Mr. VII, 16. Если кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

17. И когда Онъ отъ народа вошелъ въ домъ, ученики Его спросили Его о притчѣ.

Mr. VII, 18 (Мө. XV, 17). Онъ сказалъ имъ: неужели и вы такъ непонятливы? Неужели не разумѣете, что ничто, извнѣ входящее въ чловѣка, не можетъ осквернить его?

Mr. VII, 19. Потому что не въ сердце его входитъ, а въ чрево, и выходитъ вонъ, чѣмъ очищается всякая пища.

Mr. VII, 20 (Мө. XV, 18). Далѣе сказалъ: исходящее изъ чловѣка оскверняетъ чловѣка.

Mr. VII, 21 (Мө. XV, 19). Ибо извнутри, изъ сердца чловѣческаго, исходятъ злыя помыслы, прелюбодѣнія, убійства.

Моисей сказалъ вамъ: Чти отца и мать твою. И кто ругаетъ отца и мать, тому смерть.

А вы выдумали, если скажетъ чловѣкъ корбанъ (значитъ въ даръ Богу), то какъ будто ты отъ меня уже пользовался.

Тому уже даете ничего не дѣлать для отца и матери.

Вы уничтожаете слово Божіе тѣмъ преданіемъ вашимъ, какое передаете. И много такого дѣлаете.

И призвавъ весь народъ, Іисусъ сказалъ: Слушайте меня всѣ и понимайте.

Ничего нѣтъ такого, чтобы, входя въ чловѣка, могло погнать его. Но то, что выходитъ изъ него, вотъ это погнать чловѣка.

Есть уши слышать, такъ понимай.

И когда онъ ушелъ въ домъ отъ народа, спросили его ученики объ этой притчѣ.

И отъ сказалъ имъ: Или и вы не поняли?

Развѣ вы не знаете, что все, что снаружи входитъ въ чловѣка, не можетъ его погнать.

Потому что входитъ къ нему не въ сердце, а въ брюхо. И потомъ выходитъ, очищая всякую пищу.

А что изъ чловѣка выходитъ, вотъ то-то не опоганило бы чловѣка.

Потому что изъ сердца людей злыя разсужденія выходятъ: блудъ, похабство, убійства, воровство, корысть, злоба, обманы.

Мр. VII, 22. кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство.

23. Все это зло изнутри исходит и оскверняет человека.

наглость, завистливые глаза, клевета, гордость, дурачество.

Все это злое изнутри выходит и погубит человека.

Изгнание из храма и отрицание внешнего богочитания.

Καὶ ἔρχεται ἡν τὸ πάσχα τῶν Ἰουδαίων, καὶ ἀνέβη εἰς Ἱερουσόλυμα ὁ Ἰησοῦς.
Καὶ εὗρεν ἐν τῷ ἱερῷ τοὺς πωλοῦντας βόας καὶ πρόβατα καὶ περιστέραις, καὶ τοὺς κερματιστάς καθήμενους.

Καὶ ποιήσας φραγέλλιον ἐκ σχοινίων, πάντας ἐξέβαλεν ἐκ τοῦ ἱεροῦ, τὰ τε πρόβατα καὶ τοὺς βόας· καὶ τῶν κολλυβιστῶν ἐξέχεε τὸ κέρμα, καὶ τὰς τραπέζας ἀνέστρεψε.

Καὶ τοῖς τὰς περιστέραις πωλοῦσιν εἶπεν· Ἀράτε ταῦτα ἐνταῦθεν· μὴ ποιῆτε τὸν οἶκον τοῦ πατρὸς μου οἶκον ἐμπορίου.

Ин. II, 13. Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалимъ,

14. и нашелъ, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей, и сидѣли мѣновщики денегъ.

15. И, сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ;

16. и сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли.

И подошла Пасха еврейская. И Иисусъ пошелъ въ Иерусалимъ.

И въ храмѣ увидалъ, продаютъ быковъ, овецъ, голубей, и сидятъ мѣнялы — мѣняютъ деньги.

И онъ взялъ, свилъ кнутъ изъ веревокъ и повыгналъ изъ храма овецъ и быковъ, а мѣняламъ разсыпалъ деньги и опрокинулъ столы продавцамъ голубей.¹⁾

И сказалъ: Вынесите это отсюда и не полагайте, что базаръ можетъ быть домомъ Отца моего.²⁾

Примѣчанія.

1) Точка должна стоять послѣ слова πωλοῦσιν и затѣмъ должно быть прибавлено καὶ εἶπεν. Въ противномъ случаѣ непонятно, почему Иисусъ только продавцамъ голубей сказалъ: «Вынесите это отсюда». Очевидно, то, что онъ сказалъ, относилось ко всѣмъ тѣмъ, кого онъ выгналъ, и ко всему, что онъ разбросалъ.

2) Μὴ ποιῆτε здѣсь должно быть переведено: не «не дѣлайте», но: не полагайте, не считайте, что базаръ можетъ быть домомъ Отца моего. Трудно думать, чтобы Иисусъ Христосъ въ той же рѣчи, въ которой онъ сказалъ, что храмъ не нуженъ, назвалъ бы храмъ домомъ Отца. Онъ говоритъ: «Базаръ не называется домомъ Бога».

Καὶ οὐκ ᾔφενεν ἵνα τις διενέγκῃ σκεῦος διὰ τοῦ ἱεροῦ.

Καὶ ἐδίδασκε, λέγων αὐτοῖς· Οὐ γέγραπται· Ὅτι ὁ οἶκος μου, οἶκος προσευχῆς κληθήσεται· πάντες οἱ θνέσκοντες ὑμεῖς δὲ ἐποιήσατε αὐτὸν σπήλαιον ληστῶν.

Мр. XI, 16. И не позволялъ, чтобы кто принесъ чрезъ храмъ какую либо вещь.

17. И училъ ихъ, говоря: не написано ли: домъ Мой домомъ молитвы наречется для всѣхъ народовъ: а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ? (Исаия, 56, 7).

И не велѣлъ, чтобы какіе нибудь припасы приносили чрезъ храмъ.

И наказывалъ и говорилъ: Развѣ не знаете, что написано: домъ мой — домъ молитвы будетъ называться для всѣхъ народовъ (Исаия 56, 7)¹⁾; а вы считаете моимъ домомъ пещеру разбойниковъ (Иеремія VII, 4 — 11).²⁾

Примѣчанія.

1) Слова пророка Исаи употреблены здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ и слова къ самарянкѣ въ слѣдующей главѣ.

Вынесите это все потому, что домъ мой не тотъ, идъ приносятъ жертвы, но домъ мой есть весь міръ, идъ люди знаютъ истиннаго Бога.

2) Слѣдующее затѣмъ мѣсто Иереміи: «а не пещерой разбойниковъ» подтверждаетъ это значеніе.

Вотъ все это мѣсто изъ Иереміи, VII, 4 — 11:

Не вѣрьте лживымъ рѣчамъ, когда вамъ говорятъ: здѣсь храмъ Вѣчнаго, храмъ Вѣчнаго, храмъ Вѣчнаго. Но если хотите переменить вашу жизнь и ваши дѣла, если будете судить по правдѣ другъ друга, если не будете угнетать страннаго, сироту и вдову, если не будете проливать безвинной крови въ этомъ мѣстѣ, я оставлю васъ въ странѣ отцовъ изъ вѣка въ вѣкъ. Но вы вѣрите лживымъ рѣчамъ, а они вамъ не на пользу. Вы что дѣлаете? Воруете и убиваете, блудите, ложете, служите Ваалу и бѣгаете за богами, которыхъ не знаете. И потому приходите въ домъ моего имени и говорите: Теперь мы словойно можемъ дѣлать пакости. Что же? Домъ мой развъ вертепъ разбойниковъ?

Ἀπεκρίθησαν οὖν οἱ Ἰουδαῖοι, καὶ εἶπον αὐτῷ· Τί σημεῖον δεῖκνύμενος ἡμῖν, ὅτι ταῦτα ποιῆς;

Ин. II, 18. На это Иудеи сказали: какимъ знаменіемъ докажешь Ты намъ, что имѣешь власть такъ поступать?

И заговорили Иудеи, и сказали ему: Какія же ты намъ покажешь прая,¹⁾ чтобы такія дѣла дѣлать?

Примѣчаніе.

1) Σημεῖον — знакъ, значекъ, признакъ справедливости. Я перевожу: право и права.

Ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτοῖς· Λύσατε τὸν ναὸν τοῦτον, καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις ἔγερῶ αὐτόν.

Ин. II, 19. Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: разрушьте храмъ сей; и Я въ три дня воздвигну его.

И сказалъ имъ Иисусъ: Уничтожьте храмъ этотъ и въ три дня я възбужу его.¹⁾

Примѣчаніе.

1) *Εγείρειν* не значить никогда и не можетъ значить: «строить», «воздвигать», а значить: *возбудить*, и въ этомъ мѣстѣ именно значить *возбудить какъ что-то живое*, и потому должно быть переведено: *возбужу живой храмъ*.

Значеніе этого стиха объяснено въ стихахъ 21 и 22 тѣмъ, что храмъ означаетъ тѣло Иисуса, а три дня означаютъ срокъ, послѣ котораго онъ воскреснетъ. И такъ и понимаетъ это мѣсто Церковь. Объясненіе это не можетъ удовлетворить меня, признающаго воскресеніе самой кощунской выдумкой, уронившей ученіе Иисуса Христа, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Иисусъ Христосъ не могъ разумѣть своего воскресенія въ тѣлѣ, такъ какъ это было бы понятіе, разрушающее все его ученіе. Объясненіе это выдуманно послѣ тѣми, которые вѣрили или выдумали басню воскресенія. Но слова, которыя подали поводъ къ этому объясненію, были сказаны и очевидно имѣли свое опредѣленное значеніе. Объясненіе это очень неудовлетворительно.

Для чего, говоря о своемъ тѣлѣ, Христосъ сказалъ *храмъ*, и для чего послѣ изгнанія жертвъ изъ храма онъ сказалъ о воскресеніи? Стоитъ только забыть ложное церковное объясненіе, чтобы смыслъ словъ былъ не только ясенъ, но даже необходимъ, какъ разъясненіе предшествовавшаго. Иисусъ изгоняетъ изъ храма все то, что нужно для принесенія жертвъ, слѣдовательно для молитвы, по понятіямъ Іудеевъ, и, вспоминая слова Іереміи, говоритъ, что надо творить добро, а не собираться въ храмъ творить жертвы. Вслѣдъ за этимъ говоритъ не условно, какъ обыкновенно понимаютъ слова Иисуса: «разорите храмъ, а я сдѣлаю его живымъ, поставлю новый», но — положительно. Онъ сказалъ слова Іереміи, въ которыхъ сказано, что домъ Бога есть весь міръ людей, гдѣ всѣ народы признаютъ Бога, а не вертепъ разбойниковъ, и говоритъ: Такъ разорите же храмъ, я сдѣлаю вамъ новый — живой храмъ, — укажу, научу. И сдѣлаю этотъ живой храмъ скоро, потому что мнѣ не нужно руками строить. Въ три дня сдѣлаю то, что вы дѣлали сорокъ шесть лѣтъ.

Εἶπον οὖν οἱ Ἰουδαῖοι, Τεσσαράκοντα καὶ ἕξ ἔτεσιν οἰκοδομήθη ὁ ναὸς οὗτος, καὶ σὺ ἐν τρισὶν ἡμέραις ἐγείρεις αὐτόν;

Λέγω δὲ ὑμῖν, ὅτι τοῦ ἱεροῦ μέγαν ἐστὶν ὁδοῦ.

Εἰ δὲ ἐγνώκατε τί ἐστίν· Ἐλεον θεῶν καὶ οὐ θούραν.

Ин. II, 20. На это сказали Іудеи: сей храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ, и Ты въ три дня воздвигнешь его?

Мѡ. XII, 6. Но говорю вамъ, что здѣсь Тотъ, кто больше храма.

7. Если бы вы знали, что значить: милости хочу, а не жертвы; то не осудили бы невинныхъ.

Сказали Іудеи: сорокъ шесть лѣтъ строился этотъ храмъ и ты въ 3 дня воздвигнешь его.

И сказалъ имъ Иисусъ: Говорю вамъ, что важнѣе храма ¹⁾ то:

Чтобы вы понимали, что значить: Жалости ²⁾ къ людямъ хочу, а не службъ церковныхъ.

Примѣчанія.

1) Стихъ этотъ, находящійся въ главѣ объ укореніи учениковъ за срываніе колосьевъ, тамъ не у мѣста, такъ какъ тамъ нѣтъ и рѣчи о храмѣ, а Иисусъ говоритъ: *Вотъ, что важнѣе храма*. Во всякомъ случаѣ мысль, выраженная въ этомъ стихѣ, повторенная и у Мѡ. IX, 13, прямо отвѣчаетъ на возраженіе Іудеевъ и выражаетъ возвращеніе Иисуса на храмъ.

2) *ἔλεον* — *состраданіе*. Я перевожу: жалость къ людямъ.

За этимъ слѣдуютъ стихи 21 и 22 гл. 2-й Іоанна, заключающіе мнимое объясненіе писателемъ этихъ словъ.

Ὅτι δὲ ἦν ἐν Ἱερουσαλὴμοις ἐν τῇ πάσχα ἐν τῇ ἑορτῇ, πολλοὶ ἐπίστευσαν εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ, θεωροῦντες αὐτόν, τὰ σημεῖα ἃ ἐποίει.

Αὐτὸς δὲ ὁ Ἰησοῦς οὐκ ἐπίστευεν αὐτοὺς αὐτοῖς, διὰ τὸ αὐτὸν γινώσκων πάντας.

Καὶ ὅτι οὐ χρεῖαν εἶχεν, ἵνα τίς μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ ἀνθρώπου· αὐτὸς γὰρ ἐγίνωκε τὴν ἐν τῷ ἄνθρωπῳ.

Ин. II, 23. И когда Онъ былъ въ Іерусалимѣ на праздникъ Пасхи: то многіе, видя чудеса, которыя Онъ творилъ, увѣровали во имя Его.

24. Но Самъ Иисусъ не вѣрялъ Себя имъ, потому что зналъ всѣхъ,

25. и не имѣлъ нужды, чтобы кто засвидѣтельствовалъ о чело-вѣкѣ; ибо Самъ зналъ, что въ чело-вѣкѣ.

И когда Онъ былъ въ Іерусалимѣ на праздникъ Пасхи, многіе повѣрили въ Его ученіе, принимая доказательства, которыя Онъ приводилъ.

Самъ же Иисусъ не отдавался вѣрѣ ихъ, потому что Онъ самъ зналъ все. ¹⁾

И потому ему не нужно было, чтобы кто нибудь указывалъ о чело-вѣкѣ, онъ самъ зналъ, что есть въ чело-вѣкѣ.

Примѣчаніе.

1) Во многихъ спискахъ стоитъ вмѣсто πάντας — πάντα, т. е. все.

Καὶ ἤκουσαν οἱ γραμματεῖς καὶ οἱ ἀρχιερεῖς, καὶ ἐζήτουν πῶς αὐτὸν ἀπολέσουσιν· ἐφοβούντο γὰρ αὐτόν, ὅτι πᾶς ὁ ὄχλος ἐξέπλησσετο ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ.

Мр. XI, 18. Услышали это книжники и первосвященники, и искали, какъ бы погубить Его; ибо боялись Его, потому что весь народъ удивлялся ученію Его.

И книжники и старшины священниковъ слышали это. И по-дыскивались, какъ бы его погубить, потому что они боялись его оттого, что весь народъ дивился на ученіе его.

Вотъ объясненія Церкви на изгнаніе изъ храма.

И нашелъ, что въ храмъ, то-есть во дворѣ храма, называвшемся дворомъ язычниковъ, продавали и пр. (См. примѣчаніе къ Мато. XXI, 12). Бичъ изъ веревки: символъ гнѣва Божія на оскорбляющихъ святость храма.

а равно символъ власти Господа, ревнующаго объ очищеніи дома Отца своего небеснаго.

Вынесите это и пр. Голуби были въ клѣткахъ или корзинахъ, и оттого Господь, изгоняя торгующихъ животными, вмѣстѣ съ ними послѣдними, относительно голубей дѣлаетъ распоряженіе, чтобы продавцы ихъ вынесли ихъ.

Не дѣлайте дома Отца Моего домомъ торговли: Когда Господь въ послѣдній разъ выходилъ изъ храма, Онъ назвалъ его не домомъ Отца своего, но домъ вашъ (Мат. XXIII, 38), означивъ тѣмъ оставленіе Богомъ этого храма; теперь же Христосъ называетъ еще храмъ домомъ Отца своего, ибо не обнаружилось еще противленіе его служителей Христу и Богу и Онъ ожидаетъ еще покаянія народа въ лицѣ его представителей.

Домомъ торговли: выраженіе менѣе сильное, чѣмъ употребленное при вторичномъ очищеніи храма, когда Господь сказалъ, что *иудеи домъ молитвы сдѣлали вертепами разбойниковъ* (Мф. XXI, 13); первое означаетъ, что въ святое храмовое служеніе привзошли въ сильной степени нечистые мірскіе интересы, послѣднее же выражаетъ совершенное извращеніе характера святаго дѣла богоборственный фанатизмъ, до котораго дошло и въ которомъ выразилось наконецъ это омѣршеніе цѣлаго священнослуженія. Если бы спросили, какъ случилось, что эти продавцы такъ подчинились волѣ и слову Господа, что по Его велѣнію оставили свою торговлю и вышли изъ двора храма со всѣми предметами торговли, то надобно замѣтить: 1) что ихъ совѣсть подсказывала имъ, что они въ самомъ дѣлѣ не хорошее дѣло дѣлаютъ въ святомъ мѣстѣ, и потому, когда Господь съ силою напомнилъ имъ объ этомъ, совѣсть ихъ еще сильнѣе заговорила и заставила ихъ исполнить велѣніе Его безпрекословно; 2) слава объ Исусѣ изъ Назарета, какъ пророкѣ или челоѣкѣ необыкновенномъ, вѣроятно въ это время уже довольно распространилась въ народѣ: пилигримы изъ Галилеи, конечно, принесли и въ Иерусалимъ вѣсти о чудесахъ, совершенныхъ имъ въ Галилеѣ, о событіи при крещеніи Господа и свидѣльства о Немъ пророка Іоанна были, конечно, въ свѣжей памяти у жителей Иерусалима и его окрестностей; во всякомъ случаѣ: 3) Господь явилъ здѣсь свою божественную власть, которой не могло ничто противиться въ семъ случаѣ.

На это Іудеи сказали: можетъ быть это были нѣкоторые изъ торговавшихъ, которымъ велѣно было удалиться со двора храма съ предметами ихъ торговли, но вѣроятнѣе то были начальники храма: священники и старѣйшины, которые чувствовали себя оскорбленными въ своей власти надъ храмомъ такимъ необыкновеннымъ дѣйствіемъ не принадлежащаго къ ней галилеянина. Этимъ дѣйствіемъ своимъ Господь несомнѣнно и для нихъ являлъ себя въ качествѣ пророка — чрезвычайнаго посланника Божія; которые же изъ нихъ были поразсудительнѣе, тѣ изъ словъ Господа, назвавшаго храмъ домомъ Отца своего, могли доразумѣвать, что Онъ болѣе, чѣмъ пророкъ. Такъ какъ Моисей, Ілія и другіе чрезвычайные посланники Божіи доказывали иногда свое чрезвычайное посланничество дѣлами необыкновенными, чудесами, то обступившіе теперь Господа Іудеи требовали отъ Него какого-либо необыкновеннаго дѣйствія, чуда, въ доказательство того, что Онъ имѣетъ власть такъ распоряжаться въ храмѣ, какъ пророкъ, какъ Сынъ Божій.

Говорятъ: увѣрь насъ какимъ-нибудь чудомъ, что ты сынъ Бога, и что ты имъ посланъ. Ибо откуда видно, что Господь сего дома Отецъ тебѣ? (Ев. Иоанн.) Знаменіе, явленное въ самомъ дѣйствіи очищенія храма, какъ дѣйствіи необыкновенномъ и имѣвшемъ такое сильное вліяніе на осквернявшихъ святое мѣсто торговлю, это знаменіе они просмотрѣли и потребовали отъ Господа болѣе разительнаго, для ихъ духовной слѣпоты, чуда.

Разрушите (повелительное наклоненіе имѣетъ нѣрѣдко значеніе будущаго времени: разрушите) *храмъ сей и проч.:* евангелистъ далѣе самъ объясняетъ, что значить это изреченіе Господа, когда говоритъ, что Онъ говорилъ сіе о храмѣ тѣла своего (ст. 21): значить, онъ говорилъ о насильственной смерти воскресеніе черезъ три дня по смерти, какъ и истолковали то самое ученики Его по Его воскресеніи (ст. 22). Итакъ на требованіе Іудеями отъ Господа чуда въ доказательство того, что Онъ имѣетъ власть такъ дѣйствовать во храмѣ, Онъ отвѣчаетъ указаніемъ на величайшее чудо, свидѣтельствующее о Немъ, какъ о Мессіи, чудо воскресенія Его изъ мертвыхъ...

Такъ Господь съ самаго начала своего общественнаго служенія предсказывалъ о своей смерти и воскресеніи.

Я воздвигну его: этими словами Господь даетъ доказательство своего божественнаго всемогущества, ибо не одинъ умершій не можетъ своею силою и властью воскресить тѣло свое. Не сказалъ: Отецъ воздвигнетъ, но Я воздвигну, употребивъ собственную силу, а не нуждаясь въ чужой силѣ (Ев. Иоанн. *).

Вотъ что говоритъ Рейсъ (Reuss. Bible. Nouv. Test. vol. II, page 137, 138):

En face des disciples qui croient se trouvent (ici pour la première fois) les Juifs qui doutent, qui ne comprennent point, qui refusent de croire. Loin d'être convaincus par ce qu'ils viennent de voir, ils demandent un signe, c'est-à-dire un acte extraordinaire, un miracle, quelque chose enfin qui puisse prouver que Jésus était autorisé à agir comme il l'a fait. Son procédé avait bien en quelque chose d'imposant, de messianique même (Mal III, 1 suiv.), mais ils exigent une preuve plus palpable, une manifestation plus irrécusable. La réponse que Jésus leur fait a donné lieu à des discussions fort animées parmi les commentateurs. D'après l'auteur lui-même, voici ce qu'il a voulu dire: Tuez-moi, et en trois jours je reprendrai la vie. En d'autres termes: la résurrection de Jésus sera la preuve la plus éclatante de sa dignité supérieure. Elle l'a été en effet, et toujours, dans l'enseignement apostolique, au point de vue duquel ce discours se comprend parfaitement (comp. Matth. XII, 40). Si l'on objecte que Jésus n'a pas pu parler ainsi en ce moment, où aucun danger ne le menaçait, où aucun conflit sérieux ne s'était encore élevé entre lui et le parti pharisaïque, on oublie complètement que dans notre livre il ne s'agit pas d'une évolution lente et successive des rapports ou des situations, mais que d'un bout à l'autre nous avons sous les yeux l'antagonisme du monde et de Christ, de la lumière et des ténèbres, et que Jésus n'est représenté nulle part comme ayant besoin d'apprendre peu à peu et par divers incidents qu'il a des adversaires, qu'il court des dangers, qu'il pourra éventuellement être mis à mort. Au contraire, il connaît dès le début tout ce qui arrivera, parce que cela ne dépend pas du caprice des hommes, mais de l'ordre providentiel établi d'avance. Ainsi rien n'est plus conforme à l'esprit de cet évangile que le discours mis ici dans sa bouche. Il y a plus: ce discours est très bien placé là où nous le lisons. Les scènes relatives aux disciples sont terminées, l'action du révélateur sur le monde doit maintenant commencer; l'auteur indique ici d'avance quelles chances, pour un succès définitif, il a devant lui: le monde sera sollicité, mais non gagné; il sera vaincu, non par une soumission volontaire, mais par la condamnation qu'il se sera attirée. C'est le programme de l'histoire que nous allons lire. Ces réflexions écartent aussi l'objection que les paroles de Jésus, telles qu'elles sont relatées et expliquées ici, n'auraient pu être comprises par personne, par les disciples tout aussi peu que par les Juifs. A ce titre, on pourra faire ses réserves à l'égard de la presque totalité des paroles mises dans la bouche du Seigneur dans tout le cours du livre, car à la fin les disciples n'en comprennent pas plus qu'au commencement (chap. XIV, 9). Jésus parle et l'auteur écrit pour les intelligences chrétiennes, et pas le moins du monde pour la plèbe juive qui l'entoure. Enfin il ne faut pas perdre de vue cette circonstance que l'auteur dit lui-même que les Juifs se méprisent complètement sur le sens des paroles prononcées, en les appliquant au temple dont la construction avait été commencée sous Hérode. Mais c'est un phénomène qui se reproduit désormais dans chaque scène, nous aurions presque dit à chaque ligne. C'est l'expression vivante et concrète de ce fait fondamental de la théologie de notre évangile, que le monde est incapable de saisir le sens des révélations célestes qui lui sont faites (chap. III, 12).

Говорится обо всемъ, даже о томъ, для чего сдѣлалъ онъ кнутъ, но ни слова о томъ, какой смыслъ всего этого мѣста, повтореннаго во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ. Но толкованіямъ всѣхъ церквей

*) Толк. Ев. архим. Мих.; Ев. Иоанн. стр. 72—75.

выходить, что весь смысл этого мѣста въ двукратномъ исполненіи Христомъ полицейскихъ обязанностей на счетъ чистоты храма, и въ двухъ стихахъ (21-мъ и 22-мъ), сказанныхъ не Христомъ, но однимъ изъ писателей евангелія, — тѣ самые стихи, которые я пропускаю. Смыслъ тотъ, что Иисусъ Христосъ воскреснетъ послѣ трехъ дней. Хорошо, онъ воскресъ и предсказывалъ свою смерть. Неужели нельзя было предсказать яснѣе и, главное, умѣстнѣе. Дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ. Онъ пришелъ въ храмъ, выбросилъ все то, что нужно для ихъ молитвы, точно также, какъ теперь бы сдѣлалъ тотъ, кто, придя въ нашу церковь, выкидалъ бы всѣ просвиры, вино, мощи, кресты, антиминсы и всѣ тѣ штуки, которыя считаются нужными для обѣдни. Его спрашиваютъ, какой онъ *σημεῖον* покажетъ для объясненія того, что онъ дѣлаетъ. *σημεῖον* никогда, ни по какому лексикону не значило и не значитъ *чудо*, но положимъ, — это значитъ чудо. Что же значитъ вопросъ Иудеевъ? Человѣкъ повикидывалъ все, что нужно для обѣдни, и у него спрашиваютъ: «Какое ты намъ покажешь чудо, что ты это дѣлаешь?» Вопросъ этотъ по меньшей мѣрѣ непонятенъ. Евреи могли спросить, какое онъ имѣетъ право это дѣлать? Но съ какой стати вмѣсто того, чтобы его выгнать, они спрашиваютъ его: «Покажи намъ чудо». Еще удивительнѣе то, что на вопросъ иудеевъ: покажи намъ чудо, онъ отвѣчаетъ вовсе не тѣмъ, что покажу или не покажу чудо, а говоритъ: «Бросьте этотъ храмъ, — я вамъ въ три дня сдѣлаю новый — живой». По толкованіямъ Церкви это значитъ, что чудо, которое онъ сдѣлаетъ, онъ сдѣлаетъ послѣ смерти, чудо, въ которое никто изъ евреевъ и послѣ смерти-то не повѣритъ. И эти слова его убѣждаютъ всѣхъ. И вслѣдъ за этимъ говорится, что чудеса его, т. е. то, что онъ обѣщалъ сдѣлать послѣ смерти, убѣдили всѣхъ и много народа ему повѣрили. Вѣдь стоитъ только снять очки церковные, чтобы видѣть, что это не разговоръ, а бредъ сумасшедшихъ. Иисусъ дѣлаетъ непонятное дѣло, выгоняетъ скотину изъ храма. Евреи, вмѣсто того, чтобы выгнать его, говорятъ зачѣмъ-то: Покажи намъ чудо. Онъ забываетъ о томъ, что онъ выгонялъ за что-то все, что нужно для службы, изъ храма, и говоритъ: Чудо я вамъ покажу, когда умру, но такъ, что вы не увидите, и отъ этихъ его словъ всѣ повѣрили въ его ученіе. И смыслъ всего тотъ, что Христосъ чрезъ три дня воскреснетъ. И сказалъ это не Христосъ, а писатель евангелія. И стоитъ только опомниться и на минуту отнестись къ словамъ Евангелія, божественнаго откровения по ученію Церкви, съ уваженіемъ и вниманіемъ, т. е. не предполагать впередъ, что мы ничего не поймемъ, а предполагать, что то, что написано, что-нибудь да значитъ, и что намъ не безынтересно понять, что тутъ сказано, и намъ будетъ все ясно.

По ученію Іоанна Крестителя для познанія Бога нужно очиститься духомъ; Иисусъ въ пустынѣ очищается духомъ и познаетъ силу духа и возвѣщаетъ царство Бога, т. е. Бога въ людяхъ, говоритъ ученикамъ, что Богъ въ общеніи съ людьми.

По евангелисту Іоанну первымъ дѣломъ Иисуса есть такъ называемое очищеніе храма, въ дѣйствительности же уничтоженіе храма,

и не какого-нибудь храма, а храма въ Іерусалимѣ, того, который считается домомъ Бога, святыней изъ святынь. Иисусъ приходитъ въ храмъ и уничтожаетъ все, что нужно для служенія. Не говоря уже о томъ, что сказано въ Введеніи о Богѣ, о томъ, что Бога никто никогда не видѣлъ и не видитъ, и то, что Иисусъ далъ намъ новое богоугожденіе вмѣсто прежняго, Иисусъ самъ въ храмѣ говоритъ слова пророковъ о томъ, что храмъ Бога есть весь міръ людей, а не вертепъ разбойниковъ. Объяснять это все равно, что объяснять то, что въ наше время пришли бы духоборцы въ Православную церковь, повикидали бы всѣ антиминсы и сказали бы: Богъ есть духъ и ему надо служить духомъ и дѣломъ. И дѣло и слова писанія уже такъ ясно говорятъ, что прибавлять и толковать нечего. И дѣло и слова ясно говорятъ: Ваше богоугожденіе есть мерзкая ложь, вы не знаете настоящаго Бога, и обманъ вашего богослуженія вреденъ, и его надо уничтожить. Вотъ это-то самое выражаютъ дѣйствія и слова Иисуса въ храмѣ. Онъ отрицаетъ и богослуженіе и понятіе Еврейскаго Бога. На эти дѣйствія и слова его евреи говорятъ: Какое право ты имѣешь такъ дѣлать? И онъ отвѣчаетъ: Право мое то, что ваше служеніе Богу — ложь, а мое живое служеніе есть истина. Мое служеніе Богу есть служеніе живое, дѣломъ. И многіе вѣрятъ Иисусу. Иисусъ первымъ дѣломъ своей проповѣди отрицаетъ ложнаго, Еврейскаго, видимаго Бога. Въ слѣдующей главѣ онъ говоритъ, что Богъ — духъ, и Ему надо служить дѣломъ. И очевидно, что для того, чтобы люди могли вѣрить въ Бога-духа и служить Ему, нужно разрушить ложнаго, выдуманнаго Бога и ложное служеніе Ему, и это самое дѣлаетъ Иисусъ. Не понять этого нельзя. Если мѣсто это не понято церквами, то не отъ глупости, а отъ большого ума. Такихъ умышленныхъ толкованій встрѣтится много. Такія толкованія бывають тогда, когда церковь узаконила то самое, что отвергалъ Иисусъ. Такъ и теперь Иисусъ отвергаетъ Бога-творца, внѣшняго Бога, отвергаетъ всякое богослуженіе, кромѣ служенія Богу дѣломъ. А церковь узаконила Бога-творца внѣшняго, и только тѣмъ существуетъ, что совершаетъ службы и жертвы.

Тотъ же, кто хочетъ понимать Евангеліе, долженъ твердо помнить, что первымъ дѣйствіемъ Иисуса, прежде проповѣди, было отрицаніе Бога внѣшняго и всякаго внѣшняго богослуженія. Уничтоженіе храма, повторенное всѣми евангелистами (что весьма рѣдко), есть очищеніе почвы для посѣва. Только послѣ уничтоженія прежняго Бога возможно ученіе о Богѣ Иисуса и о томъ служеніи Богу, которому учитъ Иисусъ.

Все это мѣсто есть разъясненіе стиха: *Бога никто никогда не видѣлъ и ни видитъ никогда.*

Бесѣда съ Самарянкой.

Ἀφῆκε τὴν Ἱερουσαλὴμ, καὶ ἀπῆλθε πάλιν εἰς τὴν Γαλιλαίαν.
Ἐκεῖ δὲ αὐτὸν διέρχεται διὰ τῆς Σαμαρείας.

Ἐρχεται οὖν εἰς πόλιν τῆς Σαμαρείας λεγομένην Συχάρ, πλησίον τοῦ χωρίου ὃ ὀνομάζεται Ἰακώβ Ἰωσήφ τῷ υἱῷ αὐτοῦ.

Ἦν δὲ ἐκεῖ πηγή τοῦ Ἰακώβ. Ὁ οὖν Ἰησοῦς, κελοπιπῶς ἐκ τῆς ὁδοπορίας, ἐκινεῖτο
ῥῶτως ἐπὶ τῇ πηγῇ ὥρα ἣν ὅσκι' ἔχτη.

Ин. IV. 3. То оставилъ Иудею,
и пошелъ опять въ Галилею.

4. Надлежало же Ему прохо-
дить чрезъ Самарію.

5. Итакъ приходитъ Онъ въ
городъ Самарійскій, называемый
Сихаръ, близъ участка земли,
даннаго Іаковомъ сыну своему
Іосифу.

6. Тамъ былъ колодезь Іаков-
левъ. Иисусъ, утрудившись отъ
пути, сѣлъ у колодезя. Было
около шестого часа.

И ушелъ Иисусъ изъ Іудеи
опять въ Галилею.

И надо ему было проходить
черезъ Самарію.

Приходитъ разъ Иисусъ въ го-
родъ Самарійскій Сихаръ подлѣ
того мѣста, которое далъ Іаковъ
своему сыну Іосифу.

Былъ тамъ колодезь Іакова.
Иисусъ уморился отъ дороги и
сѣлъ у колодезя ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Подробности ненужныя, какъ опредѣленіе часа, въ которомъ
это было, также какъ нѣкоторыя слова самарянки, ничего не вы-
ражающія, могутъ быть выпущены, для того, чтобы читатель не
терялъ существеннаго смысла этой главы.

Ἐρχεται γυνή ἐκ τῆς Σαμαρείας ἀντλήσαι ὕδωρ. λέγει αὐτῇ ὁ Ἰησοῦς· Δός μοι πίνειν.
Οἱ γὰρ μαθηταὶ αὐτοῦ ἀπεληλύθεισαν εἰς τὴν πόλιν, ἵνα τροφὰς ἀγοράσωσι.

Лѣγει οὖν αὐτῇ ἡ γυνή ἡ Σαμαρεῖτις· Πῶς τὸ Ἰουδαῖος ὢν παρ' ἐμοῦ πίνειν αἰτεῖς,
οὕτως γυναικὸς Σαμαρείτιδος; οὗ γὰρ συγχρῶνται Ἰουδαῖοι Σαμαρεῖταις.

Ἀπεκρίθη Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτῇ· Εἰ ᾔδεις τὴν δωρεάν τοῦ Θεοῦ, καὶ τίς ἐστίν, ὁ λέ-
γων σοι· Δός μοι πίνειν, οὐκ ἄν ᾔτησας αὐτόν, καὶ ἔδοκεν ἄν σοι ὕδωρ ζῶν.

Лѣγει αὐτῇ ἡ γυνή· Κύριε, οὗτε ἀντλήμα ἔχεις, καὶ τὸ φρέαρ ἐστὶ βαθύ· πόθεν οὖν
ἔχεις τὸ ὕδωρ τὸ ζῶν;

Ин. IV, 7. Приходитъ женщина
изъ Самаріи почерпнуть воды.
Иисусъ говоритъ ей: дай Мнѣ
пить.

8. (Ибо ученики Его отлучи-
лись въ городъ, купить пищи).

9. Женщина Самарянская го-
воритъ Ему: какъ Ты, будучи
Іудей, просишь пить у меня, Са-
марянки? ибо Іудеи съ Самаря-
нами не сообщаются.

10. Иисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ:
если-бы ты знала даръ Божій, и
Кто говоритъ тебѣ: дай Мнѣ
пить,—то ты сама просила бы у
Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду
живую.

Идетъ женщина изъ Самаріи
за водой. И говоритъ ей Иисусъ:
Жена, дай напиться?

Потому ученики его отошли
въ городъ пищи купить.

И говоритъ ему Самарянка:
Какъ же ты, іудей, у самарянки
пить просишь, вѣдь іудеи не
общаются съ самарянами.

И наоборотъ, сказалъ ей Иисусъ:
Если бы ты знала даръ Бога ¹⁾,
и того, кто говоритъ: дай на-
питься, то ты того бы попросила,
и онъ бы далъ тебѣ ключевой
воды.

11. Женщина говоритъ Ему: И сказала ему жена: У тебя
господинъ! Тебѣ и почерпнуть нѣтъ ведра и колодезь глубокъ,
не чѣмъ, а колодезь глубокъ; откуда же ты возьмешь ключе-
откуда же у Тебя вода живая? вую воду?

Примѣчаніе.

1. Слова: «Если бы ты знала...» εἰ ᾔδεις τὴν δωρεάν τοῦ Θεοῦ... можно
перевести: *если бы ты знала, въ чемъ даръ Бога и что есть Богъ*.
Послѣ ἐστὶν ставлю запятую, потому что вслѣдъ за этимъ Иисусъ го-
воритъ Самарянкѣ, *что есть Богъ*.

Μὴ οὐ μείζων εἰ τοῦ πατρὸς ἡμῶν Ἰακώβ, ὃς ἔδωκεν ἡμῖν τὸ φρέαρ, καὶ αὐτὸς ἐξ
αὐτοῦ πίνα, καὶ οἱ οἱοὶ αὐτοῦ καὶ τὰ θρέμματα αὐτοῦ;

Ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτῇ· Πᾶς ὁ πίνων ἐκ τοῦ ὕδατος τούτου διψᾷ πάλιν.
Ὅς δ' ἂν πίνη ἐκ τοῦ ὕδατος οὗ ἐγὼ δώσω αὐτῷ, οὐ μὴ διψῇ εἰς τὸν αἰῶνα· ἀλλὰ τὸ
ὕδωρ ὃ δώσω αὐτῷ, γενήσεται ἐν αὐτῷ πηγή ὕδατος ἀλλομένου εἰς ζωὴν αἰώνιον.

Ин. IV, 12. Неужели Ты больше
отца нашего Іакова, который далъ
намъ этотъ колодезь, и самъ изъ
него пилъ, и дѣти его, и скотъ его?

13. Иисусъ сказалъ ей въ от-
вѣтъ: всякій, пьющій воду сію,
возжаждетъ опять;

14. а кто будетъ пить воду,
которую Я дамъ ему, тотъ не бу-
детъ жаждать во вѣкъ; но вода,
которую Я дамъ ему, сдѣлается
въ немъ источникомъ воды, те-
кущей въ жизнь вѣчную.

Развѣ ты больше отца нашего
Іакова? Онъ далъ намъ этотъ
колодезь. Онъ и самъ изъ него
пилъ, и сыны его, и скоты его.

И наоборотъ сказалъ ей Иисусъ:
Кто пьетъ эту твою воду, тотъ
опять захочетъ пить.

А кто напьется той, которую
Я дамъ, уже не захочетъ пить
никогда. И вода та, которую я
дамъ ему, родитъ въ немъ ключъ
воды, бѣгущей въ жизнь вѣчную,
невременную.

Стихи 15, 16, 17 и 18 не имѣютъ никакого значенія. Сказано,
что Христосъ угадалъ, что у женщины было пять мужей, и что
теперь она живетъ не съ мужемъ. Ненужная и соблазнительная
подробность эта только нарушаетъ изложеніе.

Лѣγει αὐτῇ ἡ γυνή· Κύριε, θεωρῶ ὅτι προφήτης εἰ σὺ.
Οἱ πατέρες ἡμῶν ἐν τούτῳ τῷ ὄρει προσκύνουσιν· καὶ ὑμεῖς λέγετε ὅτι ἐν Ἱερουσαλὺμοις
ἐστὶν ὁ τόπος ὅπου δεῖ προσκυνεῖν.

Лѣγει αὐτῇ ὁ Ἰησοῦς· Γύναι, πιστεύσόν μοι, ὅτι ἔρχεται ὥρα, ὅτε οὐτε ἐν τῷ ὄρει τούτῳ
οὐτε ἐν Ἱερουσαλὺμοις προσκυνήσετε τῷ πατρὶ.

Ἦμεῖς προσκυνοῦμεν ὃ οὐκ οἶδαμεν· ἡμεῖς προσκυνοῦμεν ὃ οἶδαμεν· ὅτι ἡ σωτηρία ἐκ τῶν
Ἰουδαίων ἐστίν.

Ἄλλ' ἔρχεται ὥρα, καὶ νῦν ἐστίν, ὅτε οἱ ἀληθινοὶ προσκυνῶσι τῷ πατρὶ
ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ· καὶ γὰρ ὁ πατὴρ τοιοῦτους ζητεῖ τοὺς προσκυνούντας αὐτόν.
Πνεῦμα ὃ θεός· καὶ τοὺς προσκυνούντας αὐτόν ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ δεῖ προσκυνεῖν.

λέγει αὐτῇ ἡ γυνὴ· Οἶδα ὅτι Μεσσίας ἔρχεται, ὃ λεγόμενος Χριστός· ὅταν ἔλθῃ, ἐκείνος ἀναγγελεῖ ἡμῖν πάντα.

Ин. IV, 19. Женщина говоритъ Ему: Господи вижу, что ты пророкъ.

20. Отцы наши поклонялись на этой горѣ; а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Иерусалимѣ.

21. Иисусъ говоритъ ей: повѣрь мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Иерусалимѣ будете поклоняться Отцу.

22. Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаемъ, чему кланяемся, ибо спасеніе отъ Іудеевъ.

23. Но настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ.

24. Богъ есть духъ; и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ.

25. Женщина говоритъ Ему: знаю, что придетъ Мессія, то есть, Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣститъ намъ все.

Говоритъ ему женщина: Вижу, господинъ, что ты пророкъ.

Отцы наши на этой горѣ почитали Бога, а вы говорите, что въ Иерусалимѣ то мѣсто, гдѣ надо почитать Его.

И говоритъ ей Иисусъ: Женщина, повѣрь мнѣ, что подходитъ время, что ни на этой горѣ, ни въ Иерусалимѣ будете почитать Отца.

Вы почитаете кого не знаете, мы же почитаемъ того, кого знаемъ.

Но подходитъ время и теперь уже пришло, что настоящие почитатели будутъ почитать Отца духомъ и дѣломъ, потому что Отецъ требуетъ себѣ такихъ почитателей.

Богъ — духъ, и почитать его должно духомъ и дѣломъ ¹⁾.

И говоритъ ему женщина: знаю, что Мессія придетъ, называемый избраникомъ Божиимъ. Когда придетъ этотъ, возвѣститъ намъ все.

Примѣчаніе.

1. Ἀληθεία я перевожу *дѣломъ* на томъ основаніи, что во многихъ мѣстахъ Новаго Завѣта оно имѣетъ это значеніе и здѣсь какъ бы указываетъ на противоположеніе богочитанія внѣшняго и дѣла; кромѣ того, «истина» и «духъ» было бы плеоназмъ.

λέγει αὐτῇ ὁ Ἰησοῦς· Ἐγὼ εἶμι, ὃ λαλῶν σοι.

Ин. IV, 26. Иисусъ говоритъ ей: это Я, Который говорю съ тобою.

И говоритъ ей Иисусъ: Я тотъ, кто говоритъ съ тобою.

Стихи съ 27 по 42 за исключеніемъ стиховъ отъ 32—38, которые будутъ переведены въ своемъ мѣстѣ, заключаютъ частныя и случайныя подробности, не имѣющія общаго значенія.

Общій смыслъ бесѣды Іисуса съ Самарянкой.

Іисусъ, проповѣдуя царство Божіе, состоящее въ любви людей между собою, ходить по деревнямъ и селамъ, и однажды, зайдя во враждебную іудеямъ землю Самаріанскую, попросилъ у самарянской женщины напиться. Женщина, подъ предлогомъ того, что онъ іудей, а она самарянка, отказываетъ ему въ самомъ простомъ дѣлѣ любви.

Въ объясненіи этого мѣста, эту черту отказа женщины дать воды, обыкновенно забываютъ, а между тѣмъ это есть ключъ къ пониманію всего мѣста.

Женщина говоритъ, что іудеямъ нельзя сообщаться съ самарянами, и потому она не даетъ ему пить. На это онъ говоритъ ей, что она этимъ лишаетъ себя воды живой, любовнаго общенія съ людьми, того самаго, что даетъ жизнь истинную. Онъ говоритъ ей, что онъ не только не гнушается того, чтобы принять питье отъ нея, но что онъ и ее, какъ всѣхъ людей, готовъ научить тому возрожденію, которое дастъ ей настоящую жизнь.

На замѣчанія ея о томъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что у нихъ, іудеевъ, свой, а у нихъ, самарянъ, свой Богъ или свое мѣсто почитанія Бога, онъ говоритъ ей, какъ бы объясняя уничтоженіе храма: «Теперь пришло время почитать Бога не тутъ и тамъ, а *вездѣ*, потому что надо почитать не того Бога, котораго мы не знаемъ, а того, котораго мы знаемъ, какъ сынъ отца», т. е. повторяетъ то, что сказано во Введеніи о томъ, что Бога никто не знаетъ, а только сынъ явилъ Его, и то, что сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, именно, что: «мы говоримъ про то, что знаемъ и видимъ, что только сынъ, спешій съ неба, явилъ Бога». И говоря про Бога, называетъ его *Отцемъ*. И выражая мысль Введенія, гдѣ сказано, что ученіе Іисуса было ученіе *добра*, онъ говоритъ, что Отецъ ищетъ поклонниковъ себѣ *вездѣ*, поклонниковъ дѣломъ и духомъ, потому что Богъ есть духъ.

Объ очищеніи духомъ и истинномъ богоугожденіи.

Μετὰ ταῦτα ἦλθεν ὁ Ἰησοῦς καὶ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ εἰς τὴν Ἰουδαίαν γῆν. καὶ ἐκεῖ διέτριβε μετ' αὐτῶν, καὶ ἐβάπτισεν.

Ἦν δὲ καὶ Ἰωάννης βαπτίζων ἐν Αἰνῶν ἐγγὺς τοῦ Σαλείμ, ὅτι ὕδατα πολλὰ ἦν ἐκεῖ· καὶ παρεγίνοντο, καὶ ἐβαπτίζοντο.

Οὕτω γάρ ἦν βεβλημένος εἰς τὴν φυλακὴν ὁ Ἰωάννης.

Ἐγένετο οὖν ζήτησις ἐκ τῶν μαθητῶν Ἰωάννου μετὰ Ἰουδαίων περὶ καθαρισμοῦ.

Καὶ ἦλθεν πρὸς τὸν Ἰωάννην καὶ εἶπον αὐτῷ· Ῥαββί, ὃς ἦν μετὰ σοῦ πέραν τοῦ Ἰορδάνου, ὃ σὺ μαρτυροῦντας, ἴδε οὗτος βαπτίζει, καὶ πάντες ἔρχονται πρὸς αὐτόν.

Ἀπεκρίθη Ἰωάννης καὶ εἶπεν· Οὐ δύναται ἄνθρωπος λαμβάνειν οὐδέν, εἰ μὴ ἡ δεξιὰ μένον αὐτῷ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ.

Ὁ ἄνωθεν ἐρχόμενος, ἐπάνω πάντων ἐστίν· ὃ ὢν ἐκ τῆς γῆς, ἐκ τῆς γῆς ἐστί, καὶ ἐκ τῆς γῆς λαλεῖ· ὃ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἐρχόμενος, ἐπάνω πάντων ἐστίν.

Ὁν γὰρ ἀπέστειλεν ὁ θεὸς, τὰ ῥήματα τοῦ θεοῦ λαλεῖ.
καὶ ὁ εὐώρακε καὶ ἤκουσε, τοῦτο μαρτορεῖ καὶ τὴν μαρτυρίαν αὐτοῦ οὐδεὶς λαμβάνει.
Ὁ λαβὼν αὐτοῦ τὴν μαρτυρίαν, ἐσφράγισεν ὅτι ὁ θεὸς ἀληθὴς ἐστίν.
Ὁ δὲ γὰρ ἐκ μέτρου δίδωσιν ὁ θεὸς τὸ πνεῦμα.

Ин. III, 22. Послѣ сего пришелъ Иисусъ съ учениками Своими въ землю Іудейскую, и тамъ жилъ съ ними, и крестилъ.

23. А Іоаннъ также крестилъ въ Енонѣ, близъ Салима, потому что тамъ было много воды; и приходили туда и крестились;

24. ибо Іоаннъ еще не былъ заключенъ въ темницу.

25. Тогда у Іоанновыхъ учениковъ произошелъ споръ съ Іудеями объ очищеніи.

26. И пришли къ нему и сказали ему: равви! Тотъ, Который былъ съ тобою при Іорданѣ, и о Которомъ ты свидѣтельствовалъ, вотъ, Онъ креститъ, и всѣ идутъ къ Нему.

27. Іоаннъ сказалъ въ отвѣтъ: не можетъ человѣкъ ничего принимать на себя, если не будетъ дано ему съ неба.

31. Приходящій свѣше и есть выше всѣхъ; а сущій отъ земли земный и есть и говоритъ, какъ сущій отъ земли; Приходящій съ небесъ есть выше всѣхъ.

34. Ибо Тотъ, Котораго послалъ Богъ, говоритъ слова Божіи;

32. И что Онъ видѣлъ и слышалъ, о томъ и свидѣтельствуешь; и никто не принимаетъ свидѣтельства Его.

33. Принявшій Его свидѣтельство симъ запечатлѣлъ, что Богъ истиненъ.

34. Ибо не мѣрою даетъ Богъ Духа.

Послѣ пришелъ Иисусъ съ учениками въ Іудейскую землю и тамъ проживалъ съ ними и очищалъ.

И Іоаннъ очищалъ въ Енонѣ подлѣ Салима, потому что было много воды тамъ, и ходили и очищались.

Потому Іоаннъ еще не былъ посаженъ въ тюрьму.

И вышелъ споръ у учениковъ Іоанна съ однимъ евреемъ объ очищеніи.

И пришли къ Іоанну и говорятъ ему: Господинъ! кто съ тобою былъ на Іорданѣ и о комъ ты свидѣтельствовалъ, вотъ и онъ очищаетъ, и всѣ идутъ къ нему.

И Іоаннъ сказалъ: Не можетъ человѣкъ на себя взять, если онъ не наученъ Богомъ.

Кто свѣше, тотъ выше всего, а кто отъ земли, тотъ и будетъ отъ земли, и о землѣ будетъ говорить.

Кого Богъ научилъ, тотъ слова Бога и говоритъ.

И что постигнулъ и понялъ, то и доказываетъ. Доказательства его никто не принимаетъ.

Кто принялъ доказательство его, тотъ закрѣпилъ то, что Богъ истиненъ.

Потому что духъ Бога нельзя измѣрить ¹⁾).

Примѣчаніе.

1) Въ нѣкоторыхъ спискахъ 34-й стихъ выраженъ такъ: «Богъ есть духъ».

Ὁ πατὴρ ἀγαπᾷ τὸν υἱόν, καὶ πάντα δέδωκεν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ.
Ὁ πιστεύων εἰς τὸν υἱόν, ἔχει ζωὴν αἰώνιον· ὁ δὲ ἀπειθῶν τῷ υἱῷ, οὐκ ὄψεται ζωὴν, ἀλλ' ἡ ὀργὴ τοῦ θεοῦ μένει ἐπ' αὐτόν.

Ин. III, 35. Отецъ любить Сына, и все далъ въ руку Его.

36. Вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную; а не вѣрующій въ Сына не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ.

Потому что Отецъ любить сына, и все далъ во власть ему.

Кто вѣритъ въ сына, тотъ живъ вѣчно, а кто не вѣритъ въ сына — тотъ противъ Бога ¹⁾).

Примѣчаніе.

1) Эти два стиха суть повтореніе мысли, выраженной послѣ, и потому здѣсь не у мѣста.

Іоаннъ прежде объявилъ, что настоящее очищеніе есть очищеніе духомъ. Вотъ явился Иисусъ и уничтожаетъ всѣ внѣшнія формы и очищаетъ безъ храма и даже безъ воды. И является сомнѣніе, какое очищеніе настоящее. И вотъ ученики Іоанна спорятъ съ какимъ-то іудеемъ объ очищеніи, и идутъ къ Іоанну спрашивать его. Іоаннъ говоритъ въ общихъ словахъ то, что онъ сказалъ прежде: что главное очищеніе есть очищеніе духомъ, и что очищеніе это не передается словами. О томъ же, что дѣйствительно ли Иисусъ говоритъ слова Божіи, Іоаннъ говоритъ, что опредѣлить этого никто не можетъ, что доказательство того, что слова Божіи, — не можетъ быть. Одно доказательство есть то, — что человѣкъ принимаетъ ихъ. Потому что проявленія духа нельзя мѣрить.

καὶ φήμη ἐξῆλθε καθ' ὅλης τῆς περιχώρου περὶ αὐτοῦ.
Ἐν δὲ τῷ λαλῆσαι, ἤρωτᾷ αὐτόν Φαρισαῖός τις ὅπως ἀριστήσῃ παρ' αὐτῷ· εἰσελθὼν δὲ ἀνέπεσεν.

Ὁ δὲ Φαρισαῖος ἰδὼν ἐθαύμασεν ὅτι οὐ πρῶτον ἐβαπτίσθη πρὸ τοῦ ἀρίστου.
Εἶπε δὲ ὁ Κύριος πρὸς αὐτόν. Νῦν ὑμεῖς οἱ Φαρισαῖοι τὸ ἐξωθεν τοῦ ποτηρίου καὶ τοῦ πίνακος καθαρίζετε, τὸ δὲ ἐσωθεν ὑμῶν γέμει ἀρπαγῆς καὶ πονηρίας.

Ἄφρονες, οὐχ ὁ ποιήσας τὸ ἐξωθεν καὶ τὸ ἐσωθεν ἐποίησε.
Πλὴν τὰ ἐνόντα δότε ἐλεημοσύνην· καὶ ἰδοὺ, πάντα καθαρὰ ὑμῖν ἐστί.
Οὐκ ἐλήλυθα καλεῖσαι δικαίους, ἀλλὰ ἁμαρτωλοὺς εἰς μετάνοιαν.
καὶ ἰδοὺ, γυνὴ ἐν τῇ πόλει, ἣτις ἦν ἁμαρτωλὸς, ἐπικνουσα ὅτι ἀνάκειται ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Φαρισαίου, κομίσασα ἀλάστρον μύρου.

καὶ στάσα παρὰ τοὺς πόδας αὐτοῦ ὀπίσω, κλαίουσα, ἤρξατο βρέχειν τοὺς πόδας αὐτοῦ, τοῖς δάκρυσι, καὶ ταῖς θρᾶξι τῆς κεφαλῆς αὐτῆς ἐξέμασσε, καὶ κατεφίλει τοὺς πόδας αὐτοῦ, καὶ ἤλειψε τῷ μύρῳ.

Ἰδὼν δὲ ὁ Φαρισαῖος ὁ καλέσας αὐτόν, εἶπεν ἐν ἑαυτῷ, λέγων· Οὗτος, εἰ ἦν προφήτης, ἐγίνωσκεν ἂν τίς καὶ ποταπὴ ἡ γυνὴ, ἣτις ἄπτεται αὐτοῦ· ὅτι ἁμαρτωλὸς ἐστίν.

καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Ἰησοῦς, εἶπε πρὸς αὐτόν· Σίμων, ἔχω σοί τι εἰπεῖν. Ὁ δὲ φησὶ· Διδάσκαλε, εἰπέ.

Δύο χρεωφειλέται ἦσαν δανειστέ τι· ὁ εἰς ὠφείλε δηνάρια πεντακόσια, ὁ δὲ ἕτερος πεντήκοντα.

Μὴ ἔχόντων δὲ αὐτῶν ἀποδοῦναι, ἀμφοτέροις ἐχαρίσατο· τίς οὖν αὐτῶν, εἰπέ, πλεῖον αὐτὸν ἀγαπήσει;

Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Σίμων, εἶπεν. Ὑπολαμβάνω, ὅτι ᾧ τὸ πλεῖον ἐχαρίσατο. Ὁ δὲ εἶπεν αὐτῷ· Ὁρθῶς ἔχρινας.

Καὶ στραφείς πρὸς τὴν γυναῖκα, τῷ Σίμωνι ἔφη· Βλέπεις ταύτην τὴν γυναῖκα; εἰσῆλθόν σου εἰς τὴν οἰκίαν, ὕδωρ ἐπὶ τοὺς πόδας μου οὐκ ἔδωκας· αὕτη δὲ τοῖς δαχτύλοις ἔβρεξε μου τοὺς πόδας, καὶ ταῖς θριξὶ τῆς κεφαλῆς αὐτῆς ἐξέμαζε.

Φίλημά μοι οὐκ ἔδωκας· αὕτη δὲ, ἀφ' ἧς εἰσῆλθον, οὐ διέλιπε καταφιλοῦσά μου τοὺς πόδας.

Ἐλάτω τὴν κεφαλὴν μου οὐκ ἤλειψας· αὕτη δὲ μύρῳ ἤλειψέ μου τοὺς πόδας.

Ὅ· χάριν, λέγω σοι, ἀφένται αἱ ἁμαρτίαι αὐτῆς αἱ πολλαί· ὅτι ἡγάπησε πολὺ· ᾧ δὲ ὀλίγον ἀφίσταται, ὀλίγον ἀγαπᾷ.

Εἶπε δὲ αὐτῇ· Ἀφένται σοι αἱ ἁμαρτίαι.

Καὶ ἤρξαντο οἱ συνανακείμενοι λέγειν ἐν ἑαυτοῖς· Τίς αὐτός ἐστιν ὃς καὶ ἁμαρτίας ἀφίησιν;

Εἶπε δὲ πρὸς τὴν γυναῖκα· Ἡ πίστις σου σέσωκε σε· πορεύου εἰς εἰρήνην.

Лк. IV, 14. И разнеслась молва о Немъ по всей окрестной странѣ.

Лк. XI, 37. Когда Онъ говорилъ это, одинъ фарисей просилъ Его къ себѣ обѣдать; Онъ пришелъ и возлегъ.

38. Фарисей же удивился, увидѣвъ, что Онъ не умылъ рукъ передъ обѣдомъ.

Лк. XI, 39 (Мѡ. XXIII, 25). Но Господь сказалъ ему: нынѣ вы, фарисеи, внѣшность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства.

Лк. XI, 40 (Мѡ. XXIII, 26). Неразумные! не Тотъ же ли, Кто сотворилъ внѣшнее, сотворилъ и внутреннее?

Лк. XI, 41. Подавайте лучше милостыню изъ того, что у васъ есть: тогда все будетъ у васъ чисто.

Лк. V, 32. Я пришелъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію.

Лк. VII, 37. И вотъ женщина того города, которая была грѣшница, узнавши, что Онъ возлежитъ въ домъ фарисея, принесла алавастровый сосудъ съ мѣромъ;

И по всей округѣ прошла молва о немъ.

Послѣ этого пришелъ къ нему одинъ православный и просилъ позавтракать у него въ домѣ.

И православный, примѣтивъ, что Іисусъ не обмылся передъ завтракомъ, удивился.

И сказалъ ему Іисусъ: Вы, православные, снаружи чашки и блюда моете, а внутри васъ кишитъ грабежъ и неправда.

Безумные! кто сдѣлалъ внѣшнее, тотъ же сдѣлалъ и внутреннее.

Внутри будьте милостивы, и тогда увидите, что все будетъ чисто.

Потому что я пришелъ сюда призывать къ обновленію не праведниковъ, а ошибающихся.

И вотъ женщина изъ города, она была невѣрная, узнавъ, что Іисусъ сидитъ въ домѣ православнаго, пришла туда и принесла кувшинъ масла.

38. и, ставши позади у ногъ Его и плача, начала обливаться слезами и отирать волосами головы своей, и цѣловала ноги Его, и мазала мѣромъ.

39. Видя это, фарисей, пригласившій Его, сказалъ самъ въ себѣ: если бы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница.

40. Обратившись къ нему, Іисусъ сказалъ: Симонъ! Я имѣю нѣчто сказать тебѣ. Онъ говоритъ: скажи, Учитель.

41. Іисусъ сказалъ: у одного заимодавца было два должника: одинъ долженъ былъ пятьсотъ динаріевъ, а другой пятьдесятъ;

42. но какъ они не имѣли чѣмъ заплатить, онъ простилъ обоимъ. Скажи же, который изъ нихъ болѣе возлюбилъ его?

43. Симонъ отвѣчалъ: думаю, тотъ, которому болѣе простилъ. Онъ сказалъ ему: правильно ты рассудилъ.

44. И обратившись къ женщине, сказалъ Симонъ: видишь ли ты эту женщину? Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила мнѣ ноги и волосами головы своей отерла.

45. Ты цѣлованія мнѣ не далъ, а она, съ тѣхъ поръ какъ я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у Меня ноги.

46. Ты головы мнѣ масломъ не помазалъ; а она мѣромъ помазала мнѣ ноги.

47. А потому сказываю тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тотъ мало любитъ.

И ставши у ногъ его сзади, начала плакать и мыть ему ноги слезами и волосами съ головы своей вытирала, и мазала масломъ.

Увидавъ это, хозяинъ православный подумалъ себѣ: Кабы былъ онъ настоящий учитель, онъ бы зналъ, кто и какова эта женщина, та, что трогаетъ его.

И, обернувшись, Іисусъ сказалъ ему: Семень! дай, скажу тебѣ слово. Онъ сказалъ: скажи, господинъ.

Были два должника должны одному хозяину. Одинъ считалъ за собой пятьсотъ денегъ, другой пятьдесятъ.

И не было чѣмъ заплатить ни у того, ни у другого, и хозяинъ простилъ имъ обоимъ. Но какой же изъ нихъ, скажи, болѣе будетъ ухаживать за хозяиномъ?

Семень и говоритъ: Не иначе, какъ тотъ, кому болѣе простилъ. Іисусъ и говоритъ: Вѣрно рассудилъ.

И показалъ на женщину и говоритъ Семену: Ну, вотъ я пришелъ къ тебѣ въ домъ, а ты не далъ мнѣ воды ноги умыть. Она же слезами моетъ мои ноги и волосами съ головы обтираетъ.

Ты и не обнялъ меня, какъ я вошелъ, а она не перестаетъ — все лобызаетъ мои ноги.

Ты не далъ мнѣ масла головы помазать. Она дорогимъ масломъ мажетъ мнѣ ноги.

Оттого самаго, говорю тебѣ, избавилась она отъ заблужденій, оттого, и великихъ заблужденій, оттого, что она любитъ сильно. А кому немного прощать нужно, тотъ мало и любитъ¹⁾.

48. Ей же сказалъ: прощаются тебѣ грѣхи.

49. И возлежавшіе съ Нимъ начали говорить про себя: кто это, что и грѣхи прощаетъ?

50. Онъ же сказалъ женщинамъ: вѣра твоя спасла тебя: иди съ миромъ.

И сказалъ ей: Да, всѣ заблужденія твои исправлены.

И начали сидѣвшіе съ нимъ говорить сами въ себѣ: Кто же онъ такой, что избавляетъ отъ заблужденій?

А онъ сказалъ женщинамъ: Вѣра твоя спасла тебя, иди съ миромъ.

Примѣчаніе.

1) По моему стихъ 47 долженъ быть такой: *ὅτι* должно быть переставлено, вмѣсто *ἡγάπησε* — *ἡγάπησεν* — передъ *λέγων* *σοι*. И тогда переводъ такой: *Тою ради, говорю тебѣ, прощены ей ея грѣхи многи, что она любитъ много. Кому же мало отпущено, мало и любитъ.*

Фарисею не нравится, что блудница прикасается къ учителю. Иисусъ говоритъ: «Было два должника у хозяина; одному онъ мало, другому много простилъ. Какъ же тому, кому онъ много простилъ, не выказать свою благодарность? Должники эти передо мною и передъ всѣми людьми и передъ Богомъ — ты и эта блудница. Ты считаешь, что тебѣ нечего прощать, и ты не выказалъ мнѣ особенной любви; она считаетъ, что она виновата передъ всѣми, и передо мной и предъ тобой. Вѣдь ты самъ подумалъ, что ее и допустить нельзя касаться до меня. Ну, а я не прогналъ ее, и какъ тобой не брезгаю, входя къ тебѣ въ домъ, такъ и ею не брезгаю, и за то она выражаетъ мнѣ свою любовь. (Оттого, что ее не упрекнулъ я грѣхами, она и выражаетъ мнѣ любовь). Ея грѣховъ много, она и выражаетъ большую любовь. Твоихъ грѣховъ мало, ты думаешь, — ты и выражаешь малую любовь и мало тебѣ простится; а ей простится, — она вѣритъ, что она грѣшница, и она спасена отъ грѣховъ».

Ἄνθρωποι δύο ἀνέβησαν εἰς τὸ ἱερόν προσεύξασθαι· ὁ εἰς Φαρισαῖος, καὶ ὁ ἕτερος τελώνης.

Ὁ Φαρισαῖος σταθεὶς πρὸς ἑαυτὸν ταῦτα προσήύχето· Ὁ Θεὸς, εὐχαριστῶ σοί, ὅτι οὐκ εἰμι ὡς οἱ λοιποὶ τῶν ἀνθρώπων, ἄρπαγες, ἀδικοί, μοιχοί, ἢ καὶ ὡς οὗτος ὁ τελώνης. Νηστεύω δις τοῦ σαββάτου, ἀποδεχάμην πάντα ὅσα κτῶμαι.

Καὶ ὁ τελώνης μακρόθεν ἐστὼς οὐκ ᾔθελεν οὐδὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς εἰς τὸν οὐρανὸν ἐπάρει· ἀλλ' ἔτοπτεν εἰς τὸ στήθος αὐτοῦ, λέγων· Ὁ Θεὸς, ἡλάνθῃ μοι τῷ ἀρταλωῖ.

Λέγων ὅτι, κατέβη οὗτος δεικνυμένος εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ, ἢ ἐκεῖνος· ὅτι πᾶς ὁ ὀφειὼν ἑαυτὸν ταπεινώσεται· ὁ δὲ ταπεινῶν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται.

Лк. XVIII, 10. Два человека вошли въ храм помолиться: одинъ фарисей, а другой мытарь.

И сказалъ имъ Иисусъ: Два человека вошли въ храм молиться. Одинъ — православный, другой — невѣрный.

11. Фарисей, ставъ, молился самъ въ себѣ такъ: Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь:

12. пощусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что приобретаю.

13. Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо; но, ударяя себя въ грудь, говорилъ: Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику!

14. Сказываю вамъ, что сей пошелъ оправданнымъ въ домъ свой болѣе, нежели тотъ: ибо всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится.

Православный думалъ много о себѣ и такъ молился: Благодарю тебя, Богъ мой, за то, что я не такой, какъ другіе люди: корыстные, неправедные, блудники, не такой, какъ этотъ невѣрный.

Пощусь два раза въ недѣлю и отдаю десятину всего, что получаю.

А невѣрный сталъ вдаль и не могъ и глазъ къ небу поднять, а все стучалъ себѣ въ грудь и приговаривалъ: Господи, оглянись на меня заблудшаго.

Такъ вотъ говорю вамъ: и вернулся невѣрный избавленъ больше, чѣмъ православный. Поэтому что кто возвышается — принизится, а кто понижается, тотъ возвысится.

Православный не считалъ нужнымъ для себя избавленія и потому и не могъ ни отъ чего избавиться. Невѣрный желалъ избавиться отъ заблужденій, онъ признавалъ ихъ, и потому избавился.

Τότε προσέρχονται αὐτῷ οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου, λέγοντες· Διὰ τί ἡμεῖς καὶ οἱ Φαρισαῖοι νηστεύομεν πολλὰ, οἱ δὲ μαθηταὶ σου οὐ νηστεύουσιν;

Καὶ εἶπεν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς· Μὲ δύνανται οἱ υἱοὶ τοῦ νομφῶνος πενθεῖν, ἐφ' ὅσον μετ' αὐτῶν ἐστὶν ὁ νομφῶς; Ἐλευσονται δὲ ἡμέραι ὅταν ἀπαρθῇ ἀπ' αὐτῶν ὁ νομφῶς, καὶ τότε νηστεύουσιν.

Мф. IX, 14 (Мр. II, 18; Лк. V, 33). Когда приходятъ къ Нему ученики Иоанновы, и говорятъ: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?

Мф. IX, 15; (Мр. II, 19, 20; Лк. V, 34, 35). И сказалъ имъ Иисусъ: могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься.

Тогда подошли къ нему ученики Иоанна и говорятъ: Отчего мы и законники постимся много, а ученики твои не постятся?

И сказалъ имъ Иисусъ: Не могутъ гости на свадьбѣ печалиться въ то время, когда съ ними женихъ. Когда нѣтъ жениха, — тогда постятся ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Слова о женихѣ темны, такъ какъ нѣтъ объясненія того, что надо разумѣть подъ словомъ «женихъ». По притчѣ о го-ти

дѣвахъ подѣ словомъ «женихъ» надо понимать жизнь, и тогда и здѣсь, если дать слову «женихъ» значеніе жизни,—смыслъ изреченія будетъ тотъ, что не зачѣмъ печалиться, когда въ человѣкѣ есть жизнь; можно печалиться и поститься только тогда, когда нѣтъ жизни.

Ἐλεγε δὲ καὶ παραβολὴν πρὸς αὐτοὺς· Ὅτι οὐδεὶς ἐπιβλήμα ἱματίου καινοῦ ἐπιβάλλει ἐπὶ ἱματίον παλαιόν· εἰ δὲ μήγε, καὶ τὸ καινὸν σκίζει, καὶ τὸ παλαιὸν οὐ συμφωνεῖ τὸ ἐπιβλήμα τὸ ἀπὸ τοῦ καινοῦ.

Καὶ οὐδεὶς βάλλει οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς παλαιούς· εἰ δὲ μήγε, ῥήξει ὁ νέος οἶνος τοὺς ἀσκοὺς, καὶ αὐτὸς ἐκχυθήσεται, καὶ οἱ ἀσκοὶ ἀπολούνται.

Ἀλλὰ οἶνον νέον εἰς ἀσκοὺς καινοὺς βλητέον, καὶ ἀμφότεροι συντηροῦνται.

Лк. V, 36 (Мѡ. IX, 16; Мр. II, 21). При семъ сказалъ имъ притчу: никто не приставляетъ заплату къ ветхой одеждѣ, отодравъ отъ новой одежды; а иначе и новую раздеретъ, и къ старой не подойдетъ заплата отъ новой.

Лк. V, 37 (Мѡ. IX, 17; Мр. II, 22). И никто не вливаетъ молодого вина въ мѣхи ветхіе; а иначе молодое вино прорветъ мѣхи и само вытечетъ, и мѣхи пропадутъ.

Лк. V, 38. (Мѡ. IX, 17, Мр. II, 22). Но молодое вино должно вливать въ мѣхи новые; тогда сбережется и то и другое.

Лк. V, 39 стихъ неясенъ.

Лк. IV, 33—37; Мр. I, 23—28; Мѡ. VIII, 17, 18; Мр. I, 35—39; Лк. IV, 42—44. Стихи эти, содержащіе описаніе изгнанія нечистаго духа, предсказанія и повтореніе о томъ, что Христосъ училъ и что молва о немъ распространилась,—не имѣютъ значенія и могутъ быть пропущены.

Молитва о Христѣ.

Καὶ αὐτὸς ἐδίδασκεν ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν, δοξαζόμενος ὑπὸ πάντων.
Καὶ ἦλθεν ἕως αὐτοῦ, καὶ κατεῖχον αὐτὸν τοῦ μὴ πορεύεσθαι ἀπ' αὐτῶν.
Ὁ δὲ εἶπε πρὸς αὐτοὺς· Ὅτι καὶ ταῖς ἐρέταις πόλεσιν εὐαγγελίσασθαι με δεῖ τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ· ὅτι εἰς τοῦτο ἀπέσταλμαι.
Ἦνα πληρωθῇ τὸ ῥηθὲν διὰ Ἡσαίου τοῦ προφήτου, λέγοντος·
Γῆ Σαβουλλὴν καὶ γῆ Νεφθαλὴμ, ὁδὸν θαλάσσης πέραν τοῦ Ἰορδάνου, Γαλιλαία τῶν ἐθνῶν,

ὁ λαὸς ὁ καθήμενος ἐν σκότει· εἶδε φῶς μέγα, καὶ τοῖς καθημένοις ἐν χώρα καὶ σκιᾷ θανάτου, φῶς ἀνέτειλεν αὐτοῖς.

Ὅπως πληρωθῇ τὸ ῥηθὲν διὰ Ἡσαίου τοῦ προφήτου, λέγοντος·

Ἴδοὺ ὁ παῖς μου, ὃν ἠρέτισα· ὁ ἀγαπητός μου, εἰς ὃν εὐδόκησεν ἡ ψυχὴ μου. Θῆσω τὸ πνεῦμά μου ἐπ' αὐτόν, καὶ κρίσιν τοῖς ἔθνεσιν ἀπαγγελεῖ.

Οὐκ ἐρίσει, οὐδὲ κραυγάζει· οὐδὲ ἀκούσει τις ἐν ταῖς πλατείαις τὴν φωνὴν αὐτοῦ.

Κάλαμον συντετριμμένον οὐ κατεῖξει, καὶ λίνον τυφόμενον οὐ σβέσει. Ὡς ἂν ἀβάλλῃ εἰς νίκην τὴν κρίσιν.

Καὶ ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ ἔθνη ἐλπιούσι.

Καὶ ὁ Ἰησοῦς ἀνεχώρησε μετὰ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ πρὸς τὴν θάλασσαν· καὶ πολλὴ πλῆθος ἀπὸ τῆς Γαλιλαίας ἠκολούθησαν αὐτῷ, καὶ ἀπὸ τῆς Ἰουδαίας,

Καὶ ἀπὸ Ἱεροσολύμων, καὶ ἀπὸ τῆς Ἰδουμαίας, καὶ πέραν τοῦ Ἰορδάνου· καὶ οἱ περὶ Τύρον καὶ Σιδῶνα, κλήθος πολλὸν, ἀκούσαντες ὅσα ἐποίησεν, ἦλθον πρὸς αὐτόν.

Καὶ περιήγεν ὁ Ἰησοῦς τὰς πόλεις πάσας καὶ τὰς χώρας, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν, καὶ κηρύσσων τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας.

Лк. IV, 15. Онъ училъ въ синагогахъ ихъ, и отъ всѣхъ былъ прославляемъ.

42. И народъ искалъ Его и, пришедши къ Нему, удерживалъ Его, чтобы не уходилъ отъ нихъ.

43. Но Онъ сказалъ имъ: и другимъ городамъ благовѣствовать Я долженъ Царствіе Божіе; ибо на то Я посланъ.

Мѡ. IV, 14. Да сбудется реченное чрезъ пророка Исаію, который говоритъ:

15. Земля Завулонова и земля Нефѣалимова, на пути приморскомъ, за Іорданомъ, Галилея языческая,

16. народъ, сидящій во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ странѣ и тѣни смертной возсіялъ свѣтъ. (Исаія 9, 1, 2).

Мѡ. XII, 17. Да сбудется реченное чрезъ пророка Исаію, который говоритъ:

18. Се, Отрокъ Мой, Котораго Я избралъ, Возлюбленный Мой, Которому благоволилъ душа Моя. Положу духъ Мой на Него, и возвѣститъ народамъ судъ;

19. не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на улицахъ голоса Его;

И онъ училъ въ собраніяхъ и былъ (прославляемъ) почитаемъ всѣми.

Народъ удерживалъ его, чтобы онъ не уходилъ отъ нихъ.

Но онъ сказалъ имъ: и другимъ мнѣ надо возвѣститъ истинное благо, я на то назначенъ.

И исполнилось слово пророка Исаіи:

Въ языческой землѣ народъ ходилъ во тьмѣ, и народъ этотъ увидѣлъ большой свѣтъ. Для тѣхъ, кто жилъ во мракѣ смерти, для тѣхъ возсіялъ новый свѣтъ.

Такъ что сбылось и другое слово пророка Исаіи:

Вотъ дитя мое, которое я люблю, мой любимецъ, на кого душа моя радуется. Духъ свой я вложилъ въ него, чтобы онъ возвѣстилъ народамъ правду.

Онъ не споритъ и не кричитъ, и голоса его не слышать на улицахъ.

20. трости надломленной не переломить и льна курящегося не угасить, доколе не доставить суду побѣды;

21. и на имя Его будутъ уповать народы. (Исаія 42, 1—4).

Мр. III, 7. Но Иисусъ съ учениками Своими удалился къ морю, и за Нимъ послѣдовало множество народа изъ Галилеи, Иудеи,

8. Иерусалима, Идумеи и изъ за Иордана. И живущіе въ окрестностяхъ Тира и Сидона, услышавъ, что Онъ дѣлалъ, шли къ Нему въ великомъ множествѣ.

Мѡ. IX, 35 (Мр. VI, 6. Лк. VIII, 1). И ходилъ Иисусъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ, уча въ синагогахъ ихъ, проповѣдуя Евангеліе Царствія.

Онъ не перерветъ сломаннаго тростника и не задуетъ свѣта, когда онъ тухнетъ, — для того, чтобы правда взяла верхъ надъ ложью.

На него вся надежда людей.

И потомъ Иисусъ пошелъ ко взморью.

И много народа шло за нимъ изъ Галилеи, и изъ Иудеи, и изъ Идумеи, и изъ Иерусалима, и изъ за Иордана, и Тирскій и Сидонскій народъ шли за нимъ.

И онъ проходилъ по городамъ и селамъ, разглашая въ собраніяхъ возвѣщеніе объ истинномъ благѣ царства Божія.

Новое богоугождене въ духѣ дѣломъ. Отрицаніе Іудейскаго Бога.

(Общій смыслъ главы второй).

И всѣмъ людямъ Иисусъ показывалъ, что прежнее богослуженіе — ложь и что Богу надо служить дѣломъ и жалостью къ людямъ.

Случилось ему въ субботу итти съ учениками черезъ поле. И дорогой ученики его рвали колосья, растирали въ рукахъ и ѣли.

Увидали его законники, фарисеи и говорятъ: «Такъ не годится дѣлать въ субботу. Въ субботу нельзя работать. А вы растираете колосья». Иисусъ услышалъ это и говоритъ имъ: «Если бы вы понимали, что значитъ то, что сказалъ Богъ пророку: Радуюсь любви людей между собой, а не жертвамъ, которыя они приносятъ Мнѣ, — вы бы не осуждали невинныхъ. Въдь суббота установлена не Богомъ, а человекомъ, стало быть человекъ важнѣе субботы».

Случилось въ другой разъ въ субботу, что, когда Иисусъ училъ въ собраніи, подошла къ нему больная женщина и просила его помочь ей. И Иисусъ сталъ пользоваться ее. Тогда законникъ, старшина собранія, разсердился за это на Иисуса и сказалъ народу: «Въ законѣ Бога сказано: Есть шесть дней въ недѣлѣ на то, чтобы работать. А въ субботу Богъ не велѣлъ работать». А Иисусъ на это спросилъ законниковъ и фарисеевъ: «Что же по вашему нельзя и помогать человеку въ субботу?»

И они не знали, что отвѣтить.

Тогда Иисусъ сказалъ: «Развѣ каждый изъ васъ не отвязываетъ

скотину отъ яслей и не водить поить въ субботу? Или если у кого завалится овца въ колодезь, въдь живо побѣдить всякій и вытащить, хоть и въ субботу. Человекъ въдь много лучше овцы. А говорите, что человеку нельзя помочь. Что же по-вашему надо дѣлать въ субботу: доброе или злое? Спасать душу или губить? Добро надо дѣлать всегда — и въ субботу».

Пришли къ Иисусу фарисеи и законники изъ Иерусалима. И увидали они, что ученики его и самъ онъ ѣдятъ хлѣбъ сообщая не умытыми руками. И стали законники осуждать его за это, потому что сами они строго ведутъ по старинѣ, какъ мыть посуду, и если не вымоютъ, не станутъ ѣсть. И также съ торгу не станутъ ничего ѣсть, если не вымоютъ. И спросили его законники: «Отчего это вы не по старинѣ ведете, и неумытыми руками берете и ѣдите хлѣбъ?» И онъ сказалъ имъ: «Вѣрно сказалъ про васъ пророкъ Исаія. Ему Богъ сказалъ: За то, что народъ этотъ только на словахъ припадаетъ ко Мнѣ и только языкомъ почитаетъ Меня, тогда какъ сердце его далеко отъ Меня, и за то, что страхъ его передо Мною только человѣческое повелѣніе, которое онъ выучилъ наизусть, за это Я надъ народомъ этимъ сдѣлаю удивительное, необыкновенное дѣло; и мудрость его мудрецовъ пропадетъ, и разумъ его разумниковъ померкнетъ. Бѣда тѣмъ, которые дѣлаютъ свои дѣла, скрывать свои желанія отъ Вѣчнаго и которые заботятся о томъ, чтобы во мракѣ. — Такъ и вы оставляете то, что важно въ законѣ, то, что заповѣдь Божія, и соблюдаете свои приказанія — чашки обмывать. Моисей сказалъ вамъ: Чти отца и мать, и кто не почитетъ отца и мать, того казнить смертию, — а вы выдумали, что всякій можетъ сказать: я отдаю Богу то, что отдавалъ родителямъ, — и тогда можетъ не кормить отца и мать. Такъ человѣческими постановленіями вы разрушаете заповѣдь Божию. И много такого дѣлаете».

И Иисусъ позвалъ весь народъ и сказалъ: «Слушайте всѣ и понимайте: ничего нѣтъ такого на свѣтѣ, что бы, входя въ человека, могло погнать его; но то, что выходитъ изъ него, вотъ это погнать человека. Пусть будетъ у тебя на душѣ любовь и милосердіе, и тогда все чисто будетъ. Старайтесь понять это».

И когда онъ вернулся домой, ученики спросили его, что значатъ эти слова? И онъ сказалъ: «Неужели и вы не поняли этого? Развѣ вы не понимаете, что все внѣшнее, плотское не можетъ осквернить человека, потому что входитъ къ нему не въ душу, но въ брюхо. Входитъ въ брюхо, а потомъ выходитъ вонъ. Только то можетъ осквернить человека, что изъ человека, изъ души его выходитъ. Потому что изъ души человека выходитъ зло: блудъ, похабство, убійство, воровство, корысть, злоба, обманъ, наглость, зависть, клевета, гордость, всякая дурь. Все это зло изъ души выходитъ, и оно только можетъ погнать человека».

Иисусъ училъ народъ тому, что началась новая жизнь и что Богъ въ мірѣ, на землѣ, и это онъ говоритъ всѣмъ; ученикамъ же своимъ говорить, что между человекомъ и Богомъ есть всегдашнее общеніе. Учить этому всѣхъ. И всѣ восхищены его ученіемъ, потому что онъ училъ не такъ, какъ законники. Законники учатъ

людей тому, что они должны повиноваться законамъ Бога; онъ же учить людей, что они свободны.

Послѣ того подошла Пасха, и пришелъ Иисусъ въ Иерусалимъ и вошелъ въ храмъ. Въ притворѣ храма стояла скотина: коровы, быки, бараны, и были сядки съ голубями, были за лавками мѣнялы съ деньгами. Все это нужно было, чтобы подавать Богу. Убивали и подавали въ храмъ, и деньги подавали въ храмъ. Въ этомъ была у евреевъ молитва. Иисусъ вошелъ въ храмъ, свиль кнутъ и повывгналъ всю скотину изъ притвора, и голубей всѣхъ повывпустилъ и деньги всѣ разсыпалъ. И велѣлъ, чтобы ничего этого не носили въ храмъ.

Онъ сказалъ: «Пророкъ Исаія сказалъ вамъ: Домъ Бога не храмъ въ Иерусалимѣ, а весь міръ людей Божіихъ:—А пророкъ Іеремія тоже сказалъ вамъ: Не вѣрьте лживымъ рѣчамъ о томъ, что здѣсь домъ Вѣчнаго, домъ Вѣчнаго, домъ Вѣчнаго, не вѣрьте этому, а перемѣните свою жизнь, не судите лживо, не угнетайте страннаго, вдову, сироту, не проливайте безвинной крови, и не приходите въ домъ имени Бога и не говорите: теперь мы спокойно можемъ дѣлать пакости. Не дѣлайте изъ дома Моего вертепа разбойниковъ».

И заспорили Іудеи и говорятъ ему: «Если ты запрещаешь нашу молитву и нашъ образъ Бога, какой же ты дашь образъ молитвы?»

И обратившись къ нимъ Иисусъ сказалъ: «Бросьте храмъ этотъ, я въ три дня возбужу новый, живой храмъ Богу».

И Іудеи сказали: «Какъ же ты сдѣлаешь сейчасъ новый храмъ, когда этотъ строился сорокъ шесть лѣтъ?»

И Иисусъ сказалъ: «Я говорю вамъ про то, что важнѣе храма. Вы бы не говорили этого, если бы понимали, что значатъ слова пророка: Я, Богъ, не радуюсь вашимъ жертвамъ, но радуюсь вашей любви между собой.—Живой храмъ,—это весь міръ людей Божіихъ, когда они любятъ другъ друга».

И тогда въ Иерусалимѣ много людей повѣрили въ то, что онъ говорилъ. А самъ онъ не вѣрилъ ни во что внѣшнее, потому что зналъ все, что въ человѣкѣ. Ему не нужно было, чтобы кто-нибудь училъ его о человѣкѣ, потому что онъ зналъ, что въ человѣкѣ духъ Божій.

И законники и старшины слышали все это и подыскивались, какъ бы его погубить, но боялись его, потому что весь народъ дивился на его учение.

И пошелъ Иисусъ изъ Іудеи опять въ Галилею. И пришлось ему проходить чрезъ Самарю. Проходилъ онъ мимо села самарійскаго Сихаръ, подлѣ того мѣста, которое далъ Іаковъ сыну своему Іосифу. Былъ тамъ колодезь Іаковлевъ. Иисусъ уморился отъ дороги и сѣлъ у колодезя. А ученики его пошли въ городъ за хлѣбомъ.

И приходитъ отъ Сихара женщина за водой. Иисусъ попросилъ у ней напиться. Она и говоритъ ему: «Какъ же ты такъ просишь у меня напиться? Вѣдьвы, іудеи, съ нами, самарянами, не общаетесь».

А онъ говоритъ ей: «Если бы ты знала меня и знала то, чему

я учу, ты бы не говорила этого, а подала бы мнѣ пить, и я бы далъ тебѣ воды живой. Кто этой воды напьется, тотъ опять захочетъ пить, а кто моей воды напьется, навсегда будетъ доволенъ, и эта моя вода приведетъ его въ жизнь вѣчную».

Женщина поняла, что онъ говоритъ про божественное, и говоритъ ему: «Я вижу, что ты пророкъ, хочешь научить меня; но какъ же тебѣ научить меня божественному, когда ты—іудей, а я—самарянка. Наши на этой горѣ молятся Богу, а вы, іудеи, говорите, что въ Иерусалимѣ надо молиться. Нельзя тебѣ научить меня божественному, потому у васъ одинъ, у насъ другой Богъ».

Иисусъ и говоритъ ей: «Повѣрь мнѣ, женщина, приближается время, что ни на этой горѣ, ни въ Иерусалимѣ будутъ молиться Отцу. Вы молитесь тому, кого не знаете, а мы молимся Отцу, тому, кого нельзя вамъ не знать. И приближалось время, а теперь пришло, что настоящіе почитатели Бога будутъ почитать Отца въ духѣ и дѣломъ. Такихъ Отцу нужно почитателей. Богъ это духъ и почитать его нужно въ духѣ и дѣломъ».

Женщина не разобрала, что онъ сказалъ ей, и говоритъ: «Слышала я, что посланецъ Божій придетъ, тотъ, кого называютъ помазанникъ. Онъ тогда все расскажетъ».

Иисусъ и говоритъ ей: «Это я тотъ самый, что говоритъ съ тобой. Ничего не жди больше».

Послѣ того пришелъ Иисусъ въ Іудейскую землю, и тамъ, живя съ учениками, училъ.

Въ то время Іоаннъ очищалъ людей подлѣ Салима въ рѣкѣ Энонѣ, потому что Іоаннъ еще не былъ посаженъ въ темницу. И зашелъ между учениками Іоанна и учениками Иисуса споръ о томъ, что лучше,—очищеніе ли Іоанново въ водѣ или Иисусово учение. И пришли къ Іоанну и сказали ему: «Вотъ ты очищаешь водою, а Иисусъ только учитъ, и всѣ идутъ къ нему. Что ты скажешь о немъ?»

И Іоаннъ сказалъ: «Человѣкъ самъ собой не можетъ ничему учить, если Богъ не научитъ его. Кто говоритъ земное, то земное и есть; а если кто говоритъ отъ Бога,—то отъ Бога. Доказать ничѣмъ нельзя, отъ Бога ли слова, которыя говорятъ, или не отъ Бога. Богъ это духъ, его нельзя мѣрить и нельзя доказать. Кто пойметъ слова Божіи,—тѣмъ самымъ и доказываетъ, что онъ позналъ Бога».

Увидалъ разъ Иисусъ откупщика за сборомъ. Откупщика звали Матвеемъ. Иисусъ заговорилъ съ нимъ и Матвей понялъ его, полюбилъ его учение и позвалъ къ себѣ въ гости. И сдѣлавъ ему угощеніе. Когда Иисусъ пришелъ къ Матвею, пришли пріятели къ Матвею—откупщики и развратники. Иисусъ не погнушался ими, и сѣлъ самъ и ученики его. И вотъ законники и фарисеи увидѣли это и говорятъ ученикамъ Иисуса: «Какъ же это вашъ учитель пируетъ съ откупщиками и развратниками?» Иисусъ услышалъ и говоритъ: «Тому, кто хвалится здоровьемъ, не нужно лекаря, а тому, кто боленъ, нуженъ. Отъ этого то я и не хожу обращаться къ тѣхъ, которые считаютъ себя праведными, думаютъ, что они живутъ

по правдѣ, а учу тѣхъ, которые думаютъ, что они живутъ въ грѣхѣхъ».

И послѣ этого пришелъ къ нему одинъ фарисей и зазвалъ къ себѣ завтракать. Онъ вошелъ и сѣлъ за столъ. Фарисей замѣтилъ, что онъ не обмылся передъ завтракомъ, и подивился. Иисусъ и говоритъ ему: «Фарисей, вы снаружи все моете, а внутри-то чисто ли у васъ? Будь милостивъ къ людямъ, и все будетъ чисто».

И пока онъ сидѣлъ въ домѣ у фарисея, пришла женщина городская, она была распутной жизни. Она узнала, что Иисусъ въ домѣ у фарисея, и пришла туда же и принесла склянку съ духами. И стала на колѣни у ногъ его, заплакала и слезами обмывала его ноги, вытирала волосами и поливала духами изъ склянки. Увидалъ это фарисей и подумалъ себѣ: Едва ли онъ пророкъ; когда бы онъ точно былъ пророкъ, онъ бы узналъ, какая такая женщина умываетъ ему ноги, онъ бы узналъ, что она распутница, и не позволилъ бы ей дотрогиваться до себя.

Иисусъ догадался, обернулся къ нему и говоритъ: «Сказать тебѣ, Семень, что я думаю?»—«Скажи», говоритъ.

Иисусъ и говоритъ: «Вотъ что: два человѣка считали себя должными одному хозяину, одинъ 500 денегъ, а другой 50. И не было чѣмъ отдать ни тому ни другому. Хозяинъ и простилъ обоимъ. Ну, какъ по твоему разуму, какой будетъ любить хозяина и ухаживать за нимъ?»

Семень и говоритъ: «Извѣстно тотъ, кто больше былъ долженъ».

Иисусъ показалъ на женщину и говоритъ: «Такъ-то ты и эта женщина. Ты считаешь себя малымъ должникомъ, она считаетъ себя большимъ должникомъ. Я пришелъ къ тебѣ въ домъ, ты мнѣ не далъ воды ноги умыть, она слезами омываетъ и волосамитираетъ. Ты не поцѣловалъ меня, а она цѣлуетъ мои ноги; ты не далъ мнѣ масла голову помазать, а она дорогими духами мажетъ мои ноги. Тотъ, кто считаетъ, что ему нечего прощать, тотъ и не любитъ. Кто считаетъ, что онъ много виноватъ, тотъ много любитъ. А за любовь все прощается». И сказалъ ей: «Прощены тебѣ грѣхи твои».

И сказалъ Иисусъ: «Все дѣло въ томъ, кто какимъ считаетъ себя. Кто считаетъ себя добрымъ, тотъ не будетъ добръ, а кто считаетъ себя дурнымъ, тотъ хорошъ».

И сказалъ имъ притчу: «Пришли разъ въ храмъ молиться два человѣка. Одинъ—фарисей, другой—беззаконникъ. Фарисей такъ молился: Благодарю тебя, Господи, за то, что я не такой, какъ другіе: ни скряга я, ни обманщикъ, ни распутникъ, ни такой негодяй, какъ этотъ откушникъ. Пощусь два раза въ недѣлю, и изъ имѣнія десятину отдаю.—А беззаконникъ сталъ поодаль и не смѣлъ на небо глянуть, и только билъ себя по груди и приговаривалъ: Господи, оглянься на меня, негоднаго!»

Что жъ! Беззаконнику простилось больше, чѣмъ фарисею: потому что кто возвышается, тотъ принизится, а кто понижается, тотъ возвысится».

Послѣ этого пришли къ Иисусу ученики Іоанна и говорятъ: «Отчего мы и законники постимся много, а ты и ученики твои не постятся?» И сказалъ имъ Иисусъ: «Пока женихъ на свадьбѣ, никто не печалится. Только, когда нѣтъ жениха, тогда печалются. Если есть жизнь, то не должно печалиться».

А еще сказалъ Иисусъ: «Никто не отдираетъ куска отъ новой одежды, чтобы нашить на старую, а то разорветъ новую и старую не починить. Такъ нельзя намъ принять вашихъ постовъ. И нельзя новое вино вливать въ старые мѣхи, а то разорвутся мѣхи и вино вытечетъ. Но вино новое надо вливать въ мѣхи новые, и то и другое цѣло будетъ».

И прошла молва объ Иисусѣ, и онъ былъ почитаемъ всѣми. Такъ что народъ удерживалъ его, чтобы онъ не уходилъ отъ нихъ. Но онъ говорилъ, что не одному городу, а всѣмъ людямъ онъ пришелъ возвѣстить благо.

И онъ пошелъ дальше по взморью. И много народа шло за нимъ изъ разныхъ городовъ. И онъ помогалъ всѣмъ. И онъ проходилъ по городамъ и селамъ, вездѣ возвѣщая царство Бога и избавляя людей отъ всѣхъ страданій и пороковъ.

Такъ что на Иисуса Христа исполнились пророчества Исаи о томъ, что народъ, жившій во тьмѣ, во мракѣ смерти, увидѣлъ свѣтъ жизни; и то, что тотъ, кто принесъ этотъ свѣтъ правды, не сдѣлаетъ никакого насилія и вреда людямъ, что онъ кротокъ и смиренъ, что онъ для того, чтобы внести правду въ міръ, не спорить, не кричить, что громкаго голоса его не слышать, что онъ не перерветъ соломинки и ночника не задуетъ; а что вся надежда людей на него.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разъясненіе Иисусомъ значенія Іоанна.

Ὁ δὲ Ἰωάννης ἀκούσας ἐν τῇ δεσμωτηρίῳ τὰ ἔργα τοῦ Χριστοῦ, πέμφας δύο τῶν μαθητῶν αὐτοῦ,
Ἐπέμψεν αὐτοῖς. Ὡς εἰ ὁ ἐρχόμενος, ἢ ἕτερον προσδοκῶμεν;

Мѡ. XI, 2 (Лк. VII, 19.) Іоаннъ же, услышавъ въ темницѣ о дѣлахъ Христовыхъ, послалъ двоихъ изъ учениковъ своихъ

Мѡ. XI, 3. (Лк. VII, 19.) сказать Ему: Ты ли тотъ, Который долженъ прійти, или ожидать намъ другого?

Примѣчанія.

- 1) Во многихъ спискахъ стоитъ *Иисуса*.
- 2) Во многихъ спискахъ стоитъ не *дво*, а *два*. Для лучше, потому что число учениковъ не нужно.

Слѣдующія затѣмъ слова Лк. VII, 21, очевидно, вставлены для объясненія и безъ того прямо понятыхъ словъ о томъ, что слѣпые видятъ и т. д.

Иоаннъ въ пустынѣ проповѣдывалъ царство Божіе и говорилъ, что за нимъ придетъ тотъ, кто сильнѣе его, и будетъ обновлять духомъ. Услыхавъ про дѣла Иисуса, Иоаннъ посылаетъ узнать, тотъ ли онъ или еще другой будетъ, т. е. исполняетъ ли Иисусъ два предсказанія его: возвѣщеніе установленія царства Божія и обновленія духомъ.

Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Ἰησοῦς, εἶπεν αὐτοῖς: Πορευθέντες ἀπαγγέilate Ἰωάννῃ, ὅτι ἀκούετε καὶ βλέπετε.

Τυφλοὶ ἀναβλέπουσι, καὶ χωλοὶ περιπατοῦσι, λεπροὶ καθαρίζονται, καὶ κωφοὶ ἀκούουσιν, νεκροὶ ἐγείρονται, καὶ πτωχοὶ εὐαγγελίζονται.

Καὶ μακάριός ἐστιν ὁ εὖν μὴ σκανδαλισθῇ ἐν ἐμοί.

Мѡ. XI, 4. (Лк. VII, 22.) И сказалъ имъ Иисусъ въ отвѣтъ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите:

Мѡ. XI, 5. (Лк. VII, 22.) слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ;

Мѡ. XI, 6. (Лк. VII, 23.) и блаженъ, кто не соблазнится о мнѣ.

И на отвѣтъ сказалъ имъ Иисусъ: Подите, скажите Иоанну, что слышите и видите:

Темные видятъ, хромые ходятъ, глухіе слышатъ, нечистые очищаются, мертвые пробуждаются и нищіе узнаютъ о своемъ благѣ¹⁾.

И счастливъ тотъ, кто не откажется отъ меня²⁾.

Примѣчанія.

1) Πτωχοὶ εὐαγγελίζονται. У Луки и Матѳея слова эти: «нищіе благовѣствуютъ» стоятъ послѣдними. Вездѣ, на другихъ языкахъ, эти слова переводятся: «нищимъ возвѣщается благая вѣсть». Смыслъ этого перевода почти вѣренъ, но самый переводъ не вполне вѣренъ.

Лк. XVI, 16. Сказано ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ εὐαγγελίζεται и не переводится: «царству благовѣствуется», а переводится *царство благовѣстуется*.

Такъ и здѣсь должно быть переведено: «нищіе благовѣствуются», т. е. нищіе получаютъ вѣсть о благѣ, такъ и надо перевести: *нищіе узнаютъ о своемъ благѣ*.

Слова эти съ другой стороны выражаютъ то самое, что сказано въ словахъ: *Блаженны нищіе*.

У Матѳея, какъ и у Луки, слова эти стоятъ послѣдними, указывая на то, что въ нихъ вся сущность дѣла. И не надо забывать того, что вся дальнѣйшая рѣчь только развиваетъ, объясняетъ эту мысль о блаженствѣ нищихъ въ противоположность богатымъ фарисеямъ и законникамъ.

2) Σκανδαλίζειν ἐν τινὶ значитъ: *обидѣться на кого и отказаться отъ кого*. (Мѡ. XIII, 57; XVII, 27, XXVI, 31).

На вопросъ Иоанна: «Ты ли тотъ, который придетъ и откроетъ царство небесное», онъ отвѣчаетъ: «Скажите, что видите, и что блаженны всѣ тѣ, кто не отвращается отъ меня».

Иоаннъ спрашиваетъ: «Возвѣстилъ ли ты то царство, которое проповѣдывалъ пророкъ Исаія (XXXV, 5; LXI, 1) и о которомъ я сказалъ, что оно приблизилось и что для достиженія его нужно только очищеніе духомъ; обновляются ли духомъ люди?» И Иисусъ отвѣчаетъ: «Подите, скажите, что видите: именно то, что люди теперь блаженны духомъ; совершилось то, что предсказывалъ Исаія: всѣ люди блаженны духомъ. Нищіе узнали блаженство».

Τούτων δὲ πορευομένων, ἤρξατο ὁ Ἰησοῦς λέγειν τοῖς ὄχλοις περὶ Ἰωάννου: Τί ἐξήλθετε εἰς τὴν ἔρημον θεάσασθαι; κάλαμον ὑπὸ ἀνέμου σαλευόμενον;

Ἀλλὰ τί ἐξήλθετε ἰδεῖν; ἄνθρωπον ἐν μαλακοῖς ἱματίοις ἡμφιεσμένον; ἰδοὺ, οἱ τὰ μαλακὰ φοροῦντες, ἐν τοῖς οἴκοις τῶν βασιλέων εἰσὶν.

Ἀλλὰ τί ἐξήλθετε ἰδεῖν; προφήτην; καὶ λέγω ὑμῖν, καὶ περισσότερον προφήτου.

Οὗτος γάρ ἐστι περὶ οὗ γεγραπται, Ἰδοὺ, ἐγὼ ἀποστέλλω τὸν ἄγγελόν μου πρό το προσώπου σου, ὅς κατασκευάσῃ τὴν ὁδόν σου ἔμπροσθέν σου.

Ἀπλὴν λέγω ὑμῖν, οὐκ ἐγγίγεται ἐν γεννητοῖς γυναικῶν μεῖζον Ἰωάννου τοῦ βαπτιστοῦ. ὁ δὲ μικρότερος ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν μεῖζον αὐτοῦ ἐστίν.

Мѡ. XI, 7. (Лк. VII, 24.) Когда же они пошли, Иисусъ началъ говорить народу объ Иоаннѣ: что смотрѣть ходили вы въ пустыню? трость ли, вѣтромъ колеблемую?

Мѡ. XI, 8. (Лк. VII, 25.) Что же смотрѣть ходили вы? чело-вѣка ли, одѣтаго въ мягкія одежды? Носящіе мягкія одежды находятъ въ чертогахъ царскихъ.

Мѡ. XI, 9. (Лк. VII, 26.) Что же смотрѣть ходили вы? пророка? Да, говорю вамъ, и больше пророка.

Мѡ. XI, 10. (Лк. VII, 27.) Ибо онъ тотъ, о которомъ написано: се, Я посылаю Ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ, который приготовить путь Твой предъ Тобою. (Малах. 3, 1).

Когда они ушли, началъ Иисусъ толковать народу объ Иоаннѣ: Что ходили смотрѣть въ пустыню? Какъ камышъ махается?

Или еще что ходили смотрѣть? Ходили смотрѣть на чело-вѣка въ богатой одѣждѣ? Вотъ вѣдь они передъ вами, тѣ, которые въ богатыхъ одеждахъ и живутъ въ сластяхъ, они во дворцахъ живутъ.

Такъ чего же вы ходили глядѣть? Пророка? Истинно скажу вамъ и про то, что больше пророка¹⁾.

Онъ вѣдь тотъ, о которомъ писано: Вотъ я посылаю вѣстника передъ лицемъ твоимъ, онъ приготовитъ путь передъ тобой.

Мѡ. XI, 11. (Лк. VII, 28.) Истинно говорю вамъ: изъ рожденныхъ женами не возставалъ болѣйшій Іоанна Крестителя; но меньшій въ Царствѣ Небесномъ больше его.

Истинно говорю вамъ: Не рожался отъ жены человѣкъ болѣе Іоанна Крестителя. Самый ничтожный здѣсь, тамъ, въ царствѣ Бога, больше всѣхъ ²⁾).

Примѣчанія.

1. λέγω ὑμῖν, καὶ περισσώτερον προφήτου скажу то, что важнее пророка.
2. Обыкновенно слова: ὁ δὲ μικρότερος ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν μεῖζων αὐτοῦ ἐστὶν переводятъ: «меньшій въ царствѣ Божіемъ больше его». Переводъ этотъ неправиленъ, потому что «меньшій въ царствѣ Божіемъ» противопоставляется «большему въ чемъ-либо другомъ». Должно бы быть такъ: *Меньшій въ царствѣ небесномъ больше того, кто не въ царствѣ*. Главное же, потому этотъ переводъ неправиленъ, что онъ разрушаетъ смыслъ всего предшествующаго и послѣдующаго. Только-что сказано, что Іоаннъ больше всѣхъ людей, и вдругъ онъ меньше меньшаго въ царствѣ небесномъ, тогда какъ Іисусъ только и проповѣдуетъ царство небесное для всѣхъ. А тотъ здѣсь есть нарѣчіе и значитъ *тамъ*, и тогда смыслъ связанный со своей рѣчью.

Іоаннъ меньше, ничтожнѣе всѣхъ, по людскому сужденію, — онъ нищій. Но сказано, что самый ничтожный-то и бываетъ болѣйшій въ царствѣ Божіемъ; то же повторено въ евангеліяхъ много разъ, начиная съ проповѣди о томъ, что блаженны нищіе, а не богатые. Кромѣ того слова μικρός, μέγας, какъ они употребляются въ евангеліи, надо переводить не «малый» и «большой», а *ничтожный, низкій, и важный, высокій*.

Ὁ νόμος καὶ οἱ προφῆται ἕως Ἰωάννου ἀπὸ τότε ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ εὐαγγελίζεται, καὶ πᾶς εἰς αὐτὴν βιάζεται.

Лк. XVI, 16. Законъ и пророки до Іоанна: съ сего времени Царствіе Божіе благовѣстывается, и всякій усиленіемъ входитъ въ него.

Законъ и пророки до Іоанна. А съ того времени возвѣщается благо царства Бога, и всякій входитъ въ него по силѣ своей ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) У Матѡея XI, 12, сказано: Отъ дней Іоанна Крестителя доселѣ царство небесное осиливается, и сильные ухватываютъ его.
У Луки сказано: καὶ πᾶς εἰς αὐτὴν βιάζεται, т. е. *усилиемъ, какъ бы въ толпѣ проталкивается въ него*. И потому, избирая версію Луки болѣе точную, я передаю слово βιάζεται — *входитъ по силѣ своей*.

Πάντες γὰρ οἱ προφῆται καὶ ὁ νόμος ἕως Ἰωάννου προεφῆτευσαν.
Καὶ εἰ θέλετε δεῖσθαι, αὐτός ἐστιν Ἰλλίας ὁ μέλλων ἔρχεσθαι.
Ὁ ἔχων ὅρα ἀκούειν ἀκούτω.

Мѡ. XI, 13. Ибо всѣ пророки и законъ прорекли до Іоанна.

Потому что всѣ пророки и законъ до Іоанна высказывали волю Божію ¹⁾.

14. И, если хотите принять, онъ есть Ілїя, которому должно прїйти.

Если хотите, принимайте его за Ілью, который долженъ былъ прїйти.

15. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ.

Кто хочетъ понять, тотъ пойметъ ²⁾.

Примѣчанія.

1. προφητεύειν значитъ *имѣть даръ пророчества, высказывать волю Божію*.

Сказано, что и законъ, и всѣ пророки высказывали волю Бога до Іоанна. Все это кончилось со времени Іоанна. Со времени его царство Божіе берется внутреннимъ усиленіемъ, и потому все, что говорили о пришествіи Ілїи, все это надо оставить. Если вы вѣрите, что Ілїѣ надо прїйти передъ самымъ пришествіемъ Бога, такъ вотъ и считайте, что Іоаннъ пришелъ вмѣсто Ілїи.

2. Выраженіе это у Матѡея повторено три раза и всякій разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слова могутъ имѣть двойкій смыслъ. Выраженіе это есть предостереженіе о томъ, чтобы не понимать слова грубо, а понимать ихъ въ переносномъ смыслѣ.

Καὶ πᾶς ὁ λαὸς ἀκούσας καὶ οἱ τελῶναι ἐδικαίωσαν τὸν Θεόν, βαπτισθέντες τῷ βάπτισμα Ἰωάννου.

Οἱ δὲ Φαρισαῖοι καὶ οἱ νομικοὶ τὴν βουλὴν τοῦ Θεοῦ ἠθέτησαν εἰς αὐτούς, μὴ βαπτισθέντες ὑπ' αὐτοῦ.

Εἶπε δὲ ὁ Κύριος. Τίνες οὖν ὑμωκῶσω τοὺς ἀνθρώπους τῆς γενεᾶς ταύτης; καὶ τίς εἰσὶν ὅμοιοι;

Ὅμοιοι εἰσι παιδίῳ τοῖς ἐν ἀγορᾷ καθημένοις, καὶ προσφωνοῦσιν ἀλλήλοις καὶ λέγουσιν, Ἠδύλασμεν ὑμῖν, καὶ οὐκ ἀρχήσασθε· Ἐθρηνησαμεν ὑμῖν, καὶ οὐκ ἐκλαύσατε.

Ἐλήλυθε γὰρ Ἰωάννης ὁ βαπτιστής, καὶ οὐκ ἔσθιον καὶ οἶνον πίνων, καὶ λέγετε Δαιμόνιον ἔχει.

Ἐλήλυθεν ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐσθίων καὶ πίνων, καὶ λέγετε, Τὸ τοῦ ἀνθρώπου φάγο, καὶ οἰνοπότης, τελωνῶν φίλος καὶ ἁμαρτωλῶν.

Καὶ ἐδικαίωθη ἡ σοφία ἀπὸ τῶν τέκνων αὐτῆς πάντων.

Лк. VII, 29. И весь народъ, слушавшій Его, и мытари воздали славу Богу, крестившись крещеніемъ Іоанновымъ;

И вся чернь слышала, и откупщики оправдали Бога, очистившись очищеніемъ Іоанна.

30. а фарисеи и законники отвергли волю Божію о себѣ, не крестившись отъ него.

А фарисеи и законники совѣтъ Божій отложили отъ себя, не очистившись отъ Іоанна.

31. Тогда Господь сказалъ: съ кѣмъ сравню людей рода сего? и кому они подобны?

И Іисусъ сказалъ: Къ кому примѣнить людей этой породы ¹⁾.

Лк. VII, 32. (Мѡ. XI, 16, 17.) Они подобны дѣтямъ, которыхъ сидятъ на улицѣ, кличутъ другъ друга, и говорятъ: мы играли

Похожи они на малыхъ ребятъ. Ребята сидятъ на улицѣ и болтаютъ другъ съ дружкой. Они говорятъ: Мы играемъ, вы не

вамъ на свирѣли, а вы не плясали; мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни, и вы не плакали.

Лк. VII, 33. (Мф. XI, 18.) Ибо пришелъ Иоаннъ Креститель, ни хлѣба не ѣстъ, ни вина не пьетъ; и говорите: въ немъ бѣсъ.

Лк. VII, 34. (Мф. XI, 19.) Пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорите: вотъ, человекъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ.

Лк. VII, 35. И оправдана премудрость всѣми чадами ея.

пляшете; мы причитаемъ, вы не плачете.

Пришелъ Иоаннъ, ни пьетъ, ни ѣстъ, и говорятъ: въ немъ бѣсъ.

Пришелъ сынъ Человѣческій—ѣстъ и пьетъ, и говорятъ: онъ человекъ ядущій и пьяница, откупщикамъ другъ и заблудшимъ.

И оправдалась мудрость по дѣламъ ея ²⁾.

Примѣчанія.

1) *Людей этой породы*—относится явно къ фарисеямъ.

2) Во многихъ спискахъ стоитъ *ἐργον* — дѣла; смыслъ тотъ же, но яснѣе, и потому я избираю *ἐργον*.

Темное мѣсто о ребятахъ становится яснымъ, когда отнести его къ законникамъ и фарисеямъ, т. е. къ богатымъ и властителямъ, въ противоположность черни и презрѣннымъ откупщикамъ. Мысль та, что для того, чтобы познать Бога, фарисеи и законники другъ отъ друга принимаютъ ученіе. Та же мысль и у Ин. V, 43, 44: Я пришелъ во имя Отца моего, и не принимаете меня; а если иной придетъ во имя свое, его примете. Какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славы, которая отъ единого Бога, не ищите?

Они, какъ ребята на улицѣ, болтаютъ и потомъ удивляются, что ихъ не слушаютъ, и удивляются, что не понимаютъ. А какъ же имъ понять, когда они свое только слушаютъ. Имъ хочется веселиться,—Иоаннъ требуетъ покаянія, отверженія богатствъ. Имъ хочется посты, субботы соблюдать, отвергать грѣшниковъ,—Иисусъ не веселитъ ни поститься, ни субботы соблюдать, ни грѣшниковъ отвергать.

Τότε ἤρξατο ἐκδικᾶν τὰς πόλεις, ἐν αἷς ἐγένοντο αἱ πλείους δυνάμεις αὐτοῦ, ὅτι οὐ μετανόησαν.

Οὐαὶ σοὶ, Χοραζὴν, οὐαὶ σοὶ, Βηθσαϊδάν, ὅτι εἰ ἐν Τύρῳ καὶ Σιδῶν ἐγένοντο αἱ δυνάμεις αἱ γενόμεναι ἐν σοὶ, πόλεις αὐτῶν ἐν σῶματι καὶ σπλάχνῳ μετανόησαν.

Мф. XI, 20. Тогда началъ Онъ укорять города, въ которыхъ наиболѣе явлено было силъ ¹⁾ Его. за то, что они не покаяться.

Мф. XI, 21. (Лк. X, 13.) Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Вифсаида! ибо если бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были силы, явленные въ васъ, то давно бы они во вретнищѣ и пеплѣ покаяться.

Πᾶσι λέγω ὑμεῖς, Τύρῳ καὶ Σιδῶνι ὁ ἐκτελεσθεῖς ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως, ἢ ὑμεῖς.

Καὶ σὺ, Καπερναούμ, ἡ ἕως τοῦ οὐρανοῦ ὀψωθεῖσαι, ὥς ὅσοι καταβύβασθῃς; ὅτι εἰ ἐν Σοδόμοις ἐγένοντο αἱ δυνάμεις αἱ γενόμεναι ἐν σοὶ, ἔμενεν ἂν ῥύσῃ τῆς πόλεως.

Πᾶσι λέγω ὑμεῖς, ὅτι τῇ Σοδόμῳ ὅμοιον ἔσται ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως, ἢ σοὶ.

Мф. XI, 22. (Лк. X, 14.) Но говорю вамъ: Тиру и Сидону отрадиѣ будетъ въ день суда, нежели вамъ.

Мф. XI, 23. (Лк. X, 15.) И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо если бы въ Содомѣ явлены были силы, явленные ²⁾ въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня.

Мф. XI, 24. (Лк. X, 12.) Но говорю вамъ, что землѣ Содомской отрадиѣ будетъ въ день суда, нежели тебѣ.

Примѣчанія.

Стихи эти, переведенные такимъ образомъ, не имѣютъ не только учительнаго, но даже никакого смысла. За что онъ упрекаетъ города? Если они не повѣрили его чудесамъ, то значить не зачѣмъ было дѣлать чудеса, или мало и плохо онъ ихъ дѣлалъ.

Но если даже онъ упрекаетъ за невѣріе чудесамъ, то что значить то, что если бы въ Тирѣ и Сидонѣ сдѣланы были тѣ же чудеса, какъ въ Хоразинѣ и Капернаумѣ, то они бы покаяться въ рублищѣ и пеплѣ, а если бы сдѣланы были въ Содомѣ такіе, какъ въ Капернаумѣ, то онъ остался бы до сихъ поръ?

Кромѣ того, такой переводъ не вяжется ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдующимъ: вдругъ, по случаю разъясненія значенія Іоанна и царства небеснаго начинается брань на города. Таковъ смыслъ или скорѣе отсутствіе смысла.

Переводъ для достиженія этой безсмыслицы, совершенно произволенъ:

1) *δυνάμεις* толкуется какъ *чудо*—значенія котораго оно не можетъ имѣть.

2) *ἐμενεν* относится къ Содому, хотя стоитъ во множественномъ числѣ и въ ближайшей связи съ *δυνάμεις*. Точно такъ же и *μετανόησαν* въ 20-мъ стихѣ Матфея относится къ какому-то неизвѣстному, тогда какъ стоитъ въ связи съ *δυνάμεις*.

Я пытался переводить иначе, но признаю, что и мои переводы не устраняютъ всѣхъ трудностей, и потому мѣсто это, какъ неясное и не заключающее въ себѣ ни отрицанія предшествующаго и послѣдующаго, ни новаго какого-либо смысла,—остается непонятнымъ.

О пришествіи царства Божія.

Ἐπερωτηθεὶς δὲ ὑπὸ τῶν Φαρισαίων, πότε ἔρχεται ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ, ἀπεκρίθη αὐτοῖς, καὶ εἶπεν· Οὐκ ἔρχεται ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ μετὰ παρατηρήσεως. Οὐδὲ ἐρχεται, ἰδοὺ ὁδὸς, ἢ, ἰδοὺ, ἰδοὺ ἰδοὺ τὰς πόλεις τὰς ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ ἐντὸς ὑμῶν ἐστίν.

Καὶ ἐροῦσιν ὑμῖν, Ἰδοὺ ὁδὸς, ἢ, Ἰδοὺ ἐκεῖ μὴ ἀπέλθῃτε, μὴδὲ διώξῃτε.
Ἐάν οὖν εἰπῶσιν ὑμῖν Ἰδοὺ ἐν τῇ ἐρήμῳ ἐστίν, μὴ ἐξέλθῃτε. Ἰδοὺ ἐν τοῖς ταμίαις
μὴ πιστεύετε.

Ἐπεὶ γὰρ ἡ ἀστράπη ἢ ἀστράπτουσα ἐκ τῆς ὑπὲρ οὐρανὸν εἰς τὴν ὑπὲρ οὐρανὸν λαμ-
πει, οὕτως ἐστὶ καὶ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐν τῇ ἡμέρᾳ αὐτοῦ.

Лк. XVII, 20. Бывъ же спро-
шенъ фарисеями, когда придетъ
Царствіе Божіе, отвѣчалъ имъ:
не придетъ Царствіе Божіе при-
мѣтнымъ образомъ,

21. и не скажутъ: вотъ, оно
здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо вотъ,
Царствіе Божіе внутри васъ есть.

23. И скажутъ вамъ: вотъ,
здѣсь, или: вотъ, тамъ,—не хо-
дите и не гоняйтесь!

Мѡ. XXIV, 26. Итакъ, если
скажутъ вамъ: вотъ, Онъ въ пу-
стынѣ,—не выходите; вотъ, Онъ
въ потаенныхъ комнатахъ,— не
вѣрьте;

Лк. XVII, 24. Ибо какъ молнія,
сверкнувшая отъ одного края
неба, блистаетъ до другого края
неба, такъ будетъ Сынъ Человѣ-
ческій въ день Свой.

Бесѣда съ Никодимомъ.

Ἦν δὲ ἀνθρώπος ἐν τῶν Φαρισαίων, Νικόδημος ὄνομα αὐτοῦ, ἀρχὼν τῶν Ἰουδαίων.
Οὕτως ἦλθε πρὸς τὸν Ἰησοῦν νύκτος, καὶ εἶπεν αὐτῷ. Ῥαββί, οἶδαμεν ὅτι ἀπὸ Θεοῦ
ἐληλυθὼς διδάσκαλος: οὐδεὶς γὰρ ταῦτα τὰ σημεῖα δύναται ποιεῖν ἃ σὺ ποιεῖς, εἰ μὴ ὁ
Θεὸς μετ' αὐτοῦ.

Ин. III, 1. Между фарисеями
былъ нѣкто, именемъ Никодимъ,
одинъ изъ начальниковъ Иудей-
скихъ.

2. Онъ пришелъ къ Иисусу
ночью, и сказалъ Ему: Равви! мы
знаемъ, что Ты—Учитель, при-
шедшій отъ Бога, ибо такихъ
чудесъ, какія Ты творишь, никто
не можетъ творить, если не бу-
детъ съ нимъ Богъ.

Былъ человѣкъ, фарисей, по
имени Никодимъ—старшина
еврейскій.

Онъ пришелъ къ Иисусу ночью
и говоритъ ему: Господи, мы
знаемъ, что ты отъ Бога пришелъ
учить, потому что никто не могъ
бы такъ доказывать ¹⁾, если бы
не былъ съ нимъ Богъ.

Примѣчаніе.

1) Показъ, кромѣ значенія *доказывать*, въ соединеніи съ существи-
тельнымъ, означающимъ дѣйствіе, утрачиваетъ свое значеніе и по-

лучаетъ значеніе дѣйствія существительнаго, напр., *прѣбывать покаяніе* рѣ-
шиться (Еф. III, 11), *бъ покаянію* то же, *быть милосерднымъ* (Лк. X, 37)
и т. п. *Σημεῖον* значитъ *признакъ*, по которому узнаютъ. И потому
σημεῖα ποιεῖν должно быть переведено: *ты такъ доказываешь*.

Ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτῷ, Ἀμήν, ἀμήν λέγω σοι, Ἐάν μὴ τις γεννηθῇ
ἄνωθεν, οὐ δύναται ἰδεῖν τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ.

Ин. III, 3. Иисусъ сказалъ ему
въ отвѣтъ: истинно, истинно го-
ворю тебѣ: если кто не родится
свыше, не можетъ увидѣть Цар-
ствія Божія.

И на отвѣтъ сказалъ ему Ии-
сусъ: Вѣрно, говорю тебѣ, кто не
зачатъ ¹⁾ Богомъ съ неба ²⁾, только
тотъ можетъ не понимать, что
такое царство Бога.

Примѣчанія.

1) γεννηθῇ — *зачаться, родиться отъ отца*. Выраженіе «зачаться
свыше» значитъ: *быть зачату отъ Отца-Бога*.

2) ἄνωθεν — *свыше, съ неба, отъ того, кто на небѣ, отъ Бога*; по-
тому, какъ это слово замѣняется въ послѣдствіи словами *отъ Бога*,
для избѣжанія неясности я перевожу его: *съ неба*, т. е. *отъ безко-
нечнаго*.

На слова Никодима: «мы знаемъ, что ты отъ Бога» и т. д.,
Иисусъ отвѣчаетъ о царствѣ Бога. Отсутствіе связи между отвѣ-
томъ Иисуса и словами Никодима замѣчено всѣми. Но мнѣ кажется,
что если понимать такъ, какъ понимаютъ обыкновенно всю бесѣду
Никодима, то не только нѣтъ связи между словами Никодима и
Иисуса, но слова Никодима ровно ничего не значатъ, ничего не го-
ворятъ, не вызываютъ никакого отвѣта и должны быть опущены,
какъ излишнія.

Слова Никодима получаютъ смыслъ только тогда, когда вспом-
нимъ, что къ словамъ Никодима слѣдуетъ прибавить: *Какъ же ты
говоришь, что не надо богослуженія, не надо храма, а говоришь о цар-
ствѣ Божіемъ*.

Никодимъ видитъ, что ученіе справедливо и важно, но по всему
тому, что прежде говорилъ Иисусъ, видитъ, что онъ отрицаетъ бого-
служеніе, и не можетъ понять, какое же можетъ быть царство
Бога безъ Бога еврейскаго, почитавшагося въ храмѣ. Онъ не по-
нимаетъ этого, и ночью одинъ на одинъ приходитъ къ Иисусу и
спрашиваетъ его: «Какъ же ты учишь о царствѣ Бога, а уничто-
жаешь всякое отношеніе къ Богу?» Этотъ смыслъ вытекаетъ изъ
предшествующаго—уничтоженія храма и изъ послѣдующаго—отвѣта
Иисуса, который говоритъ о томъ, какой его Богъ и что онъ разу-
мѣетъ подъ словами «царство Бога».

Очевидно, что если слова объ иудейскомъ Богѣ,—связывающія
рѣчь Никодима съ рѣчью Иисуса,—и существовали, то они должны
были быть выкинуты или передѣланы переписчиками, вѣрившими
въ еврейскаго Бога. Но и безъ этихъ словъ связь рѣчи очевидна,
если понимать такъ, какъ написано предшествующее.

Учение Иисуса Христа выражается тѣмъ, что онъ проповѣдуетъ царство Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ всякое исполненіе закона и служеніе внѣшнему Богу.

Мысль Никодима та: Ты проповѣдуешь царство Бога. Что же такое твое царство Бога и твой Богъ?

И съ первыхъ словъ Иисусъ говоритъ Никодиму о томъ, что сказано то, что царство Бога всегда есть, что оно внутри насъ (Лк. XVII, 21), что нельзя не видѣть царства Бога, что только человѣкъ могъ бы не видать царства Бога, если бы онъ могъ быть не зачатъ отъ Бога. Условная форма стиха 3-го и 5-го означаетъ не то, что должно зачатъ отъ Бога, что человѣкъ долженъ стараться возродиться свыше и отъ духа, какъ это понимаетъ Церковь, и что не имѣетъ смысла, но то, что всякій человѣкъ, потому что онъ есть человѣкъ, уже неизбѣжно зачатъ свыше и отъ духа.

Λέγει πρὸς αὐτὸν ὁ Νικόδημος· Πῶς δύναται ἄνθρωπος γεννηθῆναι ἑρῶν ὧν; μὴ δύναται εἰς τὴν κοιλίαν τῆς μητρὸς αὐτοῦ δευτέρου εἰσελθεῖν καὶ γεννηθῆναι.

Ин. III, 4. Никодимъ говоритъ Ему: какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться? И Никодимъ сказалъ: какъ можно человѣку быть зачату, когда онъ состарѣлся, не можетъ онъ въ утробу матери въ другой разъ влѣзть и зачатъся ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Значеніе γενναῖσθαι — зачатъ отъ отца — подтверждается этими словами Никодима. Никодимъ говоритъ: Человѣкъ ужъ зачатъ былъ прежде, чѣмъ родился, плотью отъ отца, какъ же ему другой разъ зачатъ? Надо уничтожиться и опять изъ утробы матери зачатъ Богомъ?

Никодимъ слово въ слово въ своемъ непониманіи говоритъ то, что говоритъ Церковь о зачатіи Иисуса отъ Маріи святымъ духомъ въ смыслѣ плотскаго отца.

Ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς, Ἀπὸν, ἀπὸν λέγω σοι, ἐὰν μὴ τις γεννηθῇ ἐξ ὕδατος καὶ Πνεύματος, οὐ δύναται εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ.

Ин. III, 5. Иисусъ отвѣчалъ: истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе. И Иисусъ отвѣчалъ ему: Вѣрно говорю тебѣ, кто не зачатъ отъ плоти ¹⁾ и еще отъ духа, только тотъ не можетъ войти въ царство Бога.

Примѣчаніе.

1) ὕδωρ значитъ, кромѣ «вода», жидкость человѣческаго тѣла, жидкая плоть. (Ин. XIX, 34). «И пошла кровь и вода» (сукровица).

Τὸ γεγεννημένον ἐκ τῆς σαρκὸς σὰρξ ἐστὶ καὶ τὸ γεγεννημένον ἐκ τοῦ Πνεύματος πνεῦμα ἐστὶ.

Τὸ πνεῦμα ὅπου θέλει πνέει, καὶ τὴν φωνὴν αὐτοῦ ἀκούεις, ἀλλ' οὐκ οἶδας πόθεν ἔρχεται καὶ ποῦ ὑπάγει· οὕτως ἐστὶ πᾶς ὁ γεγεννημένος ἐκ τοῦ Πνεύματος.

Ин. III, 6. Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ. То, что отъ тѣла зачато, тѣло и есть, а что зачато отъ духа, то духъ.

8. Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ, и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа. Духъ дуетъ, гдѣ и когда хочетъ, и голосъ его понимаешь, а не знаешь, откуда ¹⁾ онъ и куда. Такъ-то всякій, кто зачатъ отъ духа ²⁾.

Примѣчанія.

1) ὅπου безразлично означаетъ: *идѣ* и *когда*.
2) Я переставляю 8-й стихъ на мѣсто 7-го, потому что по свойству нашего склада мыслей и языка естественнѣе сказать прежде объясненіе и потомъ прибавить: *и потому не удивляйся, чѣмъ сказать, какъ у Іоанна сказано: «чтобы ты не удивлялся, что я сказалъ тебѣ»* — и объясненіе.

Μὴ θαυμάσῃς ὅτι εἶπόν σοι, Δεῖ ὑμᾶς γεννηθῆναι ἄνωθεν.

Ин. III, 7. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше. И потому не удивляйся, что я сказалъ тебѣ: мы должны быть зачаты отъ Бога.

Стихъ этотъ имѣетъ важное и глубокое значеніе. Глубокое и важное значеніе имѣетъ и каждое слово этого стиха. И значеніе это вовсе не таинственное и мистическое, а самое ясное, хотя и глубокое.

Прежде сказано въ 3-мъ стихѣ, что человѣкъ долженъ быть зачатъ съ неба, т. е. отъ Бога. Когда Никодимъ понялъ это зачатіе въ смыслѣ плотскомъ, то Иисусъ сказалъ, что кромѣ плотскаго есть еще зачатіе не отъ плоти. Чтобы выразить то, что есть не плоть, употребилъ слово *духъ*.

Теперь (въ 6 и 8 ст.) разъясняется, что въ человѣкѣ есть плоть отъ плоти и духъ отъ духа; здѣсь Иисусъ опредѣляетъ, что есть начало жизни не плотской, и говоритъ: *духъ* — т. е. то, что не плоть — *дуетъ*, т. е. движется и живетъ, *идѣ* и *когда* *хочетъ*, т. е. свободно, независимо ни отъ чего, само отъ себя и *голосъ* *его* *понимаешь*, т. е. оно разумно; *но* *не* *знаешь*, *откуда* *онъ* *и* *куда*, т. е. — *внѣ* *причины* и *внѣ* *послѣдствій*, *внѣ* *закона* *причинности*.

Нужно сказать: *Духовное* *начало* *живетъ* *свободно*, *разумно* *и* *внѣ* *причины* *и* *цѣли*. Пускай скажутъ это такъ, чтобы всякій понялъ это, и нельзя сказать иначе какъ такъ, какъ уже сказано.

Ἀπεκρίθη Νικόδημος καὶ εἶπεν αὐτῷ· Πῶς δύναται ταῦτα γενέσθαι;
Ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτῷ· Εὐ εἰ ὁ διδάσκαλος τοῦ Ἰσραὴλ, καὶ ταῦτα οὐ γινώσκεις;

Ин. III, 9. Никодимъ сказалъ ему въ отвѣтъ: какъ это можетъ быть?

10. Иисусъ отвѣчалъ и сказалъ ему: ты учитель Израилевъ, и этого ли не знаешь?

И на отвѣтъ сказалъ Никодимъ: Какъ же это можетъ такъ быть?

И на отвѣтъ сказалъ ему Иисусъ: Ты учитель и это самое не понимаешь¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Вопросительный знакъ здѣсь не нуженъ. Иисусъ говоритъ: Ты, какъ учитель израильскій, разумѣется, не можешь знать этого.

Ἀλλὰ ἀλλὰ λέγω σοι, ὅτι ὁ οὐρανὸς λαλοῦμεν, καὶ ὁ ἐν ὁρατοῖς μαρτυροῦμεν· καὶ τὴν μαρτυρίαν ἡμῶν οὐ λαμβάνετε.

Εἰ τὰ ἐπεῖρα εἶπον ὑμῖν, καὶ οὐ πιστεύετε· πῶς, εἰν εἶπον ὑμῖν τὰ ἐπορεύματα, πιστεύετε;

Ин. III, 11. Истинно, истинно говорю тебѣ: мы говоримъ о томъ, что знаемъ, и свидѣтельствуемъ о томъ, что видѣли; а вы свидѣтельства нашего не принимаете.

12. Если Я сказалъ вамъ о земномъ, и вы не вѣрите, — какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ?

Вѣрно, говорю тебѣ: мы вѣдь про то, что знаемъ, толкуемъ и то показываемъ, что видѣли, а вы показанія свидѣтельства нашего не принимаете.

Я сказалъ вамъ то, что на землѣ — и не вѣрите; какъ же, если сталъ бы сказывать то, что на небѣ¹⁾, вы повѣрите?

Примѣчаніе.

1) τὰ ἐπεῖρα и τὰ ἐπορεύματα неправильно переводится «земное и небесное»; это значитъ: то, что на землѣ, и то, что на небѣ.

Καὶ οὐδεὶς ἀναβέβηκεν εἰς τὸν οὐρανόν, εἰ μὴ ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβὰς, ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ὁ ὢν ἐκ τῶ οὐρανοῦ.

Ин. III, 13. Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ Человѣческій, Сущій на небесахъ.

Никто вѣдь¹⁾ не входилъ на небо, а только сшедшій съ неба сынъ человѣческій²⁾, тотъ, который и есть на небѣ³⁾.

Примѣчанія.

1) Во многихъ спискахъ стоитъ οὐδεὶς δὲ. — вѣдь.
2) Здѣсь впервые встрѣчается выраженіе: сынъ человѣческій, въ томъ особенномъ значеніи, которое приписываетъ ему Иисусъ. Въ стихѣ о субботѣ, гдѣ сказано: Суббота соплана сыномъ человѣческимъ, «сынъ человѣческій» имѣетъ значеніе просто — «человѣкъ». И въ стихѣ: «Будутъ ангелы восходить и сходить» — выраженіе это

можетъ быть понято просто — «человѣкъ». Но здѣсь значеніе это точно опредѣлено въ его особенномъ смыслѣ.

Прежде сказано, что въ человѣкѣ есть этотъ зачатый съ неба отъ Бога духъ, зачатый духомъ; теперь говорится, что на небѣ у Бога никто не бывалъ, никто не восходилъ до Бога, и потому про Бога мы не можемъ говорить; но отъ Бога съ неба сошелъ, зачался сынъ духа, — духъ человѣка, тотъ самый, который остается всегда на небѣ съ Богомъ. И потому «сынъ человѣческій» значитъ: духъ, сынъ духа въ человѣкѣ.

Для знающаго евангеліе излишне приводить мѣста, въ которыхъ употребляются выраженія «сынъ человѣческій» и «сынъ Божій», говоря о людяхъ. Всѣ мѣста эти имѣютъ только одно это значеніе.

Ин. VI, 27. Сынъ человѣческій, на комъ положили свою печать Отецъ-Богъ.
Мф. V, 45. Да будете сынами Отца.

Лк. VI, 35. И будете сынами Всевышняго и т. д.

3) ὁ ὢν ἐν τῷ οὐρανῷ слово въ слово: тотъ, что на небѣ. «Быть на небѣ» значитъ: быть Богомъ; небесное и божественное — равны. И потому тотъ, который и есть на небѣ, значитъ: тотъ, который и есть Богъ.

Καὶ καθὼς Μωϋσῆς ὕψωσε τὸν ὄφιν ἐν τῇ ἐρήμῳ, οὕτως ὕψωθήσεται ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου.

Ин. III, 14. И какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ змѣя въ пустынѣ (чтобы люди должны вознесенному быть Сыну Человѣческому, такъ надо возвести сына человѣческаго).

Примѣчаніе.

1) ὕψωσεν значитъ: возвысить, возвеличить, вознести, въ духовномъ смыслѣ, гордостью. (Мф. XI, 23; Лк. I, 52; Дѣян. Ап. XIII, 17; 2 Кор. XI, 7 и мног. др.).

По смыслу рѣчи здѣсь, гдѣ говорится о змѣѣ, которому Моисей велѣлъ поклоняться, и поклоненіе которому спасало, надо понимать слово ὕψωσεν какъ обоимъ τὸν ὄφιν ἐν τῇ ἐρήμῳ. Чтобы понять вполнѣ выраженіе: вознести, какъ змѣя въ пустынѣ, надо понимать то, что сказано про змѣю въ пустынѣ.

Книга Числь XXI, 5 — 8.

И народъ говорилъ противъ Бога и Моисея: Зачѣмъ насъ вывели изъ Египта, чтобы уморить насъ въ этой пустынѣ; нѣтъ ни клѣба, ни воды, и намъ надоѣла плохая пища. Тогда Вѣчный послалъ на нихъ ядовитыхъ змѣй: онѣ жалили людей, такъ что померло много народа въ Израилѣ. Тогда народъ пришелъ къ Моисею и говоритъ: Мы худо дѣлали, что говорили на тебя и Бога; попроси Бога, чтобы онъ прогналъ змѣй. И Моисей заступился за народъ, и Вѣчный сказалъ ему: Сдѣлай змѣю и поставь его на жердѣ, и кого укуситъ змѣя, тотъ пусть глядитъ и спасется. И Моисей сдѣлалъ мѣднаго змѣю и поставилъ на жердѣ, и когда змѣя кусала и человѣкъ смотрѣлъ на змѣю — онъ оставался живъ.

Вотъ что сказано о змѣѣ въ книгѣ Числь. «Возвеличить сына человѣческаго, какъ возвеличилъ змѣю Моисей», значитъ: отнести къ сыну человѣческому такъ, какъ іудеи отнесли къ змѣю въ пу-

стиму, т. е. чтобы люди на него полагались и в нем искали своего спасения и жизни.

Въ книгѣ Премудрости Соломона, гл. XVI, сказано о томъ же:

И когда они (Израиль) гибли отъ укушенія змѣй, Твой гнѣвъ не былъ долготъ, они только малое время пострадали, чтобы получить указаніе, и получили образъ спасенія, чтобы помнить заповѣди закона. И тотъ, кто обращался къ образу, былъ спасенъ, не потому, что они смотрѣли, но потому, что Ты спасаешь вѣща.

И потому: «возвеличить сына Бога въ человѣкѣ», какъ Моисей возвеличилъ змѣя, — значитъ дать образъ спасенія.

Ἰνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτόν, μὴ ἀπολέται, ἀλλ' ἔχῃ ζωὴν αἰώνιον.

Ин. III, 15. Дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Затѣмъ, чтобы всякій, вѣруя въ него, не погибалъ¹⁾, но имѣлъ жизнь невременную²⁾.

Примѣчанія.

1) ἀπολλύναι значитъ: «убить, уничтожить, пропасть». Такъ какъ здѣсь оно стоитъ въ противоположность жизни вѣчной, то значеніе его, очевидно, — пропасть, уничтожиться, умереть.

2) αἰώνιον значитъ: находящійся вѣкъ времени.

ὅτι ὁ γὰρ ἠγάπησεν ὁ Θεὸς τὸν κόσμον, ὥστε τὸν υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογεγὸν ἔδωκεν ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτόν μὴ ἀπολέται, ἀλλ' ἔχῃ ζωὴν αἰώνιον.

Ин. III, 16. Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Потому, что такъ¹⁾ Богъ любилъ міръ людей, и для того далъ сына своего, такого же какъ Онъ, чтобы всякій, полагаясь на него, не погибалъ, но имѣлъ жизнь невременную.

Примѣчаніе.

1) ὅτι не относится къ ὥστε, во-первыхъ, потому, что во всемъ Евангеліи нѣтъ такого соотношенія этихъ двухъ частицъ и оно не-свойственно языку Евангелія; во-вторыхъ, и главное потому, что такое соотношеніе даетъ самый превратный, несвойственный смыслъ всему предложенію. «Богъ такъ любилъ, что далъ сына» — какъ понимаетъ это Церковь, есть понятіе невозможное по отношенію къ Богу. Можно сказать про человѣка: онъ такъ любилъ, что отдалъ послѣдній рубль; но про безконечное начало, про Бога, нельзя сказать. Нельзя мѣрять любовь Бога, нельзя говорить про жертвы Бога. ὅτι γὰρ соединяетъ только предыдущее съ послѣдующимъ. Было сказано, что какъ Моисей возвеличилъ змѣя, такъ надо воз-величить сына человѣческаго, чтобы люди не умирали, но имѣли жизнь. Теперь говорится, что какъ Моисей, любя народъ, сдѣлалъ змѣя, чтобы люди спаслись, такъ же Богъ далъ сына міру, чтобы люди спаслись.

Этотъ стихъ и послѣдующій отвѣчаютъ на ту мысль, которая должна была быть въ Никодимѣ и которая живетъ во всѣхъ людяхъ, когда они думаютъ о значеніи своей жизни: зачѣмъ кто-то сотворилъ меня для того, чтобы умереть? На это чувство всякаго человѣка и отвѣчаетъ Иисусъ. Онъ прежде еще сказалъ, что человекъ можетъ не пропасть, не уничтожиться; теперь онъ подтверждаетъ это и говоритъ: Богъ не могъ для пошлости людей дать имъ сына своего — жизнь, а Онъ любилъ міръ и для блага его далъ ему жизнь, не затѣмъ, чтобы она пропала, а чтобы она была вѣчная. Надо помнить тоже, что подъ словомъ «Богъ» въ этомъ мѣстѣ никакъ нельзя разумѣть не только нашего или еврейскаго Бога, но никакое опредѣленное существо.

Уже сказано, что Бога никто не зналъ и не знаетъ; сказано, что на небѣ никто не бывалъ, а только есть спешій съ неба сынъ человѣческій и сказано, что человекъ рожденъ отъ духа, и потому здѣсь подъ словомъ «Богъ» должно разумѣть только источникъ — Начало духа въ человѣкѣ. Про Начало это сказано только то, что оно любило міръ, т. е. что все, что мы о немъ знаемъ, есть то, что оно есть: субъективно — любовь, объективно — благо.

Ὁς γὰρ ἀπέστειλεν ὁ Θεὸς τὸν υἱὸν αὐτοῦ εἰς τὸν κόσμον ἵνα κρίνῃ τὸν κόσμον, ἀλλ' ἵνα σωθῇ ὁ κόσμος δι' αὐτόν.

Ин. III, 17. Ибо не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ него. Богъ вѣдь послалъ¹⁾ сына въ міръ²⁾ не для того, чтобы казнить³⁾ міръ, но для того, чтобы міръ былъ живъ имъ.

Примѣчанія.

1) «Прійти» въ міръ значитъ по еврейскому обороту рѣчи — родиться, и потому: «послалъ въ міръ» можетъ быть переведено: родилъ міру.

2) κόσμος значитъ: міръ, въ народномъ смыслѣ — міръ людей.

3) κρίνειν имѣетъ значеніе: раздѣлять, полоть, отбирать, различать, судить; но въ Евангеліяхъ, въ Посланіяхъ и въ Дѣянїяхъ и особенно у Іоанна — имѣетъ чаще одно, подходящее ко всѣмъ мѣстамъ, значеніе: казнить.

Ин. VII, 24. Не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ.

Ин. VIII, 50. Впрочемъ Я не ищу Моей славы: есть Ищущій и Судящій.

Ин. XVIII, 31. Пилатъ сказалъ имъ: возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: намъ не позволено предавать смерти никого. Дѣян. XXIII, 3. Тогда Павелъ сказалъ ему: Богъ будетъ бить тебя, сѣна подбѣленная; ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня.

Дѣян. XXIV, 6. Который отважился даже осквернить храмъ, мы взяли его, и хотѣли судить его по нашему закону.

И много другихъ. Эти мѣста историческія имѣютъ несомнѣнно это значеніе. Въ мѣстахъ же учительныхъ, гдѣ встрѣчаются слова

κρίνει и κρίσις, только одно слово *казнь* или *казнить* соответствует по смыслу всѣмъ мѣстамъ безъ исключенія. Мѣста же, какъ:

Ин. V, 24. Истинно, истинно говорю вамъ; слушающій слово Мое и вѣрующій въ посланнаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и на *судъ* не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь.

Ин. XII, 47. И если кто услышитъ Мои слова, и не повѣритъ, Я не сужу его; ибо Я пришелъ не *судить* міръ, но спасти міръ.

Ин. XII, 31. Нынѣ *судъ* міру сему; нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ.

Ин. III, 17. Ибо не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы *судить* міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него.

— указываютъ прямо, потому что противопоставляются *жизни*, что подъ *κρίνειν* разумѣется состояніе смертное.

Богъ послалъ—далъ сына въ міръ, родилъ сына міру. Никто не входилъ на небо, а только спешивъ сынъ человѣческій. Всякій человѣкъ рожденъ отъ Бога. Стало быть тотъ духъ, который есть въ человѣкѣ и который рожденъ отъ Бога, и сынъ человѣческій, сошедшій съ неба, и сынъ Бога, данный міру, и свѣтъ, пришедшій въ міръ—все это одно и то же.

Свѣтъ же есть то, что въ Введеніи названо разумѣніемъ—логосъ. То, что «свѣтъ» значитъ то же, что «сынъ Бога» и «сынъ человѣческій» и «духъ»—подтверждается во всемъ дальнѣйшемъ.

И потому надо помнить, что всѣ эти названія: 1) Богъ, 2) духъ, 3) сынъ Божій, 4) сынъ человѣческій, 5) свѣтъ и 6) разумѣніе—имѣютъ одно и то же значеніе и употребляются соотвѣтственно отношеніямъ, въ которомъ находятся съ предметами рѣчи.

Когда говорится о томъ, что это есть начало всего,—оно называется *Богъ*; когда говорится, что оно противоположно плоти,—оно называется *духъ*; когда о немъ говорится по отношенію къ его источнику,—оно называется *сынъ Божій*; когда говорится о проявленіи его,—оно называется *сынъ человѣческій*; когда говорится о соотвѣтственности его разуму,—оно называется *свѣтъ* и *разумѣніе*.

¹⁾ πιστεύων εἰς αὐτόν οὐ κρίνεται ὁ δὲ μὴ πιστεύων ἤδη κέκριται, ὅτι μὴ πεπίστευκεν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ μονογενοῦς υἱοῦ τοῦ Θεοῦ.

Αὕτη δὲ ἐστὶν ἡ κρίσις, ὅτι τὸ φῶς ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον, καὶ ἡγάπησαν οἱ ἄνθρωποι μᾶλλον τὸ σκότος, ἢ τὸ φῶς· ἢ γὰρ παντὶ αὐτῶν τὰ ἔργα.

Πᾶς γὰρ ὁ φῶς πρᾶσσων μισεῖ τὸ φῶς, καὶ οὐκ ἔρχεται πρὸς τὸ φῶς, ἵνα μὴ ἐλεγχθῇ τὰ ἔργα αὐτοῦ.

Ὁ δὲ ποιὼν τὴν ἀλήθειαν ἔρχεται πρὸς τὸ φῶς ἵνα φανερωθῇ αὐτοῦ τὰ ἔργα, ὅτι ἐν Θεῷ ἐστὶν εἰργασμένα.

Ин. III, 18. Вѣрующій въ Него не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ во имя Единороднаго Сына Божія.

19. Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ: но

Кто повѣритъ въ сына—не казненъ; кто не вѣритъ, тотъ уже казненъ тѣмъ, что не повѣрилъ въ самое то, что есть сынъ, такой же¹⁾, какъ Богъ.

Казнь та и есть, что свѣтъ пришелъ въ міръ; а люди пред-

люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы.

20. Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы.

21. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы.

почли темноту свѣту, потому что были дурны ихъ дѣла.

Потому кто плохое²⁾ дѣлаетъ, пренебрегаетъ свѣтомъ, такъ что³⁾ и не являются⁴⁾ его дѣла⁵⁾.

Кто же въ правдѣ живетъ, тотъ идетъ къ свѣту, такъ что являются его дѣла.

Примѣчанія.

1) *μονογενής* значитъ: *однородный*, *такой же* по существу.

2) *φῶλος* значитъ: *плохой*, *ничтожный*, *пустой*.

3) *ἵνα* имѣетъ въ евангельскомъ, особенно въ Иоанновомъ, языкѣ значеніе *бѣте*—«такъ что». И здѣсь значитъ: *такъ что*. (См. по греч.: Ин. IX, 2, 39; XII, 38, 40; XVIII, 9, 32; XIX, 24. Апок. XIII, 13).

4) Въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ *φανερωθῇ*.

5) Въ большинствѣ списковъ дальнѣйшихъ словъ нѣтъ.

Бесѣда съ Никодимомъ есть полное изложеніе всѣхъ основъ ученія Иисуса о царствѣ Бога на землѣ. Бесѣда эта есть объясненіе того, что есть человѣкъ, что есть Богъ, что есть жизнь и что есть царство Бога. Бесѣда эта есть съ одной стороны развитіе главныхъ мыслей, выраженныхъ въ искушеніи въ пустынѣ, съ другой стороны изложеніе отъ имени Иисуса тѣхъ самыхъ основъ ученія, которыя выражены отъ имени евангелиста Иоанна въ вступленіи.

Въ слѣдующихъ главахъ евангелія Иоанна, кромѣ прощальной бесѣды, въ которой высказано несказанное здѣсь, только съ различныхъ новыхъ сторонъ разъясняется то же, но основныя мысли всѣ высказаны здѣсь.

Глава 5-я о случаѣ исцѣленія въ субботу, 6-я о хлѣбѣ небесномъ, бесѣды въ храмѣ и слова по случаю исцѣленія слѣпорожденного—разъясняютъ, освѣщаютъ, подтверждаютъ многое; но всѣ они, сказанныя на извѣстные случаи, отрывчаты, повторяютъ то, что сказано прежде, неполны, и иногда кажутся неясны, если не имѣть въ виду изложенія бесѣды съ Никодимомъ, разъясняющей мысли, выраженные въ искушеніи и повторяющей мысли Введенія.

Для полнаго пониманія всѣхъ послѣдующихъ бесѣдъ необходимо ясное пониманіе этихъ мыслей.

Что сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ.

1. Въ стихахъ съ 1-го по 5-й сказано: кромѣ той причины жизни, которую человекъ видитъ въ зачатіи ребенка въ утробѣ матери отъ плотскаго отца, причина жизни человека есть еще другая—неплотская.

Иисусъ называетъ это неплотское начало жизни Отцомъ, духомъ. Это та мысль, которая выражена Иисусомъ еще въ дѣтствѣ въ храмѣ, когда онъ называлъ Отцомъ своимъ Бога; та же мысль, съ которой начинается искушеніе: *Если ты сынъ Бога, и та же выражена въ отвѣтѣ: Не хлѣбомъ живъ человекъ, но исходящимъ изъ устъ Бога—духомъ.* Та же мысль выражена въ Введеніи: *По началу было разумнѣе...* и т. д. (Ин. I, 1); *Все имъ рождено...* и т. д. (Ин. I, 3).

2. Стихи 7, 8 и 9 выражаютъ то, что не плотское начало жизни—*разумное и свободное*—каждый человекъ знаетъ въ себѣ и понимаетъ его, хотя и не знаетъ его источника.

Въ Введеніи та же мысль выражена въ стихахъ 4 и 5.

3. Въ стихахъ 11, 12 и 13 сказано, что мы не можемъ постигнуть того, что на небѣ—это неплотское безконечное начало, какъ начало въ самомъ себѣ; но что мы знаемъ это безконечное начало, потому что въ насъ, въ человекѣ, находится этотъ духъ, исшедшій изъ безконечнаго и самъ безконечный, и что этотъ духъ въ человекѣ и есть то, что мы должны считать началомъ всѣхъ началъ.

Та же мысль выражена въ Введеніи и въ стихахъ: Ин. I, 18, 1, 2.

4. Въ стихѣ 14 сказано, что этотъ-то духъ въ человекѣ, исшедшій отъ безконечнаго и относящійся къ нему, какъ сынъ къ отцу, это безконечное начало въ человекѣ—есть то, что должно обоготворить, т. е. замѣнить вымышленнаго Бога этимъ настоящимъ и единственнымъ Богомъ.

То же сказано въ словахъ Іоанна Крестителя о царствѣ Бога, *Когда духъ очиститъ людей*; то же сказано Нафанаилу, когда сказано, что *небо отверсто и человекъ въ общеніи съ Богомъ*; то же сказано самарянкѣ: *Богъ есть духъ и служить Ему надо въ духѣ и истинѣ.*

5. Въ стихѣ 15 сказано, что вѣра въ этого единственнаго истиннаго Бога избавляетъ людей отъ гибели и даетъ имъ жизнь невременную.

Эта же мысль выражена въ стихахъ 10, 11, 12 и въ гл. 20, ст. 31.

Въ стихѣ 15 бесѣды Никодима сказано, что вѣра въ сына человеческого даетъ жизнь не уничтожающуюся. Въ Введеніи сказано, что вѣра сдѣлаетъ ихъ сынами Бога. Вѣрить въ сына и имѣть жизнь невременную—одно и то же. Въ искушеніи сказано то же, когда сказано, что Иисусъ, послѣ искушенія, позналъ могущество духа.

6. Въ стихахъ 16 и 17 сказано, что если мы имѣемъ высшее для насъ благо—жизнь, то то, что дало намъ это благо, должно

было желать нашего блага, т. е. любить насъ; и потому хотя мы и не можемъ знать самого безконечнаго начала, но мы знаемъ все-таки о немъ то, что оно благо (любить насъ) и отношеніе его къ намъ есть любовь, и жизнь наша есть благо.

Если же Богъ, любя насъ, далъ намъ жизнь, какъ благо, то Онъ и не казнить и не уничтожаетъ насъ, а даетъ намъ жизнь настоящую, невременную, безъ всякаго зла, какъ это сказано въ Посланіи Іоанна: *«Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ въ немъ ни малѣйшей тьмы».* И эту-то жизнь мы и имѣемъ, полагая свою жизнь въ томъ духѣ—свѣтѣ, Богѣ, который есть источникъ нашей жизни.

Мысль о томъ, что источникъ нашей жизни есть любовь, выражена подробно и ясно въ притчѣ о виноградаряхъ и въ прощальной бесѣдѣ.

7) Въ стихѣ 18 сказано, что намъ дана жизнь невременная въ духѣ нашемъ и что, только отступая отъ источника жизни, мы уничтожаемся временно; не отступая же отъ него, мы имѣемъ жизнь невременную.

Та же мысль выражена въ Введеніи въ стихахъ 4 и 5. И та же мысль выражена въ искушеніи, когда послѣ того, какъ Иисусъ рѣшился работать одному Богу, сила Божія пришла служить ему.

8) Въ стихахъ 19, 20 и 21 сказано, что то, что намъ представляется казнью, смертью, уничтоженіемъ, не есть послѣдствіе чьей-нибудь воли внѣ насъ, Бога, какъ мы себѣ представляемъ его, а уничтоженіе это есть послѣдствіе нашей воли.

Чтобы ясно понять эту мысль надо хорошо понимать то, что Иисусъ ничего никогда не говорилъ о жизни загробной; напротивъ, прямо отрицая ее, говорилъ: *Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, Богъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ.* Онъ говорилъ только то, что жизнь имѣетъ одинъ источникъ временный—плоть, другой невременный—духъ, сынъ Бога.

Полагаясь на источникъ жизни временной, вѣруя въ него, человекъ уничтожается, умираетъ; полагаясь же только на источникъ жизни—духъ, вѣруя только въ него, сына Бога, онъ имѣетъ жизнь невременную, не уничтожающуюся.

Проявленіе въ мірѣ жизни разумнѣя подобно проявленію свѣта среди темноты. И отношеніе людей къ жизни таково же, какъ и отношеніе людей къ свѣту. Такъ же, какъ во власти каждаго человека идти къ свѣту или удаляться отъ него, такъ же и во власти каждаго человека идти къ разумнѣю и жизни или удаляться отъ нея. Погибель—уничтоженіе людей, есть только произвольное удаленіе отъ разумнѣя и жизни, точно такъ же какъ темнота есть только слѣдствіе произвольнаго удаленія людей отъ свѣта.

Казнь состоитъ въ томъ, что люди, дѣлающіе дурное, сами удаляются отъ разумнѣя и жизни. И здѣсь сравненіе уже дѣлается тождествомъ: какъ люди, дѣлающіе дурныя дѣла, не любятъ свѣта и не идутъ къ нему, чтобы не видны были ихъ дѣла, что они злы, такъ точно и люди, дѣлающіе дурное,—не любятъ разумнѣя и не идутъ къ нему, чтобы не видно было, что дѣла ихъ злы.

Быть въ свѣтѣ значить: жить въ разумѣніи—невременно; быть во тьмѣ значить: жить внѣ разумѣнія—погибать.

То же сказано въ Введеніи въ ст. 4, 5, 9, 10, Ин. гл. I:

Въ немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ людямъ, и свѣтъ въ темнотѣ свѣтитъ, и тьма не обняла его. Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ. Былъ въ мірѣ и міръ имъ рожденъ; но міръ его не позналъ.

То же сказано и въ искушеніи: когда Иисусъ сказалъ, что онъ работаетъ только Богу—и тѣмъ совсѣмъ побѣдилъ дьявола.

9) Всѣ эти мысли выражаютъ то, что Иисусъ разумѣетъ подъ словами «царство Божіе», которое проповѣдывалъ Іоаннъ, и онъ проповѣдуетъ.

Бесѣда началась съ того, что Иисусъ сказалъ, что всякій человѣкъ уже по зачатію отъ Бога находится въ царствѣ Божіемъ, и вся бесѣда излагаетъ, что надо разумѣть подъ царствомъ Божіимъ, и какъ вступить въ него.

Возвеличить сына Бога въ человѣкѣ, полагаться на него, жить въ правдѣ—значить быть въ царствѣ Божіемъ. Дѣлать обратное—значить уничтожиться или не быть въ царствѣ Божіемъ.

Бесѣда съ Никодимомъ заканчивается слѣдующими словами: Богъ послалъ въ міръ своего сына, такого же какъ Онъ самъ—жизнь разумѣнія, и сдѣлалъ этимъ то, что всякій человѣкъ можетъ избавиться отъ гибели и быть живымъ невременно, быть сыномъ царства Божія.

Цѣль Бога—не смерть людей, а жизнь. Не для смерти, а для жизни ихъ дана людямъ жизнь—свѣтъ разумѣнія.

Тотъ изъ людей, кто вѣритъ въ духъ сына, тотъ живетъ въ свѣтѣ разумѣнія, тотъ не умираетъ и остается въ царствѣ Божіемъ; а тотъ, кто не вѣритъ въ свѣтъ духа—сына, тотъ не живетъ, а умираетъ.

Только въ томъ и смерть, что людямъ данъ свѣтъ жизни, но они дѣлаютъ дурное и тѣмъ лишаютъ себя жизни.

Всякій, кто дѣлаетъ дурное, выходитъ изъ свѣта разумѣнія и уничтожается, а кто живетъ по правдѣ и остается въ свѣтѣ разумѣнія, тотъ живъ въ царствѣ Божіемъ.

Мысль этихъ стиховъ освѣщаетъ притча о сѣятелѣ: сѣятель—Богъ, сѣмя—разумѣніе.

Люди держатъ разумѣніе, какъ дорога, камни, рѣпья и хорошая земля—сѣмя. Такъ понимаютъ всѣ, такъ понимаю и я.

Разница моего пониманія съ пониманіемъ церковнымъ состоитъ въ томъ, что я понимаю подъ словомъ «Богъ» то, что Иисусъ опредѣлялъ подъ этимъ словомъ въ искушеніи, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, въ бесѣдѣ съ самарянкою, а не того Бога-творца еврейскаго, котораго отрицалъ Иисусъ и котораго подъ словомъ «Бога» понимаетъ Церковь.

Если Богъ есть творецъ всемогущій, благой и всевѣдущій, какъ понимаетъ его Церковь, то является вопросъ: зачѣмъ онъ, будучи благомъ, сотворилъ человѣка такимъ, что человѣкъ можетъ быть дуренъ и погибнуть. Зачѣмъ смерть?

Богъ всемогущій, всевѣдущій могъ не сотворить зла и могъ прекратить зло, а допустилъ его продолженіе и размноженіе. За что же онъ погубилъ людей, которыхъ онъ могъ избавить отъ грѣха и смерти? Зачѣмъ сдѣлалъ дьявола ипустилъ его пастъ?

Допуская Бога, творца всего, для разъясненія этого противорѣчія необходимо выдумать дьявола, паденіе Адама, искупленіе, благодать...

Непониманіе ученія Иисуса объ отрицаніи еврейскаго Бога-творца и о замѣнѣ этого Бога единымъ Богомъ-духомъ, Отцомъ сына человѣческаго, разумѣніемъ, — неизбежно вело къ изобрѣтенію бессмысленныхъ, соблазнительныхъ и безнравственныхъ догматовъ о твореніи Богомъ злыхъ духовъ, объ искупленіи и о вѣчныхъ мукахъ. Стоить только понимать прямо то, что сказано въ предшествующихъ главахъ и во всемъ Евангеліи о сынѣ человѣческомъ—однородномъ Отцу, котораго признаетъ Иисусъ, для того, чтобы противорѣчія этого не существовало. Притчи о сѣятелѣ и другія какъ бы предугадываютъ вопросъ о томъ, что есть то, что человѣкъ называетъ зломъ, и отвѣчаютъ на него.

Иисусъ объявилъ, что Бога творца, законодателя и судьи никакого никто не знаетъ и не зналъ, а есть только въ человѣкѣ духъ, исшедшій изъ безконечнаго начала—сынъ духа, свѣтъ разумѣнія, и въ немъ жизнь.

Въ бесѣдѣ съ Никодимомъ сказано, что источникъ жизни, Богъ, далъ жизнь міру, любя его. Не сказано, что Богъ любилъ каждаго человѣка, какъ и нигдѣ не сказано; но именно сказано, что Богъ любилъ міръ, т. е. людей вообще и хотѣлъ имъ дать жизнь, и потому далъ міру сына, и тѣмъ далъ міру, т. е. людямъ вообще, жизнь и возможность вступить въ царство Божіе. И съ этимъ то стихомъ и связываются притчи о сѣятелѣ.

Притчи о сѣятелѣ, закваскѣ и другія, объясняющія царство Божіе.

Первая притча о сѣятелѣ есть крайнее представленіе о томъ, что есть тотъ Богъ, который далъ жизнь міру, и зачѣмъ и какъ Онъ далъ жизнь міру. Это крайнее представленіе о Богѣ, началѣ всего, можетъ быть выражено только сравненіемъ.

Сравненіе такое: Сѣятель, любящій пшеницу, заботящійся о пшеницѣ, выражаетъ Бога, любящаго міръ, заботящагося о мірѣ, и какъ сѣвецъ не заботится о каждомъ отдѣльномъ зернышкѣ, такъ и Богъ не заботится о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Какъ сѣвецъ заботится объ урожаѣ, зная, что несмотря на пропажу многихъ зеренъ, урожай будетъ, и сѣетъ повсюду; такъ и Богъ сѣетъ повсюду, зная, что несмотря на гибель многихъ, урожай будетъ.

И Богъ не вступаетъ больше въ дѣла міра, какъ это выражено въ притчѣ (Мр. IV, 26—29).

Понимая Бога, какъ его опредѣляетъ Иисусъ, обвиненіе Бога въ томъ, что онъ сдѣлалъ зло—смерть и потому любить зло и смерть—

устраняется. Обвинение это становится личным вопросом, неправильно перенесенным къ общему явлению. Обвинение человека Бога въ томъ, что онъ допустилъ смерть, подобно обвинению въ желаніи смерти, которое бы сдѣлало сѣмечко березовое, одно изъ миллионныхъ, за то, что другія прорастаютъ, а оно попадаетъ въ рѣку и погибаетъ. Тотъ, кто сдѣлалъ миллионы сѣмечекъ, не затѣмъ сдѣлалъ ихъ миллионы, чтобы они погибали, а, напротивъ, затѣмъ сдѣлалъ ихъ миллионы, чтобы они не погибали; и потому цѣль Его есть жизнь, а не смерть.

Съ точки зрѣнія общей, съ точки зрѣнія Бога, начала всего,— это разумно.

Но если ты спрашиваешь, затѣмъ смерть въ тебѣ, — то отвѣтъ на это есть внутренній (и отвѣтъ этотъ дается въ притчѣ и во всѣхъ учительныхъ мѣстахъ Евангелія): затѣмъ, что ты ее хочешь. Зерно каждое имѣетъ возможность прорасти и принести плодъ; и каждый человекъ имѣетъ возможность стать сыномъ Бога и не знать смерти.

На неточность сравненія въ объясненіи притчи Иисусъ обращаетъ вниманіе, когда онъ говоритъ (у Луки): *Смотрите, какъ понимаете*. Такъ что притча отвѣчаетъ на вопросъ съ двухъ сторонъ — съ внѣшней и внутренней — и дѣлаетъ ясное раздѣленіе между внѣшнимъ пониманіемъ царства Бога — о цѣляхъ и путяхъ Бога, и внутреннимъ пониманіемъ царства Бога — о возможности для каждаго вступить въ него.

Εν δὲ τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ, ἐξῆλθεν ὁ Ἰησοῦς ἀπὸ τῆς οἰκίας ἐκείνης παρὰ τὴν ψάλλαν.

Καὶ συνήχθησαν πρὸς αὐτὸν ὄχλοι πολλοί, ὥστε αὐτὸν εἰς τὸ πλοῖον ἐμβάντα καθίσαι καὶ πᾶς ὁ ὄχλος ἐπὶ τὸν αἰγιαλὸν ἐστήκει.

Καὶ ἐλάλησεν αὐτοῖς πολλὰ ἐν παραβολαῖς, λέγων, Ἰδοὺ, ἐξῆλθεν ὁ σπείρων τοῦ σπείραν.

Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ σπείρειν, ὃ μὲν ἔπεσε παρὰ τὴν ὁδὸν, καὶ ᾗλθε τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ κατέφαγεν αὐτό.

Ἄλλο δὲ ἔπεσεν ἐπὶ τὸ πετρώδες, ὅπου οὐκ εἶχε γῆν πολλήν· καὶ εὐθέως ἐξανέτειλε, διὰ τὸ μὴ εἶναι βάθος γῆς.

Ἄλλο δὲ ἀνατείλαντος ἡλιοῦ ἐξηράνθη, καὶ διὰ τὸ μὴ εἶναι ῥίζαν ἐξηράνθη.

Καὶ ἄλλο ἔπεσεν εἰς τὰς ἀκάνθας· καὶ ἀνέβησαν αἱ ἀκάνθαι, καὶ συνέπνιξαν αὐτό, καὶ καρπὸν οὐκ ἔθηκε.

Καὶ ἄλλο ἔπεσεν εἰς τὴν γῆν καλήν· καὶ ἐδίδου καρπὸν ἑκατάοντα καὶ ἑξήκοντα, καὶ ἐν ἑκατὸν.

Καὶ ἔλεγεν αὐτοῖς, Ὅ ἐστιν ὅσα ἀκούετε ἀκούετε.

Μθ. XIII, 1—9; Μρ. IV, 1—9; Λκ. VIII, 4—8.

Мѡ. XIII, 1. Вышелъ же въ день тотъ изъ дома, Иисусъ сѣлъ у моря.

2. И собралось къ Нему множество народа, такъ что Онъ во-

Иисусъ вышелъ изъ дома, сѣлъ у моря.

И собралось къ нему такъ много народа, что онъ съ берега во-

шелъ въ лодку и сѣлъ; а весь народъ стоялъ на берегу.

3. И поучалъ ихъ много притчами говоря: вотъ, вышелъ сѣятель сѣять.

Мр. IV, 4. И, когда сѣялъ, случилось, что иное упало при дорогѣ, и налетѣли птицы и поклевали то.

5. Иное упало на каменистое мѣсто, гдѣ немного было земли; и скоро взошло, потому что земля была не глубока;

6. когда же взошло солнце, увяло и, какъ не имѣло корня, засохло.

7. Иное упало въ терніе, и терніе выросло, и заглушило сѣмя, и оно не дало плода.

8. И иное упало на добрую землю, и дало плодъ, который взошелъ и выросъ, и принесло иное тридцать, иное шестьдесятъ, и иное сто.

9. И сказалъ имъ: кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

шелъ въ лодку. А народъ стоялъ на берегу.

И сказалъ: Вотъ сталъ хозяинъ сѣять.

И попали одни сѣмена на дорогу, и птицы поклевали ихъ.

Другія попали на камень¹⁾, и живо проросли и взошли.

А какъ пригрѣло солнышко, тотчасъ и завяли, потому что не было подъ ними материка, чтобы укорениться, и засохли.

Иныя попали въ рѣпьи и взошли; рѣпьи и задавили ихъ (и не налило зерно).

А еще иныя попали на добрую землю, и выросли колосья и налили, и которое дало самъ-сто, которое—самъ-пятьдесятъ, которое—самъ-тридцать.

У кого есть смыслъ, тотъ пойметъ.

Примѣчаніе.

1) Я переставляю слова объ отсутствіи земли для плавности рѣчи.

Въ безконечномъ, непонятномъ мірѣ людей послано кѣмъ-то—явилось разумѣніе. Разумѣніе разсѣяно во всѣхъ людяхъ, какъ безчисленное количество зеренъ разсѣяно сѣвцомъ по всему полю: разсѣяно и по дорогѣ, и по камнямъ, и по рѣпьямъ.

Какъ сѣвецъ знаетъ, что есть дороги, камни, рѣпьи въ его полѣ, что пропадаетъ много зеренъ, онъ знаетъ, что все-таки спорѣй сѣять по всему полю, знаетъ, что, несмотря на пропажу, много зеренъ выростетъ, и урожай будетъ, — такъ разсѣяна и жизнь разумѣнія въ людяхъ: пропажа будетъ, но и урожай будетъ. Несчетныя зерна дають урожай не отъ каждаго поровну: небольшая доля погибаетъ, они не нужны; другая же доля даетъ самъ-сто, самъ-пятьдесятъ и самъ-тридцать. Такъ же и жизнь разумѣнія разсѣяна во всѣхъ людяхъ: одни теряютъ эту жизнь, другіе возвращаютъ ее сто-рицею.

Сѣвецъ сѣялъ зерна, и ему нужны только зерна, и онъ соберетъ только зерна.

Таинственный сѣятель сѣетъ жизнь разумѣнія, и онъ соберетъ только жизнь разумѣнія. Тѣ люди, которые имѣютъ жизнь разумѣнія, тѣ нужны сѣвцу; тѣ, которые утратили ее, тѣ не нужны ему. Всѣ были зерна и одни погибли въ зернѣ, другіе — въ росткѣ, третьи — въ былкѣ.

Такъ и люди — одни прежде, другіе послѣ утратили жизнь разумѣнія. Только тѣ, которые берегутъ въ себѣ разумѣніе, чтобы не перестать быть жизнью, быть тѣмъ, изъ чего они вышли, тѣ только живутъ; остальные погибаютъ.

Таковъ внѣшній смыслъ. Одни люди, какъ зерна, попавшія въ дурную землю, какъ будто предопредѣлены на гибель, другіе — на жизнь съ избыткомъ. Но сказавъ эти слова, Иисусъ прибавляетъ тотчасъ: «У кого есть уши слышать, пусть слышитъ». Онъ говоритъ тѣ слова, которыя онъ прибавляетъ всегда, когда можно ложно понять его слова, когда смыслъ можетъ быть двойкій.

Ту же мысль о томъ, какъ мы можемъ понимать цѣль Бога и образъ участія его въ жизни міра, выражаетъ и другая притча о сѣятелѣ (Мр. IV, 26—29).

Καὶ ἐλεγεν· Ὅτις ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ, ὡς ἐάνθρωπος βάλλῃ τὸν σπόρον ἐπὶ τῆς γῆς·

καὶ καθεύδῃ, καὶ ἐγείρῃται νύκτα καὶ ἡμέραν καὶ ὁ σπόρος βλαστάνῃ, καὶ μηδύνῃται ὡς οὐκ οἶδεν αὐτός.

Αὐτομάτῃ γάρ ἢ γῆ καρποφορεῖ, πρῶτον χορτόν, εἰτα στάχυν, εἰτα πλήρη σίτον ἐν τῷ στάχυν.

Ὅταν δὲ παραθῇ ὁ καρπός, εὐθέως ἀποστέλλει τὸ δρέπανον, ὅτι παρεστηκεν ὁ θεριστής.

Мр. IV 26. И сказалъ: Царство Божіе подобно тому, какъ если человекъ броситъ сѣмя въ землю, и сказалъ: таково царство Бога, какъ если бы хозяинъ кинулъ сѣмена въ землю.

27. и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходить и расти, не знаетъ онъ.

28. Ибо земля сама сабою производитъ сперва зелень, потомъ колосья, потомъ полное зерно въ колосѣ.

29. Когда же созрѣетъ плодъ, немедленно посылаетъ серпъ, потому что настала жатва.

Разумѣніе даетъ жизнь людямъ, но источникъ разумѣнія Богъ, тотъ Богъ, котораго никто никогда не зналъ, не управляетъ людьми, какъ тотъ мужикъ, который посѣялъ зерно и забылъ про него; онъ знаетъ только свое и принимаетъ его — это разумѣніе;

какъ мужикъ убираетъ съ поля то же зерно, которое онъ посѣялъ, такъ разумѣніе въ людяхъ соединяется съ источникомъ разумѣнія.

Ту же мысль выражаетъ притча о закваскѣ.

Ἄλλην παραβολὴν ἐλάλησεν αὐτοῖς· Ὅμοία ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ζύμῃ, ἣν λαβοῦσα ἑνὴν ἐνέκρουσεν εἰς ἀλεύρου σάτα τρία, ὥς ὃ ἐξυμώθη ὅλον.

Мр. XIII, 33. Иную притчу Царство небесное какъ за- сказалъ Онъ имъ: Царство Не- кваска. Взяла баба ее, запустила бесное подобно закваскѣ, кото- въ мѣру муки, пока вся квашня рую женщина взявъ положила поднимется. въ три мѣры муки, доколѣ не вскисло.

Баба положила закваску и оставила квашню киснуть, пока сдѣлается тѣсто.

Бабѣ не нужно ничего дѣлать. То, что она сдѣлала, уже достаточно для того, чтобы вышло то, что ей нужно.

Какъ земля самородно родитъ, какъ квашня сама поднимается, такъ жизнь разумѣнія самородно живетъ и не прекращается.

И опять ту же мысль выражаетъ еще притча о сѣятелѣ и плевелахъ (Мр. XIII, 24—30), но съ новымъ и глубокомысленнымъ значеніемъ, дающимъ прямой отвѣтъ на вопросъ людей о томъ, что есть зло и какъ долженъ человекъ понимать зло и относиться къ нему.

Ἄλλην παραβολὴν παρέθηκεν αὐτοῖς, λέγων· Ὁμοιωθὲν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἀνθρώποις σπείροντι καλὸν σπέρμα ἐν τῷ ἀγρῷ αὐτοῦ.

Ἐν δὲ τῷ καθεύδειν τοὺς ἀνθρώπους, ἤλθεν αὐτοῦ ὁ ἐχθρός, καὶ ἐσπεῖρε ζιζάνια ἀντὶ μέσου τοῦ σίτου· καὶ ἀπῆλθεν.

Ὅτε δὲ ἐβλάστησεν ὁ χορτός, καὶ καρπὸν ἐποίησε τότε ἐφάνη καὶ τὰ ζιζάνια.

Προσελθόντες δὲ οἱ δοῦλοι τοῦ οἰκοδεσπότου εἶπον αὐτῷ· Κύριε, οὐχὶ καλὸν σπέρμα ἐσπεῖρας ἐν τῷ σῷ ἀγρῷ; πόθεν οὖν ἔχει τὰ ζιζάνια;

Ὁ δὲ ἔφη αὐτοῖς· Ἐχθρός ἀνθρώπου τοῦτο ἐποίησεν. Οἱ δὲ δοῦλοι εἶπον αὐτῷ· Θέλεις οὖν ἀπελθόντες συλλέξωμεν αὐτά;

Ὁ δὲ ἔφη· Οὐ, μήποτε συλλέγοντες τὰ ζιζάνια, ἐκρίζωσθε ἅμα αὐτοῖς τὸν σίτον.

Ἄφετε συναρπάσασθαι ἀμφοτέρω μέχρι τοῦ θερισμοῦ· καὶ ἐν τῷ καιρῷ τοῦ θερισμοῦ ἐρω- τοῖς θερισταῖς· Συλλέξατε πρῶτον τὰ ζιζάνια, καὶ δήσατε αὐτά εἰς δεσμάς, πρὸς τὸ κατακαύ- σαί αὐτά· τὸν δὲ σίτον συναγάγετε εἰς τὴν ἀποθήκην μου.

Мр. XIII, 24. Другую притчу предложилъ Онъ имъ, говоря: Царство Небесное подобно че- ловѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. И Иисусъ сказалъ: Вотъ къ чему примѣнить царство Бога: обсеявъ хозяинъ себѣ поле хо- рошими сѣмями.

25. Когда же люди спали, при- шелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы и ушелъ. Пришелъ ночью врагъ, на- сѣялъ кистерю ¹⁾ сверхъ хлѣба и ушелъ.

26. Когда возшла зелень, и показался плодъ, тогда явились и плевелы.

27. Пришедши же рабы домо-владыки сказали ему: господинъ! не доброе ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ твоёмъ? откуда же на немъ плевелы?

28. Онъ же сказалъ имъ: врагъ челоѣкъ сдѣлалъ это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдемъ, выберемъ ихъ?

29. Но онъ сказалъ: нѣтъ: чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пше-ницы.

30. Оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы и свяжите ихъ въ связки, чтобы сжечь ихъ; а пшеницу уберите въ житницу мою.

Вотъ какъ выколосился хлѣбъ и сталъ наливать, и оказался кистеръ.

Пришли работники къ хозяину и говорятъ: или ты нечистыя сѣмена высѣялъ у себя на полѣ? тамъ кистерю много.

Хозяинъ и говоритъ: это не я, а чужой сдѣлалъ. Работники и говорятъ: такъ прикажи, мы вы-полемъ кистеръ.

А хозяинъ говоритъ: не надо полоть. А то станете дергать кистеръ—попортите хлѣбъ.

Пускай растеть хлѣбъ съ кистеремъ вмѣстѣ до уборки, а въ уборку велю жнецамъ отобрать кистеръ и сжечь, а хлѣбъ со-беру и свезу въ сарай ²⁾).

Примѣчанія.

1) *ζιζάνιον* есть растеніе, совершенно похожее на хлѣбъ, пока оно не выколосилось.

2) Слова о томъ, что хозяинъ сожжетъ ненужное, а нужное—хлѣбъ соберетъ въ сарай,—прямо повторяютъ то, что сказано: Мѡ. III, 12. «Лопата Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно Свое, и соберетъ пшеницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ».

Здѣсь опредѣлено, кто именно уничтожитъ ненужное и соберетъ нужное: тотъ, который будетъ очищать духомъ.

Дальше будетъ сказано, что это есть *сынъ челоѣческій*.

Τότε ἀφείλε τὸς θυλούς, ἦλθεν εἰς τὴν οἰκίαν ὁ Ἰησοῦς· καὶ προσῆλθον αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ, λέγοντες· Φράσον ἡμῖν τὴν παραβολὴν τῶν ζιζανίων τοῦ ἀγροῦ.

Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν αὐτοῖς· Ὁ σπείρων τὸ καλὸν σπέρμα ἐστὶν ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου.

Ὁ δὲ ἀγρός ἐστὶν ὁ κόσμος· τὸ δὲ καλὸν σπέρμα, οὗτοί εἰσιν οἱ υἱοὶ τῆς βασιλείας· τὰ δὲ ζιζάνια εἰσιν οἱ υἱοὶ τοῦ πονηροῦ.

Ὁ δὲ ἐχθρὸς ὁ σπείρας αὐτὰ ἐστὶν ὁ διάβολος· ὁ δὲ θερισμὸς συντέλεια τοῦ αἰῶνος ἐστὶν οἱ δὲ θεριστοὶ ἄγγελοι εἰσιν.

Ὡς περ οὖν συλλέγεται τὰ ζιζάνια, καὶ πυρὶ κατακαίεται· οὕτως ἔσται ἐν τῇ συντέλειᾳ τοῦ αἰῶνος τούτου.

Ἀποστέλει ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου τοὺς ἄγγελους αὐτοῦ, καὶ συλλέξουσιν ἐκ τῆς βασιλείας αὐτοῦ πάντα τὰ κακὰ, καὶ τοὺς ποιούντας τὴν ανομίαν.

Καὶ βαλοῦσιν αὐτοὺς εἰς τὴν κήληνον τοῦ πυρός· ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων.

Τότε οἱ δίκαιοι ἐκλήρφουσιν ὡς ὁ ἥλιος, ἐν τῇ βασιλείᾳ τοῦ πατρὸς αὐτῶν· Ὁ ἔχων ὅτα ἀκούειν ἀκούτω.

Мѡ. XIII, 36—42; Мр. IV, 10, 14—20; Лк. VIII, 9, 11—15.

Мѡ. XIII, 36. Тогда Иисусъ, отпустивъ народъ, вошелъ въ домъ. И, приступивъ къ Нему, ученики Его сказали: изъясни намъ притчу о плевелахъ на полѣ.

И Иисусъ сказалъ имъ: Хозяинъ сѣетъ хорошія сѣмена—это сынъ челоѣческій.

Поле—это міръ людей. Доб-рая сѣмена—это сыны царствія Бога, кистеръ—это дурные люди.

Чужой—это соблазнъ. Убор-ка—это конецъ жизни земной; жнецы—это власть Божія.

Какъ собираютъ кистеръ и сжигаютъ, такъ вотъ будетъ при концѣ жизни земной.

Пошлетъ сынъ челоѣческій своихъ работниковъ, и отберутъ изъ людей царствя его всѣ обма-ны и всѣхъ дѣлающихъ ¹⁾ дур-ное.

И бросятъ ихъ въ печь огненную; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

Тогда правдивые просвѣтятся, какъ солнце, въ царствѣ Отца своего. У кого есть смыслъ, тотъ пойметъ.

Примѣчанія.

1) Настоящее время здѣсь должно быть отмѣчено: не сказано, что отберутъ всѣхъ *дѣлающихъ* дурное, какъ бы должно было быть сказано, если бы разумѣлся судъ при концѣ міра, по церковному толкованію, а сказано: *дѣлающихъ*, т. е. что дѣлающіе дурное сами собою отберутся, какъ сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ.

2) *ἐκεῖ* кромѣ «тамъ» означаетъ и «тогда», и здѣсь значить *тогда*. Какъ у Луки XIII, 28, гдѣ *ἐκεῖ* значить «тогда» въ томъ же самомъ выраженіи; значить, что тогда могли бы люди, но поздно, плакать и съ досады скрипѣть зубами о томъ, что не жили въ разумѣніи.

Духъ Бога въ человѣкѣ—сынъ человѣческій, все, что мы знаемъ о Богѣ, даетъ жизнь разумѣнію людямъ, такъ же какъ мужикъ сѣетъ хорошія сѣмена въ своемъ полѣ и они растутъ.

Среди жизни разумѣнія является что-то похожее на жизнь, кончающееся смертию.

У Луки XVI, 16 сказано: «И отнимется то, что кажется, что есть у него».

Что же такое это подобіе жизни? Откуда взялось оно?

Вопросъ этотъ не относится къ Богу-духу, а только къ людямъ. Богъ духъ,—источникъ жизни, сѣетъ жизнь и собираетъ жизнь. Только глупые работники могутъ совѣтовать топтать жизнь, чтобы выхолотъ то, что не жизнь. Жизнь одна нужна, она одна останется, а остального нѣтъ для Бога-духа.

Временная жизнь кончается, временное все пропадаетъ, погибаетъ; не кончается и не погибаетъ жизнь разумѣнія—одно то, что есть духъ, одно то, что отъ Бога.

Въ притчѣ этой двѣ главныя мысли, два отвѣта на предполагаемые вопросы:

- 1) Что есть зло по отношенію къ Богу? и
- 2) Что есть зло по отношенію къ человѣку?

Отвѣтъ на первый вопросъ тотъ, что зла для Бога — сына человѣческаго — нѣтъ. Онъ есть Богъ жизни и блага и не знаетъ зла. Такъ какъ Онъ Богъ жизни и добра, то зла для Него нѣтъ, и онъ не можетъ желать уничтожить его. Желаніе уничтоженія зла есть зло и можетъ быть только въ людяхъ, а не въ Немъ.

Этотъ выводъ изъ второй мысли, выраженной здѣсь только съ одной стороны, будетъ развитъ впоследствии въ ученіи о несопротивленіи злу.

Сынъ человѣческій даетъ жизнь и знаетъ только жизнь въ разумѣніи, и потому всякій человѣкъ, перенося свою жизнь въ сына, въ духа, не можетъ знать зла и потому не можетъ противиться ему.

Вторая мысль и отвѣтъ на вопросъ: что же есть то, что мы, люди, называемъ зломъ, — состоитъ въ томъ, что то, что мы называемъ зломъ, есть свободное удаленіе отъ свѣта и гибель, про которую сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, есть то, что свѣтъ пришелъ въ міръ, а люди ушли отъ него.

Эта мысль о томъ, что зла для Бога нѣтъ, а что для людей оно есть отдѣленіе отъ разумѣнія, излагается въ притчѣ о неводѣ.

Πάντα ὅσα ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν σὰρχιν βληθείσῃ εἰς τὴν θάλασσαν, καὶ ἐκ παντὸς γένους συναγαγούσῃ.

Ἦν, ὅτε ἐπληρώθη, ἀναβύβαντες ἐπὶ τὴν αἰχμὴν, καὶ καθίσαντες, συνέλεξαν τὰ καλὰ εἰς ἀγγεῖα, τὰ δὲ σὰρξ ἐξω ἔβαλον.

Мѣ. XIII, 47. Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода,

Еще подобно царство Божіе неводу: его закинули въ воду и всякой рыбы захватили.

48. который, когда наполнился, вытащили на берегъ, и, сѣвши, хорошее собрали въ сосуды, а худое выбросили вонъ.

Неводъ сталъ полонъ, его вытащили на берегъ и сѣли, и хорошія рыбы собрали въ ведра, негодныя выбросили вонъ.

Богъ дѣлаетъ то, что дѣлаютъ рыбаки: негодную рыбу бросаютъ, а оставляютъ одну ту, которая нужна. Рыба отбирается та, которая нужна рыбаку, остальная бросается въ море только потому, что она не нужна. Нѣтъ вопроса о томъ, лучше или хуже ей будетъ. Та рыба, которая въ морѣ, той нѣтъ для рыбака, какъ нѣтъ для Бога тѣхъ людей, которые не сыны Его, жизнь которыхъ не въ свѣтѣ разумѣнія. Для Бога зла нѣтъ, но для человѣка есть зло. Зло для него — это жизнь внѣ разумѣнія.

И потому нужно различать наши понятія о злѣ вообще—объективномъ злѣ, какъ говорятъ философы, внѣшнемъ, и о злѣ для каждаго человѣка — о злѣ субъективномъ, внутреннемъ. Объективнаго зла нѣтъ. Субъективное зло — есть удаленіе отъ разумѣнія, оно же есть смерть.

Это раздѣленіе двухъ воззрѣній изложено въ толкованіи притчи о сѣятелѣ и сѣменахъ, попавшихъ въ разныя земли.

Καὶ προσελθόντες οἱ μαθηταὶ εἶπον αὐτῷ. Διὰ τί ἐν παραβολαῖς λαλεῖς αὐτοῖς; Τίς εἴη ἡ παραβολὴ αὐτῆς; Ἠρώτησαν αὐτὸν τὴν παραβολήν.

Мѣ. XIII, 10. И, приступивъ, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь имъ?

Лк. VIII, 9. Чтобы значила притча сія?

Мр. IV, 10. Спросили его о притчѣ.

И подошли къ нему ученики и сказали:

Къ чему ты говоришь притчи?

Примѣчанія.

1) По Марку и Лукѣ ученики спрашиваютъ: Что значить эта притча? По Матѳею спрашиваютъ: Ради чего говоришь притчами?

Я думаю, что по Марку и Лукѣ значить, что ученики спрашиваютъ и то, что значить притча, и то къ чему онъ говоритъ ее. По Матѳею значить тоже: Къ чему говоришь притчи, и что они значатъ? И слова Иисуса отвѣчаютъ на оба вопроса. Онъ разъясняетъ значеніе притчи, и изъ значенія ея вытекаетъ то, что тѣмъ, которые не знаютъ тайны царства Божія, нельзя иначе говорить, какъ примѣрно, какъ въ притчахъ. Имъ представляется только внѣшній смыслъ, а внутренняго они не видятъ.

У Матѳея сказано: διὰ τί ἐν παραβολαῖς λαλεῖς αὐτοῖς. Слово αὐτοῖς пропущено во многихъ спискахъ, такъ какъ оно не имѣетъ того существеннаго, къ которому бы могло относиться. Оно, очевидно, прибавлено, потому что вопросъ διὰ τί отнесенъ и къ говоренію

притчами и къ самимъ притчамъ. *Διὰ* значитъ здѣсь нѣмецкое «*wegen*» — ради чего.

Ученики спрашиваютъ: Ради чего онъ говоритъ эти притчи? Такъ передаютъ и Маркъ и Лука, и оттого излишне *αὐτοῖς* и оттого стихи Мѡ. отъ 11 до 19 суть не случайныя изрѣченія, а разъясненіе притчи. И потому, соединяя смыслъ вопроса и отвѣта изъ трехъ евангелистовъ, я перевожу: «*Κὲν ἔμελλεν ἰσχυρῶς ἐπερωτᾶν αὐτὸν οἱ μαθηταὶ περὶ τῶν παραβολῶν*» — вопросомъ, относящимся и къ смыслу притчи и къ тому, почему онъ говоритъ народу притчами.

Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν αὐτοῖς: Ὅτι οὐκ ἔστιν δοθέναι τὴν μυστήριον τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν, ἐκείνοις δὲ οὐδὲν δοθέναι.

Ἐκείνοις δὲ τοῖς ἔξω, ἐν παραβολαῖς πάντα γίνεται.

Διὰ τοῦτο ἐν παραβολαῖς αὐτοῖς λαλῶ.

Мѡ. XIII, 11. Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: для того, что вамъ дано знать тайны Царствія Небеснаго, а имъ не дано.

Мр. IV, 11. А тѣмъ внѣшнимъ все бываетъ въ притчахъ.

Мѡ. XIII, 13. Потому говорю имъ притчами.

Онъ отвѣчалъ имъ: Къ тому, что вамъ дано знать внутренній смыслъ царства Божія.

А тѣмъ, что внѣ — является въ притчахъ.

Ради этого толкую ¹⁾ имъ въ притчахъ.

Примѣчаніе.

1) *λαλῶ* — говорить, сообщать. Здѣсь было бы правильнѣе: сообщаться, такъ какъ это мѣсто соответствуетъ тѣмъ же Марку и Лукѣ, гдѣ сказано: а имъ все въ притчахъ, все является въ притчахъ. Мысль не та что: «я поэтому говорю имъ въ притчахъ», но та: что *поэтому они не могутъ понять, иначе какъ въ притчахъ*; и дальше разъясняется это самое.

Διὰ τοῦτο указываетъ на то, что сказанное есть отвѣтъ на вопросъ *διὰ τί*. И за словомъ *λαλῶ* должна быть точка или точка съ запятой.

Смыслъ тогда выходитъ не тотъ соблазнительный и сомнительный, который былъ прежде, что Иисусъ говоритъ имъ въ притчахъ, потому что они не понимаютъ, т. е. какъ будто не говоритъ имъ прямо, а сравненіями, нарочно, чтобы они не поняли; а выходитъ обратный ясный смыслъ, тотъ, что они, не зная внутренняго смысла царства Божія, не могутъ иначе понять, какъ внѣшнимъ образомъ, т. е. въ притчахъ.

И потому я беру первую половину стиха Мѡ. XIII, 11 и послѣднюю изъ Марка IV, 11.

Вамъ дано знать внутренній смыслъ царства Божія, вы — добрая земля, которая родитъ самъ-сто, самъ-пятьдесятъ, самъ-тридцать.

А тѣмъ не дано, тѣ — дорога, камни, рѣпья.

И значеніе притчи то, что однимъ открылся смыслъ, а другимъ

не открылся. Онъ говоритъ: Причина по которой, я говорю имъ притчами та, что они, не понимая внутренняго смысла, иначе понять не могутъ. У Луки сказано: Вамъ дано знать внутренній смыслъ царства Божія, а остальнымъ — въ примѣрахъ.

Ὁ ἔχων ὅρα ἀκούει, ἀκούει.

Καὶ ἀναπληροῦται ἐπ' αὐτοῖς ἡ προφητεία Ἰσαΐου, ἡ λέγουσα: Ἀκοῇ ἀκούετε, καὶ οὐκ ὄψεσθε, καὶ βλέποντες βλέπετε, καὶ οὐκ ἴδετε.

Ἐπαχύνθη γὰρ ἡ καρδία τοῦ λαοῦ τούτου, καὶ τοῖς ὣσιν βαρέως ἤκουσαν, καὶ τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐτῶν ἐκάρμυσεν μήποτε ἴδωσι τοὺς ὀφθαλμοῖς καὶ τοῖς ὣσιν ἀκούωσι καὶ τὴν καρδίαν συνῶσι, καὶ ἐπιστρέψωσι, καὶ ἰάσωμαι αὐτούς.

Ἦσαν δὲ μακάριοι οἱ ὀφθαλμοί, οἳ βλέπουν, καὶ τὰ ὅρα ὄρων, ὅτι ἀκούει.

Ἀρὴν γὰρ λέγω ὑμῖν, ὅτι πολλοὶ προφῆται καὶ δικαῖοι ἐπεθύμησαν ἰδεῖν ἃ βλέπετε, καὶ οὐκ εἶδον, καὶ ἀκούσαι ἃ ἀκούετε, καὶ οὐκ ἤκουσαν.

Τρεῖς οὖν ἀκούσατε τὴν παραβολὴν τοῦ σπειρόντος.

Ὁ σπείρων ἐστὶν ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ.

Πάντος ἀκούοντος τὸν λόγον τῆς βασιλείας, καὶ μὴ συνιέντος, ἔρχεται ὁ πανηρὴς καὶ ἀρπάζει τὸ ἐσπαρμένον ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ: οὗτός ἐστιν ὁ παρὰ τὴν ὁδὸν σπαρείς.

Ὁ δὲ ἐπὶ τὰ πετρώδη σπαρείς, οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων, καὶ εὐθὺς μετὰ χαρᾶς λαμβάνων αὐτόν.

Οὐκ ἔχει δὲ ῥίζαν ἐν ἑαυτῷ, ἀλλὰ πρόσκαιρός ἐστι: γενομένης δὲ θλίψεως ἢ διωγμοῦ διὰ τὸν λόγον, εὐθὺς σκανδαλίζεται.

Ὁ δὲ εἰς τὰς ἀκάνθας σπαρείς, οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων καὶ ἡ μέριμνα τοῦ αἵματος τούτου, καὶ ἡ ἀπάτη τοῦ πλοῦτου συμπνίγει τὸν λόγον, καὶ ἀκαρπὸς γίνεται.

Ὁ δὲ ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλὴν σπαρείς, οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων, καὶ συνιὼν ὡς δὴ καρποφορεῖ, καὶ ποιεῖ, ὁ μὲν ἔκλινον, ὁ δὲ ἐξήκοντα, ὁ δὲ τριάκοντα.

Βλέπετε οὖν πῶς ἀκούετε: ὡς γὰρ ἂν ἔχη, δοθήσεται οὗτόν: καὶ ὡς ἂν μὴ ἔχη, καὶ ὁ δοκεῖ ἔχειν, ἀρθήσεται ἀπ' αὐτοῦ.

Мѡ. XIII, 9. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

14. И сбывается надъ ними пророчество Исаи, которое говоритъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете; и глазами смотрѣте будете, и не увидите.

15. Ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышать, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами, и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ. (Исаія, 6, 9, 10).

16. Ваши же блаженны очи, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ.

17. Ибо истинно говорю вамъ, что многіе пророки и праведники

Кто имѣетъ смыслъ, тотъ пойметъ.

И исполняется на нихъ предсказаніе пророка Исаи: Слухомъ услышите и не поймете, и глазами глядѣть будете и не увидите.

Потому что зажирѣло сердце у народа этого и зажмурили они глаза такъ, что не видятъ глазами, и ушами не слышатъ, и въ сердце не принимаютъ, чтобы не обратиться и чтобы я не исцѣлилъ ихъ.

Ваши же глаза блаженны, что видятъ, и уши — что слышатъ.

Вѣрно говорю вамъ, что пророки и святые желали знать то,

желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

18. Вы же выслушайте значеніе притчи о сѣятелѣ.

Лк. VIII, 11. Сѣмя есть слово Божіе.

Мѡ. XIII, 19. Ко всякому, слушающему слово о Царствіи и не разумѣющему, приходитъ лукавый и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его; вотъ, кого означаетъ посѣянное при дорогѣ.

20. А посѣянное на каменистыхъ мѣстахъ означаетъ того, кто слышитъ слово и тотчасъ съ радостію принимаетъ его;

21. но не имѣетъ въ себѣ корня и непостояненъ; когда наступитъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняется.

22. А посѣянное въ терніи означаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сего и обольщеніе богатства заглушаетъ слово, и оно бываетъ бесплодно.

23. Посѣянное же на доброй землѣ означаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который и бываетъ плодоносенъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной въ пятьдесятъ, а иной въ тридцать.

Лк. VIII, 18. (Мѡ. 13, 12). Итакъ наблюдайте, какъ вы слушаете: ибо кто имѣетъ, тому дано будетъ; а кто не имѣетъ, у того отнимается и то, что онъ думаетъ имѣть.

что вы видите, и не могли познать, и слышать то, что вы слышите.

Вы теперь ¹⁾ поймите притчу о сѣятелѣ.

Сѣмя — это разумѣніе Бога.

Когда человѣкъ слышитъ ученіе о царствѣ Божіемъ и не принимаетъ въ сердце свое, — врагъ приходитъ и похищаетъ то, что посѣяно было въ сердцѣ его. Это сѣмя, посѣянное при дорогѣ.

Что на камнѣ посѣяно, это тотъ, кто слышитъ ученіе царства Бога, понимаетъ ученіе и потомъ съ радостію принимаетъ его сердце.

Но не держитъ корня самъ въ себѣ, а только на время. И какъ придетъ тѣснота, обида изъ за ученія, тотчасъ же поддается обману.

А то, что въ рѣпьи высѣялось — это тотъ, кто ученіе понимаетъ, но заботы свѣтскія и любовь ²⁾ богатства давятъ ученіе, и оно не приноситъ плода.

А то зерно, что попало на хорошую землю, — это тотъ, кто понимаетъ ученіе и принимаетъ въ сердце свое, то родитъ которое самъ-сто, которое самъ-пятьдесятъ, которое самъ-тридцать.

Смотрите теперь, какъ понимаете. Кто держитъ ³⁾, тому дастся; а кто не держитъ, и то, что кажется и есть въ немъ, и то у того отнимается ⁴⁾.

Примѣчанія.

- 1) *νυν* переводится: *теперь* и здѣсь имѣетъ это значеніе.
- 2) Во многихъ спискахъ стоитъ *ἀγάπη*, т. е. *любовь*, что яснѣе и проще и правильнѣе.
- 3) *ἔχει* значитъ *держатъ*. Выраженіе это похоже на поговорку

и можетъ относиться къ ведру или мѣшку: «Въ крѣпкій мѣшокъ пересыпается, а изъ худого послѣднее высыпается».

4) Стихъ этотъ я беру изъ Маттея и Луки, гдѣ онъ одинаковъ.

Ученики спрашиваютъ: Къ чему онъ говорить эти притчи, что онъ хочетъ сказать ими?

И Иисусъ отвѣчаетъ: То, что однимъ, вамъ, дано понимать царство Божіе, какъ зернамъ, попавшимъ на хорошую землю. Другимъ же, какъ пропадающимъ зернамъ, не дано. И вамъ дано, какъ зерну въ доброй землѣ, увеличиться, а у нихъ отнимается и та жизнь, которая, казалось, что есть въ нихъ, какъ уничтожается зерно на дорогѣ, камнѣ и рѣпьяхъ. Вотъ это-то я и говорю въ притчахъ, потому что они не видятъ, не понимаютъ своего блага. Они, какъ тѣ люди, про которыхъ говоритъ Исаія, что Богъ наказалъ ихъ тѣмъ, что они глядя не видятъ, и слушая не слышатъ. Сердце людей этихъ ожирѣло, и оттого они не понимаютъ того, что предъ ними. Вы счастливы, что понимаете.

Такое значеніе притчи съ внѣшней стороны, но внутренній смыслъ совсѣмъ другой. И Иисусъ объясняетъ внутренній смыслъ.

Внѣшній смыслъ притчи тотъ, что для Бога одни люди предопредѣлены къ смерти, другіе къ жизни. Внутренній же смыслъ тотъ, что нѣтъ предопредѣленія, но каждый можетъ удержать разумѣніе и приобрѣсть его съ избыткомъ.

Упавшее на дорогу — это: *равнодушіе, пренебреженіе къ разумнѣю*, и потому Иисусъ предостерегаетъ отъ равнодушія и пренебреженія и говоритъ, что люди должны дѣлать усиліе, чтобы принять въ сердце разумѣніе.

Упавшее на камни — это *слабость*, и потому Иисусъ предостерегаетъ отъ нея и указываетъ на то, что человѣкъ долженъ сдѣлать усиліе, чтобы не поколебаться отъ обидъ и гоненій.

Рѣпьи — это *заботы мірскія*, и Иисусъ предостерегаетъ и указываетъ на то, что человѣкъ долженъ сдѣлать усиліе, чтобы откинуть ихъ.

Хорошая земля — это *пониманіе и исполненіе*, не смотря на обиды и заботы. И Иисусъ указываетъ на то, что кто сдѣлаетъ это усиліе и исполнитъ, тотъ получитъ жизнь съ избыткомъ.

Πάλιν ὁμοία ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν θεσφουρῶ κεκρυμμένῳ ἐν τῷ ἀγρῷ, ὃν εὐρὼν ἄνθρωπος ἔκρυψε, καὶ ἀπὸ τῆς χάριτος αὐτοῦ ὁπάσει, καὶ πάντα ὅσα ἔχει, πωλεῖ, καὶ ἀγοράσει τὸν ἀγρὸν ἐκεῖνον.

Πάλιν ὁμοία ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἀνθρώπῳ ἐμπόρῳ, ζητοῦντι καλοὺς μαργαρίτας.

Ὅς εὐρὼν ἕνα πολύτιμον μαργαρίτην, ἀπελθὼν πέπρακε πάντα ὅσα ἔχει, καὶ ἠγόρασεν αὐτόν.

Мѡ. XIII, 44. Еще подобно Царство Небесное сокровищу, спрятанному въ полѣ. Человѣкъ нашелъ кладъ и скрылъ его

шедши человекъ утаилъ, и отъ радости о немъ идетъ, и продаетъ все, что имѣеть, и покупаетъ поле то.

45. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хорошихъ жемчужинъ,

46. который, нашедши одну драгоценную жемчужину, пошелъ и продалъ все, что имѣлъ, и купилъ ее.

Царство Божіе подобно желающему имѣть жемчужину или сокровище, про которое онъ знаетъ, что зарыто на полѣ. И узнавъ объ этомъ, продаетъ все, чтобы приобрести жемчужину и поле.

Ὅμοια ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν κόκκῳ σιναπίδος, ὃν λαβὼν ἄνθρωπος ἐσπεύρεν ἐν τῷ ἀγρῷ αὐτοῦ.

Ὁ μικροτέρον μὲν ἐστὶ πάντων τῶν σπερμάτων· ὅταν δὲ ἀξέσθῃ, μέγιστον τῶν λαχάνων ἐστί, καὶ γίνεται δένδρον, ὅτε ἐλθεῖν τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ, καὶ κατασκηνοῦν ἐν τοῖς κλάδοις αὐτοῦ.

Мѣ. XIII, 31. Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человекъ взялъ и посѣялъ на полѣ своемъ,

32. которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но, когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя, и укрываются въ вѣтвяхъ его.

(опять). И отъ радости того, что нашелъ, идетъ, и все, что у него—продаетъ, и покупаетъ то поле.

Еще царство небесное, какъ когда купецъ скупаетъ дорогіе камни.

И найдя одинъ драгоценный камень, идетъ, продаетъ всѣ (прежніе), какіе имѣлъ, и покупаетъ тотъ

Царство небесное—какъ березовое сѣмечко; захвативъ, высѣялъ его человекъ на своемъ полѣ.

Хоть и меньше всѣхъ сѣмянъ, когда вырастетъ, больше всякой травы будетъ, и станетъ дерево, и птицы пернатые будутъ вить на вѣтвяхъ его гнѣзда.

Царство Бога.

Общее изложеніе главы третьей.

Иисусъ объявляетъ, что царство Божіе пришло, между тѣмъ не произошло никакого видимаго явленія.

Объявляетъ, что отдаляться отъ развратниковъ и развратницъ, не нужно, что они не виноваты, виноваты только тѣ, которые думаютъ, что они хороши, потому что исполняютъ законъ Божій.

Объявляетъ, что очищеній никакихъ внѣшнихъ не нужно, что сквернить только то, что изнутри выходитъ, что только духъ очищать.

Объявляетъ, что субботы соблюдать не нужно, что соблюденіе это глупо и лживо, что суббота есть установленіе человеческое.

Объявляетъ, что не только постовъ не нужно, что всѣ старыя внѣшніе обряды только пагубны для его ученія.

Наконецъ, объявляетъ, что служить Богу жертвами не нужно. Не нужно ни быковъ, ни овецъ, ни голубей, ни денегъ, самаго храма не нужно; что Богъ есть духъ, что Онъ хочетъ не жертвъ, а любви, что Ему надо служить—всѣмъ, всегда, вездѣ—въ духѣ и дѣломъ.

Увидавъ и услыжавъ все это, фарисеи пришли къ Иисусу и стали спрашивать его, какъ же онъ, отрицая Бога, проповѣдуетъ царство Божіе? И онъ отвѣчалъ имъ: «Царство Божіе, какъ я проповѣдую, не такое, какое проповѣдывали прежніе пророки. Они говорили, что придетъ Богъ съ различными явленіями, а я говорю про такое царство Божіе, котораго пришествія нельзя видѣть.

«И если скажутъ вамъ, вотъ оно пришло или придетъ, или вотъ оно здѣсь, вы имъ не вѣрьте. Царство Божіе не во времени и не въ мѣстѣ въ какомъ-нибудь, оно, какъ молнія, и здѣсь и тамъ и вездѣ—и нѣтъ ему ни времени ни мѣста, потому что вотъ оно гдѣ: оно внутри васъ».

И послѣ этого фарисеи, старшина еврейскій, Никодимъ пришелъ къ Иисусу тайно и говоритъ: «Ты учишь, что пришло царство Бога и что оно внутри насъ, а не велишь поститься, приносить жертвы, храмъ уничтожилъ, какое же твое царство Божіе, гдѣ же оно?»

И Иисусъ отвѣчалъ ему: «Пойми ты, если человекъ зачатъ отъ Отца-Бога, то онъ и увидитъ царство Божіе».

Никодимъ не понималъ того, что Иисусъ сказалъ, что всякій человекъ уже зачатъ отъ Бога, и сказалъ: «Какъ же можетъ человекъ, если онъ зачатъ отъ плоти отца и состарѣлся, опять влѣзть въ утробу матери и снова зачатъ отъ духа—Бога?»

И Иисусъ отвѣчалъ ему: «Пойми ты, что говорю: я говорю, что человекъ, кромѣ плоти, зачатъ еще отъ духа, и потому всякій человекъ—отъ плоти и духа, и потому всякій можетъ войти въ царство Божіе. Отъ плоти—плоть. Отъ плоти не можетъ родиться духъ, только отъ духа можетъ быть духъ. Духъ это то, что живетъ въ тебѣ, и живетъ свободно и разумно, и то, чему ты не знаешь ни начала ни конца. И это чувствуетъ въ себѣ всякій человекъ. И потому чему же ты удивился, что я сказалъ тебѣ, что мы должны быть зачаты съ неба, отъ Бога—отъ духа?»

Никодимъ сказалъ: «Все-таки не вѣрю, чтобы это могло быть такъ».

Тогда Иисусъ сказалъ ему: «Какой же ты учитель, если не понимаешь этого? Пойми ты, что я не мудрости какія-нибудь толкую, я толкую то, что мы всѣ знаемъ, увѣряю въ томъ, что мы всѣ видимъ. Какъ же ты будешь вѣрить въ то, что на небѣ, если ты не вѣришь въ то, что на землѣ, что въ тебѣ самомъ. На небѣ вѣдь никто не былъ, а есть только на землѣ, въ человекѣ сынъ Бога—духъ, тотъ самый, который и есть Богъ.

«Вотъ этого-то самаго сына Бога въ человекѣ и надо почитать, какъ вы почитали Бога, какъ Моисей въ пустынѣ возвеличилъ не

плоть змѣи, а образъ ея, и образъ этотъ сдѣлался спасеніемъ людей. Такъ точно надо возвеличить сына—Бога въ человѣкѣ, не плоть человѣка, а сына Бога въ человѣкѣ, чтобы люди, полагаясь на него, не знали бы смерти, а имѣли бы жизнь невременную въ царствѣ Божіемъ.

«Богъ вѣдь не для погибели, а для блага міра далъ сына своего, такого же, какъ Онъ. Онъ далъ вѣдь его для того, чтобы всякій, полагаясь на него, не погибалъ, а имѣлъ бы жизнь невременную. Вѣдь не затѣмъ же Онъ произвелъ сына своего—жизнь въ мірѣ людей, чтобы уничтожить міръ людей, но Онъ затѣмъ произвелъ сына своего—жизнь, чтобы міръ людей былъ живъ имъ и въ царствѣ Бога.

«И кто полагается на сына, тотъ въ царствѣ Бога—во власти Бога, а кто не полагается, тотъ самъ себя уничтожаетъ тѣмъ, что не положился на то, что есть жизнь. Уничтоженіе въ томъ и состоитъ, что жизнь пришла въ міръ, но люди сами идутъ прочь отъ жизни. Жизнь есть свѣтъ людей. Свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди предпочли тьму свѣту и не идутъ къ свѣту. Свѣтъ есть разумѣніе, а потому кто дурное дѣлаетъ, тотъ избѣгаетъ свѣта разумѣнія, чтобы не видны были его дѣла, и тотъ уходитъ изъ царства Бога—власти Бога.

«А кто въ правдѣ живетъ, тотъ идетъ къ свѣту, чтобы видны были дѣла его, и тотъ остается во власти Бога».

Въ словахъ къ фарисеямъ и бесѣдѣ съ Никодимомъ Иисусъ объясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ царствомъ Божіимъ и подъ Богомъ.

И Богъ и царство Божіе—въ людяхъ. Богъ—это неплотское начало, которое даетъ жизнь человѣку. Это неплотское начало онъ называетъ сыномъ Бога въ человѣкѣ,—сыномъ человѣческимъ. Сынъ человѣческій есть разумѣніе. Его надо возвысить, обоготворить и жить имъ. Люди, дѣлающіе дурное—погибаютъ; люди, дѣлающіе правду—живутъ. Кто живетъ въ разумѣніи, тотъ живетъ невременно; кто не живетъ въ немъ—тотъ не живетъ, а погибаетъ.

Что же такое этотъ Богъ-Отецъ, не творецъ всего и не отдѣльный отъ міра Богъ, какъ прежде разумѣли Его евреи? Какъ понимать этого Отца, сынъ котораго въ человѣкѣ, и какъ понимать Его отношеніе къ людямъ?

На это Иисусъ отвѣчаетъ притчами.

«Царство Бога надо понимать не такъ, какъ вы думаете, что для всѣхъ людей въ какое-нибудь время и въ какомъ-нибудь мѣстѣ придетъ царство Бога, а такъ, что во всемъ мірѣ всегда одни люди, тѣ, которые полагаются на сына Бога,—дѣлаются сынами царства, а другіе, которые не полагаются на него,—уничтожаются».

Богъ-духъ, Отецъ того духа, который въ человѣкѣ, есть Богъ и Отецъ только тѣхъ, которые признаютъ себя Его сынами. И потому для Бога существуютъ только тѣ, которые удержали въ себѣ то, что Онъ далъ имъ.

И сталъ Иисусъ имъ толковать про царство Бога, и толковалъ онъ это примѣрами. Онъ сказалъ:

«Богъ Отецъ свѣтъ въ мірѣ жизнь разумѣнія, все равно какъ хозяинъ свѣтъ сѣмена на своемъ полѣ. Онъ свѣтъ по всему полю, не разбирая, какое куда попадетъ. И вотъ попадаютъ одни зерна на дорогу, и прилетятъ птицы и поклюютъ. А другія на камни, и на камняхъ хотя и прорастутъ, да повянутъ, потому что укорениться негдѣ. А еще инныя попадаютъ въ полины, и полины задавятъ хлѣбъ, и взойдетъ колосъ да не нальетъ. А инныя попадутъ на хорошую землю, тѣ всходятъ и наверху стываютъ за пропащія зерна и выколашиваются, и какой колосъ даетъ самъ-сто, какой самъ-шестьдесятъ, какой самъ-тридцать.

«Такъ-то и Богъ разсѣялъ разумѣніе въ людяхъ. Въ инныхъ оно пропадаетъ, а въ инныхъ родится сторицею, и они-то составляютъ царство Бога.

«Такъ царство Бога не такое, какъ вы думаете, что придетъ Богъ царить надъ вами. Богъ только свѣтъ разумѣніе, и царство Божіе будетъ въ тѣхъ, кто возьметъ его. А Богъ не правитъ людьми.

«Какъ хозяинъ броситъ сѣмена на землю, а самъ и не думаетъ о нихъ; сѣмена сами бухнутъ, прорастаютъ, выходятъ въ зелень, въ трубку, въ колосъ и наливаютъ зерно. И только когда поспѣло, хозяинъ посылаетъ серпы, чтобы сжать ниву.

«Такъ и Богъ далъ сына своего, разумѣніе, міру, и разумѣніе само растетъ въ мірѣ, и сыны разумѣнія составляютъ царство Бога.

«Какъ баба пуститъ въ дежу закваску и смѣшаетъ съ мукой, она ужъ не ворочаетъ ее, а ждетъ, чтобы она сама закисла и поднялась.

«Пока люди живутъ, Богъ не вступаетъ въ ихъ жизнь. Богъ далъ въ мірѣ разумѣніе, и разумѣніе само живетъ въ людяхъ и составляетъ царство Бога. Богъ-духъ есть Богъ жизни и добра, и потому для Него нѣтъ ни смерти ни зла. Смерть и зло есть для людей, а не для Бога.

«Царство Бога вотъ къ чему примѣнить: хозяинъ посѣялъ хорошую сѣмена на своемъ полѣ. Хозяинъ—это духъ Бога, поле—это міръ, сѣмена—это сыны царства Бога. Вотъ легъ хозяинъ спать, и пришелъ врагъ и насѣялъ на полѣ кистерю. Врагъ—это соблазнъ, кистерь—это сыны соблазна. Вотъ пришли къ хозяину работники и говорятъ: или ты плохія сѣмена сѣялъ, у тебя на полѣ много кистерю вышло. Пошли насъ, мы выполемъ. А хозяинъ говоритъ: не надо, а то вы станете полоть кистеръ да и потопчете пшеницу. Пускай растутъ вмѣстѣ, придетъ жатва, тогда велю жнецамъ отобрать кистеръ и сожгу, а пшеницу уберу въ сарай.

«Жатва—это конецъ жизни людской, а жнецы—это сила Божія. И какъ сожгутъ кистеръ, а пшеница очистится и соберется, такъ и при концѣ жизни пропадетъ все, что было обманъ времени, а останется одна настоящая жизнь въ духѣ. Для Бога зла нѣтъ. Богъ блюдетъ то, что нужно Ему,—то, что Его; а что не отъ Него, того нѣтъ для Него.

«Царство Божіе—какъ неводъ. Неводъ протянуть по морю, и

захватятъ всякой рыбы. А потомъ, когда вытащутъ, отберутъ негодныхъ и кинутъ въ море. Такъ будетъ и при концѣ вѣка. Сила Божія отберетъ хорошее, а дурное бросится».

И какъ онъ кончилъ говорить, стали у него ученики спрашивать, какъ понимать эти притчи.

И онъ сказалъ имъ: «Притчи эти надо понимать надвое. Вѣдь всѣ притчи эти я говорю къ тому, что есть одни, какъ вы, ученики мои, одни, которые понимаютъ въ чемъ царство Божіе,—понимаютъ, что царство Божіе внутри cadaго, понимаютъ, какъ войти въ него; а другіе не понимаютъ этого. Другіе глядятъ и не видятъ, и слушаютъ и не понимаютъ. Потому что ожирѣло ихъ сердце».

«Вотъ я говорю этими притчами надвое: и тѣмъ и другимъ. Тѣмъ я говорю, что такое для Бога Его царство, говорю про то, что одни вступаютъ въ царство, другіе не вступаютъ, и они могутъ понимать это. Вамъ же я говорю о томъ, какъ войти въ царство Бога. И вы смотрите, понимайте какъ слѣдуетъ притчу о сѣятелѣ. Для васъ притча вотъ что значитъ:

«Всякій, кто слушаетъ ученіе о царствѣ Божіемъ, но не принимаетъ его въ сердце, къ тому приходитъ обманъ и уничтожаетъ изъ сердца его ученіе—это сѣмя, посѣянное на дорогѣ. На камнѣ посѣянное—это тотъ, кто услышитъ ученіе и съ радостью приметъ. Но нѣтъ въ немъ корня, на время только принимаетъ, а найдетъ тѣснота, обида изъ-за ученія, тотчасъ обижается. Въ поляхъ посѣянное—это тотъ, кто ученіе услышитъ, но заботы мірскія и жадность къ богатству душатъ ученіе, и оно не даетъ плода. А на хорошей землѣ—это тотъ, кто ученіе слышитъ и понимаетъ и плодъ родитъ кто самъ-сто, кто самъ-шестьдесятъ, кто самъ-тридцать. Потому кто держитъ, тому дается многое, а кто не держитъ, у того послѣднее отнимется. И потому смотрите, какъ понимаете притчи. Понимайте такъ, чтобы не поддаваться обманамъ, обидамъ, заботамъ, а чтобы принести плодъ самъ-сто и вступить въ царство Бога».

«Царство небесное въ душѣ разрастается изъ ничего, но даетъ все. Оно, какъ сѣмечко березовое, самое маленькое изъ зеренъ, когда же вырастетъ, то больше всѣхъ деревьевъ, и птицы небесныя вьютъ на немъ гнѣзда».

Послѣ этого пришли ученики Іоанна спросить у Іисуса, тотъ ли онъ, про котораго Іоаннъ говорилъ: открываетъ ли онъ царство Божіе и обновляетъ ли онъ людей духомъ?

Іисусъ отвѣчаетъ и говоритъ: «Посмотрите, послушайте и скажите Іоанну, наступило ли царство Божіе и обновляются ли люди духомъ. Скажите ему, какъ я проповѣдую царство Бога. Въ пророчествахъ сказано, что когда наступитъ царство Бога, то всѣ люди будутъ блаженны; ну, и скажите ему, что мое царство Бога такое, что нищіе блаженны и что всякій, кто слушаетъ меня, дѣлается блаженъ».

И, отпустивъ учениковъ Іоанна, Іисусъ началъ толковать народу о томъ, какое царство Божіе возвѣщалъ Іоаннъ.

Онъ сказалъ: «Когда вы ходили креститься къ Іоанну въ пустыню, чего вы ходили смотрѣть? Если бы вы хотѣли смотрѣть на человѣка, разодѣтаго въ богатую одежду, такъ вѣдь эти здѣсь въ дворахъ живутъ. Такъ чего же вы не видали въ пустынѣ? Вы думаете, что вы ходили затѣмъ, что Іоаннъ былъ пророкъ? Не думайте этого. Іоаннъ былъ не пророкъ, а онъ былъ тотъ, про котораго писали пророки. Онъ тотъ, который возвѣстилъ пришествіе царства Божія. Вѣрно говорю вамъ: не рожался человѣкъ больше Іоанна. Онъ былъ въ царствѣ Божіемъ, и потому онъ былъ выше всѣхъ. Законъ и пророки все это нужно было до Іоанна. А съ Іоанна и по сіе время возвѣщается, что царство Божіе на землѣ, и кто слѣдуетъ усилію, тотъ входитъ въ него. Законники и фарисеи не поняли того, что возвѣщалъ Іоаннъ. И они ни во что сочли его. Эта порода—законники и фарисеи,—что сами выдумаютъ, то только и считаютъ правдой. Они долбятъ свой законъ и слушаютъ другъ дружку. А что Іоаннъ говорилъ, что я говорю, они не слышатъ и не понимаютъ. Изъ того, что говорилъ Іоаннъ, они поняли только то, что онъ постился въ пустынѣ, и говорятъ: въ немъ бѣсъ. Изъ того, что я говорю, они поняли только то, что я не пощусь и говорятъ: онъ ѣстъ и пьетъ съ откупщиками, и развратникамъ другъ. Они, какъ ребята на улицѣ, другъ съ дружкой болтаютъ и дивятся, что никто ихъ не слушаетъ. Видна ихъ мудрость по дѣламъ ихъ. Вѣдь все, что я учу дѣлать,—все это легко и просто, потому что царство Бога возвѣщается какъ блаженство».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нагорная проповѣдь.

Нищіе и богатые.

Καὶ περιήγεν ὁ Ἰησοῦς τὰς πόλεις πάσας καὶ τὰς κώμας, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν, καὶ κηρύσσων τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας, καὶ θεραπεύων πᾶσαν νόσον καὶ πάσαν μαλακίαν ἐν τῷ λαῷ.

Мо. IX, 35. И ходилъ Іисусъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ, уча въ синагогахъ ихъ, проповѣдую Евангеліе Царствія и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ.

И обходилъ Іисусъ всѣ города и всѣ села и училъ въ собранияхъ и, разглашая, возвѣщалъ присутствіе Бога ¹⁾.

Примѣчаніе.

1) Я пропускаю слова «лѣчилъ всѣ болѣзни», какъ ненужныя и относящіяся къ чудеснымъ доказательствамъ истинности ученія.

Ἰδὼν δὲ τοὺς ὄχλους, ἐσπλαγχνίσθη περὶ αὐτῶν, ὅτι ἦσαν ἐκλελυμένοι καὶ ἐρριμένοι ὡσεὶ πρόβατα μὴ ἔχοντα ποιμένα.
Тότε λέγει τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ· Ὁ μὲν θерисμὸς πολὺς, οἱ δὲ ἐργάται ὀλίγοι.
δεήθητε οὖν τοῦ κυρίου τοῦ θерисμοῦ, ὅπως ἐκβάλῃ ἐργάτας εἰς τὸν θерισμόν αὐτοῦ.
Ἰδὼν δὲ τοὺς ὄχλους, ἀνέβη εἰς τὸ ὄρος· καὶ καθίσαντος αὐτοῦ, προσῆλθον αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ.

Καὶ αὐτὸς ἐπάρας τοὺς ὀφθαλμούς αὐτοῦ εἰς τοὺς μαθητάς αὐτοῦ, ἔλεγε· μακάριοι οἱ πτωχοί, ὅτι ὑμετέρεα ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ.

Μακάριοι οἱ πενῶντες νῦν· ὅτι χορτασθήσεσθε.

Мѡ. IX, 36. Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря.

37. Тогда говорить ученикамъ Своимъ: жатвы много, а дѣлателей мало;

38. итакъ молитѣ Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою.

Мѡ. V, 1. Увидѣвъ народъ, Онъ взошелъ на гору; и когда сѣлъ, приступили къ Нему ученики Его.

Лк. VI, 20. (Мѡ. V, 3). И Онъ, возведши очи Свои на учениковъ Своихъ, говорилъ: блаженны нищие духомъ, ибо ваше есть Царствіе Божіе.

Лк. VI, 21. (Мѡ. V, 6). Блаженны алчущіе нынѣ, ибо насытитесь.

Глядя на народъ, Иисусъ бо-
лѣлъ о нихъ, что они какъ ше-
лудивыя овцы безъ пастуха.

И, увидѣвъ народъ, Иисусъ
взошелъ на гору и сѣлъ тамъ,
и подошли къ нему ученики
его.

И, поднявъ глаза на учени-
ковъ ¹⁾, сказалъ: счастливы ни-
щие ²⁾, бродяги, потому что
ваше ³⁾ царство Бога.

Счастливы тѣ, что голодны
теперь,—вы насытитесь ⁴⁾.

Примѣчанія.

1) Надо не забывать, что какъ по Матѳею, гдѣ сказано, что передъ тѣмъ, какъ Иисусъ началъ говорить, «ученики подошли къ нему», такъ и по Лукѣ, гдѣ сказано, что «поднявъ глаза на учениковъ, Онъ началъ говорить»,—надо не забывать, что Иисусъ говорить народу, но рѣчь свою обращаетъ къ ученикамъ, и по Лукѣ говорить имъ: «Блаженны вы нищие», разумѣя ихъ такъ же, какъ и себя,—нищими, бродягами.

2) У Матѳея стоитъ: πτωχοὶ τῷ πνεύματι; у Луки (въ греческомъ текстѣ) просто πτωχοί. У Луки ли пропущено πνεύματι или у Матѳея прибавлено? Чтобы рѣшить это, надо прежде понять, что значитъ въ этомъ мѣстѣ πνεύματι.

Вотъ что говорятъ церковныя объясненія на слово «духомъ» (Толк. Ев. Архм. Мих. Ев. Мѡ. стр. 66).

Блаженны: Какое блаженство здѣсь разумѣется—показываютъ объясненія, слѣдующія за каждымъ изреченіемъ блаженны, т. е. блаженство царства Мессіи.

Нищие духомъ: — бѣдные духомъ. Быть бѣднымъ духомъ — значить имѣть смиренное понятіе о своихъ духовныхъ качествахъ, уничтожить себя, считать себя грѣшникомъ, вообще бѣдный духомъ есть смиренный, качество противоположное гордости, тщеславію или самолюбію. Поелику Адамъ палъ отъ гордости, возмечтавъ быть Богомъ, то Христосъ возставляетъ насъ посредствомъ смиренія (Оеофилактъ, ср. Злат.). Присовокупилъ духомъ, чтобы ты разумѣлъ смиреніе, а не бѣдность (Іеронимъ).

Для чего же не сказалъ смиренны, а нищие? Потому что послѣднее выразительнѣе перваго (Злат.). Таковымъ принадлежитъ царство небесное, т. е. они способны и достойны получить блаженство въ царствѣ небесномъ: ибо смиренный, сознавая свою грѣховность и недостойнство, вполне предается водительству божественной благодати, нисколько не надѣясь на свои духовныя силы, и благодать приводитъ его къ царству. Смиреніе есть дверь въ царство небесное.

Вотъ что говоритъ Рейсъ (Nouv. Test. t. I, p. 195).

En général, ces macarismes exaltent la condition de ceux qui préfèrent aux jouissances de ce monde la vie en Dieu et la paix avec le ciel. L'expérience prouve, que ce choix est douloureux et difficile, parce que la faiblesse humaine se heurte contre deux écueils également formidables et dangereux. D'un côté on se trouve en face de l'antipathie du monde qui n'a que le mépris ou la haine pour tout ce qui lui est étranger: de l'autre côté il y a l'orgueil naturel de l'esprit et les mauvais penchans du coeur, qui nous sollicitent incessamment et nous écartent de la voie du salut. Voilà pourquoi Jésus appelle heureux ceux qui savent éviter ces écueils, vaincre leurs affections vicieuses, reconnaître leur imperfection naturelle, braver les séductions et les menaces d'un monde pervers et hostile; et accepter ce que cette résolution courageusement prise et exécutée peut leur valoir d'épreuves et de tribulations.

Все это можетъ быть глубокомысленно, но все это мысли Оеофилактовъ, Іеронимовъ, Рейсовъ, но не Христа. Ибо если бы въ этомъ мѣстѣ Христосъ хотѣлъ сказать о смиреніи, то онъ и сказалъ бы это ясно, какъ онъ говорилъ во многихъ и многихъ мѣстахъ.

Здѣсь же Иисусъ, очевидно, ничего не хотѣлъ говорить о смиреніи, во 1-хъ, потому, что нищета духа, т. е. соединеніе словъ πτωχοὶ τῷ πνεύματι не имѣетъ никакого смысла. Пτωχοί значить собственно: нищій, бездомникъ, бродяга безъ того презрительнаго значенія, которое приписывается этому слову, и потому нельзя сказать: «бродяга духомъ».

Во 2-хъ, потому, что все Евангеліе учить о томъ, что надо возвысить духъ, жить духомъ. Какимъ же образомъ Иисусъ скажетъ, что блаженны тѣ, которые бѣдны духомъ?

Въ 3-хъ, у Матѳея сказано: блаженны вообще нищие духомъ, а потомъ въ числѣ этихъ блаженствъ перечисляются другія, вытекающія изъ этого состоянія блаженства. Между тѣмъ «алчущіе правды» никакъ не соединяется съ понятіемъ смиренія. Если понятіе «алчущіе правды» и не противоположно понятію смиренія, то уже никакъ не вытекаетъ изъ смиренія.

Въ 4-хъ, всѣ слѣдующія блаженства, — потому что только къ первому блаженству прибавлены слова: ихъ-то есть царство Божіе,—очевидно должны разъяснить блаженства, вытекающія изъ перваго. Но понятія: алчущіе правды, милостивые, чистые сердцемъ — не вытекаютъ изъ понятія смиренія.

Въ 5-хъ, награды, обѣщаемыя за перечисляемые свойства, про-

тивоположны понятію смиренія: *увидятъ Бога, получатъ землю, нарекутся сынами Бога.*

Изъ этого видно, что переводъ *πτωχοί τῶ πνεύματι* «смирненными», совершенно неправиленъ и невозможенъ, что два слова эти въ соединеніи своемъ не имѣютъ никакого значенія.

Какое же имѣетъ значеніе *πτωχοί* безъ *πνεύματι*?

По Лукѣ Иисусъ говоритъ: Блаженны вы, *бродяги*, потому что вы въ царствіи Божіемъ.

1) Значеніе этихъ словъ можетъ быть весьма не согласно съ сужденіями Иеронима и богатаго юноши и всѣхъ нынѣшнихъ и прежнихъ богачей, называющихъ себя христіанами и носителями истинъ христіанскихъ, но значеніе это совершенно филологически точно. Иисусъ говоритъ, что по ученію его блаженны бродяги, *то самое*, что онъ поручилъ сказать Іоанну, когда его спросили, о чемъ его ученіе.

2) Значеніе это совершенно согласно съ послѣдующею рѣчью въ которой перечисляются тѣ бѣды, которыя испытываютъ бродяги—по Лукѣ: горе, голодъ и гоненія.

3) Значеніе это совершенно согласно со всѣмъ смысломъ ученія, до и послѣ Нагорной проповѣди и со всей Нагорной проповѣдью.

Іоаннъ былъ нищій, бродяга. Иисусъ всю жизнь былъ бродягой. Иисусъ и учитъ, что богатымъ нельзя войти въ царство Божіе, что надо отвергнуться отъ всего и т. п., и вся Нагорная проповѣдь почти только объ этомъ и говоритъ. И начинается Нагорная проповѣдь тѣмъ, что *блаженны бродяги*, и кончается тѣмъ, что не надо собирать, а жить, какъ птицы и цвѣты полевые.

Изъ всего этого ясно, что слово *πνεύματι* не пропущено у Луки, но прибавлено у Матвея.

Но зачѣмъ и какъ прибавлено это слово?

Могло быть то, что въ какой-нибудь версіи было сказано: Блаженны духомъ нишіе *πτωχοί οἱ πνεύματι*, т. е. что нишіе—бродяги все-таки блаженны духомъ. Этимъ можно объяснить появленіе въ этомъ мѣстѣ неожиданнаго слова *πνεύματι*. При перепискахъ же и передачахъ понятно, что люди, руководимые тѣмъ же чувствомъ, которое охватило и богатаго юношу, когда онъ узналъ, что царство Божіе принадлежитъ бездомовникамъ, перенесли это *πνεύματι* къ *πτωχοί* и, какъ Иеронимъ, объяснили, что Иисусъ нарочно присовокупилъ «духомъ», чтобы понимали, что не бѣдные, а смиренныя. Получившійся темный смыслъ этихъ первыхъ словъ у Матвея сдѣлалъ то, что при перепискахъ въ эти же первые стихи вошли у Матвея изреченія, вовсе не подходящія къ первому блаженству, именно: стихи 5, 6, 7, 8, 9.

Мт. V, 5. Блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю.

6. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.

7. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ.

8. Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.

9. Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божиими.

Мысли, выраженныя въ этихъ стихахъ, не говоря уже о неясности нѣкоторыхъ, и о томъ, что изреченія эти суть повторенія

изреченій Ветхаго Завета, мысли эти ничего не выражаютъ такого, что бы не выражено было въ другихъ мѣстахъ Евангелія болѣе у мѣста и сильнѣе; здѣсь же они, очевидно, не въ своемъ мѣстѣ и вставлены случайно.

Для того неяснаго смысла, который получается отъ 3-го стиха, при прибавленіи слова «духомъ», они могли быть вставлены, но при томъ ясномъ смыслѣ, который даетъ версія Луки, они, очевидно, излишни, не у мѣста и нарушаютъ смыслъ. И потому я пропускаю, какъ непонятное слово *πνεύματι*, такъ и вставленные стихи. Для того, чтобы ясно было, что пропускъ этотъ ничего не измѣняетъ въ смыслѣ проповѣди и не вноситъ никакихъ новыхъ мыслей, выпи-сываю здѣсь толкованіе на это мѣсто Церкви и Рейса. И въ томъ и другомъ видно, что толкователи изобрѣтаютъ смыслъ, который бы можно было подвести подъ самыя неясныя и незначительныя слова. (Толк. Ев. Архм. Мих. стр. 67—70).

Кроткіе: Кротость выражается особенно въ терпѣливомъ перенесеніи обидъ, причиняемыхъ другими. Это—не слабость характера, не пренебреженіе своими правами законными, не трусость, но свойство противоположное гнѣву, злобѣ и мстительности. Кроткій, перенося обиды, убѣжденъ, что Богъ, по своему правосудію, самъ отомститъ за его оскорбленіе, если то нужно (Рим. XII, 19). Кротость рождаетъ миръ и укрощаетъ гнѣвливость и свары.

Наследуютъ землю: образное выраженіе, заимствованное, вѣроятно, отъ наслѣдованія Іудеями земли обѣтованной. Обѣтованіе наслѣдовать землю Ханаанскую было выраженіемъ благоволенія, высокихъ благъ. Такимъ образомъ это выраженіе въ разсматриваемомъ мѣстѣ означаетъ не то, что кроткіе получаютъ въ наслѣдіе владѣнія земли, но что они получаютъ высшія благословенія, высшія блага, особенно въ будущей жизни. Не исключаются здѣсь, впрочемъ, и *блага чувственныя въ сей жизни*.

Такъ какъ кроткій человѣкъ можетъ подумать, что онъ теряетъ свое имущество, то Христосъ обѣщаетъ противное, говоря, что кроткій *безопасно владѣетъ своимъ имуществомъ*, онъ ни дерзокъ, ни тщеславенъ; кто же, напротивъ, будетъ таковымъ, тотъ лишится и наслѣдственнаго имѣнія и даже погубитъ и самую душу. Посему обѣтованіе Спасителя означаетъ, что кроткіе въ царствіи его получаютъ блага, какія онъ принесетъ съ собою и здѣсь, на землѣ, и въ горной землѣ, въ царствѣ небесномъ.

Алчущіе и жаждущіе правды: алчба и жажда служатъ образомъ сильнаго желанія получить то или другое благо духовное. Правда есть правота передъ Богомъ или оправданіе передъ судомъ правды Божіей, совершаемое Господомъ. Иисусомъ и усвоенное человекомъ вѣрою въ Его искупительное дѣйствіе.

Алкать и жаждать правды означаетъ такимъ образомъ сильное, подобное тѣлесной алчбѣ и жаждѣ, желаніе быть праведнымъ, или оправданнымъ предъ Богомъ вѣрою въ Господа Христа, какъ искупителя міра. Насытятся, т. е. сею правдою; оправданіе будетъ даровано имъ въ царствѣ Мессіи, они достигнутъ его, будутъ приведены. Если разумѣть здѣсь правду въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ тотъ видъ правды, который противоположенъ любостыжливости, то подъ насыщеніемъ можно разумѣть и чувственную награду, «ибо кто любитъ справедливость, что довольны малымъ, а гораздо болѣе въ жизни будущей (Аван. Велик.).

Милостивые: тѣ, которые будучи тронуты несчастіями и вообще страданіями другихъ, помогаютъ имъ тѣмъ, могутъ, своими стяжаніями или софѣтами, или благоснисхожденіемъ къ ихъ немощамъ, или вообще тѣмъ, въ чемъ ближній имѣетъ нужду. За то они сами помилованы будутъ. Господь самъ за ихъ милосердіе будетъ милосердъ къ нимъ. Онъ приметъ ихъ въ свое царство, что само по себѣ служить знакомъ великаго милосердія Божія къ человѣку и утѣшитъ ихъ болѣе, чѣмъ они утѣждали другихъ (ср. Мт. 10, 42; 25, 34—40 и т. д.). Впрочемъ, они помилованы будутъ еще и здѣсь отъ людей. Ибо кто вчера

оказывалъ милость и сегодня пришелъ въ бѣдность, тому всѣ будутъ оказывать милость (Феоф.).

Чистые сердца: тѣ, которыхъ дѣйствія, мысли, намѣренія и нравственные правила дѣятельности чисты, безкорыстны, правдивы, вообще люди, соблюдающие духовную чистоту, которые приобрѣли всецѣлую чистоту и не сознаютъ за собою никакого лукавства, или которые въ цѣломудріи проводятъ жизнь; ибо для того, чтобы видѣть Бога, мы ни въ чемъ столько не имѣемъ нужды, какъ въ этой добродѣтели (Злат.).

Бога узрѣть: не только въ духовномъ созерцаніи, но и тѣлесными очами въ Его явленіяхъ и не только въ будущемъ вѣкѣ, когда они вмѣстѣ со всѣми святыми будутъ наслаждаться лицезрѣніемъ Божиимъ, но и въ настоящемъ, когда они по чистотѣ своего сердца болѣе другихъ способны въ собственной лѣпотѣ своей видѣть Бога и вступать въ общеніе съ нимъ. Какъ зеркало тогда отражаетъ образы, когда чисто, такъ и можетъ созерцать Бога и разумѣть писаніе только чистая душа (Феоф. ср. Афан. Вел.). Это обѣтованіе не противорѣчитъ тѣмъ мѣстамъ Писанія, въ которыхъ говорится о невозможности для человека видѣть Бога (Исх. 33, 20; Ин. 1, 18; 6, 46; I Тим. 6, 16 и др.), ибо въ сихъ послѣднихъ мѣстахъ говорится о полномъ видѣніи или познаніи Бога въ Его существѣ, что дѣйствительно невозможно, но о видѣніи Бога человекомъ, насколько то возможно для сего послѣдняго, часто говорится въ писаніи: Ибо Богъ открывается человеку въ доступныхъ ему образахъ, хотя самъ въ себѣ духъ чистѣйшій (Злат.).

Миротворцы: тѣ, которые, живя въ мірѣ со всѣми, употребляютъ свои средства, свое вліяніе для умиротворенія людей въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ, предотвращаютъ распри, раздоры, мирятъ противниковъ и проч.

Сынами Божиими: всѣ вѣрующіе суть дѣти одного Отца небеснаго, но особенно миротворцы (Мф. 1, 1; Римл. 8, 17; Гал. 4, 5).

Богъ есть Богъ мира (I Кор. 14, 33), тѣ, кто производитъ миръ между людьми, особенно въ семь уподобляется Богу и въ особенности достойны быть названы сынами Божиими. Они особенно уподобляются и Богочеловѣку, пришедшему на землю именно для того, чтобы примирить Бога и людей, и въ семь случаевъ суть истинныя чада Богочеловѣка (ср. Злат. и Феоф.).

Нарекутся, т. е. будутъ дѣйствительно таковыми.

Рейсъ (стр. 196):

Nous pensons qu'on peut facilement ramener toutes les qualités du vrai disciple de Christ, énumérées dans notre texte, à cette idée fondamentale et simple. La pauvreté en esprit n'est donc ni la misère matérielle supportée pieusement, ni le manque de capacités intellectuelles. Elle est opposée à la richesse imaginaire, qui est essentiellement celle de l'homme qui prétend être moralement parfait ou quitte envers Dieu; et de même qu'elle a la conscience de ce qui lui manque à cet égard, elle s'empresse aussi d'aller à la véritable source du bien et de la vérité. (Le terme est fréquemment employé dans les Psaumes dans un sens analogue). Les autres qualifications n'ont pas besoin d'explication; nous aurons seulement à justifier l'emploi du mot résigné, que nos prédécesseurs remplacent par doux et débonnaire. Cette dernière version est acceptable, et semble bien s'accorder avec la miséricorde et l'esprit pacifique. Mais comme dans les premières phrases il s'agit plutôt de rapports religieux que sociaux, et qu'à vrai dire tout se concentre dans l'idée qu'il faut agir de manière à être bien avec Dieu, la douceur d'humeur s'exprimera dans la soumission à la volonté suprême, l'amour de la paix se révélera dans l'abnégation, dans la patience, dans le renoncement à la lutte agressive ou rémunératrice avec le monde (v. 38 suiv.). Et la miséricorde même (dont le nom en hébreu est identique avec celui de la charité) peut rentrer dans le même cercle d'idées. La pureté du cœur est naturellement opposée à la pureté légale, à une pratique réglementaire des devoirs civils ou rituels. Enfin la justice, qui dans le sens judaïque est l'exact accomplissement des prescriptions positives, sera dans le sens évangélique (v. 20) la perfection intérieure, telle que la suite du discours la décrira par une série d'exemples.

3) *ὅτι ὁρατοῦ ἐστί* ... значить: для васъ доступно, вы уже въ цар-

ствіи Божіемъ, потому что вы бродяжи. Для бродягъ царство Божіе открыто, доступно и закрыто отъ (богатыхъ) богачей.

4) *χορτάσκειν* значить: **маститъ, откармливать, умаститъся.** Здѣсь оно значить полное удовлетвореніе въ противоположность неполнаго удовлетворенія ѣдой, т. е. **удоволить.**

Μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν ὅτι γελᾶτε.

Μακάριοι ἐστε, ὅταν μισήσωσιν ὑμᾶς οἱ ἄνθρωποι, καὶ ὅταν ἀφορίσωσιν ὑμᾶς, καὶ ἀναιδέσωσιν, καὶ ἐκβάλωσιν τὸ ὄνομα ὑμῶν ὡς πονηρὸν, ἕνεκα τοῦ οἴου τοῦ ἀνθρώπου.

Χαίrete ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ καὶ σιγήσατε· ἰδοὺ γὰρ ὁ μισθὸς ὑμῶν πολλὸς ἐν τῷ οὐρανῷ· κατὰ ταῦτα γὰρ ἐποίησαν τοῖς προφήταις οἱ πατέρες αὐτῶν.

Πλὴν οὐαὶ ὑμῖν τοῖς πλουσίοις ὅτι ἀπέχετε τὴν παράκλησιν ὑμῶν.

Οὐαὶ ὑμῖν οἱ ἐμπληρωμένοι νῦν ὅτι πεινάσετε. Οὐαὶ ὑμῖν οἱ γελοῦντες νῦν ὅτι πενθήσετε καὶ κλαύσετε.

Οὐαὶ ὑμῖν ὅταν χαλῶς ὑμᾶς εἰπῶσι πάντες οἱ ἄνθρωποι κατὰ ταῦτα γὰρ ἐποίησαν τοῖς ψευδοπροφήταις οἱ πατέρες αὐτῶν.

Лк. VI, 21. (Мф. V, 4.) Благданни плачущіе нынѣ, ибо возсмѣетесь.

Лк. VI, 22. (Мф. V, 11.) Благженны вы, когда возненавидятъ васъ люди и когда отлучатъ васъ и будутъ поносить, и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына Человѣческаго.

Лк. VI, 23. (Мф. V, 12.) Возрадауйтесь въ тотъ день и возвеселитесь, ибо велика вамъ награда на небесахъ. Такъ поступали съ пророками отцы ихъ.

Лк. VI, 24. Напротивъ горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе.

25. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете.

26. Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо. Ибо такъ поступали съ лжепророками отцы ихъ.

Примѣчанія.

1) *πλὴν*, указывающій на противоположеніе, показываетъ, что *οὐαὶ* съ дательнымъ противоположно *μακάριος*.

2) *οὐαὶ ὑμῖν* съ дательнымъ не можетъ быть переведено иначе какъ прилагательнымъ жалкій.

Счастливы тѣ, что плачутъ теперь, потому что вы будете смѣяться.

Счастливы вы и когда будете ни во что считать васъ люди и когда отшатнутся отъ васъ и ругать будутъ, и осудятъ дѣло ваше, назовутъ его дурнымъ за сына человѣческаго.

Веселитесь тогда и пляшите, потому что заслуга вамъ велика у Бога. То же дѣлали съ пророками ихъ отцы.

Но 1) жалки 2) вы, богатые! Жалки потому, что вы удаляете отъ себя утѣшеніе 3).

Жалки вы, пресыщенные, потому что будете бѣдствовать. Жалки всѣ тѣ, что смѣются теперь, потому что будете горевать и плакать.

Жалки вы, если восхваляютъ васъ всѣ люди; такъ-то всѣ хвалили лжепророковъ отцы ихъ.

3) Слова *οτι απεχετε την παρρησιαν υμων* переводятся обыкновенно самым неправильным образом: «получили утѣшеніе». *Απεχω* значить *удалять отъ себя*, т. е. не входитъ въ царство Божіе. Это выраженіе соотвѣтствуетъ выраженію: *потому что ваше царство Божіе*.

Какъ дальнѣйшія блаженства суть послѣдствія нищенства, такъ здѣсь дальнѣйшія несчастія суть послѣдствія отталкиванія отъ себя утѣшенія царства Божія.

Изъ всего ученія и примѣра Иисуса вытекаетъ то, что для достиженія царства Божія нужно не заботиться о плотской жизни. Иоаннъ, первый возвѣстившій царство Божіе, жилъ въ пустынѣ. И Иисусъ ушелъ въ пустыню и послѣ пустыни жилъ безъ дома и собственности. Главная мысль искушенія есть отрицаніе благъ земныхъ.

Бесѣда съ Симономъ и блудницею, притча о фарисеѣ и мытарѣ, наставленіе о томъ, что сквернить человѣка, бесѣда съ самарянкою, бесѣды съ фарисеями, съ Никодимомъ—выражаютъ бесполезность для блага и жизни всего земного и плотскаго. Притча о произрастающихъ сѣменахъ, гдѣ сказано, что двѣ главные преграды для вступленія въ царство Божіе—это страхъ передъ гоненіями и любовь къ богатству,—все говоритъ объ отреченіи отъ заботъ земныхъ. Человѣкъ, отрекшійся отъ заботъ земныхъ, есть нищій.

И вотъ Иисусъ прямо называетъ то внѣшнее положеніе, которое нужно для вступленія въ царство Божіе. Онъ говоритъ: *Блаженны нищіе—ихъ есть царство Божіе*.

Въ бесѣдѣ по случаю Иоанна Иисусъ сказалъ, что его ученіе въ томъ, что нищіе, бродяги — блаженны.

Прежде положеніе о томъ, что для блага не нужно заботиться о земномъ, вытекало изъ другихъ положеній; теперь же Иисусъ, излагая сущность своего ученія, обращаясь къ народу и, выражая свою мысль доступно всѣмъ, говоритъ, что *только нищій и бродяга* можетъ войти въ царство Божіе, что богатые, пресыщенные и восхваляемые не войдутъ, потому что богатство, пресыщенность и слава удаляютъ царство Божіе. И вся дальнѣйшая проповѣдь есть только доказательство этого положенія.

Соль земли; свѣтъ міра.

Τρεῖς ἔστε τὸ ἅλας τῆς γῆς· ἐὰν δὲ τὸ ἅλας ρωρανθῇ, ἐν τίνι ἀλισθησεται; εἰς οὐδὲν ἰσχύει ἔτι, εἰ μὴ βληθῆναι ἔξω, καὶ καταπατεῖσθαι ὑπὸ τὸν πόδιν τοῦ ἀνθρώπου.

Τρεῖς ἔστε τὸ φῶς τοῦ κόσμου. Ὁ δυνάται πῦρ· κροθῆναι ἐπ' αὐτὸ οὐδὲν ὀρθὸς κερμένη. Ὁδὲ καί ποτε λαχόν, καὶ τῶρα αὐτὸν ὑπὸ τὸν πόδιν, ἀλλ' ἐπὶ τῇ λυχνίᾳ, καὶ λάμπει πᾶσι τοῖς ἐν τῇ οἰκίᾳ.

Ὅτι οὐ λαμπρὰ τὸ φῶς ὅταν ἐμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων, ὅπως ἴδωσιν ὅτι οὐκ ἔστιν ἔργα, καὶ δοξάσωσιν τὸν πατέρα ὅταν τὸν ἐν τοῖς ὕδασι.

Мѡ. V, 13. (Мр. IX, 50; Лк. XIV, 34, 35). Вы — соль земли. Если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на погребіе людямъ.

Мѡ. V, 14. Вы — свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы.

Мѡ. V, 15. (Лк. XI, 33). И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ.

Мѡ. V, 16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго.

Вы соль міра¹⁾; если ужъ соль не солонна²⁾, то чѣмъ посолить? Никуда ужъ она не годна. Развѣ что бросить ее подъ ноги людямъ.

Не можетъ скрыться городъ на вершинѣ горы.

И кто зажигаетъ свѣтъ, тотъ не ставитъ его подъ четверикъ, а ставитъ его на подсвѣчникъ, чтобы онъ свѣтилъ всѣмъ въ горницѣ.

Такъ чтобы свѣтилъ вашъ свѣтъ передъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и понимали³⁾ бы Отца вашего—Бога.

Примѣчанія.

1) *γῆ* — обитаемая земля, міръ, и потому я перевожу: *міра*, или *всего міра*.

2) *ρωρανθῇ* значить: *одурѣетъ*, но нельзя иначе перевести какъ—*разсолится*. Соль въ Палестинѣ была не такая, какъ наша, вываренная или ископаемая, но битуминозная, и потому скоро теряла свою соленость.

Смыслъ тотъ, что «вы служите солью міру, т. е. дѣлаете его хорошимъ; но если соль перестанетъ быть солью, то чѣмъ осолится міръ людей, чѣмъ они осолются, что же сдѣлаетъ ихъ хорошими?»

3) *δοξάσω* — *думать, понимать, почитать*. «Славить» есть переносное значеніе, неприложимое здѣсь.

Вотъ какъ это мѣсто объясняется Церковью (Толк. Еванг. Архм. Мих. Ев. Мѡ., стр. 71—74):

Вы: относится какъ къ ближайшимъ ученикамъ Господа, непосредственно слушающимъ Его и ко всѣмъ вообще ученикамъ Христовымъ, истиннымъ христіанамъ.

Соль земли—рѣчь иносказательная. Соль предохраняетъ отъ порчи продукты снѣдкомыя и дѣлаетъ пищу здоровою и пріятною. Подобно сему христіане должны своею дѣятельностью, своимъ поведеніемъ и примѣромъ жизни предохранять міръ отъ нравственной порчи и тлѣнія и способствовать его нравственному здравію. Своими молитвами привлекая на міръ Божіе благословеніе, своею чистою жизнью, имѣя нравственное вліяніе на окружающую среду, они должны предотвращать совершенное паденіе міра въ пороки и преступленія, развивать и укрѣплять въ немъ здравыя мысли и понятія, здравыя начала для нравственной дѣятельности.

Если соль теряетъ силу и проч.: сдѣлается несоленою; это, конечно, невозможно, но Спаситель только предполагаетъ случай: если бы случилось такъ,

что соль стала бы несоленою. Впрочем, путешественники замѣчали, что въ тѣхъ странахъ есть видъ соли, который совершенно можетъ терять свою силу и ни къ чему не бываетъ годенъ, какъ развѣ выбросить вонъ на погребіе людямъ—на дорогу.

„Я отломилъ кусокъ такой соли,“ говоритъ одинъ изъ путешественниковъ (Мондрель—Reise nach Palestina von Maundrell, p. 162.) „часть его выставилъ на дождь, на солнце и воздухъ, и хотя видны были нѣкоторыя блестящія соли, но она совершенно потеряла свою силу. Внутри же сила сохранялась, какъ убѣдилъ меня опытъ.“

Образное выраженіе это значитъ: Если вы, ученики мои, и учителя вселенной, потеряли бы внутреннюю нравственную силу и вліяніе на міръ, то что же можетъ даровать силу эту и вліяніе? Ничто. Если бы и вы оказались безсильными обновить міръ, предохранивъ его отъ дальнѣйшей порчи и нравственно укрѣпивъ его, то что же съ нимъ будетъ и что васъ самихъ можетъ укрѣпить и сдѣлать способными возобновить міръ? Ничто, и вы сами погибнете, какъ соль, которая потеряла бы силу и была бы выброшена на погребіе. Особенно, учитель, если потеряетъ умъ, т. е. не будетъ учить, обличать и исправлять, и разлѣнится, то чѣмъ исправится. Онъ долженъ быть лишень учительскаго сана и подвергнутъ презрѣнію (Феоф. ср. Злат.).

Вы *свѣтъ міра*: опять рѣчь иносказательная. Свѣтомъ или точнѣе свѣтиломъ міра называется солнце. Солнце дѣлаетъ предметы видимыми, показываетъ ихъ образъ, красоту или безобразіе и оживляетъ.

Слово *свѣтъ* употребляется въ рѣчи объ умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи. Свѣтъ есть и источникъ и образъ просвѣщенія. Въ такомъ смыслѣ названіе свѣта относится собственно къ Господу Иисусу, такъ какъ Онъ есть свѣтъ, просвѣщающій міръ,—источникъ свѣта всякаго вѣдѣнія. Апостолы, ученики Христовы и всѣ вѣрующіе истинные христіане суть лучи солнца правды и свѣтильники міра настолько, насколько они своею жизнью и ученіемъ просвѣщаютъ то, что самъ Богъ возвышаетъ намъ о себѣ: они должны просвѣщать умственно слѣпыхъ и оживлять омертвѣвшихъ.

Міра: опять *міра* (какъ и въ ст. 13), не одного народа, но всей вселенной (Злат.).

Не можетъ укрыться городъ и проч.: многіе города Іудеи, какъ и другихъ странъ, расположены были на вершинахъ горъ или холмовъ, такъ что издали могли быть видимы. Мондрель говоритъ, что близъ того мѣста, гдѣ (предположительно) говорилъ бесѣду сію Господь, на горѣ стоитъ еще доселѣ городокъ, называемый Сафатъ (древняя бесѣда), видимый издали, и, можетъ быть, Спаситель, произнося сіи слова, указывалъ на этотъ городокъ, уподобляя ему своихъ учениковъ. И они издали видимы и должны быть видимы; ихъ дѣйствія не могутъ и не должны быть скрываемы: они міра должны быть и будутъ обращены на нихъ. (Ср. Злат. и Феоф.). Если бы они малодушно захотѣли скрываться, то это было бы такъ же неестественно, какъ неестественно городу, стоящему на горѣ, быть невидимымъ или скрытымъ.

Не ставятъ подъ сосудомъ, который бы скрывалъ свѣтъ; иначе не для чего было бы и зажигать свѣчу. Тоже и въ отношеніи вѣры христіанской и ко жизни просвѣщать весь міръ, распространять благо ея на всѣхъ. Христіане не должны ея скрывать, но исповѣдывать и распространять всюду, иначе не достигалась бы вполнѣ высокая цѣль Христова.

Такъ да *свѣтитъ* и пр.: пусть ваша вѣра, добродѣтельная жизнь и ваше чистое исповѣданіе вѣры будутъ видимы и извѣстны всѣмъ и вездѣ, во всякомъ положеніи общественномъ, на всѣхъ должностяхъ, дома и внѣ, въ счастіи и несчастіи, въ богатствѣ и бѣдности.

Проклаивали Отца и пр.: Побужденіе, по которому христіане должны такъ являться міру, не то, чтобы быть только видимыми (міру) отъ людей, что было бы хвастовствомъ, но единственно слава Отца небеснаго; не сказалъ: вы покаивайте свою добродѣтель, это не хорошо, но да свѣтитъ она сама такъ, чтобы самые враги ваши подивились и прославляли не васъ, но Отца вашего Небеснаго (Феоф. ср. Злат.). Фарисеи показывали свои добродѣтели міру, чтобы быть видимыми отъ людей; христіанинъ не долженъ заботиться объ этомъ, но о томъ, чтобы чрезъ него славу давали люди Богу, видя высокую жизнь ихъ и

чистоту вѣры; не собственно *тщеславіе*, которое строго воспрещено Спасителемъ, но слава Божія,—вотъ цѣль поведенія христіанина въ отношеніи къ другимъ.

По толкованіямъ этимъ вытекаетъ опять, что слова эти о соли и *свѣтъ* собственно ничего не значатъ, не имѣютъ никакой связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, и сказаны только для того, чтобы Церковь по своему растолковала намъ ихъ.

По Рейсу выходитъ то же. Рейсъ даже прямо говоритъ, что слова эти неумѣстны и что можно найти для нихъ смыслъ, и онъ находитъ (Рейсъ, стр. 198—200):

Ce second morceau non-seulement se détache de ce qui précède et de ce qui suit, de sorte qu'on aurait tort de rechercher péniblement une liaison plus intime des divers éléments, mais les passages parallèles des autres évangiles, que nous avons dû emprunter à quatre contextes absolument différents, peuvent faire naître des doutes au sujet de la place qui est assignée ici aux sentences alléguées. Néanmoins il y aura moyen de leur trouver un sens parfaitement approprié à la tendance de tout ce discours, celui-là même que le rédacteur a dû avoir en vue en les plaçant ici.

Il s'agit encore des disciples de Jésus, mais pas le moins du monde exclusivement de ceux qu'il a appelés ses premiers apôtres. Tout à l'heure il leur a été dit qu'ils avaient à s'attendre à des conflits avec le monde, et à une séparation d'avec lui, laquelle à plusieurs égards serait même un devoir pour eux. Maintenant, au contraire, il leur est parlé de devoirs qui les rapprocheront du monde, qui les mettront avec lui dans des relations directes et suivies. Cela est exprimé d'une manière figurée ou allégorique.

1. Vous êtes le sel de la terre. Le sel sert à assaisonner la nourriture, mais surtout à la préserver de la corruption ou décomposition. Jésus se servait de cette image avec l'application spéciale à la fabrication du pain (Matth. XIII, 33), et de manière que sa pensée ne présente pas d'obscurité. Sur la terre, c'est-à-dire dans la grande masse de l'humanité, ses disciples sont et doivent être un élément salutaire, destiné à la pénétrer et à lui communiquer une vertu ou qualité indispensable pour sa santé, comme le levain est pour la pâte de farine une condition de saveur et de salubrité. Il importe donc que ce principe de santé, cette puissance de régénération active, soit réellement en eux d'abord, car si elle faisait défaut, il n'y aurait pas moyen de la remplacer. Le sel qui a perdu sa force, sa nature, ne peut plus la recouvrer, litt.: ne peut plus être sa l'é de nouveau, il n'existe pas d'autre matière qui puisse lui donner ce qu'il possédait et ce qu'il aurait perdu. Il convient de se placer au point de vue d'une époque où Jésus lui-même n'y serait plus, et où, par conséquent, il ne susciterait plus d'autres disciples à la place de ceux qui auraient manqué à leur vocation. Il parle ici à la totalité et n'a pas égard à la distinction à faire éventuellement entre ceux qui resteraient fidèles et ceux qui feraient défaut.

2. Vous êtes la lumière du monde. Cette seconde image est si populaire qu'il suffira de rappeler qu'elle ne doit pas être restreinte au progrès de l'intelligence. Le Nouveau Testament ne sépare pas dans l'homme la nature spirituelle et la nature morale. Dans le ménage, quand on allume un flambeau, c'est pour éclairer la chambre; il serait absurde d'aller cacher sous un meuble ce qui doit répandre la clarté. C'est ainsi que ceux qui ont eux-mêmes reçu communication de la lumière que Jésus est venu apporter au monde, doivent à leur tour la faire servir à d'autres. Il ne suffit pas de la posséder soi-même, on ne doit pas s'en contenter comme d'un bien à mettre à profit individuellement: le grand devoir, c'est l'activité au dehors, c'est le travail pour le bien général, ce que l'apôtre plus tard, en se servant d'une autre image, a appelé l'édification. Voilà les bonnes œuvres dont parle le texte. S'il s'agissait d'œuvres de bienfaisance, Jésus ne parlerait pas de la nécessité de les faire voir (chap. VI). Glorifier Dieu veut dire, en style biblique, se ranger de son côté, se convertir à lui. La phrase incidente qui parle de la ville bâtie sur la montagne et qu'on voit de loin, dérange la simplicité de la comparaison, et pourrait bien avoir été

примитивною étrangère à ce contexte. Elle ne saurait se rapporter au devoir dont il vient d'être question, elle constate plutôt un fait. Appliqué aux disciples de Christ, ce fait, c'est qu'ils se trouveront placés en évidence, que tous les regards se porteront sur eux; il en résultera également des devoirs particuliers qu'il est facile d'entrevoir, mais auxquels notre texte ne s'arrête pas; ce serait une exégèse bien singulière et bien froide qui ferait dire au Seigneur: De même qu'une ville bâtie sur le haut d'une montagne ne peut pas être invisible, de même vous devez vous faire voir.

Ясно, что, не только не понявъ значенія словъ «блаженны нищие — бродяги», которыми начинается рѣчь, но даже умышленно придавъ этимъ словамъ другое, темное значеніе, послѣдующее разъясненіе ложно понятой мысли должно показаться неумѣстнымъ и темнымъ. Но стоитъ только держаться словъ и мысли Иисуса, и слова о соли и сѣмѣи не только не темны, но безъ нихъ было бы темно предшествовавшее и послѣдующее.

Слова: блаженны вы, нищие, бродяги, потому что ваше царство Божіе — не суть цвѣты чувствительнаго краснорѣчія, какими представляются слова: блаженны нищие духомъ и т. д., по Маттею, а страшная, ужасная истина для людей, признающихъ хорошимъ то положеніе общества, которое они себѣ устроили, и — полная радости истина для всѣхъ несчастныхъ.

И слова эти, понятныя во всей ихъ значительности, требуютъ разъясненія, и все дальнѣйшее только даетъ эти разъясненія. Разъясненіе то, что вы, нищие — соль земли, и вы блаженны, потому что ваше царство Божіе, но оно ваше только тогда, когда вы соленая соль, когда знаете, что блаженство состоитъ въ нищенствѣ, когда вы хотите его. Тогда вы соль міра. Вы украшеніе, смыслъ міра. Но если вы бродяги нечаянно и хотите быть не бродягами, то вы, какъ разсолившаяся соль, уже никуда не годны, тогда вы отребье рода человѣческаго. Бродяги, нищие, недовольные своимъ положеніемъ, уже никуда не годятся, и подѣломъ люди топчутъ ихъ ногами. Тѣмъ, что вы поняли, что вы блаженны нищенствомъ — вы свѣтъ міра, и какъ свѣтъ не прячутъ, но выставляютъ, такъ и вы не отрекайтесь отъ своего нищенства, не скрывайте его, а выставляйте, какъ свѣтъ. И свѣтъ этотъ будетъ свѣтить другимъ людямъ, и другіе люди, глядя на вашу самовольную нищенскую и блаженную жизнь, — поймутъ жизнь духа Отца нашего.

Вѣчный законъ.

Μη νομίσετε ὅτι ἤλθον καταλῆσαι τὸν νόμον ἢ τοὺς προφῆτας· οὐκ ἤλθον καταλῆσαι, ἀλλὰ πληρῶσαι.

Ἀλλ' ἵνα τὰς λέξεις οὐκ, ὥστε ἀν' ἐκείνου ὁ νόμος καὶ ἡ γὰρ ἰσχύς ἐν τῇ μίᾳ κεραίᾳ οὐ κατέλινε ἀπὸ τοῦ νόμου, ὥστε ἀν' ὅλων τῶν γένεων.

Мо. V, 17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

Не думайте, чтобы я училъ¹⁾ о томъ, какъ уничтожить²⁾ законъ³⁾. Я учу не уничтожать, а исполнять.

М. V, 18. (Лк. XVI, 17). Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не преидетъ небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не преидетъ изъ закона, пока не исполнится все.

Вѣрно говорю вамъ: пока небо и земля стоятъ, и каждое положеніе закона будетъ стоять передъ вами до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено все⁴⁾

Примѣчаніе.

1) ἐκδιδόναι (ἔλθω) во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣетъ дополненіемъ глаголь или глагольное существительное, должно быть переводимо: пришелъ открыть, объяснить, показать, учить, или просто показывать, учить.

2) καταλῆσαι τὸν νόμον значитъ: уничтожить, а νόμος съ членомъ значить во всемъ Евангеліи — законъ Божій въ противоположность закону Моисея, который всегда выражался тѣмъ же словомъ, но безъ члена.

Примѣры употребленія закона вообще, съ членомъ, въ Евангеліи: Мо. XXII, 36. Διδάσκεις, ποῖα ἐντολὴ μεγάλη ἐν τῷ νόμῳ.

XXIII, 23. Οὐκ ἔστιν, γραμματεῖς καὶ Φαρισαῖοι, αποκρίται, ὅτι ἀποδεικνύετε τὸ ἡδυσμένον καὶ τὸ ἀνθρώπινον καὶ τὸ κύνινον, καὶ ἀφίχετε τὰ βρώματα τοῦ νόμου.

Примѣры употребленія закона Моисея, безъ члена:

Лк. II, 23. Παράστηται τῷ Κορίνθῳ, καθὼς γέγραπται ἐν νόμῳ Κορίνθῳ.

24. Καὶ τὸ δοῦναι θεοῖς, κατὰ τὸ εἰρημένον ἐν νόμῳ Κορίνθῳ, и въ особенности примѣры того или другого въ посланіяхъ.

3) Во многихъ спискахъ слова ἢ τοὺς προφῆτας — «или пророковъ» опущены.

«Законъ и пророки» было обычное выраженіе, и потому естественно къ слову τὸν νόμον могло быть прибавлено προφῆται; прибавка же эта нарушаетъ смыслъ, ибо рѣчь идетъ не о законѣ и пророкахъ, а о законѣ вообще.

Исусъ говоритъ: «По всему, что вы слышали и видѣли отъ меня — отрицаніе обрядовъ, храма, и теперь по тому, что я говорю, что блаженны бродяги, и увѣщаю всѣхъ сдѣлаться бродягами, — вы можете думать, что я развязываю руки всѣмъ людямъ, говорю: дѣлай, что хочешь, нѣтъ ни хорошаго, ни дурного, нѣтъ закона. Такъ не думайте этого: я вовсе не тому учу, я не учу беззаконію, а учу исполненію закона и вотъ какого», — и говоритъ о тѣхъ правилахъ, которыя онъ даетъ: «кто будетъ поступать такъ, т. е. такъ, какъ я сейчасъ скажу, тотъ будетъ въ царствіи Божіемъ».

Мало того, въ нѣкоторыхъ цитатахъ отцовъ Церкви все мѣсто это читается такъ:

Τί δοκεῖτε; ὅτι ἤλθον πληρῶσαι τὸν νόμον ἢ τοὺς προφῆτας; οὐκ ἤλθον πληρῶσαι, ἀλλὰ καταλῆσαι.

Слово въ слово: «Что вы думаете: я пришелъ исполнить законъ или пророковъ? Не исполнить пришелъ я, а уничтожить». Только въ этомъ оборотѣ рѣчи понятны слова «или пророковъ». Очевидно, что этотъ весь оборотъ рѣчи не былъ принятъ въ законъ, но слова «или пророки» были приняты изъ него и перенесены въ рѣчь, гдѣ они непонятны.

4) Этот 18-й стихъ весь служилъ и служить до сихъ поръ камнемъ преткновенія богослововъ.
Вотъ что говоритъ Рейсъ (стр. 202 и 203):

A première vue on dirait que l'intention du Seigneur est de déclarer, de la manière la plus positive et la plus énergique, qu'il entend maintenir l'autorité absolue de la Loi jusque dans ses moindres parties. (La loi et les Prophètes, c'est la formule consacrée dans la synagogue pour désigner les livres saints dont on faisait lecture à la communauté assemblée. Voyez notre histoire du Canon, chap. I). Mais en y réfléchissant, on est d'abord arrêté par le fait que l'Eglise chrétienne a mis de côté une bonne partie de la Loi, celle-là même à laquelle les contemporains de Jésus attachaient le plus d'importance; ensuite on se souvient que l'apôtre Paul a proclamé très-hautement la déchéance de la Loi, pour y substituer un principe régulateur tout différent. Enfin on se représente nécessairement les nombreuses occasions où Jésus lui-même, ou bien se met au-dessus de la Loi (Marc. II, 27. Matth. XII, 6, etc.), ou bien en proclame la fin (Marc. XIV, 58. Jean IV, 24), ou la réduit à l'un de ses éléments de manière à écarter les autres ou du moins à les refouler sur l'arrière-plan (Matth. XXIII, 23; VII, 12; XXII, 40; IX, 13, etc.), ou enfin la condamne directement comme imparfaite (Matth. XIX, 8, comp. XV, 17 suiv.). A moins de supposer un changement survenu dans ses idées, ou une contradiction flagrante dans les traditions relatives à son enseignement, on se trouve donc dans une grande perplexité en face des versets 18 et 19 de notre texte, et beaucoup d'interprètes n'ont cru pouvoir se tirer d'embarras qu'en accusant les judéo-chrétiens d'avoir coloré à leur gré les paroles du Maître, si tant est qu'ils ne l'aient pas fait parler tout à fait gratuitement dans leur sens. D'autres encore, fermant les yeux sur tout le reste, se sont arrêtés à ces déclarations pour en conclure que Jésus ne s'est point élevé, pour sa part, au-dessus du niveau de la conception de ses disciples galiléens. Nous ne parlons pas d'une troisième supposition, absolument inadmissible, qui consiste à dire que Jésus n'a eu en vue ici que la loi morale.

Ces suppositions sont infirmées d'un côté déjà par le fait que Luc, l'évangéliste dit paulinien et universaliste, reproduit la même assertion, de l'autre par celui que notre texte même contient des éléments très-caractéristiques dans le sens évangélique et anti-légal. Il ne peut donc être question, ni de rejeter les déclarations des versets 18 et 19 comme purement et simplement inauthentiques, ni de les accepter dans un sens qui serait absolument incompatible avec ce dernier point de vue.

Все это совершенно справедливо, кромѣ послѣдняго легкомысленнаго и ничѣмъ неоправданнаго заключенія, что inadmissible почему-то то, что Иисусъ имѣлъ въ виду одинъ нравственный законъ. Это отрицаніе голословное даже удивительно.

Упомянутое о текстѣ Луки въ томъ смыслѣ, что текстъ Луки опровергаетъ всѣ предполагаемыя объясненія, еще болѣе удивительно. Такое голословное отрицаніе того единственно яснаго и простого смысла, какой имѣетъ этотъ стихъ, было бы рѣшительно необъяснимо, если бы не видно было, что съ самаго начала уже смыслъ всей рѣчи не понятъ. Непониманіе простого смысла и отыскиваніе искусственнаго произошло и здѣсь отъ того же, отъ чего произошло непониманіе стиховъ 24, 15 и 16; первымъ стихомъ блаженствъ — тезису всей рѣчи приданъ ложный смыслъ; какъ же не путаться въ объясненіяхъ дальнѣйшаго.

Для Рейса (такъ же какъ и для Церкви) и стихи о соли и сѣмѣ — вставка, не связанная съ предыдущимъ, и вся эта рѣчь со стиховъ Мѡ. 17—48 главы V-й есть вставка неумѣстная. Рейсъ прямо и говоритъ это (стр. 202):

(v. 17—48). Ce morceau, qui ne se trouve dans aucune liaison d'idées avec celui qui précède et dont il ne se rencontre que quelques fragments dans la rédaction de Luc, forme un tout, et doit être étudié dans son ensemble, quoique l'évangéliste y ait inséré par ci par là des éléments qui, tout en présentant quelque analogie avec le texte principal, lui ont été primitivement étrangers. Cette circonstance nous explique pourquoi cette page, l'une des plus belles et des plus importantes dans les Evangiles, offre maintenant quelques difficultés et a pu donner lieu à des méprises. Il est facile de voir que Jésus parle ici de sa position à l'égard de la Loi. La question est de savoir au juste ce qu'il en dit.

Вотъ что говоритъ Церковь (Толк. Еванг. Архим. Мих. Ев. Мѡ., стр. 75):

Истинно говорю: утвержденье непреложности сказаннаго.

Доколь не преидетъ и пр.: доколь стоитъ этотъ міръ, т. е. до конца вѣковъ; или: скорѣе преидетъ небо и земля, скорѣе міру настанетъ конецъ, нежели законъ въ его духѣ и существѣ останется неисполненнымъ.

Иота—самая малая по начертанію буква еврейскаго алфавита, черта, малый изгибъ, которымъ отличается одна буква отъ другой, сходной съ нею по начертанію; сими словами означаетъ, что и самое малое, повидимому, и незначительное изъ закона не преидетъ, не останется безъ исполненія, какъ непреложное слово Божіе, которое не можетъ быть празднымъ и остаться безъ исполненія.

Пока не исполнится: т. е. въ духѣ и существѣ, а не по буквѣ. Весь законъ былъ сѣнью будущаго; когда явилось самое тѣло, сѣнь утратила свое значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ осуществилось то, на что указывала сѣнь. Отмѣненъ извѣстившій древній завѣтъ, но замѣненъ совершеннѣйшимъ, котораго онъ былъ только тѣнью. Исполняющій Новый Законъ, исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ветхій, только не по буквѣ мертвой, а въ высшемъ совершенствѣ, въ духѣ, какъ, напр., не гнѣвающійся на брата своего исполняетъ въ высшей степени и ветхозавѣтную заповѣдь не убій, ибо не гнѣвающійся никакъ не можетъ уже убить и т. п.

Объясненіе это, какъ и всѣ церковныя объясненія, ничего не объясняетъ и избѣгаетъ вопроса; оно не объясняетъ, что надо разумѣть подъ словомъ Божіимъ, и въ какомъ отношеніи ученіе Христа къ закону Моисея, и что надо разумѣть подъ закономъ.

Стоитъ только не разрывать ученія и разсматривать его въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, и смыслъ опять не только ясенъ, но необходимъ. Иисусъ говоритъ: надо быть нищимъ, бродягой, чтобы войти въ царство Божіе, т. е. отрѣшиться отъ всѣхъ формъ жизни. Бродяга былъ и есть презрѣнное существо, которому все, какъ будто, позволено, которое внѣ закона. Въ стихахъ 15-мъ и 16-мъ Иисусъ сказалъ: надо быть бродягой не невольнымъ, но вольнымъ. Въ этихъ двухъ стихахъ онъ опять говоритъ о томъ, что надо быть бродягой, не такимъ бродягой, для котораго нѣтъ закона и все позволено, а напротивъ бродягой, исполняющимъ законъ, т. е. извѣстныя правила.

Слово о чѣмъ съ членомъ надо разумѣть какъ loi morale и вотъ почему:

По Лукѣ по-гречески loi morale нельзя иначе и выразить какъ о чѣмъ отъ чѣмъ законъ и дѣло, т. е. черта предѣла, гдѣ кончается «конъ» — откуда можно и дальнѣе чего нельзя.

Контекстъ Луки, который такъ легкомысленно приводитъ Рейсъ въ подтвержденіе своихъ разсужденій, какъ нельзя яснѣе тѣмъ въ подтвержденіе своихъ разсужденій, какъ показываетъ, что надо разумѣть подъ чѣмъ и подъ всею фразою: не пропадетъ ни одна черта изъ закона.

Лк. XVI, 16. Законъ и пророки до Иоанна: съ сего времени Царствіе Божіе благовѣстуется, и всякій усиленъ входитъ въ него.

Сказано: законъ и пророки, т. е. законъ писанный, еврейскій, былъ нуженъ до Иоанна, а теперь царство Божіе возвыщается и т. д. и вслѣдъ за этимъ: *Скорѣ небо и земля прейдутъ, чѣмъ пропадетъ одна черта изъ закона.* Или Лука нарочно сопоставилъ два стиха, противорѣчащіе другъ другу, или онъ разумѣлъ подъ закономъ и пророками одно, — то, что уничтожилось со времени Иоанна, а подъ закономъ безъ прибавленія «пророки» другое, — то, что никогда не можетъ уничтожиться, пока есть люди.

Слова черта, черточка, еслибы нужно было подтвержденіе, еще подтверждають такое пониманіе закона: за—конъ. Черта дѣленія опредѣляетъ конъ и за—конъ. Если бы рѣчь шла о писанномъ законѣ Моисея, то сказано бы было: *ни одинъ стихъ, ни одно слово, ни одна буква, но никакъ: ни одна черта.*

Пониманіе закона какъ loi morale (съ членомъ) и какъ закона писаннаго (безъ члена) особенно ясно въ слѣдующихъ мѣстахъ посланій Павла къ Римлянамъ:

Римл. III, 27. Гдѣ же то, чѣмъ бы хвалиться? Уничтожено. Какимъ закономъ? Закономъ дѣла? Нѣтъ, но закономъ вѣры.

28. Ибо мы признаемъ, что человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣла закона.

31. Итакъ мы уничтожаемъ законъ вѣрою? Никакъ; но законъ утверждаемъ.

Здѣсь дѣло идетъ о «законѣ и пророкахъ», о писанномъ законѣ. Далѣе:

Римл. VII, 16. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ.

21. Итакъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое.

23. Но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго.

Здѣсь дѣло идетъ о законѣ вообще, loi morale.

То, что въ ст. 17, 18, гл. V Мө. говорится о законѣ loi morale, ясно еще изъ того, что въ концѣ проповѣди, перечисливъ все, что должно дѣлать, Иисусъ говоритъ: въ этомъ (т. е. въ этихъ маленькихъ правилахъ) весь законъ и пророки, т. е. эти немногія правила замѣняютъ весь писанный законъ. Иисусъ говоритъ: не уничтожаю законъ, напротивъ выполняю его, потому что неизмѣннѣе земли и неба существуетъ законъ человѣку—пока все не сдѣлается.

У Луки надо понимать: *пока все не будетъ платиться по закону.* Мысль та, что законъ, указаніе того, что должно, существуетъ и всегда будетъ существовать, пока міръ существуетъ и пока все не исполнится, т. е., что законъ можетъ не существовать только въ двухъ случаяхъ: 1) если бы міръ прекратился и 2) если бы люди исполняли всегда законъ, такъ какъ законъ есть только указаніе того, что не исполнено, указаніе отклоненія.

Ὅς ἐάν οὖν λύσῃ μίαν τῶν ἐντολῶν τούτων τῶν ἐλαχίστων, καὶ διδάξῃ οὕτω τοὺς ἀνθρώπους, ἐλάχιστος κληθήσεται ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν. ὅς δ' ἂν ποιῇ καὶ διδάξῃ, οὗτος μέγας κληθήσεται ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν.

Λέγω γὰρ ὑμῖν, ὅτι ἐάν μὴ περισσεύσῃ ἡ δικαιοσύνη ὑμῶν πλεῖον τῶν Γραμματέων καὶ Φαρισαίων, οὐ μὴ εἰσέλθῃτε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν.

Мө. V, 19. Итакъ кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ; а кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ.

Такъ что, если кто сочтетъ ненужнымъ¹⁾ хоть одно изъ правилъ²⁾ этихъ³⁾ самыхъ малыхъ и научитъ такъ людей, тотъ и самымъ малымъ будетъ въ царствіи Божіемъ.—А кто сдѣлаетъ и научитъ, тотъ самымъ большимъ будетъ въ царствіи Божіемъ.

20. Ибо, говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ Царство Небесное.

Говорю вамъ впередъ, что если ваше исполненіе будетъ такое же, какъ исполненіе книжниковъ и фарисеевъ, вы никакъ не войдете въ царство Божіе⁴⁾.

Примѣчанія.

1) *λύειν* нельзя иначе перевести какъ: *счесть ненужною.*

Ин. V, 18. И еще болѣе искали убить Его Іудеи за то, что Онъ не только нарушалъ субботу, но и Отцемъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая Себя равнымъ Богу.

Ин. VII, 23. Если въ субботу принимаетъ человѣкъ обрѣзаніе, чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисеевъ,—на Меня ли негодуете за то, что я всего человѣка исцѣлилъ въ субботу?

2) *ἐντολή*—приказаніе, правило. Я не перевожу «заповѣдь», потому что съ этимъ словомъ мы привыкли соединять понятіе заповѣдей Моисея.

3) *τούτων*—этихъ относится къ заповѣдямъ, приказаніямъ, правиламъ.

Если не помнить того, что сначала смыслъ рѣчи исковерканъ, то нельзя бы было понять, какимъ образомъ это слово *τούτων* какъ бы пропускается и относится къ заповѣдямъ закона Моисея. Если бы рѣчь шла о заповѣдяхъ Моисея, то зачѣмъ же говорить: *этихъ заповѣдей*. Какихъ этихъ? Всѣхъ? Тогда не нужно говорить «этихъ» или «тѣхъ», которыя упоминаются съ тѣмъ, чтобы уничтожить ихъ. Какъ же сказано, что ни одна буква не пропадетъ изъ закона? А между прочимъ и Церковь и Рейсъ понимаютъ такъ, что эти стихи 18-й и 19-й говорятъ о заповѣдяхъ Моисея.

Рейсъ говоритъ (стр. 203):

Nous pourrions encore demander la permission de regarder les deux versets suivans comme n'étant pas ici à leur vraie place, et le 20-e comme se rattachant directement au 17-e, mais nous n'insistons pas sur cette simplification.

Церковь говоритъ (Толк. Еванг., стр. 76):

Нарушить: преступить, сдѣлать противное заповѣди, или превратнымъ толкованіемъ отнять обязательную силу у заповѣди, наприм., представивъ заповѣдь

маловажною и нарушение ея не грѣховнымъ дѣломъ и виновнаго не подлежащимъ взысканію или подлежащимъ малой отвѣтственности.

Заповѣдей сихъ малѣйшихъ: Фарисеи раздѣляли заповѣди закона на два класса: большія и малыя, и о послѣднихъ говорили, что нарушать ихъ не грѣхъ, хотя между ними поставляли заповѣди, относящіяся къ самой сущности закона, къ любви, милостынѣ, правосудію. О нихъ-то и говоритъ Господь, называя ихъ малѣйшими по ложному только понятію фарисейскому.

Вслѣдъ затѣмъ сказано:

Св. Златоустъ и Теофилактъ впрочемъ толкуютъ такъ, что малѣйшими Господь называетъ не заповѣди закона ветхозавѣтнаго, но тѣ, которыя Онъ самъ намѣревался дать, и называетъ ихъ такъ по смиренію: какъ Онъ смирялъ себя самого и во многихъ мѣстахъ говоритъ о себѣ скромно, такъ говоритъ и о законѣ своемъ.

Но какъ слѣдуетъ понимать, такъ и не объяснено.

4) Иисусъ говоритъ: *Вы будете бродяги*, но законъ есть и долженъ быть для всякаго человѣка, и вотъ я дамъ вамъ правила маленькія, но если соблюдете эти маленькія правила, то будете въ царствѣ небесномъ. И, выясняя это, говоритъ: Для того, чтобы войти въ царство Божіе, надо быть лучше, чѣмъ фарисеи, — они исполняютъ писанный законъ, а чтобы войти въ царство небесное нужно, чтобы правда ваша по отношенію къ закону была больше, чѣмъ правда фарисеевъ, которые не исполняютъ законъ.

Первое правило: Не сердись.

Ἰησοῦς λέγει τοῖς ἀρχαίοις: Ὁς δ' ἂν φονεύσῃ, ἐνοχὸς ἔσται τῇ κρίσει.

Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, ὅτι πᾶς ὁ ὀργιζόμενος τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ εἰλη, ἐνοχὸς ἔσται τῇ κρίσει. Ὁς δ' ἂν εἴπῃ τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ, ῥακά, ἐνοχὸς ἔσται τῇ συνέδριον. Ὁς δ' ἂν εἴπῃ, Μωρέ, ἐνοχὸς ἔσται εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός.

Мѡ. V, 21. Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. (Исход. 20, 13).

22. А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающийся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему «рака», подлежитъ синедріону; а кто скажетъ «безумный», подлежитъ гееннѣ огненной.

Вы слышали, что сказано древнимъ: Не убивай. Кто убьетъ, тотъ подлежитъ суду¹⁾.

А я вамъ говорю, кто сердится²⁾ на брата своего, тотъ уже подлежитъ суду. А если кто скажетъ своему брату: сволочь³⁾, тотъ подлежитъ суду⁴⁾. А если кто скажетъ своему брату: сумасшедшій, тотъ подлежитъ огню⁵⁾.

Примѣчанія.

1) Книга Числъ, гл. XXXV, 10—34 включительно.

2) Во многихъ спискахъ нѣтъ слова εἰλη («напрасно»; нѣтъ ни у Лютера, нѣтъ и въ Вульгатѣ, нѣтъ и въ Тишендорфскомъ изданіи, и слово это признано вставкой. Объяснить очевидность вставки этого слова излишне. Всякому понятно, какъ грубо оно

противорѣчить смыслу всего ученія, какъ просто глупо оно. Если только напрасно не хорошо гнѣваться, то можно гнѣваться не напрасно. И судьей того, что напрасно и не напрасно, кто же будетъ?

Вотъ то разсужденіе, которое дѣлаетъ по случаю этой вставки Церковь (Толк. Еванг., стр. 79):

А я говорю: Христосъ, какъ полновластный законодатель, говоритъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, яко власть имѣй, а не яко книжники и фарисеи (Мѡ. V, 29).

Видишь ли власть совершенную? Видишь ли образъ дѣйствія, приличествующій законодателю? Кто такъ говорилъ изъ пророковъ? Кто изъ праведниковъ? Кто изъ патриарховъ? Никто. *Сія малолетъ Господь*, говорили они, но не такъ говоритъ Сынъ. Они давали законъ подобнымъ себѣ рабамъ, а сей — рабамъ своимъ. (Злат.).

Гнѣвающийся напрасно: Есть гнѣвъ, такъ сказать, законный, справедливый, когда онъ обращенъ на грѣхъ, на беззаконіе, на преступленіе и происходитъ изъ ревности о славѣ Божіей и спасеніи ближняго. Самъ Богъ гнѣвается на грѣшниковъ. Христосъ на фарисеевъ — лицемеровъ смотрѣлъ съ гнѣвомъ. (Мр. III, 5). Не о такомъ гнѣвѣ говорится здѣсь, а о гнѣвѣ безъ причины, напрасно, по самолюбію, о гнѣвѣ, не основанномъ на любви къ истинѣ и добродѣтели. Если кто гнѣвается справедливо, для вразумленія, по духовной ревности, тотъ не будетъ осужденъ. (Теоф.).

Вставка эта замѣчательна какъ примѣръ тѣхъ умышленныхъ искаженій, которымъ подвергалось Евангеліе. Маленькое словечко, а какъ оно губитъ весь смыслъ, и сколько такихъ еще есть вставокъ!

3) «Рака» — халдейское слово, означающее: презрѣніе; можетъ быть переведено: отверженецъ или сволочь.

4) «Синедріонъ» — судилище особенное, большею частью приговаривавшее къ смерти.

5) «Геенна огненная» была долина, въ которой, принося жертву Молоху, жгли людей. Въ геенну отдать — значить сжечь.

Вся рѣчь, начатая съ примѣра закона Моисея о томъ, что за убійство надо судить, ведется сообразно взятому сравненію. По закону Моисея за убійство надо судить, т. е. высшее наказаніе за убійство.

Иисусъ говоритъ: Какъ вамъ запрещено убійство, такъ съ такою же строгостью я запрещаю злобу на брата въ сердцѣ своемъ. Проявленіе же этой злобы въ выраженіи презрѣнія къ человѣку я еще строже запрещаю; еще большее проявленіе презрѣнія — «сумасшедшій», т. е. человѣкъ, къ которому нельзя относиться разумно — еще строже.

Степень строгости запрещенія выражается наказаніемъ; такъ и выражаетъ его Иисусъ. Но, очевидно, Иисусъ не предписываетъ ни синедріона, ни геенны. Если такъ понимать, то надо завести синедріонъ. Если понимать такъ, что это будетъ на томъ свѣтѣ, то не понятно, какой тамъ будетъ синедріонъ.

Поэтому очевидно, что какъ синедріонъ, такъ и геенна разумѣются не какъ нѣчто имѣющее быть на томъ свѣтѣ, — все значеніе только въ болѣе высокой степени преступности.

Ἐὰν οὖν προσφέρῃς τὸ δῶρόν σου ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον, καὶ μνηστῆς ὅτι ὁ ἀδελφός σου ἔχει τι κατὰ σοῦ.

Ἀφες ἐκεῖ τὸ δῶρόν σου ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστήριου, καὶ ὕπαγε, πρῶτον διαλλάγηθι τῷ ἀδελφῷ σου, καὶ τότε ἔλθων πρόσφερε τὸ δῶρόν σου.

Мѡ. V, 23. Итакъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя,

24. оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде помирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой.

Примѣчаніе.

1) Тогда уже приди и принеси даръ твой. Прежде сказано было, что даръ не нуженъ Богу. Все, что служило для того, чтобы приносить дары—выгнано изъ храма и запрещено вносить что-нибудь, и потому Иисусъ не могъ противорѣчить себѣ и велѣть приносить даръ. Последнія слова яснѣе были бы такъ: Тогда, когда пойдешь,—примиришься съ братомъ, этимъ самымъ и принесешь даръ Богу.

Что слова эти надо понимать такъ, вытекаетъ изъ молитвы «Отче нашъ», въ которой все отношеніе къ Богу выражается прошеніемъ должникамъ.

На этотъ стихъ примѣчаніе Церкви слѣдующее: (Толк. Еванг., стр. 82).

Болѣе нужно и важно имѣть правое сердце, чѣмъ исполнять только внѣшніе обряды; послѣдніе безъ перваго не имѣютъ цѣны въ очахъ Божіихъ, и важны и имѣютъ силу передъ Богомъ только при мирѣ и любви къ ближнимъ. Конечно, когда нѣтъ возможности почему-либо лично примириться съ ближнимъ, надо примириться по крайней мѣрѣ въ сердцѣ.

Рейсъ, разъ сбившись съ дороги и убѣдившись въ томъ, что Иисусъ только толкуетъ заповѣди Моисея, объ этомъ мѣстѣ и слѣдующемъ стихѣ говоритъ такъ: (Рейсъ, стр. 207).

A ce premier exemple le rédacteur rattache deux autres sentences qui lui semblaient appartenir au même ordre d'idées. 1° En opposition avec la colère doit se trouver l'esprit de conciliation. C'est une très-belle pensée, que le rétablissement de l'accord fraternel entre des hommes mal disposés l'un contre l'autre doit primer même ce qu'on appelle le devoir religieux, et que Dieu agréera mieux les offrandes qui sont présentées avec de pareils gages de sincérité. Mais cette sentence n'est pas à sa place dans ce contexte, elle n'a rien à faire avec l'explication évangélique du 6-e commandement. L'analogie est tout juste assez grande pour nous faire comprendre le procédé du rédacteur. 2° Mais cette analogie n'existe plus du tout et la combinaison devient incompréhensible à l'égard de la seconde sentence que Luc nous a conservée aussi dans un tout autre contexte. En effet, l'adversaire dont il y est question ne peut être qu'un créancier qui emmène son débiteur devant le juge pour le faire condamner à la prison. Le débiteur doit se hâter de s'arranger à l'amiable avec le créancier avant que l'arrêt ne soit prononcé. On dit que par cet exemple de prudence Jésus a voulu faire comprendre l'importance de la réconciliation. Il est possible que l'évangéliste l'ait compris ainsi; mais autre que l'application est abandonnée à la sagacité des lecteurs, toute cette parabole nous mène bien loin du sujet essentiel du discours.

Ἰσθι ἐόντων τῷ ἀντιδίκῳ σου ταχύ, ὥς ὅτου εἰ ἐν τῇ ὁδῷ μετ' αὐτοῦ μήποτε σε παραδῶ ὁ ἀντίδικος τῷ κρίτῃ, καὶ ὁ κρίτης σε παραδῶ τῷ ὑπέρετῃ, καὶ εἰς φυλακὴν βληθήσῃ.

Ἀμήν λέγω σοι, οὐ μὴ ἐξέλθῃς ἐκεῖθεν, ὥς ἂν ἀποδῷς τὸν ἔσχατον κοδράντην.

Мѡ. V, 25 (Лк. XII, 58). Мирись съ соперникомъ твоимъ скорѣе, пока ты еще на пути съ нимъ, чтобы соперникъ не отдалъ тебя судѣ, а судья не отдалъ бы тебя слугѣ, и не ввергли бы тебя въ темницу.

Мѡ. V, 26 (Лк. XII, 59). Истинно говорю тебѣ: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдняго кодранта.

Примѣчанія.

1) Слово ταχύ—«скорѣе» пропущено во многихъ спискахъ, и оно не нужно.

Слова на пути выражаютъ ту же мысль, что надо скорѣе мириться.

2) ἀμήν просто, ἀμήν λέγω σοι употребляется всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Иисусъ утверждаетъ то, что всѣмъ извѣстно, и потому лучший переводъ этихъ словъ: ты самъ знаешь.

По Рейсу притча эта совершенно не у мѣста. По настоящему же смыслу она прямо продолжаетъ начатую мысль.

О гнѣвѣ сказано, что внутренній смыслъ воздержанія отъ гнѣва въ томъ, что нельзя думать о Богѣ, обращаться къ Богу, имѣя злобу на людей. Теперь говорится о внѣшнемъ, практическомъ значеніи гнѣва.

Гнѣвъ—это твой врагъ, противникъ правды, антидѣко; и потому какъ можно скорѣе раздѣлявайся съ нимъ такъ же, какъ ты знаешь, что выгодноѣ раздѣляться съ противникомъ еще до суда.

Въ томъ же самомъ смыслѣ употреблена эта притча и у Луки. какъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

Почти во всѣхъ объясненіяхъ правилъ, даваемыхъ Иисусомъ, приведены два довода, почему нужно дѣлать то, что онъ велитъ: одинъ доводъ внутренній—почему это хорошо; другой внѣшній—почему это выгодно. И здѣсь примѣръ примиренія съ противникомъ до суда есть примѣръ того, что кромѣ того, что воздержаться отъ гнѣва хорошо, это и прямо выгодно.

То же будетъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ.

Второе правило: Не блуди.

Ἰκούσατε ὅτι ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις· Οὐ μοιχεύσεις.
Ἐρρέθη δὲ ὅτι ὁς ἀν' ἀπολύσει τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, ὁὕτως αὐτῇ ἀποστάσιον.
Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, ὅτι ὁς ἀν' ἀπολύσει τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, παρεκτός λόγου πορνείας,
ποικίλ' αὐτὴν μοιχεύει· καὶ ὁς ἐάν ἀπολελυμένην γαμήσῃ, μοιχᾶται.
Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, ὅτι πᾶς ὁ βλέπων γυναῖκα πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι αὐτήν, ἤδη ἐμοίχευ-
σεν αὐτήν ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ.

Мѡ. V, 27. Вы слышали, что
сказано древнимъ: не прелюбо-
дѣйствуй (Исход. 20, 14).

Мѡ. V, 31. Сказано также, что
если кто разведется съ женою
своею, пусть дастъ ей разводную.
(Второзак. 24, 1).

32. А Я говорю вамъ: кто раз-
водится съ женою своею, кромѣ
вины любодѣянiя, тотъ подаетъ
ей поводъ прелюбодѣйствовать;
и кто женится на разведенной,
тотъ прелюбодѣйствуетъ.

28. Я говорю вамъ, что вся-
кій, кто смотритъ на женщину
съ вождѣлѣнiемъ, уже прелюбо-
дѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ
своемъ.

Вы слышали, сказано: Не блу-
дите ¹⁾.

И сказано же: Кто если разои-
дется съ женою своею, пусть
дастъ ей отпускную.

Я же говорю вамъ: кто если
разойдется съ женою, тотъ кромѣ
того, что это распутство, — вво-
дитъ ее въ блудъ. И кто на раз-
веденной женится, тоже блу-
дитъ.

И всякій, кто глядитъ на жен-
щину съ похотью, тотъ все равно,
что соблудилъ съ нею ²⁾.

Примѣчанiя.

Для ясности мысли и выраженiя стихъ 31-й долженъ стоять
вслѣдъ за 27-мъ. За 31-мъ—32-й, послѣ—28-ой и 29-ый.

1) Въ книгѣ Левитъ (XX, 10) сказано: «Если кто сблудитъ съ
замужнею женою, съ женой своего соотечественника, обоихъ, муж-
чину и женщину—убить» и т. д. Слова эти очевидно относятся къ
заповѣди, что сдѣлать съ прелюбодѣемъ.

2) Во многихъ спискахъ нѣтъ словъ «въ сердцѣ своемъ». И слова
эти лучше выпустить, такъ какъ они затемняютъ смыслъ.

Εἰ δὲ ὁ ὀφθαλμός σου ὁ δεξιὸς σκανδαλίζει σε, ἔξελε αὐτόν, καὶ βάλε ἀπὸ σοῦ· συμφέ-
ρει γάρ σοι, ἵνα ἀπολήται ἐν τῶν μελῶν σου, καὶ μὴ ὅλον τὸ σῶμα σου βληθῇ εἰς γέενναν.
Καὶ εἰ ἡ δεξιὰ σου χεὶρ σκανδαλίζει σε, ἔκκοψον αὐτήν, καὶ βάλε ἀπὸ σοῦ· συμφέρει
γάρ σοι, ἵνα ἀπολήται ἐν τῶν μελῶν σου, καὶ μὴ ὅλον τὸ σῶμα σου βληθῇ εἰς γέενναν.

Мѡ. V, 29. Если же правый
глазъ твой соблазняетъ тебя,
вырви его и брось отъ себя; ибо
лучше для тебя, чтобы погибъ
одинъ изъ членовъ твоихъ, а не
все тѣло твое было ввержено въ
геенну.

Если глазъ ¹⁾ твой ловить ²⁾
тебя, вырви его и брось отъ себя;
потому сходнѣе тебѣ, чтобы
одинъ глазъ ³⁾ пропалъ, чѣмъ
всему тебѣ сгорѣть.

30. И если правая твоя рука
соблазняетъ тебя, отсѣки ее и
брось отъ себя; ибо лучше для
тебя, чтобы погибъ одинъ изъ
членовъ твоихъ, а не все тѣло
твое было ввержено въ геенну.

Если правая рука твоя ловить
тебя, отруби ее и брось отъ себя.
Сходнѣе тебѣ, чтобы одна рука
твоя погибла, чѣмъ всему тѣлу
сгорѣть.

Примѣчанiя.

1) Слово δεξιός — правый не имѣетъ здѣсь никакого значенiя и,
ничего не прибавляя къ смыслу о блудѣ, обременяетъ рѣчь. Оче-
видно прежде вошло въ поговорку то, чтобы отрубить правую руку,
если она соблазняетъ, какъ эта же поговорка высказана у Марка
и Матвея въ другомъ мѣстѣ, потомъ слово δεξιός приставлено и къ
οφθαλμός («глазъ»).

2) σκανδαλίζω происходитъ отъ σκάνδαλο — ловушка, — и здѣсь, какъ
и вездѣ въ Евангелiяхъ, употреблено въ этомъ прямомъ смыслѣ.
Какъ птица, попавшая въ сѣтъ, охотно бы отдала глаза свои, тѣ,
которые соблазнили ее, за то, чтобы всей ей не погибнуть, и ли-
сица отдала бы лапу свою, чтобы всей ей не попасть въ капканъ,
и какъ она часто и отдаетъ, отвернувъ лапу, такъ и ты знай, что
«глубокая пропасть—уста блудницъ, и погибаетъ тотъ, кто упадетъ
въ нее». (Притч. Сол. XXII, 14). Оторви лучше все то, что подво-
дитъ, ловить тебя, чѣмъ самому всему погибнуть.

3) Вмѣсто слова «членъ» я ввожоряю «глазъ», потому что по-русски
нельзя сказать «членъ» про глазъ.

Слова παρεκτός λόγου πορνείας—«кромѣ вины любодѣянiя» (Мѡ. V, 32)—
мнѣ представляются неправильно переведенными. Подробности этого
условія, при которомъ можно отпускать жену, противорѣчатъ всему
складу ученiя.

Или слова эти должны быть пропущены, или запятая должна
быть выпущена, и вводное предложенiе это должно быть отнесено
не къ сказуемому «разойдется», а къ сказуемому «блудитъ». Смыслъ
ихъ тогда таковъ: мужъ, бросая жену, кромѣ того, что это само
по себѣ есть распутство, виноватъ еще тѣмъ, что онъ ее бросилъ
и тѣмъ заставляетъ блудить ее и того, кто съ ней сойдется.

Какъ при объясненiи, почему не нужно сердца имѣть на брата,
Исусъ далъ причину внутреннюю — нельзя думать о Богѣ, имѣя
злобу, и причину внѣшнюю—самому хуже будетъ, такъ и въ этомъ
случаѣ Исусъ говоритъ, что внутренняя причина та, что человекъ,
отдающійся блудной страсти, губитъ свою душу, и лучше отрѣзать
какъ руку, все, что втягиваетъ душу въ погибель, и говоритъ, что
внѣшняя причина та, что всякое прелюбодѣянiе, какъ всякій гнѣвъ,
растетъ и распространяется само собою.

Онъ говоритъ: всякій женатый не долженъ имѣть другихъ жен-
щинъ и оставлять свою жену, потому что, если онъ оставитъ, то
она побуждается къ распутству, и она, и тотъ, кто сходится съ
нею, и тогда нѣтъ предѣловъ распутству.

Рейс же опять находить, что эти стихи неумѣстны, и говорить (стр. 208):

Ici encore le rédacteur intercale quelques sentences intimement liées entre elles, que l'on retrouve ailleurs dans d'autres contextes, et dont la première pouvait paraître à sa place après ce qui venait d'être dit du péché commis, ou se manifestant par un simple regard. La combinaison se fait facilement dans ce sens: Il vaudrait mieux être aveugle que de se laisser entraîner à des pensées, éventuellement à des actes, coupables et conduisant à la perte éternelle. Cependant nous concevons des doutes très-sérieux au sujet de ces sentences qui ne nous paraissent pas du tout être à leur place ici. D'abord on ne voit réellement pas ce que la seconde formule (qui parle de la main droite) doit apporter de lumière à la pensée principale. En second lieu, la mention expresse de l'œil droit, écarte complètement la seule association possible des idées, un homme borgne étant absolument dans la même position qu'un homme qui a ses deux yeux, dans les circonstances mentionnées; enfin il est de fait que le manque de l'un de ces membres ne change pas les instincts vicieux de l'homme. Il y a même à objecter que le parallélisme du langage figuré compromet l'idée morale elle-même: Plutôt perdre un membre que le corps entier, plutôt renoncer à quelque chose de moins grand, moins nécessaire, que de perdre le tout. Avec ce parallélisme le péché serait, à vrai dire, représenté comme quelque chose de relativement inférieur, tandis qu'il est absolument mauvais. Nous verrons que toutes ces difficultés disparaissent quand nous retrouverons ces textes dans un autre entourage.

Вотъ что говоритъ Теофилактъ (Толк. Еванг. Архм. Мих., стр. 87):

Господь не нарушаетъ Моисеева закона, но исправляетъ его, и запрещаетъ мужу ненавидѣть жену свою безъ вины. Если онъ оставить ее по уважительной причинѣ, т. е. за прелюбодѣяніе—не подлежитъ осужденію, а если не за прелюбодѣяніе, то подлежитъ суду, потому что тѣмъ заставляетъ ее прелюбодѣйствовать. Но и тотъ становится прелюбодѣемъ, кто возьметъ ее, потому что, если бы никто не взялъ ее, она, можетъ быть, возвратилась бы къ прежнему мужу и покорилась бы ему. (Теофилактъ ср. Злат.).

По толкованіямъ Церкви и Рейса выходитъ, что Иисусъ, по Рейсу, даетъ примѣръ какъ исполнять законъ Моисея; по Теофилакту—исправляетъ законъ, т. е. какъ будто только опредѣляетъ то, что, должно называться прелюбодѣяніемъ, тогда какъ Иисусъ вовсе не опредѣляетъ ничего, а какъ въ первомъ правилѣ о гнѣвѣ показываетъ, почему для сыновъ царства Божія нельзя имѣть гнѣва, такъ и теперь—почему сынамъ царства Божія нельзя быть блудниками.

Онъ говоритъ: если человѣкъ будетъ желать имѣть женщину, то онъ погубитъ свою душу, и, отдаваясь этому, перемѣняя женъ, будетъ распространять распутство и въ женщинахъ и въ мужчинахъ. Онъ показываетъ вредъ распутства, находящійся въ немъ самомъ, а не опредѣляетъ, что можно, чего нельзя, что надо называть прелюбодѣяніемъ и что можно не называть прелюбодѣяніемъ. Онъ говоритъ второе свое маленькое правило.

Первое правило было: «Не сердись никогда». И, сказавъ это маленькое правило, онъ показалъ, почему оно необходимо и разумно.

Теперь онъ сказалъ второе правило: «Никогда не считай хорошимъ чувство любви къ женщинѣ»,—то самое, что въ нашемъ христіанскомъ обществѣ считается самымъ прекраснымъ дѣломъ и что восхваляется на всѣ лады въ миллионахъ книгъ. И, сказавъ это, Иисусъ показалъ, почему это другое маленькое правило необходимо и разумно.

Третье правило: Не клянись.

Πάλιν ἠκούσατε ὅτι ἐρρήθη τοῖς ἀρχαίοις· οὐκ ἐπιорκήσεις, ἀποδώσεις δὲ τῷ Κυρίῳ τοὺς ὄρκους σου.

Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, Μὴ ὀμόσαι ὅλως· μήτε ἐν τῷ οὐρανῷ, ὅτι θρόνος ἐστὶν τοῦ Θεοῦ. Μήτε ἐν τῇ γῇ, ὅτι ὑποπόδιόν ἐστιν τῶν ποδῶν αὐτοῦ· μήτε εἰς Ἱερουσόλα, ὅτι πόλις ἐστὶν τοῦ μεγάλου βασιλέως.

Μήτε ἐν τῇ κεφαλῇ σου ὀμόσης, ὅτι οὐ δύνασαι μίαν τρίχα λευκὴν ἢ μέλαινα ποιῆσαι. Ἔστω δὲ ὁ λόγος ὑμῶν· Ναὶ, ναὶ· Οὐ, οὐ· τὸ δὲ περισσὸν τούτων, ἐκ τοῦ πονηροῦ ἐστίν·

Мѡ. V, 33. Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои.

Мѡ. V, 34. А Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно Престолъ Божій;

35. ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя;

36. ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ, или чернымъ.

37. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго.

Слышали тоже, что сказано древнимъ: Держи присягу, исполняй то, въ чемъ клялся передъ Богомъ ¹⁾.

А я говорю вамъ: вовсе не клянись ²⁾; не божись небомъ,—тамъ Богъ;

Ни землею, — она Божія; ни церковью ³⁾, — она тоже Божія.

Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса на головѣ бѣлымъ или чернымъ сдѣлать.

И потому слово ваше чтобы было: да, да, нѣтъ, нѣтъ; а что лишнее противъ этихъ словъ ⁴⁾, то зачалось ⁵⁾ отъ діавола (обмана).

Примѣчанія.

1) Левитъ XIX, 12. Не клянитесь именемъ Моимъ во лжи, и не безчести имени Бога твоего. Я Господь (Богъ вашъ).

Второзак. XXIII, 21. Если дашь обѣтъ Господу Богу твоему, немедленно исполни его; ибо Господь, Богъ твой, взыщетъ его съ тебя, и на тебѣ будетъ грѣхъ.

Вотъ тѣ два мѣста о клятвѣ, на которыя указываетъ Церковь. Другихъ и нѣтъ. Оба мѣста иначе выражаютъ мысль о клятвѣ, чѣмъ какъ она выражена тутъ. Мысль ветхозавѣтная та, чтобы вы полнить клятву.

2) Во многихъ спискахъ стоитъ: *вовсе не клянись*, и такъ и должно стоять, потому что вся сила этого предложенія въ словѣ *ὅλως*.

3) Я замѣняю слово «Іерусалимъ» — церковью, для того, чтобы, не измѣнивъ смысла, сдѣлать выраженіе удобопонятнымъ.

4) Я вставляю: *противъ этихъ словъ* для того, чтобы передать яснѣе значеніе слова *περισσόν*.

5) Я вставляю *зачалось*, потому что таково значеніе *ἐκ*.

Вотъ что говоритъ Рейсъ объ этомъ краткомъ, замѣчательномъ по своему пророческому для насъ значенію, мѣстѣ: (Рейсъ, стр. 209, 210.)

Le quatrième exemple est celui du serment. Le décalogue, au 3e commandement, et la loi en général (Lév. XIX, 12), se contentait de défendre le parjure, soit dans le sens propre de ce mot, d'après lequel il signifie un mensonge placé sous le patronage de Dieu invoqué comme témoin, et où il est par conséquent un crime de lèse-majesté divine, soit dans le sens de la rupture d'une promesse faite sous la foi du serment (il ne s'agit pas spécialement dans notre texte de ce qu'on appelle des vœux). Jésus va beaucoup plus loin: il accomplit la loi, comme il l'a déjà fait dans l'exemple précédent, de manière à la contredire en quelque sorte, du moins à la représenter comme imparfaite, comme restant au-dessous du niveau auquel doivent se placer les membres du royaume des cieux (Matth. XIX, 8). Il interdit le serment péremptoirement. L'usage de cette forme particulière de l'assertion est la conséquence du manque de vérité parmi les hommes, qui ont ainsi voulu se prémunir contre les chances de fraude dont ils auraient pu devenir les victimes. Ce fait seul fait reconnaître le serment comme indigne d'une société comme doit l'être celle du royaume des cieux. Là, on se bornera à dire ou i ou n o n, selon le cas. Cette seule parole doit être une garantie suffisante. Tout ce qu'on y ajouterait, dans le but d'écarter toute méfiance, prouverait plutôt que celle-ci a sa raison d'être et que, par conséquent, le Malin, le diable, l'instigateur de tout mal, y a sa main de manière ou d'autre, ne serait-ce que parce que celui qui jure justifie par cela même les soupçons de celui qui demande le serment.

Рейсъ, очевидно, не понимаетъ значенія этого мѣста. Но церковь понимаетъ, но умышленно скрываетъ то, что она понимаетъ, умышленно унижаетъ ученіе, уродуетъ его и дѣлаетъ его слугою своихъ мерзкихъ цѣлей.

Вотъ что говоритъ Церковь (Толк. Еванг., стр. 105 — 107. Изд. 2-ое).

Не преступай клятвы и пр. Это не буквально повтореніе заповѣдей закона Моисеева, заключающихся въ Левитѣ XIX, 12 и Второзаконіи XXIII, 21 — 23. Не клянись именемъ Моимъ во лжи. Если дашь обѣтъ Иеговѣ, Богу твоему, немедленно исполни оный. Слова Христовы, очевидно, выражаютъ то же что и буква закона: Не клянись во лжу, клянись въ удостовѣреніе истины, и если поклялся, не преступай клятвы.

Немедленно исполни: т. е. «въ клятвѣ ты долженъ говорить истину» (Злат.). и исполняй то, что обѣщалъ съ клятвой. Клятва есть торжественное удостовѣреніе именемъ Божиимъ въ истинности сказаннаго; при чемъ само собой предполагается, что Богъ взыщетъ съ клянушагося, если онъ клянется въ удостовѣреніе неправды, такъ какъ клятвой во лжу хулится имя Божіе. Иудеи съ тѣхъ временъ приняли за обычай, избѣгая клятвы именемъ Божиимъ, клясться разными предметами, напр.: небомъ, землею, Иерусалимомъ, храмомъ, и этихъ клятвъ не считали непреложно-обязательными, т. е. позволяли себѣ ими клясться во лжу, не нарушая, повидимому, буквы закона.

Не клянись вовсе: никакимъ изъ показанныхъ способовъ клятвы, какія были въ употребленіи, ибо все сотворено Богомъ, и сотворено святымъ, слѣдовательно во лжу Имъ значить оскорблять святость клятвы самой.

Ни небомъ: небо есть мѣсто особеннаго присутствія Божія, почему и говорится Сидящимъ на престолѣ Божій. Клясться небомъ значить то же, что клясться Сидящимъ на престолѣ Божій. Клясться небомъ, т. е. самимъ Богомъ.

Ни землею: земля называется подножіемъ ногъ Божіихъ; слѣдовательно, клясться ею, значить клясться самимъ Богомъ.

Ни Иерусалимомъ: Иерусалимъ называется городомъ великаго царя, т. е. Бога, который есть истинный Царь, какъ всей земли, такъ въ особенности еврейскаго царства, главнымъ городомъ котораго былъ Иерусалимъ, гдѣ былъ и

храмъ, единственный въ мірѣ, гдѣ можно было совершать богослуженія Богу-Царю.

Ни главою: клятва главою была очень обыкновенная въ обыденной жизни клятва, все равно какъ у насъ въ простонародіи употребительна божба неблаговидная разнаго рода. Клясться главою означало то же, что клясться своею жизнью, т. е. я отдаю жизнь свою, или пусть отнята будетъ у меня жизнь, пусть умру я, если неправда то, что я говорю. Богъ есть творецъ жизни и въ Его рукѣ отнять или продолжить жизнь; слѣдовательно, клянувшийся ею клянется тѣмъ, что не принадлежитъ ему, а Богу, слѣдовательно клянется самимъ Богомъ.

Ни одного волоса: Такъ мала власть ваша надъ измѣненіемъ своей жизни, что даже измѣнить нѣтъ волоса вы не можете; слѣдовательно не надобно клясться тѣмъ, что не ваше.

Да, да; нѣтъ, нѣтъ: это не значить, что христіанинъ всегда долженъ употреблять вмѣсто клятвы именно эти слова, а значить только, что онъ долженъ просто и прямо утверждать истину или отрицать ложь, говорить правду и не говорить неправды. Сверхъ того, всякое усиленное, посредствомъ какой-либо божбы, завѣреніе—отъ лукаваго, отъ зла, отъ неправды, такъ какъ виновникъ всякаго зла есть діаволъ,—отъ діавола.

Запрещаю клясться вовсе, Спаситель, очевидно, не разумѣетъ клятвы законной, необходимой въ общественной и частной жизни, клятвы именемъ Божиимъ. Самъ онъ утвердилъ клятву на судѣ, когда на слова первосвященника «заключи тебя Богомъ живымъ», отвѣчалъ: «ты сказалъ», такъ какъ у Евреевъ обыкновенно судъ произносилъ клятвенную формулу, а обвиняемый усвоить ее себѣ словами: *аминъ, да будетъ такъ, ты сказалъ*. (Мк. XXVI, 63, 64).

Апостолъ Павелъ призываетъ Бога во свидѣтельство истины своихъ словъ, что есть очевидно та же клятва (Рим. I, 9; IX, 1; 2 Кор. I, 23; II, 17; Гл. I, 20; Филипп. I, 8; 1 Тес. II, 5; Евр. VI, 16).

Клятвы были предписаны закономъ Моисеевымъ, но Господь не отмѣнилъ этихъ клятвъ (Исходъ XXII, 11; Лев. V, 1; Числ. V, 19; Второз. XXIX, 12—14). Отмѣняются клятвы пустыя, фарисейски лицемерныя.

Вотъ третье изъ правилъ, которое далъ Иисусъ для вступленія въ царство Божіе, и ко всѣмъ тремъ одинаково относится Церковь: она прямо отрицаетъ ихъ.

Въ первомъ правилѣ сказано: *не сердись* — Церковь вставляетъ словечко *εἰς* («напрасно») и объясняетъ, что гнѣваться можно, и слова Иисуса ничего не значатъ. «Ели хочешь молиться, то поди помирись съ братомъ». Церковь говоритъ: это можетъ быть неудобно, и потому можно молиться и тогда, когда и не пойдешь мириться; когда отъ меня страдаютъ люди, когда миллионы въ нуждѣ, тюрьмахъ, на убійствѣ, и меня за то упрекаютъ,—можно молиться, только надо сказать себѣ, что я примирился въ сердцѣ, — и слова Иисуса ничего не значатъ.

Во второмъ сказано: *не блуди*, и, какъ примѣръ этого говорится, что кто разведется съ женою, тотъ самъ прелюбодѣй и жену дѣлаетъ прелюбодѣйкой и того, кто женится на разведенной.

Церковь поняла такъ, что Иисусъ даетъ правила о томъ, что считать законнымъ и что незаконнымъ. И что жъ? Церковь освящаетъ разводы.

По отношенію третьяго правила дѣлается то же, но еще поразительнѣе. Третье правило выражено такъ коротко и ясно, перетолкованія, казалось бы, не могло быть, за исключеніемъ стиховъ ненужныхъ, о томъ, какимъ словомъ не нужно клясться. Въ третьемъ

правилъ Иисусъ говорить только: «Встарину говорили: «держи присягу», а я говорю: *Не клянись ни Боюмъ, ни своею головою, потому что все во власти Бога, и твоя голова, и потому говори да, да, нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ этихъ словъ, то зло*». Не понять смысла этого нельзя. Если Церковь такъ говорить, она знаетъ зачѣмъ: она знаетъ, что устройство общества и ея устройство держатся на присягѣ, потому она и не можетъ не говорить. Иисусъ говоритъ именно про ту самую клятву, которую Церковь хочетъ оправдать.

Настоящее значеніе этихъ словъ то, какое въ нихъ сказано. Сказано: *Не присягай*. Связь со всѣмъ ученіемъ слѣдующая: *μη ὀμόσαι ὅλως*. Ὅλως значитъ *условіе, условіе, общаніе*, утвержденное какими-нибудь залогами. Когда уговоръ утверждается тѣмъ, что стороны общаются Богу, когда говорятъ: Убей меня Богъ, если я это не сдѣлаю,—то залогомъ этимъ ставится Богъ, и это есть клятва.

Объясняя, почему не должно клясться, Иисусъ говоритъ, что человѣку нельзя дѣлать никакихъ уговоровъ. Если онъ ручается небомъ, то онъ залогомъ своего уговора ставитъ Бога, Богъ же вовсе не ручается за него. И потому всѣ эти клятвы безсмысленны. Если же человѣкъ ручается своею головою, то и это можетъ дѣлать только тотъ, кто не въ царствіи Божіемъ. Въ царствіи Божіемъ всякій человѣкъ знаетъ, что онъ весь во власти Бога и самъ не можетъ ничего сдѣлать, ни даже цвѣта волоса переменить. Всякая клятва есть общаніе того, что человѣкъ то или другое сдѣлаетъ во всякомъ случаѣ; но какъ же человѣкъ, признающій царство Божіе, т. е. власть надъ собою Бога, можетъ общать земное дѣло? Одно и то же дѣло земное можетъ быть хорошо и дурно, согласно или противно волѣ Божіей. Я приду туда-то въ субботу, поклянусь я, а въ субботу будетъ умирать другъ, отецъ, жена, и будетъ меня просить побыть съ нимъ. Я клянусь, что дамъ тогда-то 3 рубля, но уменя будетъ просить умирающій съ голоду эти 3 рубля, какъ же мнѣ не дать ему? Я клянусь повиноваться Ивану Ивановичу, и онъ велитъ мнѣ убивать людей, а Богъ запрещаетъ мнѣ это. Это можно было дѣлать, когда не извѣстна была воля Божія, когда былъ законъ и учителя (пророки), а не тогда, когда наступило царство Божіе.

Человѣкъ весь во власти Божіей, и ей одной повинуется. И дѣло его одно—творить волю Божію. Такъ кому же онъ будетъ клясться? И зачѣмъ? И въ чемъ? И потому не клянитесь вовсе; говорите да, если да, нѣтъ, если нѣтъ; и знайте, что всякое, какое бы ни было общаніе, подтверждаемое клятвою, есть злое дѣло,—происшедшее отъ зла, дѣло, подъ которымъ кроется злой умыселъ.

Четвертое правило: *Не противься злу зломъ.*

Ἰησοῦς λέγει ὅτι ἐπὶ τῷ ὀφθαλμῷ ἀντὶ ὀφθαλμοῦ, καὶ δόντα ἀντὶ δόντος.

Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, μὴ ἀντιστῆναι τῷ πονηρῷ· ἀλλ' ὅστις σε ῥαπίσει ἐπὶ τὴν δεξιάν σου σκηνίον, στρέφον αὐτῷ καὶ τὴν ἄλλην.

Καὶ ὅστις σε ἀγχαρεύσει μίλλον ἐν, ὕπαγε μετ' αὐτοῦ ὁδοῦ.

Τῷ αἰτοῦντί σε δίδου· καὶ τὸν θέλοντα ἀπὸ σοῦ δανίσασθαι, μὴ ἀποστραφεῖς.

Καὶ τῷ θέλοντί σοι κριθῆναι, καὶ τὸν χιτῶνά σου λαβεῖν, ἄφες αὐτῷ καὶ τὸ ἱμάτιον· καὶ μὴ κρίνετε, καὶ οὐ μὴ κριθήτε· μὴ καταδικάζετε, καὶ οὐ μὴ καταδικασθῆτε· ἀπολῦετε, καὶ ἀπολυθήσεσθε.

Ἐν ᾧ γὰρ κρίματι κρίνετε, κριθήσεσθε· καὶ ἐν ᾧ μέτρῳ μετρεῖτε, ἀντιμετρηθήσεσθε ὑμῖν. Τί δὲ βλέπετε τὸ κάρφος τὸ ἐν τῷ ὀφθαλμῷ τοῦ ἀδελφοῦ σου, τὴν δὲ ἐν τῷ σῷ ὀφθαλμῷ δοκὸν οὐ κατανοεῖς;

Ἦ πῶς εἰρεῖς τῷ ἀδελφῷ σου· Ἄφες ἐκβάλω τὸ κάρφος ἀπὸ τοῦ ὀφθαλμοῦ σου, καὶ ἰδοὺ ἡ δοκὸς ἐν τῷ ὀφθαλμῷ σου;

ὑποκριτά, ἐκβάλε πρῶτον τὴν δοκὸν ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ σου, καὶ τότε διαβλέψεις ἐκβαλεῖν τὸ κάρφος ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ τοῦ ἀδελφοῦ σου.

Εἶπε δὲ παραβολὴν αὐτοῖς· Μήτις δύναται τυφλὸς τυφλὸν ὁδηγεῖν; οὐχὶ ἀμφότεροι εἰς ὄρθονον πεσοῦνται;

Οὐκ ἔστι μαθητὴς ὑπὲρ τὸν διδάσκαλον αὐτοῦ· κατηρητισμένος δὲ πᾶς ἔσται ὡς ὁ διδάσκαλος αὐτοῦ.

Οὐ γὰρ ἔστι δένδρον καλόν, ποιοῦν καρπὸν σαπρὸν· οὐδὲ δένδρον σαπρὸν, ποιοῦν καρπὸν καλόν.

Ἐκαστον γὰρ δένδρον ἐκ τοῦ ἰδίου καρποῦ γινώσκεται.

Ὁ ἀγαθὸς ἄνθρωπος ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ θησαυροῦ τῆς καρδίας ἐκβάλλει τὰ ἀγαθὰ καὶ ὁ πονηρὸς ἄνθρωπος ἐκ τοῦ πονηροῦ θησαυροῦ ἐκβάλλει πονηρά.

Μὴ ὥστε τὸ ἄριον τοῖς κυσί, μηδὲ βάλητε τοὺς μαργαρίτας ὑμῶν ἐμπροσθεν τῶν χοίρων, μήποτε καταπατήσωσιν αὐτοὺς ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν, καὶ στραφέντες ῥήξωσιν ὑμᾶς.

Προσέχετε δὲ ἀπὸ τῶν ψευδοπροφητῶν, οἵτινες ἔρχονται πρὸς ὑμᾶς ἐν ἐνδύμασι προβάτων, ἔσωθεν δὲ εἰσι λύκοι ἀρπαγες.

Γεννήματα ἐχιδνῶν, πῶς δύνασθε ἀγαθὰ λαλεῖν, πονηροὶ ὄντες; ἐκ γὰρ τοῦ περισσεύματος τῆς καρδίας τὸ στόμα λαλεῖ.

Λέγω δὲ ὑμῖν, ὅτι πᾶν ῥήμα ἄριον, ὃ ἐὰν λαλήσωσιν αἱ ἄνθρωποι, ἀποδώσουσι περὶ αὐτοῦ λόγον ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως.

Ἐκ γὰρ τῶν λόγων σου δικαιωθείς, καὶ ἐκ τῶν λόγων σου καταδικασθήσῃ.

Мѡ. V, 38. Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. (Исход. 21, 24).

Мѡ. V, 39. (Лк. VI, 29). А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую;

Мѡ. V, 41. и кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

Мѡ. V, 42. (Лк. VI, 30). Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.

Мѡ. V, 40. (Лк. VI, 29). И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Слышали, что сказано: глазъ за глазъ и зубъ за зубъ¹⁾.

А я говорю: не борись со зломъ; кто хлеснетъ тебя въ правую скулу, подверни ему лѣвую.

И кто тебя насильно поведетъ для себя версту, иди для него двѣ.

И всякому, кто проситъ у тебя, давай. И не убѣгай отъ того, кто хочетъ занять у тебя. И у того, кто взялъ твое, не проси назадъ.

И потому, кто хочетъ засудить²⁾ тебя, чтобы рубаху снять, отдай ему и кафтанъ.

Лк. VI, 37. (Мф. VII, 1). Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете.

Мф. VII, 2. Ибо какимъ судите, такимъ будете судимы; и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрять.

Мф. VII, 3. (Лк. VI, 41). И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоёмъ глазѣ не чувствуешь?

Мф. VII, 4. (Лк. VI, 42). Или, какъ скажешь брату твоему: дай, я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоёмъ глазѣ бревно?

Мф. VII, 5. (Лк. VI, 42). Лицемеръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего.

Лк. VI, 39. Сказалъ также имъ притчу: можетъ ли слѣпой водить слѣплого? не оба ли упадутъ въ яму?

40. Учениковъ не бываетъ выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будетъ всякій, какъ учитель его.

Лк. VI, 43. (Мф. VII, 17, 18). Нѣтъ добраго дерева, которое приносило бы худой плодъ; и нѣтъ худаго дерева, которое приносило бы плодъ добрый.

Лк. VI, 44. (Мф. VII, 16, 20). Ибо всякое дерево познается по плоду своему.

Мф. XII, 35. (Лк. VI, 45). Добрый человекъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе; а злой человекъ изъ злаго сокровища выноситъ злое.

Мф. VII, 6. Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы онѣ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ.

Не судите, чтобы не судиться, и не присуживайте никого, и васъ не присудятъ; спускайте, и вамъ спустятъ³⁾.

Потому что какимъ вы разборомъ разбираете, такимъ и васъ будутъ разбирать. Какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрятъ.

Что выглядываешь соринку въ глазу брата твоего, а что въ твоёмъ глазу цѣлая щепка, то того не видишь⁴⁾.

Какъ же ты скажешь брату: братъ! ну-ка я выну соринку у тебя изъ глаза, когда ты самъ въ своёмъ глазу щепы не чувствуешь?

Обманщикъ! вынь прежде щепку изъ твоего-то глаза, тогда разглядишь, какъ вынуть соринку изъ глаза брата.

Развѣ слѣпой можетъ водить слѣплого? Вѣдь упадутъ оба въ яму⁵⁾.

Ученикъ вѣдь не бываетъ выше учителя. Когда и совсѣмъ выученъ, все будетъ только такимъ, какъ учитель.

Потому нельзя отъ добраго дерева быть плоду дурному. Нѣтъ добраго дерева, отъ котораго бы родился дурной плодъ.

Каждое дерево по плоду узнается.

Добрый же человекъ изъ добраго склада въ сердцѣ выноситъ доброе, а злой человекъ изъ злого склада въ сердцѣ своемъ выноситъ злое.

И не давайте святого псамъ и не выбрасывайте своего драгоценнаго передъ свиньями, чтобы онѣ не потоптали его ногами, и потомъ, повернувшись на васъ, не разорвали бы васъ⁶⁾.

15. Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные.

Мф. XII, 34. Порождения ехиднины! какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста.

36. Говорю же вамъ, что за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда:

37. ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься.

Отдаляйтесь же лжеучителей, которые подходятъ къ вамъ въ овечьихъ одеждахъ, внутри же хищные волки.

Выродки чудовищъ! какъ можете говорить (для добра), когда вы злы.

Говорю же вамъ, что за всякое пустое слово, которое скажутъ люди, заплатятъ за это слово, когда придетъ разборка.

Потому что словами оправдаешься, словами осудишься.

Примѣчанія.

1) «Око за око и зубъ за зубъ» есть выдержка изъ слѣдующаго мѣста Исхода.

Исходъ XXI, 1. И вотъ законы, которые ты объявишь имъ.

2. Если купишь раба Еврея, пусть онъ работаетъ (тебѣ) шесть лѣтъ, а въ седьмой годъ пусть выйдетъ на волю даромъ.

3. Если онъ пришелъ одинъ, пусть одинъ и выйдетъ. А если онъ женатый, пусть выйдетъ съ нимъ и жена его.

4. Если же господинъ его далъ ему жену, и она родила ему сыновъ или дочерей, то жена и дѣти ея пусть останутся у господина ея, а онъ выйдетъ одинъ.

5. Но если рабъ скажетъ: Люблю господина моего, жену мою и дѣтей моихъ, не пойду на волю.

6. То пусть господинъ его приведетъ его предъ судей и поставитъ его къ двери или къ косяку и проколеть ему господинъ его ухо шиломъ и онъ останется рабомъ его вѣчно.

7. Если кто продастъ дочь свою въ рабыни, то она не можетъ выйти, какъ выходять рабы.

8. Если она не угодна господину своему и онъ не обручитъ ее, пусть позволить выкупить ее; а чужому народу продать ее (господинъ) не властенъ, когда самъ пренебрегъ ее.

9. Если онъ обручитъ ее сыну своему, пусть поступитъ съ нею по праву дочерей.

10. Если же другую возьметъ за него, то она не должна лишаться пищи, одежды и супружескаго сожитія.

11. А если онъ сихъ трехъ вещей не сдѣлаетъ для нея, пусть она отойдетъ безъ выкупа.

12. Кто ударитъ человека такъ, что онъ умретъ, да будетъ преданъ смерти.

13. Но если кто не злоумышлялъ, а Богъ попустилъ ему понасть подъ руку его, то Я назначу у тебя мѣсто, куда убѣжать (убійцѣ).

14. А если кто съ намѣреніемъ умертвить ближняго коварно (и прибѣжить къ жертвеннику), то и отъ жертвенника Моего бери его на смерть.

15. Кто ударитъ отца своего или свою мать, того должно предать смерти.

16. Кто украдетъ человека (изъ сыновъ Израилевыхъ и поработитъ его), продастъ его, или найдетъ онъ въ рукахъ у него, то должно предать его смерти.

17. Кто злословитъ отца своего или свою мать, того должно предать смерти.

18. Когда ссорятся (двое) и однанъ человекъ ударитъ другого камнемъ или кулакомъ, и тотъ не умретъ, но сляжетъ въ постель;

19. То, если онъ встанетъ и будетъ выходить изъ дома съ помощью палки,

ударивший (его) не будет повинен смерти; только пусть заплатит за остановку въ его работѣ и дастъ на леченіе его

20. А если кто ударитъ раба своего или служанку палкою, и они умрутъ подъ рукою его, то онъ долженъ быть наказанъ.

21. Но если они день или два дня переживутъ, то не должно наказывать его, ибо это его серебро.

22. Когда дерутся люди и ударятъ беременную женщину, и она выкинетъ, но не будетъ другого вреда, то взять съ виновнаго пеню, какую наложить на него мужъ той женщины, и онъ долженъ заплатить оную при посредникахъ.

23. А если будетъ вредъ, то отдай душу за душу.

24. Глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу.

25. Обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ.

26. Если кто раба своего ударитъ въ глазъ или служанку свою въ глазъ, и повредитъ его, пусть отпустить ихъ на волю за глазъ.

27. И если выбьетъ зубъ рабу своему или рабынѣ своей, пусть отпустить ихъ на волю за зубъ.

28. Если воля забодаетъ мужчину или женщину до смерти, то воля побить камнями, и мяса его не ѣсть; а хозяинъ воля не виноватъ.

29. Но если воля бодливъ былъ и вчера и третьяго дня, и хозяинъ его, бывъ извѣщенъ о семъ, не стерегъ его, а онъ убилъ мужчину или женщину, то воля побить камнями и хозяина его предать смерти.

30. Если на него наложенъ будетъ выкупъ, пусть дастъ выкупъ за душу свою, какой наложенъ будетъ на него.

31. Сына ли забодаетъ, дочь ли забодаетъ, по сему же закону поступать съ нимъ.

32. Если воля забодаетъ раба или рабу, то господину ихъ заплатить тридцать сиклей серебра, а воля побить камнями.

33. Если кто раскроетъ яму, или если выкопаетъ яму и не покроетъ ее, и упадетъ въ нее воля или осель;

34. То хозяинъ ямы долженъ заплатить, отдать серебро хозяину ихъ, а труиъ будетъ его.

35. Если чей-нибудь воля забодаетъ до смерти вола у сосѣда его, пусть продадутъ живого вола, и раздѣлять пополамъ цѣну его: также и убитаго пусть раздѣлять пополамъ.

36. А если извѣстно было, что воля бодливъ былъ и вчера и третьяго дня, но хозяинъ его (бывъ извѣщенъ о семъ) не стерегъ его, то долженъ онъ заплатить вола за вола, а убитый будетъ его.

XXII, 1. Если кто украдетъ вола или овцу, и заколетъ или продастъ, то пять воловъ заплатить за вола, и четыре овецъ за овцу.

2. Если кто застанетъ вора, подкапывающаго, и ударитъ его такъ, что онъ умретъ, то кровь не вѣнится ему.

3. Но если взойшло надъ нимъ солнце, то вѣнится ему кровь. Украдившій долженъ заплатить, а если не тѣмъ, то пусть продадутъ его для уплаты за украденное имъ.

4. Если (онъ пойманъ будетъ и) украденное найдется у него въ рукахъ живымъ, воля ли то или осель, или овца, пусть заплатить (за нихъ) вдвое.

5. Если кто потравитъ поле или виноградникъ, пустивъ скотъ свой травить чужое поле (смотря по плодамъ его), пусть заплатить со своего поля; а если потравитъ все поле, пусть вознаградитъ лучшимъ изъ поля своего и лучшимъ изъ виноградника своего.

6. Если появится огонь и охватитъ тернъ, и выжжетъ копны, или жатву, или поле, то долженъ заплатить, кто произвелъ этотъ пожаръ.

7. Если кто отдастъ ближнему на сохраненіе серебро или вещи, и онѣ украдены будутъ изъ дома его, то если найдется воръ, пусть онъ заплатитъ вдвое.

8. А если не найдется воръ, пусть хозяинъ дома придетъ предъ судей (и поклянется), что не простеръ руки своей на собственность ближняго своего.

9. О всякой вещи спорной: о волѣ, объ ослѣ, объ овицѣ, объ одеждѣ, о всякой вещи потерянной, о которой кто-нибудь скажетъ, что она его, дѣло обоихъ должно быть доведено до судей. Кого обвинять судьи, тотъ заплатитъ ближнему своему вдвое.

10. Если кто отдастъ ближнему своего осла или вола, или овцу, или какой

другой скотъ на сбереженіе, а онъ умретъ или будетъ поврежденъ, или уведенъ, такъ что никто сего не увидитъ;

11. Клятва предъ Господомъ да будетъ между обоими въ томъ, что взявшій не простеръ руки своей на собственность ближняго своего, и хозяинъ долженъ принять, а тотъ не будетъ платить.

12. А если украденъ будетъ у него, то долженъ заплатить хозяину его.

13. Если же будетъ звѣремъ растерзанъ, то пусть въ доказательство представитъ растерзанное. За растерзанное онъ не платитъ.

14. Если кто займетъ у ближняго своего скотъ, и онъ будетъ поврежденъ или умретъ, а хозяина его не было при немъ, то долженъ заплатить.

15. Если же хозяинъ его былъ при немъ, то не долженъ платить. Если онъ взялъ былъ въ наймы за деньги, то пусть и пойдетъ за ту цѣну.

16. Если обольститъ кто дѣвицу необрученную и преспить съ нею, пусть дастъ ей вѣно (и возьметъ ее) себѣ въ жену.

17. А если отецъ не согласится (и не захочетъ) выдать за него, пусть заплатитъ (отцу) столько серебра, сколько полагается на вѣно дѣвицамъ.

18. Воровъ не оставляй въ живыхъ.

19. Всякій скотоложникъ да будетъ преданъ смерти.

20. Приносящій жертву богамъ, кромѣ одного Господа, да будетъ истребленъ.

Вотъ все то мѣсто, которое имѣли въ виду евреи, когда Христосъ говорилъ: Вамъ сказано «око за око» и т. д. Приводя слова «око за око и зубъ за зубъ», относящіяся къ поврежденной женщинѣ, Иисусъ, очевидно говоритъ не объ одномъ этомъ случаѣ, но вообще о судѣ и наказаніяхъ, которыя составляютъ содержаніе этихъ главъ. Онъ говоритъ о старинныхъ средствахъ защиты отъ зла—о судѣ и наказаніяхъ и вслѣдъ затѣмъ говоритъ: «А я вамъ говорю: не боритесь со зломъ, или правильнѣе—не защищайся отъ зла этимъ путемъ, а дѣлай обратное», и показываетъ, какія обратныя дѣйствія.

Вслѣдствіе этого, стихи о судѣ человѣческомъ, стоящіе у Матфея въ 7-й главѣ, а у Луки прямо послѣ того мѣста, гдѣ говорится о томъ, чтобы давать просящему и быть жалостливымъ,—я переношу въ эту главу, гдѣ они прямо вытекаютъ изъ мѣста Ветхаго Завета, гдѣ рѣчь идетъ объ уголовномъ судѣ. Отнесеніе этихъ стиховъ въ 7-ю главу, гдѣ они стоятъ совершенно безъ связи съ послѣдующимъ и предшествующимъ, совершенно ясно объясняется тѣмъ, что слова о судѣ уголовномъ поняты, какъ слова, относящіяся только къ осужденію словами. Вслѣдствіе этихъ же соображеній я переставляю и стихъ 40-й (Мф. гл. 5-ая) послѣ 41-го и 42-го, такъ какъ стихъ 40-й говоритъ о судѣ. И за этимъ стихомъ естественно слѣдуютъ стихи 7-й главы Матфея и 37-й стихъ 6-й главы Луки.

2) κρίνειν и κρί τὸν χιτῶνά σου λαβεῖν — засудить и взять рубашку.

Здѣсь въ нагорной заповѣди въ первый разъ употреблено слово κρίνειν, и значеніе его само собою опредѣляется этимъ мѣстомъ. Если бы не существовало фальшиваго толкованія слова κρίνω и κρίνομαι въ смыслѣ злословія, то никому бы и въ голову не пришло толковать ясное значеніе этихъ словъ: засудить и снять рубашку. Сказать, что въ проповѣди, гдѣ Иисусъ излагаетъ передъ бродягами сущность своего ученія, онъ говоритъ, что бродяги не должны быть злорѣчивы, показалось бы безумной шуткой, если бы мы не привыкли такъ къ кощунственному толкованію Церкви. Къ счастью,

слово здѣсь стоитъ такъ, что перетолковать нельзя; но Церковь и тутъ продолжаетъ свое.

Вотъ что говоритъ она: (Толк. Еванг. Архм. Мих., стр. 91).

Захочетъ судиться. Притѣснителю, который по суду хочетъ отнять что-либо, долженъ уступить даже больше, заповѣдь, которую должно понимать въ общемъ смыслѣ, какъ и предшествующую. Спаситель хочетъ, чтобы мы показывали подобное незлобіе не только тогда, когда насъ бьютъ, но и когда хотятъ отнять у насъ имѣніе. (Злат. и Теоф.). Впрочемъ законная защита собственности симъ не исключается, а равно и правая тяжба на судѣ. Апостоль Павелъ, узнавъ, что въ Коринѣской церкви происходятъ тяжбы, не исключаетъ оныхъ рѣшительно изъ общества христіанскаго, а говоритъ только: для чего они не хотѣли лучше быть обиженными, но обижаютъ сами (1 Кор. 6, 7).

Вотъ что говоритъ Рейсъ (стр. 211):

C'est encore la recommandation de la patience et de la résignation en face de l'injustice, considérée comme préférable à des procédés, légaux à la vérité, mais étrangers au sentiment fraternel qui doit rapprocher les hommes, durs, violents, agressifs. Mais dans ces nouveaux cas il ne s'agit plus de rendre la pareille, seulement de repousser une attaque contre la personne ou la propriété. Nous devons donc les étudier à part. Quant à la forme de la pensée, nous voulons dire quant aux exemples choisis pour l'exposer populairement, voici ce qu'il y a à dire. On remarquera la différence entre les deux rédactions dans ce qui est dit du manteau et de la tunique. On sera porté à dire que la version de Luc est la meilleure, parce que celui qui dépouille l'autre, commence par le vêtement qui recouvre les autres. Cependant l'autre version nous paraît de beaucoup préférable. Il s'agit d'un procès injuste, par lequel un homme est méchamment dépouillé de son bien. Or, il faut se rappeler que le manteau est considéré comme l'objet le plus indispensable du pauvre homme, parce qu'il lui sert de lit, et que la loi mosaïque déjà (Exod. XXII, 25. Deut. XXIV, 13) contient des dispositions protectrices à cet égard. Le sens est donc: Si quelque adversaire méchant veut, par des intrigues judiciaires, vous enlever une partie de votre bien, plutôt que de faire des efforts pour vous défendre énergiquement, laissez-lui prendre le tout. Le mot grec, d'origine persane, que nous avons rendu par *corvée*, se rapporte proprement à des services publics pour lesquels on met un homme en réquisition (Matth. XXVII, 32). La recommandation porte donc qu'il faut plutôt faire plus qu'il n'est exigé que de refuser tout à fait.

Il se présente ici une difficulté en vue de laquelle on a souvent reproché à la morale de Jésus d'être simplement inapplicable, parce qu'aucune société ne saurait subsister là où les honnêtes gens laisseraient ainsi patiemment le champ libre aux méchants. Pour écarter cette objection, il ne suffit pas de dire qu'il ne s'agit pas ici de lois sociales, mais de devoirs privés, ni de rappeler que d'autres passages de l'Écriture sauvegardent l'ordre public. Il faut admettre que la recommandation de Jésus, bien que figurée dans sa forme, est sérieuse et réellement praticable. Or, on trouvera sans peine qu'il y a des coups, plus durs et plus irritant que des soufflets, que le chrétien peut être dans le cas de supporter et de pardonner: des attaques contre le fruit de son travail, plus méchantes que ne le sont d'injustes procès; des charges plus lourdes que de brutales extorsions, qu'on peut lui imposer sans qu'il regimbe. Nous parlons de cas où aucune loi positive n'est violée, mais où un sentiment plus délicat du devoir nous engage à subir les effets de l'égoïsme d'autrui sans nous opposer à ses exigences; où il nous serait même aisé de dire: non, en nous prévalant du droit strict, et où l'esprit de Jésus nous fait dire: oui, en nous guidant par son exemple.

Le v. 42 est plus étranger au contexte, en ce qu'il n'y a plus là aucune liaison quelconque avec la loi du talion. Pour le fond, même observation que tout ferait plus de mal que de bien. Mais il restera toujours le principe que la rédaction de Luc insère en cet endroit même et que notre évangéliste ne mentionne que régler mes actes.

Для человѣка же, ищущаго смыслъ ученія и не считающаго настоящаго порядка вещей осуществленіемъ христіанскаго устройства общества, это мѣсто несомнѣнно указываетъ на то, что слова *ῥή κρίνεται* или *ὅς κρίνῃτε* должно переводить: *судить въ судѣ* и *судиться* и также слово *κρίνῃτε*, страдательный залогъ этого глагола, и что Иисусъ именно запрещаетъ *сидить* и *судиться судомъ*.

3) У Луки стоитъ: VI, 37. *καὶ ῥή κρίνεται, καὶ ὅς κρίνῃτε ῥή καταδικάζετε, καὶ ὅς καταδικάζῃτε, Ἀπολύετε, καὶ ἀπολύθησθε.*

Не судите, чтобы не судиться и не присуждайте, и васъ не будутъ присуждать; спускайте и вамъ спустятъ.

У Маттея стоитъ: VII, 1. *ῥή κρίνεται, ὅς ῥή κρίνῃτε. Не судите, такъ что и судимы не будете.* Во многихъ же спискахъ такъ же, какъ и у Луки, стоитъ: *ῥή καταδικάζετε, т. е. и не присуждайте судомъ.*

4) Такова связь этихъ стиховъ у Луки. То, что эти стихи тутъ на мѣстѣ, не можетъ быть сомнѣнія для того, кто подъ словами *κρίνω* и *καταδικάζω* понимаетъ то, что намъ хочется понимать. Судья и суды—это люди съ шепками въ глазахъ, выглядывающіе соринки въ другихъ,—это слѣпые, водящіе слѣпыхъ, это учителя мести и злобѣ.

5) Стихъ этотъ у Луки слѣдуетъ за стихами о судѣ и осужденіи и, очевидно, относится къ судьямъ. Не могутъ быть суды хороши, если отъ нихъ казни и зло, и тѣ, кто судятъ и приговариваютъ: приговоры ихъ вытекаютъ изъ зла.

6) Стихъ этотъ находится только у Маттея, и стоитъ тотчасъ же послѣ стиха о бревнѣ въ глазу. И Церковь и Рейсъ даютъ этому стиху независимое отъ рѣчи значеніе.

Вотъ толкованіе Церкви (Толк. Еванг. стр. 120, 121):

Не давайте святыни псамъ и проч. Опять рѣчь иносказательная. Святыни псамъ: образъ заимствованъ отъ того, какъ если бы кто святое, т. е. освященное, принесенное Богу въ жертву, вздумалъ бросать на поруганіе псамъ. Святыни или святое означаетъ здѣсь все, относящееся къ вѣрѣ христіанской: всю евангельскую истину, заповѣди, правила, ученіе, а равно и все предметы священные.

Жемчугъ—драгоценный предметъ украшенія, служить образомъ высокихъ предметовъ духовныхъ и означаетъ здѣсь также высокіе предметы вѣры христіанской или истины евангельскія (Афанасій Великій разумѣетъ въ частности пречистыя тайны тѣла и крови Христовой).

Псы и свиньи,—эти нечистыя животныя означаютъ нравственно извращенныхъ и неспособныхъ къ принятію евангельской истины людей, которымъ священное и духовное чуждо и даже противно, цѣны котораго они не могутъ понять.

Попрали ногами: Какъ свиньи, не зная высокой цѣны драгоценнаго жемчуга, попираютъ его ногами, такъ и извращенные нравственно люди, не понимая величайшей цѣны евангельскихъ истинъ, смѣшиваютъ ихъ съ предметами нечистыми, извращаютъ ихъ, а часто и глумятся. И во многихъ мѣстахъ онъ развращеніе жизни поставляетъ причиною того, что не пріемлется совершеннѣйшее ученіе, почему и повелѣваетъ не отворять имъ дверей, ибо, узнавши, они станутъ дерзновеннѣе (Злат.).

Обратившись не растерзали васъ: дикіе псы, которыхъ алчность раздражена, но не удовлетворена, и прожорливыя свиньи, которыя, вмѣсто пищи, получаютъ, чего съѣсть не могутъ, раздраженные могутъ броситься на того, кто развратные, но не удовлетворилъ ихъ алчности, и растерзать его. Такъ и развратные люди, неспособные понять и принять истину евангельскую, поправъ истину, могутъ обратиться яростно и на самихъ проповѣдниковъ истины и причинить имъ разныя бѣдствія, даже смерть.

Смыслъ рѣчи, разоблаченный отъ иносказанія таковы: Не предлагайте евангельскихъ истинъ и всего святого людемъ, нравственно извращеннымъ, нечестивымъ и злымъ, чтобы они, не понявъ святого и драгоценнѣйшаго, не осквернили его, не смѣшали съ мудрованіями человѣческими, не извратили, не насмѣялись надъ нимъ, и чтобы вамъ самимъ избѣгнуть напрасной гибели отъ нихъ. Какъ часто при своей проповѣди Апостолы имѣли случаи убѣдиться въ семъ, когда должны были терпѣть различныя бѣдствія отъ злыхъ, неразумныхъ и безнравственныхъ людей.

Равнымъ образомъ и Господь запретилъ здѣсь то безчестіе, какое святымъ словамъ Господнимъ мы наносимъ преступленіемъ оныхъ.

Слѣдствіемъ сего преступленія бываетъ, что находящіеся внѣ вѣры такъ же почитаютъ Господни наставленія удобопреблегаемыми, и по тому же самому съ большею смѣлостью возстаютъ и на насъ, и преступающаго какъ бы терзаютъ своими укоризнами и обличеніями (Васил. Велик., V, 334).

По Рейсу то же самое

Мнѣ кажется, что значеніе стиха вытекаетъ изъ предшествующаго, и гораздо проще, чѣмъ значеніе, придаваемое Церковью.

Все дѣло идетъ о томъ, чтобы не судиться. Если человѣкъ судится и ищетъ справедливости отъ судей, судящихъ *зубъ за зубъ*, то онъ то, что въ немъ самага святого и дорогого, — *желаніе справедливости*, даетъ псамъ, бросаетъ подъ ноги свиньямъ. Псы и свиньи затопчутъ его чувство справедливости и его же растерзаютъ, т. е. его же засудятъ или заставятъ его другого засудить.

Вотъ четвертое изъ тѣхъ маленькихъ правилъ Иисуса, которыя должны научить исполнять законъ. Какъ это правило, такъ и предшествующія, ясно показываютъ, что Иисусъ, говоря о законѣ, никогда не разумѣлъ закона Моисеева, а законъ общій и вѣчный, нравственный законъ людей. Иисусъ не учитъ тому, какъ исполнять положеніе Моисеевыхъ книгъ о клятвѣ, а учитъ тому, какъ выполнять законъ вѣчный, запрещающій всякую клятву.

То же само и по отношенію къ правосудію: Иисусъ не учитъ выполнять законъ Моисеевъ, а прямо говоритъ, что людское правосудіе есть зло, и учитъ исполнять законъ вѣчный — непротивленіе злу. Онъ удерживаетъ одно — цѣль закона, какъ поводъ для высказыванія своихъ правилъ. Цѣль закона человѣческаго правосудія есть благо людей. И онъ говоритъ (Мѡ. V, 38, 39): «Для того чтобы достигнуть этого блага, вамъ сказано въ законѣ: Выколоть глазъ тому, кто выкололъ глазъ, выбить зубъ тому, кто выбилъ зубъ, отрубить руку и убить того, кто убилъ. Я же вамъ говорю: для того, чтобы достигнуть блага, *не защищайтесь отъ злыхъ людей. Не хочеть, чтобы ты сработалъ для него — работай для него вдвое. Знаешь, что занять хочеть у тебя, — не бѣгай отъ него, а давай, и если дашь, не проси назадъ; хочеть засудить тебя, снять рубаху, — отдай и кафтанъ*».

Христосъ съ подробностью останавливается на этомъ и перечисляетъ случаи, въ которыхъ злой можетъ обижать не злого, и во всѣхъ случаяхъ прямо и понятно говорить, что надо дѣлать и

чего не надо дѣлать: надо все отдавать и не прибѣгать къ человѣческому правосудію — суду, и не участвовать въ немъ.

Цѣль закона та, чтобы никто не посягалъ на другого, на свободу, на цѣлость, на жизнь его, и потому и законъ не можетъ посягать на свободу, цѣлость и жизнь другого. И не можетъ же быть законъ *не убій* и законъ *убій* того-то и того-то.

Правило это вытекаетъ само собою изъ перваго правила: «Не сердись и мирись съ братомъ». Главный смыслъ его есть только отрицаніе суда человѣческаго, утвержденного ложнымъ закономъ.

Иисусъ говоритъ: *Не судите и не судитесь, а прощайте, все прощайте. Вы будете прощать и вамъ будутъ прощать. А если вы будете судить, и васъ будутъ судить, и зло никогда не кончится*.

И, такъ и въ прежнихъ правилахъ, давъ правило, Иисусъ съ двухъ сторонъ объясняетъ его: съ внутренней — для каждаго, и съ внѣшней — для всѣхъ. Для каждаго онъ говоритъ: Какъ можетъ кто-нибудь изъ людей судить другого. Вѣдь судящій долженъ видѣть, что хорошо и что дурно, но какъ же ему видѣть, что хорошо, что дурно, когда онъ самъ судитъ, т. е. хочеть мстить и наказывать; онъ тѣмъ самымъ, что судитъ, уже утверждаетъ зло, и потому, если онъ судитъ, то онъ самъ слѣпой, который хочеть вести слѣпного. Такъ выходитъ для каждаго.

Для всѣхъ же выходитъ то, что, во 1-хъ, если онъ судитъ, то и его будутъ судить, а во 2-хъ, что онъ думалъ исправлять, учить, а самъ только портитъ и развращаетъ. Хорошо! Онъ учить, наказываетъ. Но вѣдь ученикъ можетъ выучиться только тому, что знаетъ учитель. Учитель учитъ тому, что надо людямъ мстить. Этому самому и выучится ученикъ.

Такъ учатъ люди другихъ наказаніямъ, и такъ-то все глубже и глубже идутъ во тьму. Они говорятъ, что они дѣлаютъ это для блага. Убиваютъ! Не можетъ убійство произойти отъ добраго желанія; какъ не можетъ вырасти дурной плодъ на добромъ деревѣ, и какъ съ добраго дерева получается хорошій плодъ, такъ и отъ добраго человѣка не можетъ отродиться месть и наказаніе. И потому если они наказываютъ, — не вѣрьте, что они добры. Вотъ смыслъ этого мѣста.

А вотъ какъ толкуетъ Церковь (Толк. Еванг.):

Не противься злу: злему дѣйствию, причиняемому не добрымъ или злымъ человѣкомъ; а такъ какъ виновникъ зла дѣволъ, то подъ зломъ можно разумѣть здѣсь дѣвола, дѣйствующаго посредствомъ человѣка, наносящаго обиду. И такъ ужели дѣволу не должно противиться? Должно, но не такъ, а какъ повелѣлъ Спаситель, т. е. съ готовностью терпѣть зло. Симъ образомъ ты дѣйствительно побѣдишь лукаваго (Злат. Теоф.).

Кто ударитъ тебя: чувство любви и кротости, которое на обиду отвѣтствуетъ готовностью принять новую обиду, неправильную притязательность удовлетворяетъ сугубо и готово дать просящему, есть отличительный признакъ усовершенствовавшихся въ духѣ христіанскаго закона.

Но само собою разумѣется, что всѣ эти заповѣди о терпѣніи обидъ, об отреченіи отъ возмездія, какъ направленныя собственно противъ іудейской любви мстительности, не исключаютъ не только общественныхъ мѣръ къ ограниченію зла и наказанію дѣлающихъ зло, но и частныхъ, личныхъ усилий и заботъ каждаго человѣка о ненарушимости правды, о вразумленіи обидчиковъ, о прекращеніи для злонамѣренныхъ возможности вредить другимъ, ибо иначе самыя

духовные законы Спасителя по-иудейски обратились бы только въ букву, могущую послужить къ успѣхамъ зла и подавленію добродѣтели. Любовь христіанская должна быть подобна любви Божіей, но любовь Божія ограничиваетъ и наказываетъ зло, и любовь христіанина должна терпѣть зло только въ той мѣрѣ, въ какой оно считается болѣе или менѣе безвреднымъ для славы Божіей и для спасенія ближняго; въ противномъ случаѣ должно ограничивать и наказывать зло, что особенно возлагается на начальство (Римл. XIII, 1—4).

Господь самъ, когда Его ударили по ланиту, говорилъ оскорбившему: Что ты меня бьешь? и заповѣдывалъ ученикамъ своимъ спасаться отъ притѣсненій и гоненій бѣгствомъ. Апостолъ Павелъ въ случаѣ оказываемой ему несправедливости, вмѣсто того, чтобы безропотно страдать, обращается за судомъ къ начальству и первосвященнику, велѣвшему его бить, отвѣчалъ съ укоризною (Дѣян.).

Не судите: запрещается не простое сужденіе или благонамѣренная и добросовѣстная оцѣнка дѣйствій другихъ людей, каковая во всякомъ случаѣ необходима въ жизни и особенно общественной, но осужденіе образа дѣйствій ближняго и притомъ осужденіе не законнымъ судомъ, каковой необходимъ во всякомъ обществѣ, а сужденіе личное, въ частныхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ, частные, личные, такъ сказать, пересуды, въ каковыхъ случаяхъ осужденіе происходитъ по большей части изъ какихъ либо самолюбивыхъ и нечистыхъ побужденій, изъ тщеславія, гордости и т. п. Сужденіе о качествѣ того или другого поступка ближнихъ, даже вызванное таковымъ сужденіемъ дѣйствіе дозволительное, если оно основывается на истинномъ пониманіи дѣла и на благочестивой ревности о славѣ Божіей. Самъ Христосъ и Апостолы и всѣ истинные ихъ послѣдователи всегда судили и осуждали дѣйствія, противныя вѣрѣ и благочестію и принимали противъ всего, по ихъ сужденію злого, извѣстныя мѣры. Не о таковомъ осужденіи говорить Господь, но объ осужденіи неправедномъ, самолюбивомъ, эгоистическомъ, выражаемомъ при томъ безъ необходимости, по личнымъ, корыстнымъ побужденіямъ, и особенно людьми, которые сами порочнѣе, чѣмъ тѣ, которыхъ судятъ они строго. Вѣроятно, Господь имѣлъ въ виду фарисеевъ, которые, горлясь своею мнимою праведностью и чистотою во внѣшнемъ поведеніи, строго судили о дѣйствіяхъ другихъ людей, не зная ни ихъ обстоятельствъ, ни ихъ побужденій, а себя не старались исправлять.

Господь сказалъ сіе не для того, чтобы мы поступали въ чемъ или дѣлали что безъ суда, но имѣя въ виду фарисеевъ и книжниковъ которые судили другъ друга, но не исправляли сами себя. (Аѳан. Велик.).

Вотъ взглядъ Церкви католической: (Рейсъ, стр. 228).

(VII, 1—5). Ces maximes se rattachent de plus près à ce qui a déjà été dit plus haut, chap. V, 25; VI, 12, 14, 15. Car il est impossible de méconnaître que c'est le jugement de Dieu qui est ici mis en parallèle avec celui des hommes et qu'il ne s'agit pas de la réciprocité entre ceux-ci. En apparence il y a là une conception anthropopathique du jugement de Dieu, en ce qu'il est dit que celui-ci jugera les hommes comme ils auront jugé leurs semblables, comme si les passions, les antipathies, les préventions, qui nous dictent si souvent nos jugements, pouvaient se retrouver dans les motifs du juge suprême. Le point de comparaison ne porte pas sur les défauts comme tels, mais sur la présence ou l'absence de cet amour fraternel qui doit primer le droit strict. Il ne faut pas oublier que Dieu, le Saint et le Juste par excellence, serait autorisé à nous mettre en jugement pour chaque faute ou transgression et à nous appliquer la peine méritée, tandis que nous, qui sommes tous pécheurs, nous avons bien tort d'être rigoureux envers les autres. Nous avons tous grandement besoin de la grâce de Dieu, donc avant tout il convient que nous soyons animés, nous aussi, les uns envers les autres, d'un sentiment analogue.

Не говоря о томъ, какъ употреблено слово κρίνεται въ 37-мъ стихѣ, Лк. VI, гдѣ оно и переводится всѣми *судиться*, — κρίνω одно еще могло бы какъ-нибудь быть натянуто въ смыслѣ «судить, осуждать», хотя и оно, означая въ прямомъ смыслѣ: *положить, отбрасывать*

дурное отъ хорошаго, не значить «осуждать языкомъ», а значить: *присуждать* или *отбрасывать*; но уже въ соединеніи съ *κατάδικα*, какъ будто нарочно постановленнымъ для того, чтобы нельзя было перетолковать значеніе слова, — объясненіе κρίνειν «осужденіемъ», совершенно невозможно. Слово *κατάδικα* значить по производству своему отъ *δικάζειν* (судья) и по всѣмъ лексиконамъ только: *приговаривать къ наказанію по суду*.

Но мало этого, слова эти сказаны послѣ тѣхъ, въ которыхъ говорится, что надо подставить другую скулу, отдать рубашу и т. д.; у Луки же непосредственно послѣ, какъ разъясненіе, сказано, что по закону Моисея справедливость достигалась судомъ и наказаніями. Я же вамъ говорю, говоритъ Христосъ, не защищайтесь отъ зла, тогда вы достигнете справедливости.

Само собою, кажется, вытекаетъ то, что нельзя и не должно судить и приговаривать къ наказаніямъ. Если бы и не сказано было послѣ этого: *не судите и не приговаривайте къ наказанію*, и тогда бы ясно было, что это само собою разумѣется, потому что Иисусъ Христосъ учить всѣхъ прощать. Кто же будетъ наказывать, если онъ всѣхъ учить *не противиться злу и не мстить*. Да и въ первомъ же толкованіи закона *не убій* сказано, что *не мѣтайся даже на брата*. Кромѣ того, развѣ все ученіе прощенія, всѣ притчи: о прощенной блудницѣ, о должникѣ, самая молитва, учащая прощать должникамъ нашимъ, — развѣ все не говоритъ то же самое? Но тутъ еще прямо двумя словами, такими, которымъ нельзя придать никакого другого смысла, сказано: *Не судите судами, не приговаривайте къ наказаніямъ*. И что же? Всѣ Церкви, всѣ толкователи говорятъ, что значить: évitez la médisance, не сплетничай — и больше ничего. Не сплетничать и не говорить дурного о людяхъ — недурно; но прежде всего надо ихъ не судить судами, не наказывать, не исправлять, не мстить, — это то главное и сказано.

И опять четвертое правило, данное Иисусомъ, какъ и прежнія три правила, все отвергнуто, такъ что если бы выпустить все это мѣсто, всѣ четыре правила, ученіе Церкви нисколько бы не измѣнилось, даже яснѣе бы было.

То же будетъ съ пятымъ послѣднимъ правиломъ.

Пятое правило: *Не воюй*.

Ἰκούσατε ὅτι ἐρρήθη Ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου, καὶ μισησεις τὸν ἐχθρόν σου. Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν Ἀγαπάτε τοὺς ἐχθρούς ὑμῶν, εὐλογεῖτε τοὺς καταρωμένους ὑμᾶς, καὶ καλῶς ποιεῖτε τοὺς μισούντας ὑμᾶς, καὶ προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐπηρεαζόντων ὑμᾶς, καὶ διωκόντων ὑμᾶς.

Ὅπως γένησθε υἱοὶ τοῦ πατρὸς ὑμῶν τοῦ ἐν οὐρανοῖς· ὅτι τὸν ἥλιον αὐτοῦ ἀνατέλλει ἐπὶ πονηροῦς καὶ ἀγαθοῦς, καὶ βρέχει ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκους. Καὶ ἐὰν ἀγαθοποιήτε τοὺς ἀγαπομένους ὑμᾶς, ποῖα ὑμῖν χάρις ἐστί; καὶ γὰρ οἱ ἄμαρτωλοι τὸ αὐτὸ ποιοῦσι.

Καὶ εἰ ἀγαπάτε τοὺς ἀγαπῶντας ὑμᾶς, ποῖα ὑμῖν χάρις ἐστί; καὶ γὰρ οἱ τοὺς ἀγαπῶντας αὐτοὺς ἀγαπῶσι.

Καὶ ἐν ἀσπάσθητε τοὺς ἀδελφοὺς ὑμῶν μόνον, τί περισσὸν ποιεῖτε; οὐχὶ καὶ οἱ ἔθνη καὶ τὰ αὐτὰ ποιοῦσιν;

Καὶ ἐν δανίσθητε παρ' ὧν ἐλπίζετε λαβεῖν, ποῖα ὑμῖν χάρις ἐστίν; καὶ ἁμαρτωλοὶ ἁμαρτωλοῖς δανίζουσιν ἵνα ἀπολάβωσιν τὰ ἴσα.

Πλὴν ἀγαπᾶτε τοὺς ἐχθροὺς ὑμῶν καὶ ἀγαθοποιεῖτε καὶ δανίζετε μηδὲν ἀπελπίζοντες· καὶ ἔσται ὁ μίσθος ὑμῶν πολὺς, καὶ ἔσεσθε υἱοὶ Ὑψίστου, ὅτι αὐτὸς χρηστός ἐστίν ἐπὶ τοὺς ἀχαρίστους καὶ πονηροὺς.

Ἔσεσθε οὖν ὑμεῖς τέλειοι, ὥσπερ ὁ πατήρ ὑμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς τέλειός ἐστι.

Мѡ. V, 43. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего (Левит. 19, 17, 18).

Мѡ. V, 44. (Лк. VI, 27, 28). А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте прокли-
нающихъ васъ, благотворите ненавиждающимъ васъ и молитесь за обижających васъ и гонящихъ васъ;

Мѡ. V, 45. да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.

Лк. VI, 33. (Мѡ. V, 46). И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро; какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники то же дѣлаютъ.

Лк. VI, 32. И если любите любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ.

Мѡ. V, 47. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ ли же поступаютъ и язычники?

Лк. VI, 34. И если взаймы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники, дають взаймы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столь-
ко же.

Лк. VI, 35. Но вы любите враговъ вашихъ, и благотворите, и
взаймы давайте, не ожидая ни-

Вы слышали, что сказано: Ублажай ближняго¹⁾ и ни во что считай непріятеля²⁾.

Я же говорю вамъ: ублажайте непріятелей³⁾ вашихъ, ублажайте тѣхъ, которые ни во что считаютъ васъ: ублажайте тѣхъ, которые грозятся вамъ, и молитесь за тѣхъ, которые нападаютъ на васъ⁴⁾.

Чтобы вамъ сдѣлаться равными сынами⁵⁾ Отца вашего на небѣ. Онъ велитъ солнцу восходить надъ злыми и добрыми, и дождь посылаетъ на праведныхъ и неправедныхъ.

И если ублажаете ублажающихъ васъ, какая тутъ заслуга? Потому что всѣ народы⁶⁾ то самое дѣлаютъ.

И если вы ублажаете своихъ братьевъ только, что вы лишняго противъ другихъ народовъ дѣлаете? Всякій народъ то же самое дѣлаетъ⁷⁾.

чего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго, ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ.

Мѡ. V, 48. (Лк. VI, 36). И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

Будьте же вы добры ко всѣмъ людямъ, какъ добръ ко всѣмъ Отецъ вашъ на небѣ.

Примѣчанія.

1) Левитъ гл. XIX, 17. Не враждуй на брата твоего въ сердцѣ твоємъ, обличи ближняго твоего и не понесешь за него грѣха.

И кромѣ этого тѣ мѣста, гдѣ сказано: *люби Бога и ближняго*. Эти мѣста относятся къ любви къ ближнему.

Слѣдующія мѣста относятся къ ненавидѣнію враговъ:

Исходъ, гл. XXXIV, 12. Смотри, не вступай въ союзъ съ жителями той земли, въ которую ты войдешь, дабы они не сдѣлались сътѣю среди васъ.

13. Жертвенники ихъ разрушьте, столбы ихъ сокрушите, вырубите священныя роши ихъ и изваянія боговъ ихъ сожгите огнемъ.

Второзаконіе, гл. XX, 1. Когда ты выйдешь на войну противъ врага твоего, и увидишь коней и колесницы (и) народа болѣе нежели у тебя, то не бойся ихъ; ибо съ тобою Господь, Богъ твой, который вывелъ тебя изъ земли Египетской.

2. Когда же приступаете къ сраженію, тогда пусть подойдетъ священникъ и говорить народу.

3. И скажетъ ему: слушай, Израиль, вы сегодня вступаете въ сраженіе съ врагами вашими, да не ослабѣетъ сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь ихъ.

4. Ибо Господь, Богъ вашъ, идетъ съ вами, чтобы сразиться за васъ съ врагами вашими, (и) спасти васъ.

5. Надзиратели же пусть объявятъ народу, говоря: кто построилъ новый домъ и не обновилъ его, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы не умеръ на сраженіи, и другой не обновилъ его.

6. И кто насадилъ виноградникъ, и не пользовался имъ, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы не умеръ на сраженіи, и другой не воспользовался имъ.

7. И кто обручился съ женою и не взялъ ея, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы не умеръ на сраженіи и другой не взялъ ея.

8. И еще объявятъ надзиратели народу, и скажутъ: кто боязливъ и малодушенъ, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы онъ не сдѣлалъ робкими сердца братьевъ его, какъ его сердце.

9. Когда надзиратели скажутъ все это народу, тогда должно поставить военныхъ начальниковъ въ вожди народу.

10. Когда подойдешь къ городу, чтобы завоевать его, предложи ему миръ.

11. Если онъ согласится на миръ съ тобою, и отворить тебѣ ворота, то весь народъ, который найдешь въ немъ, будетъ платить тебѣ дань и служить тебѣ.

12. Если же онъ не согласится на миръ съ тобою и будетъ вести съ тобою войну, то осадилъ его.

13. И когда Господь, Богъ твой, передастъ его въ руки твои, порази въ немъ весь мужескій полъ остриемъ меча.

14. Только женъ и дѣтей и скотъ, и все, что въ городѣ, всю добычу его возьми себѣ, и поддайся добычею враговъ твоихъ, которыхъ предалъ тебѣ Господь, Богъ твой.

15. Такъ поступай со всѣми городами, которые отъ тебя весьма далеко, которые не изъ числа городовъ сихъ.

16. А въ городахъ сихъ народовъ, которыхъ Господь, Богъ твой, дасть тебѣ во власть, не оставляй въ живыхъ ни одной души.

17. Но предай ихъ заклѣтію: Хеттеевъ, и Амореєвъ, и Хананеевъ, и Ферезеевъ, и Евеевъ, и Левусеевъ, и Гергесеевъ, какъ повелѣлъ Господь, Богъ твой.

18. Дабы они не научили васъ дѣлать такія же мерзости, какія они дѣлали для боговъ своихъ; и дабы вы не грѣшили передъ Господомъ, Богомъ вашимъ.

19. Если долгое время будешь держать въ осадѣ (какой-нибудь) городъ, чтобы завоевать его и взять его, то не порти деревъ его, отъ которыхъ можно питаться, и не опустошай окрестностей; ибо дерево на полѣ не человѣкъ, чтобы могло уйти отъ тебя въ укрѣпленіе.

2) *ἐχθρός* значитъ: *врагъ непріятель*. Слово это употреблено здѣсь въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ у Маттея.

Во времена Моисея по еврейски «*оіовъ*» — *ἐχθρός* означало: *иноплеменникъ, филистимлянинъ* и др. Всякій не іудей былъ «*оіовъ*», *ἐχθρός*. Въ этомъ же мѣстѣ значеніе, какъ человѣка другого народа, несомнѣнно уже потому, что оно противопоставляется *πλησίος* (Дѣян. VII, 27), что значитъ въ евангельскомъ языкѣ: *соотечественникъ*. Спрашивается: кто *πλησίος* и оказывается, что *πλησίος* есть — *иноплеменникъ самарянинъ*. (Притча о самарянинѣ, Лука X, 29 — 37).

Вотъ что говоритъ объ этомъ мѣстѣ Рейсъ (стр. 212, 213):

La dernière antithèse entre le point de vue légal et celui de la morale évangélique est en quelque sorte le résumé de celles qui ont précédé et en tout cas elle en est le couronnement. La loi (Lév. XIX, 18) disait: tu aimeras ton prochain; elle n'a dit nulle part explicitement: tu haïras ton ennemi. Mais le prochain, c'était l'Israélite, d'après les Pharisiens c'était même seulement l'ami. La haine de l'étranger, et l'identification de l'étranger avec l'ennemi, étaient les conséquences naturelles, inévitables du point de vue particulariste de l'ancienne constitution religieuse. Jésus n'est donc pas injuste envers la loi en formulant son assertion comme il le fait. Ses contemporains du moins n'avaient aucun motif de le contredire à cet égard. Son accomplissement de la loi, en la ramenant à l'intention non méconnaissable du createur, père commun de tous les hommes, établissait donc un universalisme des sentiments de fraternité tel que le monde ne l'avait point encore connu. Heureusement la formule du devoir, à cet égard, n'a pas besoin ici de commentaire, tout imparfaite qu'est toujours encore la réalisation de l'idéal. Nous nous bornerons à quelques observations de détail. Le texte de Matthieu (v. 44) a été complété dans les copies et dans les éditions vulgaires au moyen de celui de Luc, qui est plus riche d'amplifications sans rien ajouter à la pensée essentielle. L'effet de cet amour, qui ne se circonscrit pas dans les bornes tracées par les imperfections du prochain, mais qui aspire à la ressemblance de l'immensité des perfections de Dieu, c'est que le chrétien devient l'enfant de celui-ci, un fils digne de son père. Car il va sans dire que la perfection de Dieu qui nous est proposée ici comme un but idéal à poursuivre, ne peut s'entendre que de ce que nous appelons ses attributs moraux. Le fait même de l'impossibilité de jamais atteindre ce but, fait évident pour la raison et la conscience, ne doit pas être un obstacle pour la volonté; et le texte affirme cela au point de se servir du futur et non de l'impératif pour nous faire marcher dans cette direction. Ce qui est dit du soleil qui luit pour tous indistinctement, et de la pluie qui féconde tous les champs, ne doit pas servir de preuve matérielle et directe de l'amour universel de Dieu. Car il y a aussi des fléaux dans la nature qui frappent également, sans distinction, les hommes de toutes les conditions morales. Mais c'est une image de la grâce offerte à tous, de la longanimité que les supporte tous, par conséquent du sentiment qui doit nous animer à l'égard de tous à notre tour. Tant que l'amour, la charité, la bienfaisance et les autres sentiments et actes sociaux se règlent sur le principe de la réciprocité, ils n'ont aucune valeur; l'intérêt n'est pas un élément moral. On trouve cela chez les plus méchants, les plus vils, les plus étrangers à la connaissance du vrai Dieu. L'amour du chrétien doit être complètement dégagé de tout élément d'intérêt.

Quelle idée Jésus a-t-il dû se faire, ou vouloir que nous nous fissions de la

nature humaine, pour lui proposer un pareil but? Serait-ce bien celle à laquelle, s'est arrêtée la théologie? Et s'il est vrai qu'ici-bas personne n'atteint ce but, a-t-il peut-être supposé ou insinué que nous l'atteindrons le lendemain de notre mort, par l'effet d'un acte de gracieuse donation?

Странно, что понимая то, что Иисусъ говоритъ объ отношеніяхъ къ чужеземцамъ, Рейсъ придумываетъ какое-то таинственное значеніе словъ и не видитъ самаго простого и яснаго, — ту простую понятную цѣль, которую преслѣдуютъ теперь такъ безуспѣшно общества мира. Онъ, какъ будто, боится придать словамъ Иисуса простое, понятное и глубокое значеніе.

Вотъ что говоритъ Церковь: (Толк. Еванг. Арх. Мих. стр. 93).

Любите враговъ вашихъ: Врагъ тотъ, кто дѣлаетъ зло такъ или иначе. Есть два рода любви къ людямъ: первый есть расположеніе къ человѣку, жизнь и дѣйствія котораго мы одобряемъ, который намъ нравится; второй — расположеніе и желаніе добра тѣмъ, которыхъ жизнь и дѣйствія мы не одобряемъ, которыхъ недобрымъ дѣйствіямъ въ отношеніи къ намъ или другимъ мы противоудѣствуемъ. Это послѣднее чувство и есть любовь, которую мы должны оказывать къ врагамъ.

Невозможно любить дѣйствія человѣка, который наноситъ намъ обиды, вредъ оскорбляетъ законы божескіе и человѣческіе; но мы можемъ, отвращаясь отъ его дѣйствій, желать добра ему самому, не платить ему зломъ за зло, помогать ему въ нуждахъ и затрудненіяхъ оказывать ему услугу, желать ему вѣчныхъ благъ. Эта любовь ко врагамъ, свидѣтельствующая о высокой степени совершенства имѣющихъ сію добродѣтель. Достигъ (таковой) верха добродѣтелей, ибо что выше сего? (Феоф. ср. Злат.).

Благословляйте проклинающихъ васъ и пр.: частнѣйшее развитіе общей мысли о любви ко врагамъ, указаніе въ чемъ можетъ выражаться эта любовь къ различнымъ образомъ проявляющимъ свою вражду. Благословлять собственно значить не только не говорить о врагѣ вашемъ дурного, но говорить доброе, не умалять его добрыхъ качествъ, но хвалить ихъ, поставлять на видъ, потому благословлять, благожелать. Обижать — собственно неправильно преслѣдовать судомъ; отсюда обвинять несправедливо, оскорблять, поносить словомъ или дѣломъ. Очевидно, что съ заповѣдью о любви ко врагамъ совершенно несогласна была бы такая любовь ко врагамъ, съ которой соединялось бы соучастіе въ ихъ дѣйствіяхъ; напротивъ, истинная любовь требуетъ иногда обличеній и укоризнъ, когда изъ-за вражескихъ дѣйствій оскорбляется слава Божія, или соврашаются люди съ пути спасенія. Посему и Самъ Господь и Его Апостолы нерѣдко обращались ко врагамъ своимъ съ словомъ грознымъ и обличительнымъ (Мф. XXIII, 33; Дѣян. XXII, 3; 1 Іоан. V, 16; 2 Іоан., 10; Гал. 1, 8; и др.). Видишь ли, на какія взмощель Онъ степени и какъ поставилъ насъ на самый верхъ добродѣтели. Смотри и исчисляй оныя, начавъ съ первой.

1-ая степень не начинать обиды; 2-ая, когда она уже причинена, не воздавать равнымъ зломъ обидѣвшему; 3-ья не только не дѣлать обижающему того, что ты потерпѣлъ отъ него, но и оставаться спокойнымъ; 4-ая предавать себя самого злостраданію; 5-ая отдавать болѣе, нежели сколько хочешь взять причиняющей обиду; 6-ая не ненавидѣть его; 7-ая даже любить его; 8-ая благодѣлывать ему; 9-ая молиться о немъ Богу. Видишь ли какая высота любодумія? (Злат.).

Церковь, какъ и прежнія правила, такъ и это правило совершенно не понимаетъ; говоритъ о постороннемъ, старается разрушить главный смыслъ ученія. Сказано: благословляй враговъ; а она говоритъ: можно ругать. Рѣчь Иисуса говоритъ только то, что не должно защищаться отъ враговъ, что ни въ какомъ случаѣ не должно воевать; Церковь же 1500 лѣтъ проповѣдуетъ противное и благословляетъ воиновъ.

А между тѣмъ это пятое послѣднее изъ маленькихъ правилъ выражено, даже въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, съ такою ясностью, что казалось бы, не можетъ быть сомнѣнія въ его значеніи.

«Вамъ сказано: Люби своего русскаго, а презирай жида, нѣмца, француза. А я говорю: Люби людей чужихъ народовъ, если даже они нападаютъ на тебя, дѣлай имъ добро. Богъ одинъ у нѣмцевъ и у русскихъ и всѣхъ любить; и вы будьте равными сынами Его, такъ же добры будьте ко всѣмъ, какъ и Онъ.»

Что можетъ быть связнѣе, проще, яснѣе этого? Но если подумать только, для чего говорилась эта рѣчь, кто говорилъ эту рѣчь, то еще очевиднѣе, что она не можетъ имѣть другого смысла.

Для чего говорится вся рѣчь?

Иисусъ учитъ людей истинному благу, какъ же ему умолчать о томъ явленіи, которое и тогда и теперь представляется какъ величайшее зло — вражды народовъ и войны. Неужели мы только такъ умны, а онъ просмотрѣлъ это зло и этотъ неистощимый источникъ зла, а говорилъ только о томъ, какъ причащаться хлѣбомъ или виномъ, а объ обществахъ убійцъ, о войнахъ — ничего не сказалъ? И это тотъ Иисусъ, тотъ, который сказалъ, что онъ не однимъ евреямъ проповѣдуетъ благо, тотъ, который *не признаетъ ни матери, ни братьевъ, ни семьи, ни вѣры старинной*, а говоритъ такимъ же, какъ онъ, бродягамъ?!

Неужели же онъ признаетъ государство и не говоритъ объ отношеніяхъ народовъ потому, что признаетъ, что эти отношенія и войны очень хороши, или потому, что войны, заставляющія милліоны страдать и другіе милліоны быть причиной страданій не касаются его ученія?

Въ началѣ рѣчи Иисусъ говоритъ, что не только не надо убивать, но гнѣва нельзя имѣть на человѣка, — такъ, какъ же ему было не упомянуть о томъ вѣчномъ явленіи войны, при которомъ не только гнѣваются на людей, но убиваютъ людей? Неужели мы только такъ умны, что видимъ зло войны, а Иисусъ не видалъ этого? Поразительно въ этомъ непониманіи самыхъ простыхъ словъ то, отчего оно происходитъ и какъ оно оправдывается.

Происходитъ это непониманіе оттого, что ученіе Христа не признается ученіемъ о томъ, какова должна быть жизнь людей, а признается какъ бы нѣкоторымъ дополненіемъ и украшеніемъ той жизни, которая существуетъ и которая считается настоящею. Не подходитъ ученіе Христа къ жизни, значитъ надо его перетолковать. Иисусъ запрещаетъ всякую вражду къ чужеземцу, запрещаетъ защиту и велитъ покоряться всякому врагу, — а у насъ есть государства, право и т. д. Ученіе перетолковываютъ. И продолжаютъ государства и войны. И если спросить: да какъ же войны въ христіанскихъ народахъ? Отвѣчаютъ: Иисусъ ничего не говоритъ о государствахъ, о войнахъ. Выходитъ, что Иисусъ, запрещая грубымъ словомъ назвать человѣка, запрещая имѣть хоть одного человѣка обиженнаго и не примиреннаго, разрѣшаетъ насилія, убійства въ

огромныхъ размѣрахъ. Онъ забылъ сказать про это, или это не касается ученія о благѣ.

Если же читаешь, какъ написано, выходитъ слѣдующее:

Первое маленькое правило Иисуса — законъ о человѣкѣ, одномъ въ самомъ себѣ, въ его сердцѣ. Взявъ заповѣдь: *не убий*, имѣющую цѣлью то, чтобы люди по злобѣ не вредили другъ другу, Иисусъ говоритъ: не то, что не убій, а не имѣй зла на брата, и если братъ имѣетъ зло на тебя, мирись съ нимъ.

Второе маленькое правило о человѣкѣ съ женщиною — о семьѣ. Взявъ заповѣдь: *не прелюбодействуй*, имѣющую цѣлью то, чтобы люди своими половыми отношеніями не вредили другъ другу, Иисусъ говоритъ: не считай похоть плотскую хорошимъ дѣломъ.

Третье маленькое правило о человѣкѣ въ своихъ частныхъ мірскихъ сношеніяхъ съ другими. Взявъ заповѣдь о клятвѣ, имѣющую цѣлью вѣрность отношеній, Иисусъ говоритъ, что источникъ зла — это обязательства, которыя беретъ на себя человѣкъ. Нельзя обѣщаться ни въ чемъ; не присягай ни въ чемъ.

Четвертое маленькое правило объ отношеніяхъ человѣка къ своему государству и къ законамъ государства. Взявъ статью изъ законовъ своего народа, Христосъ учитъ, что наказаніемъ исправлять нельзя, а надо отдавать все, что у тебя берутъ, все спускать и никогда не судиться.

Пятое и послѣднее маленькое правило ученія, начавшееся съ жизни одного человѣка, захватываетъ все больше и больше людей, и тутъ относится до тѣхъ людей, которыхъ мы называемъ непріятелями, когда нашъ народъ въ войнѣ съ ними, до чужихъ народовъ, до всего человѣчества: вражескихъ народовъ, непріятелей не должно быть для васъ. Если они воюютъ съ вами — подчиняйтесь, дѣлайте добро и не воюйте. Дѣлайте, какъ Богъ, для котораго нѣтъ различія между добрыми и злыми. Будьте ко всѣмъ людямъ добры, какого бы они народа ни были, не дѣлайте различія.

3) Слово *ἐχθροί* явно означаетъ не личныхъ враговъ, а враговъ воинственныхъ.

4) Слова: *хвалите бранящихъ васъ* — не находятся во многихъ спискахъ, не находятся въ Вульгатѣ, ни у Лютера, ни въ Тишендорфскомъ списокѣ. Они, очевидно, прибавлены послѣ, и здѣсь нарушаютъ смыслъ, такъ какъ рѣчь идетъ не о врагахъ личныхъ, а о врагахъ государственныхъ, о войнахъ.

5) Во многихъ спискахъ стоитъ *ἐν ὅλῳ*, что опять подтверждаетъ значеніе всей рѣчи не о врагахъ личныхъ, а о врагахъ государственныхъ.

6) Во многихъ спискахъ стоитъ *ἐν ὅλῳ*, значущее *не иудей*. Варіантъ этотъ подтверждаетъ опять отношеніе всей рѣчи не къ врагамъ личнымъ, а къ врагамъ государственнымъ.

7) Весь контекстъ Луки къ этому мѣсту, очевидно, имѣетъ въ виду личнаго врага и долженъ быть отнесенъ къ правилу о непривлеченіи злу. Соединеніе же его съ этимъ мѣстомъ у Матфея только нарушаетъ отдѣльный смыслъ текста Матфея, опредѣляющій отношеніе къ *ἐχθροί*, т. е. къ чужимъ народамъ.

8) τέλειος значить совершененъ, но по-русски слово это должно получить дополнение—совершененъ въ чемъ. Здѣсь, очевидно, совершенство значить доброта, не ограниченная къ однимъ извѣстнымъ людямъ. Я такъ и перевожу словомъ добрый.

Πάντα οὖν ὅσα ἂν θέλητε ἵνα ποιῶσιν ὑμῖν οἱ ἄνθρωποι, οὕτω καὶ ὑμεῖς ποιεῖτε τοῖς αὐτοῖς· γὰρ ἐστὶν ὁ νόμος καὶ οἱ προφῆται.

МѠ. VII, 12. (Лк. VI, 31.) И такъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки.

Примѣчаніе.

1) Стихъ этотъ, стоящій у Матѳея въ 7-ой главѣ, послѣ рѣчи о судѣ, я переношу въ заключеніе пятого правила.

И вотъ, предупредивъ слушателей о томъ, что онъ не разрѣшаетъ отъ закона, а даетъ сверхъ закона еще маленькія правила, такія, исполненіе которыхъ даетъ царство Божіе, Иисусъ высказываетъ эти пять правилъ, именно: не сердись, не блуди, не присягай, не судись, не воюй.

Иисусъ говоритъ: вотъ пять правилъ, но всѣ они сходятся въ одно. Правило это: то, что ты желаешь, чтобы дѣлали тебѣ другіе, то самое дѣлай другимъ. Это правило замѣняетъ весь прежній законъ.

О милостынѣ, постѣ и молитвѣ.

Προσεύχεσθε τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν μὴ ποιεῖν ἐμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων, πρὸς τὸ θεαθῆναι αὐτοῖς· εἰ δὲ μὴγε, μισθὸν οὐκ ἔχετε παρὰ τῷ πατρὶ ὑμῶν τῷ ἐν τοῖς οὐρανοῖς.

Ὅταν οὖν ποιῇς ἐλεημοσύνην, μὴ σαλπίσῃς ἐμπροσθέν σου, ὥσπερ οἱ ὑποκριταὶ ποιοῦσιν ἐν ταῖς συναγωγαῖς καὶ ἐν ταῖς ῥύμαις, ὥπως δοξασθῶσιν ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων. Ἀμήν λέγω ὑμῖν, ἀπέχουσι τὸν μισθὸν αὐτῶν.

Σοὺ δὲ ποιῶντος ἐλεημοσύνην, μὴ γνῶτω ἡ ἀριστερά σου τί ποιεῖ ἡ δεξιά σου.

Ὅπως ἡ σου ἡ ἐλεημοσύνη ἐν τῷ κρυπτῷ· καὶ ὁ πατήρ σου, ὁ βλέπων ἐν τῷ κρυπτῷ, αὐτὸς ἀποδώσει σοι ἐν τῷ φανερῷ.

Ὅταν δὲ νηστεύῃς, μὴ γίνεσθε ὥσπερ οἱ ὑποκριταὶ, σκυθρωποὶ. ἀφανίζουσι γὰρ τὰ πρόσωπα αὐτῶν, ὥπως φανῶσι τοῖς ἀνθρώποις νηστεύοντες. Ἀμήν λέγω ὑμῖν, ὅτι ἀπέχουσι τὸν μισθὸν αὐτῶν.

Σὺ δὲ νηστεύων, ἀλειψαί σου τὴν κεφαλὴν, καὶ τὸ πρόσωπόν σου νίψαι.

Ὅπως μὴ φανῇς τοῖς ἀνθρώποις νηστεύων, ἀλλὰ τῷ πατρὶ σου τῷ ἐν τῷ κρυπτῷ· καὶ ὁ πατήρ σου ὁ βλέπων ἐν τῷ κρυπτῷ, ἀποδώσει σοι ἐν τῷ φανερῷ.

МѠ. VI, 1. Смотрите, не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего Небеснаго.

Берегитесь того, чтобы не дѣлать правду ¹⁾ для ²⁾ людей только для того, чтобы они видѣли. Если такъ, то нѣтъ въ правдѣ вашей ужъ заслуги предъ Отцомъ вашимъ на небѣ.

2. И такъ, когда творишь милостыню, не труби передъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою.

3. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая,

4. чтобы милостыня твоя была втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

16. Также, когда поститесь, не будьте унылы, какъ лицемѣры; ибо они принимаютъ на себя мрачныя лица, чтобы показаться людямъ постящимися. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою.

17. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое,

18. чтобы явиться постящимся не передъ людьми, но передъ Отцемъ твоимъ, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

Примѣчанія.

1) Здѣсь во многихъ спискахъ стоитъ вмѣсто ἐλεημοσύνην — δικαιοσύνην. Само собою разумѣется, что должно стоять δικαιοσύνην, такъ какъ стихъ относится къ исполненію всего, что предписываетъ Иисусъ. Ввело же въ заблужденіе переписчиковъ то, что, перечисляя то, въ чемъ состоитъ добродѣтель, Иисусъ въ стихѣ 2-мъ одну изъ первыхъ и главныхъ называетъ ἐλεημοσύνη, милосердіе, которое должно пониматься не въ смыслѣ поступка милостыни, но милосердія, жалости къ людямъ.

Δικαιοσύνη значить: исполненіе правды, — справедливость. Но слово это получило у насъ такое далекое отъ правды значеніе, что его должно замѣнить выраженіемъ дѣлать правду; Ποιῖν ἐλεημοσύνην, такъ же какъ ποιῖν δικαιοσύνην, должно быть переводимо: дѣлать правду, т. е. быть жалостливымъ, милостивымъ.

2) ἐμπροσθεν имѣетъ здѣсь опредѣленное послѣдующимъ значеніе: для, только для людей.

3) Опять слово ἀμήν употреблено въ томъ смыслѣ, что ясно вся-

Такъ что, когда ты милостивъ къ людямъ, не труби передъ собою, какъ комедианты дѣлаютъ въ сборищахъ, на улицахъ, чтобы хвалили ихъ люди. Сами видите, они получили награду ³⁾.

А ты, если ты милостивъ, то будь милостивъ такъ, чтобы не знать, правая ли твоя дѣлаетъ что, или лѣвая ⁴⁾.

Такъ, чтобы жалость твоя къ людямъ была бы въ тайнѣ ⁵⁾ сердца твоего, и Отецъ твой видитъ въ тайнѣ сердца твоего, и отдастъ тебѣ ⁶⁾.

И когда чего-нибудь лишаешь ⁷⁾ себя, не дѣлайся угрюмымъ, какъ притворщики, потому что они нарочно омрачаютъ себѣ лица, чтобы люди видѣли, что они постятся. Самъ знаешь, они получаютъ за то свою награду.

А ты, если воздерживаешься отъ чего-нибудь, намажь голову и лицо вымой.

Чтобы не видали люди, что ты постишься, но чтобы видѣлъ въ душѣ твоей Отецъ твой. И Отецъ твой, увидя въ душѣ, воздастъ тебѣ ⁸⁾.

кому, что они получили уже награду тѣмъ, что ихъ хвалятъ; какая же имъ еще нужна награда?

4) То есть такъ дѣлай, чтобы всей душой отдаваться дѣлу, чтобы ты не успѣлъ разобрать лѣвой ли или правой рукой ты сдѣлалъ дѣло.

5) *κρυπτός* — значитъ *скрытый*; *ἐν τῷ κρυπτῷ* значитъ въ евангельскомъ языкѣ больше, чѣмъ въ тайнѣ, оно значитъ: въ невидимомъ тайникѣ души. (Посл. Римл. II, 16: Въ день, когда по благовѣствованію моему Богъ будетъ судить тайныя дѣла человѣка чрезъ Иисуса Христа).

6) *ἐν τῷ φανερῷ* не находится во многихъ спискахъ и, очевидно, прибавлено, потому что не понятно значеніе *ἐν τῷ κρυπτῷ*. Словъ этихъ нѣтъ у Тишендорфа.

7) *υπερέω* значитъ: *лишить себя чего-нибудь, воздержаться*.

8) Я перевожу это мѣсто (ст. 16, 17 и 18) прежде рѣчи о молитвѣ, какъ менѣе важное.

Καὶ ὅταν προσεύχη, οὐκ ἔσται ὥσπερ οἱ ὑποκριταὶ ὅτι φιλοῦσιν ἐν ταῖς συναγωγαῖς καὶ ἐν ταῖς γυναικαῖς τῶν πλατεῶν ἵστῶτες προσεύχεσθαι, ὥπως ἂν φανῶσι τοῖς ἀνθρώποις. Ἀμήν λέγω ὑμῖν, ὅτι ἀπέχουσι τὸν μισθὸν αὐτῶν.

Σὺ δὲ ὅταν προσεύχη, εἰσελθε εἰς τὸ ταμιεῖόν σου, καὶ κλείσας τὴν θύραν σου, πρόσευξαι τῷ πατρὶ σου τῷ ἐν τῷ κρυπτῷ, καὶ ὁ πατήρ σου, ὁ βλέπων ἐν τῷ κρυπτῷ, ἀποδώσει σοι ἐν τῷ φανερῷ.

Προσευχόμενοι δὲ μὴ βαττολογήσητε, ὥσπερ οἱ ἔθνη· δοκοῦσι γὰρ ὅτι ἐν τῇ πολλολογίᾳ αὐτῶν εἰσακουσθήσονται.

Μὴ οὖν ὁμοιωθῆτε αὐτοῖς· οἶδε γὰρ ὁ πατήρ ὑμῶν ὃν χρεῖαν ἔχετε, πρὸ τοῦ ὑμᾶς αἰτῆσαι αὐτόν.

Мѡ. VI, 5. И когда молишься, не будь, какъ лицеѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою.

6. Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

7. А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны;

8. не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него.

И когда молишься, не будь какъ лицеѣры: они всегда ¹⁾ молятся въ сѣборищахъ, остановившись на перекресткахъ улицъ, чтобы видно было людямъ. Самъ видишь, они получаютъ награду.

А ты, если молишься, такъ войди въ клѣтъ твою, притвори двери, да и помолись Отцу. И Отецъ твой увидитъ въ душѣ и воздастъ тебѣ ²⁾.

Молясь, не болтайте языкомъ ³⁾, какъ комедіанты ⁴⁾. Они думаютъ, что болтовня ихъ услышится.

Не будьте, какъ они, потому что Отецъ вашъ знаетъ, что вамъ нужно еще прежде, чѣмъ вы ротъ раскроете ⁵⁾.

Примѣчанія.

1) *φιλοῦσιν* сдѣсь стоитъ въ смыслѣ: «всегда дѣлаютъ» и по-русски должно быть передано однимъ словомъ: *всегда*.

2) *ἐν τῷ φανερῷ* опять нѣтъ въ большинствѣ списковъ.

3) Не сказано *ὅταν προσεύχη*, какъ прежде, но сказано *προσευχόμενοι* δὲ μὴ βαττολογήσητε — молясь, не болтайте языкомъ, т. е. молитва не въ болтаніи языкомъ, не въ говореніи словъ.

4) Во многихъ спискахъ стоитъ не *ἔθνη*, а *ὑποκριταί*.

5) Во многихъ спискахъ стоитъ *ἀνοῖξαι τὸ στόμα* — прежде чѣмъ ротъ откроете.

Ὅπως οὖν προσεύχετε οἱ αἱεὶς· Πατήρ ἡμῶν ὁ ἐν ταῖς οὐρανοῖς, ἀγιασθήτω τὸ ὄνομα σου. Ἐλθέτω ἡ βασιλεία σου· γενηθήτω τὸ θελημά σου, ὡς ἐν οὐρανῷ, καὶ ἐπὶ τῆς γῆς.

Мѡ. VI, 9. (Лк. XI, 2.) Молитесь же такъ: Отче нашъ, сущій на небесахъ! да святится имя Твое.

Такъ вотъ какъ молитесь: Отецъ! Чтобы было Твое царство Пусть будетъ Твоя воля въ Тебѣ и во мнѣ.

Мѡ. VI, 10. Да придетъ Царствіе Твое; да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ ¹⁾.

Примѣчанія.

1) Во многихъ спискахъ слова «да святится имя Твое» пропускаются и замѣняются словами о пришествіи царствія. Слова эти, несмотря на всѣ попытки толкованій, остаются въ существующихъ толкованіяхъ тою самою *πολυλογία*, которую запрещаетъ Иисусъ. На томъ же основаніи я исключаю слова: «нашъ на небѣ», — словъ этихъ нѣтъ у Луки.

2) «Какъ на небѣ и на землѣ», опять безсодержательное многословіе; словъ этихъ нѣтъ у Луки.

Τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δός ἡμῖν σήμερον. Καὶ ἄφεσ ἡμῖν τὰ ὀφειλόμενα ἡμῶν, ὡς καὶ ἡμεῖς ἀφίεμεν τοῖς ὀφειλέταις ἡμῶν. Καὶ μὴ εἰσενέγκῃς ἡμᾶς εἰς πειρασμόν, ἀλλὰ ῥύσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ.

Мѡ. VI, 11. (Лк. XI, 13.) Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день. Денное пропитаніе дай намъ съ нужду ¹⁾.

12. И прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ.

И прости намъ наши вины за то, что мы прощаемъ всякому, кто виноватъ передъ нами.

Мѡ. VI, 13. (Лк. XI, 4.) И не введи насъ въ искушеніе, но избавь насъ отъ лукаваго ²⁾.

Примѣчанія.

1) Слово *ἐπιούσιον* невѣрно переведено: «насущный» — хлѣбъ на этотъ день; слово это значитъ: *необходимый*.

2) У Матвея стоит: «не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго»; у Луки, въ греческомъ текстѣ, послѣднія слова «избави насъ отъ лукаваго» не находятся. Послѣднія слова суть очевидное прибавленіе къ тексту Луки. Обѣ фразы эти не только не заключаютъ въ себѣ никакой мысли, вводя бесполезное многословіе, но и нарушаютъ связь съ послѣдующимъ и предшествующимъ. Въ предшествующемъ стихѣ 7-омъ Мѣ. сказано, что много говорить нечего: Отецъ знаетъ, что вамъ нужно прежде, чѣмъ вы ротъ откроете. И говорится то одно, чего можно желать и просить у Бога. Это одно состоитъ въ томъ, чтобы признавать Его Отцомъ, желать Его царства и воли, и потому прощать всѣмъ. И вслѣдъ за этимъ говорится: если вы не простите, и Отецъ не проститъ.

Καὶ ὅταν στήκητε προσευχόμενοι, ἀφίετε αἱ τὶ ἔχετε κατὰ τίνος ἵνα καὶ ὁ πατὴρ ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἀφῇ ὑμῖν τὰ παραπτώματα ὑμῶν.

Et dē ōtēs οὐκ ἀφίετε, οὐδὲ ὁ πατὴρ ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἀφήσει τὰ παραπτώματα ὑμῶν.

Мр. XI, 25. (Мѣ. VI, 14). И когда стоите на молитвѣ, прощайте, если что имѣете на кого, дабы и Отецъ вашъ Небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши.

Мр. XI, 26. (Мѣ. VI, 15). Если же не прощаете, то и Отецъ вашъ Небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.

Если станете молиться, прощайте, если что имѣете на кого, затѣмъ, чтобы и Отецъ вашъ на небѣ простилъ вамъ погрѣшности ваши.

Если вы не простите, и Отецъ вашъ на небѣ не проститъ погрѣшности.

«Вотъ то, что должно замѣнить вамъ молитву». Другого смысла не имѣютъ эти стихи. Но какъ во многомъ и многомъ случилось съ учениемъ Иисуса, такъ и здѣсь тѣ самыя слова, съ небольшими туманными прибавленіями, поняты, какъ образецъ молитвы просительной. Какъ еще яснѣе сказать, что не нужно молиться?

Храмъ жертвы уничтоженъ; сказано: не жертва, а любовь ваша между собою нужна. Сказано: Богъ—духъ и Ему надо работать дѣломъ и въ духѣ. Мало этого, какъ бы предвидя упорство людей удерживать молитву, Иисусъ прямо говоритъ: не молитесь словами. Вся молитва должна состоять въ желаніи царства Божія и въ исполненіи Его правилъ, а всѣ правила въ томъ, чтобы не считать никого виновнымъ, всѣхъ любить и прощать. И что же? Эти самыя слова, которыми онъ отрицаетъ молитву, приняты за слова молитвы.

Вотъ что говоритъ Церковь (Толк. Еванг. Архм. Мих., стр. 102):

Молитесь же такъ: Господь предлагаетъ лишь образецъ христіанской молитвы, и потому это не значитъ, что христіанинъ сими только словами молитвы Господней и долженъ всегда молиться, не употребляя другихъ молитвословій. Въ ней содержится сущность христіанской молитвы, дальнѣйшія же подробности, очевидно, могутъ составлять предметы для множества молитвословій, ко-

торыя и дѣйствительно составлены въ церкви Христовой, и употребляются въ такомъ или другомъ объемѣ всѣми христіанскими народами и вѣроисповѣданіями.

Рейсъ ближе къ истинѣ, но онъ тоже не хочетъ видѣть простого, яснаго смысла словъ, потому что сначала ложно понялъ всю проповѣдь; онъ же видитъ въ словахъ этихъ молитву.

Вотъ слова Рейса (стр. 216—221):

1° La prière ne doit pas consister en formules vides de sens ou tellement nombreuses qu'elles servent plutôt à donner de la distraction à celui qui les récite, qu'à concentrer ses pensées sur ce qui élève l'âme à Dieu. Celui-ci n'a pas besoin d'une longue prière, parce que, à vrai dire, il n'a pas besoin de prière du tout: il sait ce qu'il nous faut, ce que nous pouvons désirer, ce qu'il veut nous octroyer. C'est pour nous-mêmes que nous prions, c'est-à-dire pour nous rapprocher de Dieu, pour nous laisser pénétrer et diriger par son esprit, pour amener notre volonté à se soumettre avec confiance à la sienne. La prière a rempli son but dès qu'elle aboutit à nous faire répéter de bon cœur ce que Jésus a dit à Gethsémani. Une prière courte, simple, mais riche et profonde d'idées suffit pleinement, bien entendu si elle part du cœur et n'est pas simplement un acte de la mémoire.

2° Jésus paraît avoir un jour saisi l'occasion de donner à ses disciples, et peut-être sur leur demande même (sect. 62), la formule d'une pareille prière. Ce n'a pas été certes avec l'intention de la faire réciter officiellement par eux dans n'importe quelle occasion, mais pour préciser en quelques mots la nature des choses qui pouvaient devenir le sujet de la prière. L'Eglise n'a pas eu tort de faire de cette formule sa nourriture journalière: l'expérience des siècles en a constaté l'inépuisable richesse. Mais en comparant le texte conservé dans la rédaction de Luc, on voit que les premiers chrétiens n'en avaient point encore fait une formule officielle et invariable, comme cela a dû être le cas à l'époque où les copistes ont cru devoir rendre le texte moins complet conforme à celui qui, à cause de son étendue même, avait passé en usage.

Il suffira de peu de mots pour diriger l'étude de ces quelques lignes qui sont un sujet de méditation incessante pour tous les chrétiens. On serait d'autant plus sûr de se fourvoyer dans l'interprétation de l'Oraison dominicale qu'on y rechercherait des choses étrangères aux besoins et aux aspirations d'une piété simple et naïve, et accessibles seulement à l'esprit scolastique. Ainsi rien n'est moins bien placé ici que la controverse sur le nombre des pierres particulières comprises dans cette oraison, ou les prétendues découvertes relatives à leur disposition symétrique et au rapport du prologue à l'épilogue ou de l'ensemble avec le dogme de la trinité, qu'on y a cherché d'autant plus avidement que le texte s'y prêtait moins. Supposer ici des arrière-pensées dogmatiques, ou des préoccupations de forme, c'est méconnaître étrangement et l'esprit du Seigneur et le but qu'il avait en vue en formulant cette prière.

Dans l'allocution qui est mise en tête, on remarque immédiatement le nom de Père, si rarement employé dans l'Ancien Testament, si caractéristique pour la religion de l'Evangile. Le sens de ce terme n'est pas épuisé tant qu'on songe seulement à la bonté du Créateur: il rappelle de préférence que Jésus veut faire des hommes les enfants de Dieu, et c'est cet élément à la fois pratique et mystique le souvenir du devoir et le sentiment de l'union spirituelle, qui doit dès l'abord mettre celui qui prie dans la vraie disposition d'esprit. Il dira: Notre père, bien qu'il puisse aussi dire: Mon père, parce qu'il aimera à se rappeler la solidarité fraternelle qui l'unit à ses semblables. Et il continuera, même au dix-neuvième siècle, à parler des Cieux, comme de la résidence du Très-Haut, sans se préoccuper de questions de cosmologie, parce que cette expression est le symbole de la grandeur, de la puissance et de la providence de Dieu, par conséquent pour lui-même à la fois une constatation de sa dépendance, et le gage d'une foi confiante et assurée.

La première prière se présente d'abord comme une simple formule d'adoration, comme un acte d'humilité de la créature en face du Créateur. La sanctification peut être comprise comme une manifestation du respect. Mais dans ce cas même, il conviendra de substituer au nom la personne, en nous rappelant l'usage constant du langage biblique. Cependant on aurait tort de s'arrêter là. Une vraie sancti-

fication de Dieu, dans le sens indiqué, n'étant possible que de la part de celui qui se sera sanctifié d'abord lui-même, c'est-à-dire qui se sera rendu digne d'approcher le Très-Saint, la première prière (qui ne peut même être une prière qu'à cette condition) implique donc en même temps un engagement moral, et une demande en assistance à l'effet de pouvoir s'en acquitter.

La seconde prière demande la venue, c'est-à-dire la réalisation du royaume de Dieu. C'est du moins là l'expression française dont nous nous sommes servi partout jusqu'ici pour rendre le terme grec que nous avons devant nous. Ici, cependant, nous avons cru devoir nous conformer à l'usage, en y substituant le mot de règne. Quoique cela ne doivent rien changer au sens, il faut pourtant convenir que ce dernier mot écarte plus facilement toute conception judaïque, ou du moins se prête plus directement à celle que l'esprit de l'Évangile veut faire prévaloir. En effet, il ne s'agit pas de demander l'accomplissement d'un fait concret, visible, spécial, d'une révolution enfin qui changerait la face du monde, subitement et avec éclat, comme l'espéraient les Juifs; mais d'exprimer le désir de voir s'établir un ordre de choses où la sainte volonté de Dieu prévaudra seule dans toutes les relations et sera l'unique règle du gouvernement des affaires d'ici-bas, une phase du développement progressif de l'humanité où l'idéal de la théocratie, tel que les prophètes l'avaient entrevu, sera devenu une réalité. Comme il est évident que ce n'est pas Dieu qui mettra obstacle à cette transformation, cette prière aussi, comme la précédente, implique la promesse, de la part de l'homme, de prêter son concours actif à une œuvre si désirable. Cela nous fait voir aussi que Luc a pu omettre la troisième prière, qui n'est que l'explication ou, si l'on veut, la traduction subjective de la seconde, sans qu'il manquât rien d'essentiel à la formule entière. D'un autre côté, pour faire voir que la rédaction plus complète ne renferme pas de redites, on peut faire remarquer que la seconde prière, en mentionnant le règne, relève plus particulièrement l'idée de la solidarité entre les hommes, de la communauté du but et du travail qui les doit unir; tandis que la troisième insiste plus explicitement sur l'activité même de l'homme qui n'avait été que sous-entendue dans les deux précédentes. Car la volonté, dont il est question ici, est bien celle qui s'adresse à l'être libre, et non celle qui régit la nature. Mais toutes les trois prières concernent des faits qui réclament la coopération des hommes: c'est une preuve de plus que la prière est essentiellement faite pour l'homme et non pour Dieu.

Quant à la quatrième prière, nous ne nous arrêterons pas à réfuter ceux qui l'interprètent allégoriquement, de manière à voir dans le pain quotidien autre chose que la nourriture et en général la satisfaction des besoins de la nature physique et de la condition terrestre: nous n'avons rien à objecter si l'on veut appeler la méditation de la parole de Dieu le pain quotidien du chrétien; nous affirmons seulement que Jésus n'a pas voulu parler de cela ici. L'allégorie, le sens caché, sont choses étrangères à l'Oraison dominicale; et loin de dire que le Seigneur aurait dérogé à la dignité de l'ensemble en descendant jusque dans la région matérielle, nous trouvons plutôt admirable qu'il ait su rattacher la matière même, c'est-à-dire les nécessités physiques de notre existence, à un ordre d'idées plus élevé et nous montrer ainsi le devoir et les moyens de les sanctifier. Il y a une immense consolation pour le mortel à se pénétrer de la conviction que Dieu ne l'abandonne pas à lui seul, même dans les affaires les plus ordinaires, et la recherche de l'assistance céleste vivifie et ennoblit son travail. Quant à la formule usuelle dont nous venons de nous servir également en passant, il est positif qu'elle est inacceptable, bien qu'elle ne contienne rien qui soit déplacé dans un pareil texte. Philologiquement parlant, le terme grec, employé par les deux évangélistes, mais qui ne se rencontre chez aucun autre auteur, ne peut être ramené qu'à deux combinaisons étymologiques. Ou bien le mot doit être dérivé d'un verbe qui signifie aller, et ce sera le jour survenant, le lendemain. C'est le sens que Jérôme dit avoir trouvé exprimé dans l'évangile hébreu, le pain du lendemain. Ou bien il vient d'un nom qui signifie la substance: alors l'adjectif du texte parle de ce qui est dans la proportion de la substance, c'est-à-dire suffisant, en opposition avec ce qui est au-delà de la substance ou superflu. Nous préférons cette dernière interprétation. Elle fait valoir un élément de réserve et de modération à l'égard des biens de cette terre, qui certes ne dépassera pas l'ensemble.

En employant dans la cinquième prière le terme d'offense et offensé nous nous sommes encore conformé à l'usage. Mais il importe de constater que

ce terme affaiblit beaucoup le sens de l'original. A la lettre il faudrait dire: Remets-nous nos dettes comme nous les avons remises à nos débiteurs. Cette formule reçoit son explication la plus simple et la plus juste par la parabole des deux serviteurs, sect. 56. Tout manquement au devoir, soit envers Dieu, soit envers le prochain, est comparé à une dette contractée, dont le créancier peut, s'il le vult, bien, nous faire grâce sans paiement. Cette comparaison est usitée également dans le langage rabbinique et la langue allemande l'a conservée purement et simplement. Pour le fond, on peut observer que l'humble aveu de la dette (de la culpabilité, du péché) doit rendre le pécheur plus disposé à faire aux autres ce qu'il réclame pour lui-même, ou plutôt (d'après chap. V, 23 suiv.) il ne doit se présenter devant Dieu pour lui demander la remise de la grande dette, qu'autant qu'il a déjà préalablement remis la petite à son frère. C'est là ce qu'exprime le texte tel qu'il a été rétabli par la critique, ainsi que celui de Luc, bien qu'il ne soit pas exactement le même. Le texte vulgaire paraît être dû à une certaine faiblesse du sentiment moral car il exprime plutôt une promesse qu'un fait accompli, et a de plus le grand inconvénient d'introduire l'idée d'une mesure proportionnelle, qui serait à la fois à notre désavantage, et contraire à la réalité.

Dans la sixième prière aussi l'usage a introduit des corrections arbitraires. On dit fréquemment en chaire: Ne nous laisse pas succomber à la tentation, parce qu'on se trouve choqué de l'idée d'attribuer la tentation à Dieu même (Jacq. I, 13). Mais cette difficulté n'est qu'apparente. Un seul et même mot grec servant à désigner les épreuves auxquelles Dieu soumet les hommes, dans un but pédagogique et salutaire, et les sollicitations venant de la part des mauvais instincts, à la suite desquelles notre faiblesse nous fait commettre des péchés, l'assertion de Jacques, confirmée par une saine intelligence de la nature de Dieu, et la prière de Jésus, qui se fonde sur la connaissance de la nature humaine, sont également dans le vrai. Le chrétien, se méfiant de lui-même, peut demander comme une grâce que Dieu veuille lui épargner les épreuves, absolument comme Jésus l'a demandé lui-même à Gethsémani, mais, comme pour lui aussi, cette prière elle-même doit être un moyen d'affermissement de la volonté, une source de force et de courage, et partant un gage de la victoire, ce que Paul exprime très-bien, 1 Cor. X, 13. La dernière phrase, qu'on a tort de compter comme une septième prière, et que Luc a pu omettre sans tronquer le texte, n'est à vrai dire que le complément de ce qui précède. En effet, si l'on traduit, comme nous avons fait, le Malin, au masculin, elle nous remet sous les yeux le fait que l'épreuve envoyée par Dieu peut devenir une véritable tentation, une occasion de chute, à cause de notre faiblesse sur laquelle agit le démon du mal. Si l'on préfère mettre le mal, au neutre, le sens revient au même, seulement la puissance du mal n'est plus personnifiée. En aucun cas il ne saurait être question de mettre: préserve-nous du malheur.

Nous avons supprimé la doxologie que l'Eglise grecque, dans sa liturgie, a ajoutée à l'Oraison dominicale, et qui, par cette raison même, a fini par pénétrer dans les manuscrits de l'Évangile. L'Eglise latine ne la connaît pas, elle manque donc aussi dans la Vulgate et dans toutes les bibles catholiques. Elle paraît dater du quatrième siècle. Il importe peu de préciser le sens de pareilles formules. Elles servent à la glorification de Dieu et emploient généralement des locutions bibliques; ici on pourrait à la rigueur y voir une espèce de confirmation de l'Oraison: Dieu veut et peut accorder ce qu'on lui demande, et nous l'en remercions d'avance. Observons en passant que c'est à la présence ou à l'absence de cette formule qu'on peut reconnaître de plus facilement si une traduction du Nouveau Testament est d'origine catholique ou protestante.

3e Les v. 14 et 15 ne font pas partie intégrante de l'Oraison dominicale, comme il est aisé de le voir. Peut-être est-ce un fragment d'une explication que Jésus en aurait donnée, car ils se rapportent directement à la cinquième prière. Il sera plus sûr de dire que c'est une pensée très-fréquemment reproduite dans l'enseignement de Jésus, voy. Marc XI, 25 ss. (sect. 92). Matth. XVIII, 35 (sect. 56), etc. L'empressement de se réconcilier avec le prochain est la condition du pardon de la part de Dieu. Sans elle, la confiance dans sa grâce céleste serait illusoire.

Богатство ложное и истинное.

Μὴ θησαυρίζετε ὑμῖν θησαυροὺς ἐπὶ τῆς γῆς, ὅπου σὴς καὶ βρῶσις ἀφανίζει, καὶ ὅπου κλέπται διορύσσουσιν καὶ κλέπτουσιν.

Θησαυρίζετε δὲ ὑμῖν θησαυροὺς ἐν οὐρανῷ, ὅπου οὔτε βρῶσις ἀφανίζει, καὶ ὅπου κλέπται οὐ διορύσσουσιν, οὐδὲ κλέπτουσιν.

Ὅπου γὰρ ἐστὶν ὁ θησαυρὸς ὑμῶν, ἐκεῖ ἐστὶ καὶ ἡ καρδία ὑμῶν.

Ὁ λύχνος τοῦ σώματος ἐστὶν ὁ ὀφθαλμὸς· ἐὰν οὖν ὁ ὀφθαλμὸς σου ἀπλοῦς ᾖ, ὅλον τὸ σῶμά σου φωτεινὸν ἔσται.

Ἐὰν δὲ ὁ ὀφθαλμὸς σου πονηρὸς ᾖ, ὅλον τὸ σῶμά σου σκοτεινὸν ἔσται· εἰ οὖν τὸ φῶς, τὸ ἐν σοὶ, σκότος ἐστί, τί σκότος πόσον;

Οὐδεὶς δύναται δυοὶ κυρίως δουλεύειν· ἢ γὰρ τὸν ἑνα μισήσει, καὶ τὸν ἕτερον ἀγαπήσει, ἢ ἑνὸς ἀνθεξεται, καὶ τοῦ ἑτέρου καταφρονήσει· οὐ δύνασθε θεῷ δουλεύειν καὶ μαμμωνᾷ.

Ὅρατε καὶ φυλάσσεσθε ἀπὸ τῆς πλεονεξίας, ὅτι οὐκ ἐν τῷ περισσεύειν τινὶ ἡ ζωὴ αὐτοῦ ἐστὶν ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῦ.

Τί γὰρ ὠφελεῖται ἄνθρωπος, ἐὰν τὸν κόσμον ὅλον κερδήσῃ, τὴν δὲ ψυχὴν αὐτοῦ ζημιωθῇ; ἢ τί ὀφείλει ἄνθρωπος ἀντάλλαγμα τῆς ψυχῆς αὐτοῦ;

Διὰ τοῦτο λέγω ὑμῖν· Μὴ μεριμνᾶτε τῇ ψυχῇ ὑμῶν, τί φάγητε καὶ τί πίητε· μᾶλλον τῷ σώματι ὑμῶν, τί ἐνδύσθε· οὐχὶ ἡ ψυχὴ πλεονέχει τῆς τροφῆς, καὶ τὸ σῶμα τοῦ ἐνδύματος;

Ἐμβλέψατε εἰς τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ, ὅτι οὐ σπείρουσιν, οὐδὲ θερίζουσιν, οὐδὲ συνάγουσιν εἰς ἀποθήκας· καὶ ὁ πατὴρ ὑμῶν οὐράνιος τρέφει αὐτά· οὐχ ὑμεῖς μᾶλλον διαφέρετε αὐτῶν;

Τίς δὲ ἐξ ὑμῶν μεριμνῶν δύναται προσθεῖναι ἐπὶ τὴν ἡλικίαν αὐτοῦ πηχὸν ἑνα;

Καὶ περὶ ἐνδύματος τί μεριμνᾶτε; καταμάθετε τὰ κρίνα τοῦ ἀγροῦ, πῶς αὐξάνει· οὐ κοτιᾷ, οὐδὲ νήθει·

Λέγω δὲ ὑμῖν, ὅτι οὐδὲ Σολομὼν ἐν πάσῃ τῇ δόξῃ αὐτοῦ περιεβάλετο ὡς ἐν τούτων.

Εἰ δὲ τὸν χόρτον τοῦ ἀγροῦ, σήμερον ὄντα, καὶ αὔριον εἰς κλίβανον βαλλόμενον, ὁ θεὸς οὕτως ἀμφένυσσιν οὐ πολλῷ μᾶλλον ὑμᾶς, ὀλιγόπιστοι;

Μὴ οὖν μεριμνήσητε, λέγοντες· Τί φάγωμεν, ἢ τί πίωμεν, ἢ τί περιβαλώμεθα;

Πάντα γὰρ ταῦτα τὰ ἔθνη ἐπιζητεῖ. οἶδε γὰρ ὁ πατὴρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος ὅτι χρῆζετε τούτων πάντων.

Μὴ οὖν μεριμνήσητε εἰς τὴν αὔριον· ἡ γὰρ αὔριον μεριμνήσει τὰ ἑαυτῆς· Ἀρχεὶ τὴν ἡμέραν ἡ κακία αὐτῆς.

Ζητεῖτε δὲ πρῶτον τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ, καὶ τὴν δικαιοσύνην αὐτοῦ, καὶ πάντα ταῦτα προστεθήσεται ὑμῖν.

Αἰτεῖτε, καὶ δοθήσεται ὑμῖν· ζητεῖτε, καὶ εὕρησθε· κρούετε, καὶ ἀνοίγησεται ὑμῖν.

Πᾶς γὰρ ὁ αἰτῶν λαμβάνει, καὶ ὁ ζητῶν εὕρισκει, καὶ τῷ κρούοντι ἀνοίγησεται.

Ἦ τίς ἐστὶν ἐξ ὑμῶν ἄνθρωπος, ὃν ἐὰν αἰτήσῃ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἄρτον, μὴ λίθον ἐπιδώσει αὐτῷ;

Καὶ ἐὰν ἐχθρὸν αἰτήσῃ, μὴ ὄφιν ἐπιδώσει αὐτῷ;

Εἰ οὖν ὑμεῖς, πονηροὶ ὄντες, οἰδατε δόματα ἀγαθὰ δίδόναι τοῖς τέκνοις ὑμῶν, πόσῳ μᾶλλον ὁ πατὴρ ὑμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς δώσει ἀγαθὰ τοῖς αἰτοῦσιν αὐτόν;

Μο. VI, 19. Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ.

И не копите себѣ животы¹⁾ на землѣ; здѣсь моль и ржа точатъ, и воры подкапываютъ и крадутъ.

Μο. VI, 20. (Лк. XII, 33). Но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и крадутъ.

Μο. VI, 21. (Лк. XII, 34). Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.

Μο. VI, 22. (Лк. XI, 34). Свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ если око твоё будетъ чисто, то все тѣло твоё будетъ свѣтло.

Μο. VI, 23. (Лк. XI, 34, 35). Если же око твоё будетъ худо, то все тѣло твоё будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ,—тѣма, то какова же тѣма?

Μο. VI, 24. (Лк. XVI, 13). Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ.

Лк. XII, 15. Смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человека не зависитъ отъ избилія его имѣнія.

Μο. XVI, 26. Какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу свою повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою?

Μο. VI, 25 (Лк. XII, 22, 23). Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды?

Μο. VI, 26 (Лк. XII, 24). Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницу; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?

А копите себѣ животы на небѣ; тамъ ни моль, ни ржа не подкапываютъ и не крадутъ.

Потому гдѣ будутъ животы ваши, тамъ будетъ и сердце ваше.

Тѣлу свѣтъ²⁾—глаза³⁾. Если глаза твои не мутны, и всему тѣлу будетъ свѣтло.

Если же глаза твои мутны, то и всему тѣлу темно будетъ. Такъ вотъ если свѣтъ твой тѣма, то какова же тѣма?

Никто не можетъ быть работникомъ у двухъ хозяевъ,—потому что одного будетъ ни во что считать,⁴⁾ а другого будетъ почитать; одному угодить⁵⁾, а другого забудетъ⁶⁾. Нельзя работать⁷⁾ на Бога и на маммона.

Смотрите, берегитесь отъ всякой корысти⁸⁾, потому что жизнь человека не въ томъ, чтобы у него было лишнее⁹⁾.

Какая польза человеку, если онъ и весь свѣтъ наживетъ, а душу проживетъ. Богатствомъ не выкупишь души¹⁰⁾.

Вотъ потому-то говорю вамъ: не заботьтесь о томъ, что ѣсть и пить будете, ни о тѣлѣ вашемъ не заботьтесь, что одѣнете. Развѣ жизнь¹¹⁾ не больше пищи и тѣло не больше одежды?

Гляньте на птицъ небесныхъ: ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ сарай, а Отецъ питаетъ ихъ. А развѣ человекъ не до роже птицъ?

Мо. VI, 27 (Лк. XII, 25). Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть?

Мо. VI, 28 (Лк. XII, 27). И объ одеждѣ, что заботитесь? Посмотрите на полевые лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, ни прядутъ.

Мо. VI, 29. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ.

Мо. VI, 30 (Лк. XII, 28). Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры!

Мо. VI, 31 (Лк. XII, 29). И такъ не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или во что одѣться?

Мо. VI, 31 (Лк. XII, 30). Потому что всего этого ищутъ язычники; и потому что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.

Мо. VI, 34. И такъ не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ: довольно для каждаго дня своей заботы.

Мо. VI, 33 (Лк. XII, 31). Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.

Мо. VII, 7 (Лк. XI, 9). Просите и дано будетъ вамъ: ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ.

Мо. VII, 8 (Лк. XI, 10). Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ.

Мо. VII, 9 (Лк. XI, 11). Есть ли между вами такой человекъ, который, когда сынъ его попроситъ у него хлѣба, подастъ бы ему камень?

Какъ ни старайся, никто не можетъ на крошечку протянуть вѣкъ¹²⁾ свой.

И объ одеждѣ зачѣмъ заботитесь. Посмотрите на цвѣты¹³⁾ полевые, какъ они цвѣтутъ. Не работаютъ, не прядутъ.

А Соломонъ во всей своей славѣ не одѣвался лучше, чѣмъ одинъ изъ цвѣтовъ полевыхъ.

Если траву полевую, ту, что нынче жива, а завтра ранѣ сожгутъ, Богъ такъ одѣваетъ, какъ же ему васъ не одѣть? Плохо вы вѣрите.

Такъ вотъ вы и не заботьтесь, не раздумывайте, что будешь ѣсть, что будешь пить, чѣмъ одѣнешься.

Въ этомъ нуждаются¹⁴⁾ всѣ народы¹⁵⁾, и знаетъ Отецъ вашъ на небѣ, что все это нужно вамъ.

Такъ вотъ и не заботьтесь о томъ, что будетъ завтра. Завтра, будетъ своя забота. Довольно заботы и на одинъ день¹⁶⁾.

Добивайтесь¹⁷⁾ первѣе всего того, чтобы быть въ волѣ Бога и довѣряться волѣ Божіей; просите главного, а ничтожное само придетъ¹⁸⁾.

Просите¹⁹⁾, и дастся вамъ, добивайтесь, и найдете; стучите, и вамъ отворятъ.

Поэтому всякій, кто желаетъ, тотъ получаетъ, и кто добивается, тотъ найдетъ, и кто стучится, тому отворятъ.

Развѣ бываетъ изъ васъ такой человекъ, чтобы, когда сынъ у него проситъ хлѣба, а онъ далъ бы ему камень?

Мо. VII, 10 (Лк. XI, 11). И когда попроситъ рыбы, подастъ бы ему змѣю?

Мо. VII, 11 (Лк. XI, 13). И такъ, если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него.

И развѣ бываетъ такъ, чтобы сынъ просилъ рыбы, а онъ бы далъ ему змѣю?

Если уже вы, дурные люди, знаете, что хорошо и то даете²⁰⁾ дѣтямъ вашимъ, такъ какъ же Отецъ то вашъ на небѣ не дастъ духа добра²¹⁾ тому, кто проситъ у Него²²⁾.

Примѣчанія.

1) *θησαυρός* надо бы перевести: «скупъ», но слово это имѣетъ другое значеніе. «Сокровище» имѣетъ слишкомъ частное значеніе чего-нибудь особенно драгоценнаго. «Имущество» не имѣетъ того значенія драгоценности, которое имѣетъ *θησαυρός*. Народное слово *животы* вполне выражаетъ понятіе.

2) *λύγος* здѣсь должно быть переведено: *свить*.

3) *Глазъ* я передаю во множественномъ, такъ какъ рѣчь идетъ объ органѣ зрѣнія.

4) *μετεῖν* вездѣ нужно переводить: *пренебрегать, презирать*; я выбираю перифразу: *ни во что считать*, какъ болѣе русскую и точную.

5) *ἀγαπᾶν* — я передаю формою: *любить*.

6) *καταφρονεῖν* — не обращать вниманія, забывать.

7) Такъ какъ *δοῦλεῖν* значитъ: *быть работникомъ*, то для удержанія этого понятія нужно перевести: *работать на*.

8) Во многихъ спискахъ и въ Синайскомъ стоитъ *πᾶς πλεονεξίας*.

9) Я вставляю сюда стихъ Луки XII, 15, выражающій съ другой стороны ту же мысль, что и у Мо. VI, 24.

10) Мо. XVI, 26 — опять выражаетъ ту же мысль еще съ новой стороны и потому присоединяется сюда же.

11) *ψυχή* — какъ и въ большинствѣ мѣстъ синоптиковъ — должно быть переведено: *жизнь*. Въ народномъ языкѣ слово это передается: *душа*, и понимается также: «душу отвести», «для души не жалѣю калачика» и т. п.

12) *ἡλικία* никогда не значитъ «ростъ» и переводъ этого слова «ростомъ» въ Вульгатѣ и у Лютера есть одна изъ тѣхъ грубыхъ ошибокъ, которыя такъ часто встрѣчаются: *ἡλικία* значитъ: *вѣкъ*, т. е. *длительность жизни*.

13) *κρίνα* я перевожу просто: *цвѣты*.

14) *ἐπιζητεῖν* значитъ: *нуждаться* и неправильно переведено: «искать». Если *ἐπιζητεῖν* значитъ «искать», то *ζητεῖν* (33-й стихъ Мо. гл. VI) должно ужъ значить другое.

15) *τὰ ἔθνη* переведено неправильно: «язычники», *ἔθνη*. Тамъ, гдѣ говорится о язычникахъ, употребляется *ἔθνη*. *ἔθνη* значитъ здѣсь: *все народы*. Въ подтвержденіе такого перевода: во многихъ спискахъ стоитъ въ этомъ мѣстѣ *τὰ ἔθνη τοῦ κόσμου* — «люди міра» (Лк. XII, 30). Все это мѣсто вездѣ и у Рейса переводится ошибочно, именно въ томъ смыслѣ, что заботятся о тѣлѣ и одеждѣ

только язычники, а вы, мои ученики, не должны заботиться. Это не вѣрно по значенію словъ ἐπιμελεῖν и εὐμενῆ и по варианту τοὺς ἑαυτοὺς, главное же невѣрно потому, что заставляеть Иисуса говорить, что язычники — отверженцы, чего онъ никогда не говоритъ, и то, что онъ противорѣчитъ себѣ. Онъ сказалъ: *вы заботитесь*, (Мѡ. VI, 28), а потомъ говоритъ: «только язычники заботятся».

16) Я переставляю 34-й стихъ Мѡ. впереди 33-го, потому что 33-й включаетъ всю мысль.

17) ζητεῖν значить: *искать, добывать*.

18) Во многихъ спискахъ стоитъ αἰτεῖτε τὰ μεγála, καὶ τὰ μικρά ὅτιν τε προστεθήσεται καὶ αἰτεῖτε τὰ ἐπορραῖα καὶ τὰ ἐπιγεῖα προστεθήσεται ὅτιν.

19) αἰτεῖν безъ дополненія не значить: «просить», а — *желать, стремиться къ чему-нибудь*.

20) δόματα — *давніе, то, что дается*. Οἰδατε δόματα ἀγαθά — *знаете дѣянія добрая, полезныя давать, т. е. знаете, что добро и даете, что добро*.

21) Въ этомъ мѣстѣ Луки (XI, 13) находятся въ разныхъ спискахъ разные варианты; стоитъ: Ἀγαθὸν δόμα, δόματα ἀγαθά πνεῦμα ἅγιον χάρις τε ἐλεησίνην, (spiritum, bonum, donum, spiritus sancti). Всѣ эти варианты и принятый текстъ Луки, въ которомъ сказано: «дастъ Духа Святаго», — важны потому, что очевидно болѣе широкимъ понимались эти слова не по отношенію къ земнымъ благамъ, а по отношенію къ тому духу, который нуженъ для участія въ царствѣ Божіемъ.

22) Все это мѣсто (Мѡ. VII, 7—11) слѣдуетъ непосредственно за стихами о судѣ и тамъ не связано съ предшествующимъ; здѣсь же прямо связывается съ Мѡ. VI, 33 и единствомъ мысли и даже самой формой выраженія ζητεῖτε.

Ни на что не сердись, какъ бы ни обижали тебя. Не ищи плотскихъ утѣхъ: если есть жена, съ ней одной живи. Ни въ чемъ не защищай ни своего труда, ни своего досуга; все, не судясь, отдавай тѣмъ, которые хотятъ отнять отъ тебя. Не считай себя членомъ какого-нибудь народа; не признавай никакого различія народностей, и изъ-за различія народностей не воюй, ни нападая, ни защищаясь. Будьте бродяги — это, и не что иное, сказано въ маленькихъ пророчествахъ Христа. Въ нихъ и въ томъ, чтобы дѣлать другимъ, чего себѣ хочешь — *весь законъ и пророки*.

Каковы люди теперь, каково ихъ устройство жизни теперь, точно такое же оно было и тогда. И то самое, что говорятъ и скажутъ люди теперь объ этомъ ученіи, то самое думали и говорили люди тогда. И теперь говорятъ и скажутъ, и тогда говорили: «но если не противиться злу и отдавать все, что отнимаютъ, то весь смыслъ нашей жизни уничтожится. Нѣтъ ни государства, ни собственности, ни семьи. Я приготовилъ, собралъ, для себя, для семьи, для своего народа, а всякій злой человѣкъ при-
детъ, потянетъ съ меня, и я долженъ отдать. Придетъ нѣмецъ, французъ, турокъ, заберетъ то, что я собралъ, и я долженъ по-
кориться?»

И Иисусъ Христосъ прямо отвѣчаетъ на это. Онъ не говоритъ ни о семьѣ, ни объ обществѣ, ни о государствѣ; онъ говоритъ только о томъ одномъ, что составляетъ предметъ его ученія, о томъ одномъ, что есть свѣтъ людей — о божественной сущности человѣка, о его душѣ. Но онъ прямо отвѣчаетъ на естественный вопросъ о томъ, что же будетъ съ плодомъ моихъ трудовъ, съ сокровищемъ, съ капиталомъ, который я собралъ?

Онъ отвѣчаетъ: «Человѣкъ въ жизни можетъ приобрести два богатства: одно богатство — *духа въ Бога*, и другое — то, что вы называете богатствами. Ваше богатство гибнетъ, вы это знаете; не нынче, завтра, черезъ сто лѣтъ оно погибнетъ, и ничего не останется. Богатство въ Богѣ, жизнь духа, — одно не погибнетъ и не подлежитъ земнымъ переворотамъ. Копите то, которое не гибнетъ. Если то, что ты желаешь, то, къ чему ты стремишься, — богатство, которое ты копишь, есть зло, то какова же будетъ твоя жизнь, вся направленная къ одному злу. Если глаза твои видятъ хорошо, они и тѣло приведутъ туда, гдѣ ему будетъ хорошо; но если глаза твои слѣпы, то они и все тѣло заведутъ въ зло. Желанія, стремленія твои — это глаза, которые ведутъ тебя. Что жъ будетъ съ тобою, если желанія твои направлены ко злу?»

«И потому: *невозможно работать за одно — на маммона, т. е. для вѣнчающаго богатства, и на Бога, для не вѣнчающаго духа*.

«Любовь къ богатству есть обманъ. Стоитъ только подумать, чтобы понять это. Зачѣмъ оно? Мы привыкли говорить: какъ мнѣ не заботиться, что я буду ѣсть. Да кто ѣсть-то хочетъ? Душа, жизнь? Откуда же она то? Вѣдь не изъ хлѣба она выросла, а прежде она родилась, а потомъ ужъ мы ее кормимъ хлѣбомъ. Она то откуда? Отъ Бога. Стало бытъ Богъ сдѣлалъ и жизнь и хлѣбъ. Ну что же для Бога дороже: жизнь или хлѣбъ? Ужъ навѣрное жизнь. Такъ о жизни — той, что отъ Бога, о той надо заботиться. А Богъ, если сдѣлалъ жизнь, такъ и сдѣлаетъ то, что напитаетъ ее. Вѣдь кормить же Богъ птицъ, а онѣ не съютъ, не жнутъ, такъ и васъ прокормитъ: то же и объ одеждѣ и обо всемъ, что вамъ каждому нужно. Такъ и не заботьтесь ни объ ѣдѣ, ни о чемъ. Отецъ вашъ, Богъ, знаетъ, что вамъ нужно; не заботьтесь впередъ, довольно зла отъ заботы и одного дня, отъ котораго вы не уйдете. Зачѣмъ прибавлять себѣ еще новое зло, заботясь о завтра. Держитесь только минуты настоящаго, стараясь всегда только въ эту минуту исполнять волю Бога, и вы войдете въ жизнь. Ищите только того, чтобы быть въ царствѣ Бога, исполнять волю Отца, а все остальное само придетъ. Желайте, ищите только одного этого, и Отецъ дастъ вамъ эту жизнь, не тѣлесную, но духовную. Онъ знаетъ, что для васъ добро, и то самое дастъ вамъ. Это кажется вамъ труднымъ, потому что вы не видите пути. Вамъ кажется, что вездѣ путь; но есть путь — одинъ только путь, тотъ, который я вамъ показываю, — путь этихъ правилъ, и по немъ вы войдете въ царство Божіе. Не бойтесь, — вы войдете, потому что Богъ самъ хочетъ этого».

Вотъ какъ судятъ Церковь и Рейсъ:

Толк. Еванг. Архм. Мих.: Пристрастіе къ стяжанію земныхъ благъ несовмѣстиво съ служеніемъ Богу; впрочемъ богатство, какъ Божіе благословеніе, при правильномъ отношеніи къ нему, не препятствуетъ служить Богу. Примѣры: Авраамъ, Іовъ и другіе праведники.

«Не о богатыхъ упоминай мнѣ, но о тѣхъ, кои рабобѣдствовали богатству. Іовъ богатъ былъ, но не служилъ маммонѣ, имѣлъ богатство и обладалъ имъ, былъ господиномъ его, а не рабомъ. Онъ пользовался имъ, какъ раздатель чужого имѣнія и не услаждался тѣмъ, что имѣлъ у себя». (Злат.).

Въ извѣстныхъ предѣлахъ необходимо заботиться о нуждахъ житейскихъ: трудиться для удовлетворенія ихъ заповѣдуетъ и Спаситель, и Апостолы, тогда какъ беззаботность всегда порицается. Не беззаботности научаетъ Господь а излишнюю заботливость запрещаетъ.

Рейсъ говоритъ (стр. 224, 225 и 226):

Ici il importe beaucoup qu'on ne se méprenne pas sur la portée des paroles de Jésus. Il n'a pas pu vouloir recommander la négligence et l'oisiveté, ni inspirer à qui que ce soit l'indifférence pour le travail, ou enlever à celui-ci l'honneur qui lui revient (comp. 1 Cor. IV, 12. Eph. IV, 28. 1 Thess. IV, 11. 2 Thess. III, 8 suiv., etc.). Mais on connaît la méthode du Seigneur d'exprimer ses principes d'une manière absolue, de donner à ses maximes les formes du paradoxe, pour faire ressortir ce que les hommes ordinairement ne prennent pas le plus en considération, tandis qu'il affecte de laisser de côté ce qui s'entend de soi-même et n'a pas besoin d'être prêché avec une égale insistance. Il est de fait que les nécessités de la vie matérielle s'imposent au père de famille, et en général à l'immense majorité des hommes, avec une force telle qu'il ne risque guère de les perdre de vue. Il risque bien plus de se laisser complètement absorber par elles, non-seulement dans ce sens qu'il détournerait son attention de toute autre chose et notamment de ses intérêts spirituels, mais encore de manière à oublier qu'il n'est pas seul à veiller à ses besoins de tous les jours, mais que Dieu y veille tout autant que lui, ou plutôt d'une façon beaucoup plus efficace et plus prévoyante. Le discours est donc adressé à la fois à ceux qui se préoccuperaient exclusivement de leurs devoirs matériels, et à ceux qui le feraient avec un certain manque de confiance dans le gouvernement providentiel du monde, aux gens de petite foi. Le souci et donc ici autre chose que le soin légitime qu'on aurait pour les siens ou pour soi-même: c'est ce qui entrave la liberté de l'esprit et trouble sa sérénité, ce qui naît de l'absence ou de la faiblesse de la foi en Dieu.

4). Cette idée est un peu variée dans le dernier verset, 34. Au fond, c'est toujours la recommandation de ne point se laisser absorber par les soucis matériels, mais elle est ici individualisée d'une autre manière que tout à l'heure. Occupez-vous aujourd'hui, est-il dit, de ce qui regarde le présent, le besoin immédiat. Remettez à Dieu le soin du lendemain. Chaque jour amène son devoir et sa peine. Ménagez-vous chaque jour la liberté d'esprit nécessaire pour remplir aussi les devoirs de l'autre sphère de votre vie; n'épuisez point vos forces en agrandissant sans nécessité le cercle d'activité matérielle immédiate sur lequel vous les exerceriez; ménagez les en les répartissant sagement au jour le jour. De cette manière, il vous en restera toujours de disponibles pour des choses plus essentielles.

Отвергнуто или перетолковано каждое изъ пяти правилъ отдѣльно, и потому естественно отвергнуть и выводъ. И замѣчательно то, что выводъ отвергается и признается парадоксальнымъ не на основаніи ложности самаго вывода, но на томъ основаніи, что онъ не сходится съ существующимъ порядкомъ вещей, точно также, какъ и не сходился тогда, когда былъ проповѣданъ. Но мало этого, выводъ признается ложнымъ не потому, что ничто не подходитъ подъ его опредѣленіе, (много христіанъ нищихъ вполнѣ подходятъ къ опредѣленію), но не подходимъ мы съ нашимъ кружкомъ людей,

который мы называемъ Церковью. А тамъ сказано, что тѣснымъ путемъ не многіе, — малое стадо входитъ. Нѣтъ! мы хотимъ и не признавать вывода и быть малымъ стадомъ.

Тѣсный путь. Притча о постройкѣ дома.

Εἰσελθετε διὰ τῆς στενῆς πόλης· ὅτι πλατεία ἡ πόλις, καὶ εὐρύχωρος ἡ ὁδὸς ἡ ἀπάγουσα εἰς τὴν ἀπόλειαν, καὶ πολλοὶ εἰσὶν οἱ εἰσερχόμενοι δι' αὐτῆς.

Ὅτι στενὴ ἡ πόλις καὶ τεθλιμμένη ἡ ἀπάγουσα εἰς τὴν ζωὴν, καὶ ὀλίγοι εἰσὶν οἱ εὕροντες αὐτήν.

Μὴ φοβοῦ, τὸ μικρὸν ποίμνιον· ὅτι εὐδόκησεν ὁ πατὴρ ὑμῶν δοῦναι ὑμῖν τὴν βασιλείαν.

Πολλοὶ ἐροῦσιν μοι ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ. Κύριε, Κύριε, οὐ τῷ σὺ ὀνόματι προεφητεύσαμεν, καὶ τῷ σὺ ὀνόματι δαυμάτια ἐξεβάλομεν, καὶ τῷ σὺ ὀνόματι δυνάμεις πολλὰς ἐποιήσαμεν;

Καὶ τότε ὁμολογήσω αὐτοῖς, ὅτι οὐδέποτε ἔγνων ὑμᾶς· ἀποχωρεῖτε ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἔργαζόμενοι τὴν ἀνθρώπιαν.

Πᾶς οὖν ὅστις ἀκούει μου τοὺς λόγους τούτους, καὶ ποιεῖ αὐτοὺς, ὁμαλώσω αὐτὸν ἀνδρὶ φρονίμῳ ὅστις ὠκοδόμησε τὴν οἰκίαν αὐτοῦ ἐπὶ τὴν πέτραν.

Καὶ κατέρη ἡ βροχὴ, καὶ ἦλθον οἱ ποταμοὶ καὶ ἔπνευσαν οἱ ἄνεμοι, καὶ προσέπεσον τῇ οἰκίᾳ ἐκείνῃ, καὶ οὐκ ἔπεσε· τεθεμελίωτο γὰρ ἐπὶ τὴν πέτραν.

Καὶ πᾶς ὁ ἀκούων μου τοὺς λόγους τούτους, καὶ μὴ ποιῶν αὐτοὺς, ὁμοιωθήσεται ἀνδρὶ μωρῷ, ὅστις ὠκοδόμησε τὴν οἰκίαν αὐτοῦ ἐπὶ τὴν ἄμμου.

Καὶ κατέρη ἡ βροχὴ, καὶ ἦλθον οἱ ποταμοὶ, καὶ ἔπνευσαν οἱ ἄνεμοι, καὶ προσέπεσαν τῇ οἰκίᾳ ἐκείνῃ· καὶ ἔπεσε, καὶ ἦν ἡ πτώσις αὐτῆς μεγάλη.

Καὶ ἐγένετο ὅτε συνετέλεσεν ὁ Ἰησοῦς τοὺς λόγους τούτους, ἐπαπλήρουντο οἱ ὄχλοι ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ.

Ἦν γὰρ διδάσκων αὐτοὺς ὡς ἐξουσίαν ἔχων, καὶ οὐχ ὡς οἱ γραμματεῖς.

Мѡ. VII, 13. (Лк. XIII, 24).

Входите тѣсными вратами; потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими;

Мѡ. VII, 14. потому что тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ.

Лк. XII, 32. Не бойся, малое стадо! ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ Царство.

Мѡ. VII, 22. Многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день: Господи! Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ ли именемъ многіе чудеса творили?

23. И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе.

Входите узкимъ (тѣснымъ) входомъ, потому что входъ ровный и дорога широкая ведутъ въ погибель, и многіе входятъ.

И узкій входъ и тѣсная дорога ведутъ въ жизнь, и не многіе находятъ его.

Не бойся малое стадо, потому что Отецъ пожелалъ научить насъ¹⁾ своей волѣ.

Многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день: Господи, Господи, развѣ мы не учили, не для тебя зло изгоняли и не для тебя учредили власть²⁾?

И тогда скажу имъ: никогда не зналъ васъ; отойдите отъ меня вы, дѣлавшіе беззаконіе.

Мѡ. VП, 24. (Лк. VI, 47). И такъ всякаго, кто слушаетъ слова Мои сѣи и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ.

Мѡ. VП, 25. (Лк. VI, 48). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ.

Мѡ. VП, 26. (Лк. VI, 49). А всякій, кто слушаетъ сѣи слова Мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ.

Мѡ. VП, 27. (Лк. VI, 50). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое.

Мѡ. VП, 28. И когда Иисусъ окончилъ слова сѣи, народъ дивился ученію Его:

29. ибо Онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи.

Такъ вотъ каждый, кто слышитъ слова эти и исполняетъ ихъ, тотъ, какъ умный человѣкъ, строитъ домъ на камнѣ.

И прошелъ дождь, и полились ручьи, и подули вѣтры и наперли на домъ тотъ, и домъ не упалъ, потому что основанъ на камнѣ.

И всякій, кто понимаетъ мои слова эти и не дѣлаетъ того, что я говорю, тотъ, какъ глупый человѣкъ, строитъ домъ на пескѣ.

И пошелъ дождь, и полились ручьи, и подулъ вѣтеръ и ударилъ въ домъ, и завалился домъ, и все загремѣло.

И случилось, что, когда окончилъ Иисусъ рѣчи эти, восхитился народъ его ученіемъ.

Потому что онъ училъ ихъ, какъ свободныхъ, а не какъ книжники.

Примѣчаніе.

- 1) Во многихъ спискахъ стоитъ ἰσχυς (насъ).
- 2) δύναις значитъ власть. И если искусственно не придавать этому мѣсту мистическаго смысла, т. е. уничтожить его смыслъ, то все это значитъ только то, что люди, утверждающіе законы гражданскіе и церковные, скажутъ: «мы все это и власти правительственной устроили для блага во славу Божию», — то самое, что они и говорятъ.

Избраніе двѣнадцати апостоловъ.

Ἐγένετο δὲ ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις ἐξῆλθεν εἰς τὸ ὄρος προσεύξασθαι καὶ ἦν διανοήσας ἐν τῇ προσευχῇ τοῦ θεοῦ.
 Καὶ ὅτε ἐγένετο ἡμέρα, προσεφώνησε τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ καὶ ἐκλεξάμενος ἀπ' αὐτῶν ὁδβεκα, οὓς καὶ ἀποστόλους ὠνόμασε.
 Σίμωνα, ὃν καὶ ὠνόμασε Πέτρον, καὶ Ἀνδρέαν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ, Ἰάκωβον καὶ Ἰωάννην, Φίλιππον καὶ Βαρθολομαῖον.
 Ματθαῖον καὶ Θωμᾶν, Ἰσκαρίωτον τὸν τοῦ Ἀλφαίου καὶ Σίμωνα τὸν καλούμενον Ζηλωτὴν.
 Ἰούδαν Ἰακώβου, καὶ Ἰούδαν Ἰσκαριώτην, ὃς καὶ ἐγένετο προδότης.

Καὶ καταβὰς μετ' αὐτῶν, ἔσθη ἐπὶ τόπου πεδινοῦ καὶ ὄχλος μαθητῶν αὐτοῦ καὶ πλῆθος ποσὸ τοῦ λαοῦ ἀπὸ πάσης τῆς Ἰουδαίας καὶ Ἱερουσαλὴμ, καὶ τῆς παραλίου Τύρου καὶ Σιδῶνος.

Ὁ δὲ ἦλθεν ἑθροῦσαι αὐτοῦ.

Лк. VI, 12. Въ тѣ дни возшелъ Онъ на гору помолиться, и пробылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу.

13. Когда же насталъ день, призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ изъ нихъ двѣнадцать, которыхъ и наименовалъ Апостолами:

14. Симона, котораго и называлъ Петромъ, и Андрея, брата его, Іакова и Іоанна, Филиппа и Вареоламея.

15. Маттея и Θому, Іакова Алфеева и Симона, прозываемаго Зилотомъ.

16. Іуду Іаковлева и Іуду Искариота, который потомъ сдѣлался предателемъ.

17. И сошедъ съ ними, сталъ онъ на ровномъ мѣстѣ, и множество учениковъ Его, и много народа изъ всей Іудеи и Іерусалима, и приморскихъ мѣстъ Тирскихъ и сидонскихъ,

18. которые пришли послушать его.

Въ то время ушелъ Иисусъ въ горы молиться и всю ночь молился Богу.

И когда ободняло, позвалъ учениковъ и выбралъ изъ нихъ двѣнадцать и назвалъ ихъ посланцами.

Симона, того, что прозвалъ камнемъ, и Андрея его брата, и Іакова, и Іоанна, Филиппа и Вареоламея.

Маттея и Θому, Іакова Алфеева, и Симона по прозвищу Зилота.

Іуду Іаковлева и Іуду Искариота, того что сдѣлался предателемъ.

И сошедъ съ ними и остановился въ раздолѣ, и ученики его и много народа со всей Іудеи и изъ Іерусалима и съ береговъ Тира и Сидона.

Всѣ пришли слушать его.

Законъ.

Общее изложенеіе главы четвертой.

Іоаннъ объявилъ пришествіе Бога въ міръ. Онъ сказалъ, что людямъ надо очиститься духомъ для того, чтобы познать царство Бога.

Иисусъ, не зная плотскаго отпа и признавая отцомъ своимъ Бога, услыхалъ проповѣдь Іоанна и спросилъ себя, что такое этотъ Богъ, какъ Онъ пришелъ въ міръ и гдѣ Онъ?

И, удалившись въ пустыню, Иисусъ позналъ, что жизнь человѣка въ духѣ, и, увѣрившись въ этомъ, что человѣкъ живетъ всегда Богомъ, что Богъ всегда въ людяхъ, и что царство Бога всегда было и есть, и людямъ нужно только признать его, — познавъ это, Иисусъ вышелъ изъ пустыни и сталъ проповѣдывать людямъ то, что Богъ всегда былъ и есть въ мірѣ, и что для того, чтобы познать Его, нужно очиститься или возродиться духомъ.

Онъ объявилъ, что Богу не нужны молитвы, жертвы и храмы.

а нужно служеніе въ духѣ, дѣланіе добра; объявилъ, что царство Бога надо понимать не такъ, что въ какое-нибудь время и въ какое-нибудь мѣсто придетъ Богъ, а такъ что во всемъ мірѣ и всегда, всѣ люди, очистившись духомъ, могутъ жить во власти Божіей. Онъ объявилъ, что царство Бога не приходитъ видимымъ образомъ, но что оно находится внутри людей. Чтобы быть участникомъ царства, надо очиститься духомъ, т. е. возвысить въ человѣкѣ духъ, и ему служить. Тотъ, кто возвыситъ духъ, тотъ вступаетъ въ царство Бога и получаетъ жизнь невременную. Возможность возвысить духъ и сдѣлаться участникомъ царства Бога имѣетъ въ себѣ каждый человѣкъ, и съ того времени, какъ Іоаннъ объявилъ царство Бога, еврейскій законъ сталъ не нуженъ. Всякій, понявшій царство Бога, своимъ собственнымъ усиліемъ, возвысивъ въ себѣ духъ и работая Богу, всушаетъ во власть Бога.

Для того, чтобы работать Богу и жить въ Царствѣ Его, т. е. покоряться Ему и исполнять Его волю, нужно знать законъ этого царства. И вотъ Іисусъ объявляетъ, въ чемъ должно состоять возвышеніе духа и работа Богу, въ чемъ состоитъ законъ царства Бога.

Іисусъ всю ночь молится и, отобравъ двѣнадцать человѣкъ, исполнѣвъ понявшихъ его, съ ними выходитъ къ народу, и говоритъ то, въ чемъ состоитъ возвышеніе духомъ и служеніе Богу, въ чемъ законъ царства Бога.

Законъ власти Бога состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы человѣкъ весь предавался власти Бога, и вотъ, оглянувъ народъ, Іисусъ, указывая на учениковъ, сказалъ:

«Счастливы вы, бродяги: вы во власти Божіей. Вы счастливы: пускай вы голодны теперь, вы поголодаете, но вы насытитесь. Вы счастливы: пускай вы, если и погорюете и поплачете,—потомъ вы утѣшитесь. Вы счастливы: пускай васъ и ни во что считаютъ люди, и гоняютъ васъ отовсюду. Радуйтесь этому, потому что такъ гоняли людей, всѣхъ тѣхъ, которые возвѣщали волю Божію.

«Но несчастны вы, богатые, потому что вы получили уже все, что желали, и больше ничего не получите. Если вы сыты теперь, то будете и голодны. Если вы веселы теперь, то будете и печальны. Несчастны вы, если васъ всѣ хвалятъ, потому что всѣ хвалятъ только лгуновъ.

«Счастливы вы, бродяги, вы во власти Божіей, но вы счастливы только тогда, когда не по виду только бродяги, но когда вы бродяги по душѣ; какъ соль хороша только тогда, когда не по виду только похожа на соль, но когда солонина сама по себѣ. Такъ и вы соль міра, учителя міра, если вы знаете, что истинное счастье въ томъ, чтобы быть бродягой. Если же вы бродяги только по виду, то вы, какъ соль несолевая, никуда уже не годитесь. Если вы понимаете это, то и показывайте своими дѣлами, что вы хотите быть бродягами, а не будете, какъ другіе.

«Если вы свѣтъ для людей, то и показывайте свой свѣтъ, а не скрываете его, такъ чтобы люди на дѣлѣ видѣли, что вы знаете истину, и, глядя на ваши дѣла, понимали бы, что вы сыны Отца вашего, Бога.

«И не думайте, что быть бродягой значить быть беззаконникомъ. Я учу не тому, чтобы развязать ваши руки отъ закона Божія; напротивъ, тому, чтобы исполнять законъ Божій. Пока есть люди подъ небомъ, то и законъ о томъ, что должно и что не должно быть,—есть для людей. Закона только тогда не будетъ, когда люди сами собой все будутъ исполнять по закону. И вотъ я вамъ даю правила для исполненія закона.

«И если кто не исполнитъ хоть одно изъ нихъ и научитъ тому, что можно его не исполнять, то дальше всѣхъ будетъ отъ Бога, а кто исполнитъ всѣ и такъ научитъ, тотъ ближе всѣхъ къ Богу. Потому что если въ вашей вѣрности исполненія закона не будетъ больше вѣрности исполненія закона фарисеевъ и книжниковъ, то и не соединитесь съ Богомъ.

«И вотъ эти правила:

«1-ое правило: Справедливость книжниковъ и фарисеевъ состоитъ въ томъ, что если человѣкъ убьетъ другого, то его надо судить и приговорить къ наказанію.

«А мое правило то, что разозлиться на своего брата такъ же дурно, какъ убить. Я запрещаю злость на брата подъ тѣмъ же страхомъ, подъ которымъ фарисеи и книжники запрещаютъ убійство. А бранить брата еще хуже, и еще большимъ страхомъ я запрещаю это; а оскорбить брата еще того хуже, и я еще строже запрещаю это.

«И я запрещаю это потому, что вотъ вы считаете, что нужно для Бога ходить въ храмъ, носить жертвы. Вѣдь вы ходите носить жертвы,—такъ знайте, что какъ вы считаете важнымъ жертвы, такъ еще болѣе важенъ миръ, согласіе и любовь между вами для Бога: и что нельзя вамъ ни молиться, ни думать о Богѣ, если есть у васъ хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ вы не въ любви.

«Такъ вотъ 1-ое правило: Не сердитесь, не бранитесь, а поборитесь—миритесь. И прощайте все, въ чемъ виноваты передъ вами люди.

«2-ое правило вотъ какое: Фарисеи и книжники говорятъ: «если сблудишь, то убить тебя и женщину вмѣстѣ; а если хочешь блудить, то дай своей женѣ отпускную».

«А я говорю, что если ты оставишь свою жену, то кромѣ того, что ты распутникъ, ты еще и ее вгоняешь въ распутство и того, кто съ нею свяжется. Если ты живешь съ женой и задумаешь влюбиться въ другую женщину, ты ужъ прелюбодѣи и стоишь всего того, что по закону дѣлаютъ съ прелюбодѣемъ. И я подъ тѣмъ же страхомъ, какъ фарисеи и книжники запрещаютъ блудить съ чужой женой,—запрещаю влюбляться въ женщину. И я запрещаю это потому, что всякое распутство губитъ душу; такъ что лучше тебѣ отказаться отъ плотской утѣхи, чѣмъ погубить свою жизнь.

«И вотъ 2-ое правило: Удовлетворяй похоть только съ своей женой и не думай, чтобы любовь къ женщинѣ была хорошее дѣло.

«3-е правило вотъ какое: Фарисеи и книжники говорятъ: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не

оставить безъ наказанія того, кто произноситъ имя Его напрасно, т. е. не призывай Бога твоего во лжи». И еще: «Не клянись именемъ Моимъ во лжи и не безчести имени Бога твоего. Я Господь (Богъ вашъ), т. е. не клянись Мною въ неправдѣ такъ, чтобы осквернить Бога вашего».

«А я говорю, что всякая клятва есть оскверненіе Бога, и потому *вовсе не клянись*. Тебѣ нельзя обѣщать ничего, потому что ты весь во власти Бога. Ты волоса одного не можешь изъ сѣдого сдѣлать чернымъ; какъ же ты впередъ поклянешься, что ты то-то и то-то сдѣлаешь, и поклянешься Богомъ. Всякая клятва твоя есть оскверненіе Бога, потому что если тебѣ придется исполнять клятву, противную волѣ Божіей, то выйдетъ то, что ты обѣщался поступать противъ Его воли,—и потому всякая клятва есть зло. Кромѣ того, клятва есть глупость и безсмыслица.

«Такъ вотъ 3-е правило: Никогда никому ни въ чемъ не присягай. Говори да, когда да; нѣтъ, когда нѣтъ; и знай, что если отъ тебя требуютъ клятву, то это для зла.

«4-е правило вотъ какое: Вы слышали, что сказано въ старину: «око за око и зубъ за зубъ». Фарисеи и книжники учатъ васъ дѣлать все то, что написано въ старыхъ книгахъ, какъ надо наказывать за разные преступленія. Тамъ сказано, что кто погубить душу, долженъ отдать душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, вола за вола, раба за раба и т. д.

«А я вамъ говорю: зломъ не борись со зломъ, и вы не только не требуйте вола за вола, раба за раба, душу за душу, а не противьтесь злу. Если кто хочетъ судомъ засудить у тебя вола, отдай ему другого; кто хочетъ вынудить у тебя кафтанъ, отдай рубаху; кто выбьетъ тебѣ изъ одной скулы зубъ, подставь ему другую скулу. Заставятъ тебя сработать на себя одну работу,—сработай двѣ. Берутъ у тебя имѣнье,—отдавай. Не отдаютъ тебѣ денегъ,—не проси. И потому: не судите и не судитесь, не наказывайте, и васъ не будутъ судить и наказывать. Спускайте всѣмъ и вамъ спустятъ, потому что если вы будете судить людей, они васъ будутъ судить. И, кромѣ того, вамъ нельзя судить потому, что мы, всѣ люди, слѣпы и не видимъ правды. Какъ же я засоренными глазами буду разглядывать соринку въ глазу брата? Прежде самому надо глаза прочистить, а у кого изъ насъ глаза чисты? Если мы судимъ, то ужъ мы сами слѣпы. Если мы будемъ судить другихъ и наказывать, то мы, какъ слѣпые, водимъ слѣпыхъ».

И, кромѣ того, Иисусъ говоритъ: «Чѣмъ же мы учимъ? Мы наказываемъ насиліемъ, ранами, увѣчемъ, смертью, т. е. злобой,—тѣмъ самымъ, что запрещено намъ по заповѣди: *не убій*, мы учимъ другихъ. И что же выходитъ? Мы хотимъ учить людей, а мы развращаемъ ихъ. Ну что же можетъ быть иного, какъ то, что ученикъ выучится и вполнѣ станетъ, какъ учитель. Что же онъ будетъ дѣлать, когда выучится? То самое, что дѣлаетъ учитель: насилія, убійства.

«И не думайте въ судахъ найти справедливость. Любовь къ

справедливости отдавать на суды человѣческіе все равно, что драгоценный жемчугъ бросать свиньямъ: онѣ затопчутъ его и разорвутъ.

«И вотъ потому вотъ 4-е правило: Какъ бы тебя ни обижали,—зломъ не туши зла, не суди и не судись, и не наказывай, и не жалуйся.

«5-ое правило вотъ какое: Фарисеи и книжники говорятъ: «Не враждуй на брата твоего въ сердцѣ твоёмъ; обличи ближняго твоего и не понесешь за него грѣха. Побей всѣхъ мужчинъ и заведи всѣхъ женъ и скотъ у враговъ, т. е. почитай земляковъ, а чужихъ считай ни во что».

«А я говорю вамъ: ублажай не однихъ земляковъ, но и чужихъ. Пускай чужіе ни во что считаютъ васъ, пускай нападаютъ, обижаютъ,—почитай ихъ и угождай имъ. Только тогда вы будете настоящіе сыны Отца вашего. Для него всѣ равны. Если вы только къ землякамъ хороши, то этакъ и всѣ хороши къ землякамъ, и отъ этого-то и бывають войны. А вы ко всѣмъ народамъ будьте равны, и вы будете сынами Бога. Всѣ люди его дѣти, стало быть всѣ вамъ братья.

«И потому вотъ 5-ое правило: Къ чужимъ народамъ соблюдайте то же, что я сказалъ вамъ соблюдать между собою. Вражескихъ народовъ нѣтъ, разныхъ царствъ и царей нѣтъ,—всѣ братья, всѣ сыны одного Отца. Не дѣлайте различія между людьми по народамъ и царствамъ.

«Такъ вотъ: 1) Не сердитесь. 2) Не забавляйтесь похотью блудной. 3) Не клянись никому ни въ чемъ. 4) Не судите и не судитесь. и 5) Не дѣлайте различія между разными народами: не знайте царей и царствъ.

«И вотъ вамъ еще поученіе, въ которомъ заключаются всѣ эти правила: *Все то, что желаете, чтобы дѣлали для васъ люди, то дѣлайте имъ*. Когда вы будете исполнять это, ясно, что жизнь ваша перемѣнится. Имущество у васъ уже не будетъ, и ихъ не нужно. Не устраивайте свою жизнь на землѣ, а стройте свою жизнь въ Богѣ. Жизнь на землѣ погибнетъ, а жизнь въ Богѣ не погибнетъ. И не думайте о земной жизни, потому что если вы о ней будете думать, вамъ нельзя уже думать о жизни въ Богѣ. Гдѣ душа, тамъ и сердце.

«И если свѣта въ глазахъ нѣтъ, то и весь во тьмѣ. Такъ вотъ, если ты желаешь и ищешь тьмы, то и зайдешь во тьму. Нельзя однимъ глазомъ на небо, а другимъ на землю глядѣть; нельзя сердце свое класть въ земную жизнь и думать о Богѣ. Либо земной жизни будешь работать, либо Богу. И потому: берегитесь отъ всякой корысти. Жизнь у человѣка не отъ того, что у него есть, а отъ Бога. Такъ что, если человѣкъ и весь міръ заберетъ себѣ, душѣ его нѣтъ пользы отъ этого. И глупо изъ васъ сдѣлаетъ тотъ, кто жизнь свою погубитъ за тѣмъ, чтобы забрать побольше имущества.

«Поэтому не хлопочите о томъ, что будете ѣсть и пить и чѣмъ будете одѣваться. Вѣдь жизнь мудренѣе пищи и одежды, а Богъ далъ вамъ ее.

«Посмотрите на тварь Божию, на птицъ. Онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ, а Богъ питаетъ ихъ. Что же, передъ Богомъ человѣкъ не хуже птицы. Если Богъ далъ жизнь человѣку, то сумѣетъ и пропитать его. А вѣдь вы сами знаете, что какъ вы ни хлопчите, вѣдь ничего не можете для себя сдѣлать. Не можете ни на часокъ увеличить своего вѣка. (Думка за горами, а смерть за плечами).

«И объ одеждѣ не хлопочи. Цвѣты полевые не работаютъ, не прядутъ, а разукрашены такъ, что и Соломонъ никогда такъ не разукрашалъ себя. Что же, если Богъ траву, ту, что нынче растетъ, а завтра скосятъ, такъ разукрасилъ, что же, Онъ васъ не одѣнетъ?

«Не заботьтесь и не хлопчите, не говорите, что надо подумать о томъ, что будетъ ѣсть и чѣмъ одѣнемся. Это всѣмъ людямъ нужно, и Богъ знаетъ эту нужду вашу.

«Такъ и не заботьтесь о томъ, что будетъ, — о будущемъ не заботьтесь. Живите настоящимъ днемъ. Заботьтесь о томъ, чтобы быть въ волѣ Божіей. Желайте того, что одно важно, а остальное вамъ само придетъ. Старайтесь быть только въ волѣ Божіей, и вы будете въ ней. Кто стучитъ, тому отворятъ. Кто проситъ, тому даютъ. Если будете просить настоящаго, того что нужно, вамъ то и дастся, что нужно.

«Развѣ есть такой отецъ, чтобы онъ сыну далъ камень вмѣсто хлѣба, или змѣю вмѣсто рыбы. Такъ какъ же отецъ вашъ не дастъ вамъ того, что вамъ истинно нужно, если вы просите у Него? А истинно нужна вамъ жизнь духа, только ее и просите у Него.

«Молиться не значитъ дѣлать то, что дѣлаютъ притворщики въ церквахъ или на виду у людей. Они дѣлаютъ это для людей, и отъ людей и получаютъ за это похвалу, но не отъ Бога. А ты, если желаешь войти въ волю Отца, зайди туда, чтобы тебя не видѣлъ никто и молись къ Отцу твоему духу, и Отецъ увидитъ то, что въ твоей душѣ, и дастъ тебѣ истиннаго духа. И не болтай лишняго языкомъ, какъ притворщики: Отецъ твой знаетъ, что тебѣ нужно прежде, чѣмъ ты ротъ разинешь.

«Такъ вотъ, какъ надо молиться: Отецъ нашъ! Дай мнѣ то, чтобы я былъ въ Твоемъ царствѣ, т. е. чтобы твоя воля была во мнѣ. Дай мнѣ питаніе такое, какое нужно. И не взыщи мои ошибки, какъ и я ни съ кого не взыскиваю.

«Если просите духа у Отца, то не взыскивайте ни съ кого, и Отецъ не взыщетъ на васъ ваши ошибки. А если не прощаете людямъ, то и Богъ не проститъ вамъ.

«Не дѣлайте ничего для похвалы людей. Если для людей дѣлаете, то отъ людей вамъ и награда.

«Такъ что если ты жалостливъ къ людямъ, такъ не труби объ этомъ передъ людьми; такъ дѣлаютъ притворщики, чтобы ихъ хвалили люди. Они и получаютъ что желаютъ. А ты, если жалостливъ къ людямъ, то дѣлай добро такъ, чтобы никто не видалъ. И Отецъ твой увидитъ это и дастъ тебѣ то, что тебѣ нужно.

«И если нужду терпишь для Бога, такъ не плачься, не жалобь

людей: такъ дѣлаютъ притворщики, чтобы люди видѣли и хвалили ихъ. И люди хвалятъ ихъ, и они получаютъ, что желаютъ. А ты не такъ дѣлай; ты если терпишь для Бога, такъ ходи съ веселымъ лицомъ, чтобы люди не видѣли, а Отецъ твой увидитъ и дастъ тебѣ то, что тебѣ нужно.

«Таковъ входъ въ царство Бога. Входъ въ волю Бога одинъ только, — онъ узкій и тѣсный. Входъ всегда одинъ, а кругомъ поле велико и широко, да пойдешь по немъ и придешь къ пропасти. Узкій ходъ одинъ ведетъ въ жизнь, а немногіе идутъ по немъ.

«Не робѣй, хоть мало стадо; вы войдете, потому что Отецъ научитъ васъ Своей волѣ».

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.